

Послѣши
дѣха твоего,
и созиждѣтся,
и обновѣши
лице земли. Псѣлмъ
104.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ.

1912.

Октябрь.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

Душеполезное Чтеніе
продолжается въ
1912 году на прежнихъ
основаніяхъ.

Не шѣлъ въ
единомъ
живѣ человекъ,
но въ всѣхъ,
но въ глаголь,
исхощащѣмъ
изобѣтъ
бжнхъ Мссѣ.

Объ изданіи

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

въ 1913 году.

(пятьдесятъ четвертый годъ изданія).

Основанный 53 года тому назадъ въ Бозѣ почившимъ преосвященнѣйшимъ **Виссаріономъ**, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ (тогда еще московскимъ священникомъ **Василіемъ Петровичемъ Нечаевымъ**) въ соучастіи съ Высокопреосвященнымъ **Амвросіемъ**, Архіепископомъ Харьковскимъ (а тогда также еще московскимъ священникомъ **Алексѣемъ Іосифовичемъ Ключаревымъ**) журналъ „Душеполезное Чтеніе“ поставилъ своею задачею—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и понятнаго духовнаго чтенія“. Такъ опредѣлена была эта задача приснопамятнымъ святителемъ **Филаретомъ**, Митрополитомъ Московскимъ, въ его донесеніи свят. Синоду объ изданіи журнала.

Для достиженія этой цѣли въ составъ журнала съ самаго начала его существованія входили: 1) Труды, относящіеся къ изученію свящ. Писанія. 2) Статьи вѣручительнаго и правоучительнаго содержанія съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и уставомъ православной церкви. 3) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и др. авторитетныхъ памятниковъ. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно нравственной жизни. 5) Статьи, относящіеся къ православному богослуженію. 6) Общепонятное и духовно поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8)

Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ и 9) разныя извѣстія и замѣтки.

По кончинѣ Митрополита **Филарета** (1867 г.) къ этимъ отдѣламъ присоединился новый, посвященный имѣющимъ руководственное значеніе для пастырей и мірянъ резолюціямъ, мнѣніямъ, донесеніямъ и письмамъ этого богомудраго Святителя. Когда же на мѣсто преосвященнаго **Виссаріона**, возведеннаго въ санъ Епископа, послѣ тридцатилѣтняго редактированія основаннаго имъ журнала, редакторомъ послѣдняго сталъ вотъ уже одиннадцать лѣтъ тому назадъ скончавшійся протоіерей **Д. Ѡ. Касицынъ**, много лѣтъ предъ тѣмъ бывшій профессоръ Моск. Дух. Академіи по кафедрѣ исторіи западныхъ исповѣданій, въ „**Душеполезномъ Чтеніи**“ стали помѣщаться свѣдѣнія объ этихъ исповѣданіяхъ съ разборомъ ихъ ученія и обрядовъ, и особенное вниманіе обращено было на ознакомленіе читателей съ „письмами“ въ Бозѣ почившихъ въ эти годы оптинскаго „старца“ іеросхимонаха **о. Амвросія** и преосвященнаго **Феофана**, Вышинскаго затворника, при жизни своей напечатавшаго въ „Душеполезномъ Чтеніи“ почти всѣ свои толкованія посланій **Св. Ап. Павла**; въ „Душ. Чт.“ при томъ же редакторѣ печатались и „Уроки благодатной жизни по руководству **о. Іоанна Кронштадтскаго**“, тогда еще здравствовавшаго. Редакція вполне справедливо полагала, что „жизнь, письма и статьи“ этихъ свѣтильниковъ русской Церкви послѣдняго времени „представляютъ вполне авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи, чтеніе не праздное и тщетное, а отвѣчающее на самыя насущныя и жизненныя вопросы и на всевозможныя случаи“. Даже въ послѣдніе годы, годы такъ называемаго освободительнаго движенія, когда въ противодѣйствіе широко распространившемуся безцерковному, отрицательному пониманію и толкованію религіозно-нравственныхъ запросовъ духа, редакція должна была удѣлять не мало страницъ своего небольшого по объему изданія „литера-

гурному обзорѣннѣ современной печати“, журналъ „не слѣдовалъ рабски духу времени“ и, подвергая „критикѣ“—разбору и опроверженію эти отрицательные голоса съ православно-церковной точки зрѣннѣ,—оставался неизмѣнно вѣрнымъ своей основной задачѣ и вполне сохранилъ свой духовный обликъ, которымъ отличается онъ отъ многихъ другихъ духовныхъ журналовъ.

Смѣемъ думать, что въ этой именно неизмѣнной вѣрности журнала своей первоначальной задачѣ, въ строго-православной церковности его направленія и въ его общепонятности заключается причина того сочувствія къ нему читателей, благодаря которому журналъ, не будучи изданіемъ субсидируемымъ, существуетъ вотъ уже болѣе полвѣка, много разъ и отъ многихъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ получалъ одобрительные отзывы (Училищнымъ Совѣтомъ при свят. Синодѣ журналъ одобренъ для церковно-приходскихъ школъ) и, имѣя главными своими подписчиками духовенство и многихъ изъ свѣтскихъ образованныхъ русскихъ людей церковнаго направленія, хорошо извѣстенъ и за границей,—даже въ далекой отъ насъ Америкѣ, Китаѣ и Японіи.

Въ наступающемъ 1913-мъ году „Душеполезное Чтеніе“ съ Божіей помощью будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался онъ съ начала его существованія въ теченіе пятидесяти трехъ лѣтъ. Служить духовнымъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и потребностямъ времени, отзываясь на нихъ общедоступнымъ словомъ въ строго-православномъ духѣ и направленіи и въ характерѣ веденія дѣла слѣдуя завѣтамъ и руководственнымъ указаніямъ и примѣру основателей журнала и его старѣйшихъ редакторовъ—таковы задачи, которыя ставитъ себѣ редакция и въ будущемъ въ подборѣ статей, долженствующихъ входить въ указанный выше составъ журнала.

Мы счастливы, что къ именамъ Е. Теофана, батюшки Амвросія и о. Іоанна Кронштадтскаго можемъ присоеди-

вить и имена преп. **Серафима**, о. **Данила** (Оптинскаго) и др. чтимыхъ учителей, которыми надѣемся украсить страницы журнала въ будущемъ году.

Въ концѣ каждой книжки будетъ помѣщаться библиографія и указаніе вновь выходящихъ книгъ и статей религіозно-нравственнаго содержанія. Въ портфель редакціи есть рядъ статей, которыя, вполнѣ соотвѣтствуя указаннымъ задачѣ, характеру и направленію журнала, по своей обширности не могутъ вмѣщаться въ одной мѣсячной книжкѣ наряду съ другими статьями, а по неразрывной цѣлостности неудобны для печатанія ихъ по частямъ въ цѣломъ рядѣ книжекъ. Статьи эти будутъ даны **ВЪ ВИДѢ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ**.

Цѣна за годовое изданіе журнала со всеми его приложеніями **3 р. 50 к.** безъ пересылки, **4 р.** съ пересылкой. За границу — **5 рублей**.

Адресъ: *Москва*, редакція „**Душеполезное Чтеніе**“ при церквѣ Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ профессоръ Богословія въ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая, Протоіерей *Іоаннъ Соловьевъ*.

Издательница *Ольга Гасицына*.

Изъ писемъ Оптинскаго старца о. іеросхимонаха Амвросія ¹⁾).

Юное чадо Александръ!

Письмо твое отъ 27 апрѣля съ рублемъ получилъ. По вѣрѣ твоей да поможетъ тебѣ Господь въ успѣхахъ твоихъ и благополучно сдать экзамены.

Пріѣхать къ намъ можешь, когда удобно твоимъ родителямъ будетъ.

Миръ тебѣ и роднымъ твоимъ и Божіе благословеніе на всѣхъ васъ.

Многогр. І. Амвросій.

10 мая 1889 г.

М. С. О. н. Г. І. Х. Б. н. п. н.

Почтенный о Господѣ отрокъ Александръ!

Письмо твое мною получено. Пишешь, что ты страшишься за свой успѣхъ. Страшиться нѣтъ пользы и выгоды, а мо-

¹⁾ Отрокъ Александръ, которому писаны были богоноснымъ старцемъ помѣщаемыя нами два письма его, въ настоящее время состоитъ уже въ санѣ діакона, а во время написанія къ нему этихъ писемъ, обучался въ *духовной* школѣ, хотя родители его и не духовнаго званія. Не заключая въ себѣ какого либо особеннаго содержанія, письма эти многоцѣнны для характеристики незабвеннаго старца, который, при всей своей многоболѣзненности и девятипопщной занятости, съ такою же любовію и вниманіемъ относился къ дѣтскимъ духовнымъ нуждамъ и просьбамъ и на дѣтскія письма отвѣчалъ съ такою же аккуратностію, какъ и на письма взрослыхъ. Такъ, по примѣру Господа, онъ и *льна журицагося не угашалъ...* и не этой ли любовію онъ и воспламенялъ во всѣхъ обращающихся къ нему огонь вѣры и любви?.. *Ред.*

литься о всемъ Богу и объ успѣхѣхъ есть польза, выгода и отрада. Молись, да просвѣтитъ Господь разумъ твой къ познанію Его святой воли и къ понятію полезнаго ученія. Молись прилежно Казанской Матери Божіей и св. безсребренникамъ Космѣ и Даміану и, когда улужишь свободное время, отслужи и молебень Божіей Матери и означеннымъ святымъ. Береги себя чистымъ и въ помыслахъ. Чаще молись: отъ молитвы память свѣтлѣеть. Сестрѣ твоей совѣтую отъ семи лѣтъ и за всю жизнь подробно поисповѣдаться предъ духовникомъ и причаститься св. Тайнъ, особороваться св. Елеемъ и стараться жить въ страхъ Божию. Васса ²⁾ пусть молится Казанской Божіей Матери и св. Великомученику Пантелеимону и молебень отслужить, и пусть возьметъ масла отъ чудотворной иконы и мажетъ имъ глаза. Въ лавкѣ ли сидѣтъ или нѣтъ, пусть сама разсудитъ, какъ найдетъ удобнымъ.

Лепта приложенная употреблена на церковь:

Испрашивая на тебя миръ и благословеніе Божіе остаюсъ съ искреннимъ благожеланіемъ

Многогр. І. Амвросій.

11 мая 1890 г.

²⁾ Бабушка отрока Александра.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инокъ).

Въ юныхъ лѣтахъ полагается воспитаніемъ начало или доброты, или злобы человѣка. „Грозный“ началъ терзаніемъ птичекъ, а кончилъ безпощаднымъ избіеніемъ множества достойнѣйшихъ гражданъ, вплоть до любимаго своего сына.

* * *

Господь умудряетъ слѣпцы, открываетъ младенцамъ то, что утаевается отъ премудрыхъ и разумныхъ. Таковы многіе изъ нашихъ юродивыхъ, непереводающихся доселѣ: „дурачки“ на видъ, они изрекаютъ и творятъ иногда поразительныя вещи, напоминающія образъ дѣйствій и силу рѣчи, и глубину премудрости древнихъ пророковъ и посланниковъ Божіихъ.

* * *

Когда званые на вечерю брачную не оказались достойными, Царь послалъ истребить ихъ. Внемли сему, всякій званый, и помни, что отказомъ отъ вечера Божіей ты не только лишаешься ея, но и получаешь опасность потерпѣть совершенное истребленіе.

* * *

Званые не только отказываются, но еще и *избиваютъ* посланныхъ. Таково безуміе званыхъ и недостойнство. Къ равнодушію и упорству присоединяютъ насиліе, вѣроломство и жестокость, показывая крайнюю степень своего недостойнства и праведность суда Божія надъ ними.

* * *

*

Не во всякой скорби и страданіи можно только и сказать: *терпи!* Иногда надо, напротивъ, сказать: *борись* противъ страданія, изучи его причины и условія, прими всё мѣры для его устраненія, ослабленія, уничтоженія въ себѣ и ближнихъ своихъ.

„*Боже мой, не удалися отъ мене...*“ (Пс. 70, 12). Удаленіе Господа истинное горе и гибель наша. Представь себѣ, что ты идешь по какому-нибудь глухому, непроходимому, опасному, кишашему звѣрями и разбойниками мѣсту, идешь съ проводникомъ, съ которымъ ты достаточно сжился. Онъ сталъ тебѣ ближе друга. Съ нимъ тебѣ не страшно. Онъ знаетъ всѣ дороги, всю мѣстность, онъ не дастъ тебѣ заблудиться, не дастъ въ обиду встрѣчнымъ звѣрямъ и разбойникамъ. И вдругъ этотъ проводникъ совершенно оставитъ тебя—одного посреди незнакомой тебѣ и опасной мѣстности, какъ есть одного, и—безъ всего: безъ руководства, безъ указаній, безъ защиты, безъ поддержки. Чтò, какъ не гибель, не полное ужаса горе—ожидаетъ оставленнаго? Онъ—несомнѣнная добыча или звѣрей, или разбойниковъ. Такова именно и есть участь людей, оставленныхъ Богомъ. Звѣри—грѣхи и разбойники—бѣсы вполнѣ и легко овладѣваютъ человѣкомъ и готовятъ ему неминуемую гибель, вывалиютъ въ грѣхахъ, въ этой своей смрадной слюнкѣ, и проглотятъ въ свою адскую утробу, чтобы тамъ варить вѣчно огнемъ неугасающимъ.

Книжная мудрость и мудрость отъ Бога. Есть мудрость безъ книгъ, безъ наученія людского, обычнаго. „*Какъ сей книги вѣсть, не учився?*“ Такою мудростію Господь вѣрѣдко надѣляетъ избранниковъ Своихъ изъ совершенно простыхъ людей, которые, не зная книгъ, обнаруживаютъ самое глубокое, истинное пониманіе жизни и являются учителями мудрости и полезнѣйшими совѣтниками другихъ, утѣшителями и помощниками въ ихъ скорбяхъ и

напастяхъ. Непосредственнымъ воздѣйствіемъ Своимъ Господь возжигаетъ искру ихъ богоподобія въ цѣлое пламя богопознанія и уразумѣнія сокровенныхъ тайнъ жизни міра и человѣка, замѣняя во всемъ этомъ всякія книги и науки, ибо Онъ есть источникъ высшей мудрости и единственная сокровищница утѣшенія, вразумленія и помощи всѣмъ требующимъ.

Господь cadaго изъ насъ ставитъ въ положеніе судей надъ Собою, и каждый можетъ подобно іудеямъ кричать о Немъ: распни! распни Его! лобызать подобно Іудѣ, отвергаться Его подобно Петру, дѣлать ризы Его и издѣваться надъ Нимъ подобно грубымъ солдатамъ римскимъ. Напрасно мы возмущаемся распинателями Христовыми. Мы и сами распинаемъ Его не менѣе жестоко, грубо и неблагодарно, чѣмъ они, и съ меньшею даже извинительностію.

*

„Народъ ужаснулся“, увидя Іисуса послѣ Его преображенія (Марк. 9, 15). Это было, очевидно, потому, что слава Божественная, осіявшая Господа въ преображеніи, сохраняла еще свои послѣдніе слѣды. Такъ величественна была эта слава, что и въ отдаленнѣйшихъ отблескахъ своихъ приводила въ ужасъ души человѣческія.

„Беззаконникъ, жрай Мительца, яко убиваяй пса...“ (Исаи, 66, 3). Грозныя слова для грѣшниковъ! Жертвы ихъ не только бесполезны, но и омерзительны для Господа, оскорбительны, ненавистны для Него. Если бы только мы могли видѣть это чувство Господа, принося Ему противныя, негодныя жертвы!

„Якоже аще мати кого утѣшаетъ, тако и Азъ утѣшу вы...“ (Исаи, 66, 18). Какія отрадныя слова! Что можетъ быть цѣлительнѣе, усладительнѣе, благотворнѣе ласки и утѣшенія матери? И Господь обѣщаетъ утѣшать такъ же въ-

рующихъ въ Него. Представьте себѣ мать, ласкающую горячо любимаго младенца. Она готова на все для своего любимца. Вотъ такъ точно Господь ласкаетъ Своихъ любимцевъ. Такъ точно они Ему дороги, милы и любезны Его нѣжному сердцу.

„Господи! Господи! милостивъ буди! Кто возставитъ Иакова, яко малъ есть?.. Раскайся о семъ, Господи...“ (Амос. 7, 2). Пожалѣй, Господи, что мы такъ умалены, унижены жизнію недостойною. Кто, кромѣ Тебя, возможетъ возставить насъ; возвратитъ насъ въ подобающее достоинство служителей Твоихъ? Пожалѣй и меня, Господи, самаго малаго, самаго послѣдняго изъ рабовъ Твоихъ, недостойнаго даже и именоваться *Твоимъ* рабомъ, ибо весь отдался въ работу не Твою, а *вражію*.

*

„Разсѣцъте рала ваша на мечи и серпы ваша на копія... Немоцный да глаголетъ, яко могу азъ... кроткій да будетъ храбръ...“ (Юил. 3, 10 и д.). А Іеремія даже прокликаетъ, говоря: *„проклятъ, кто удерживаетъ мечъ Его отъ крови“* (48, 10). Вотъ тебѣ и разъ. Что же значить сей призывъ къ погрому? И какъ это согласить съ Исаіей (2, 4), который ублажаетъ, напротивъ, времена, когда раскуютъ мечи на орала и копія на серпы и даже разучатся воевать. Очень просто это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ мы должны разслышать боевой кличъ на духовную борьбу съ врагами спасенія нашего. На эту борьбу и немоцный долженъ воспрянуть духомъ и самый кроткій человѣкъ воодушевиться храбростію.

*

„Отпусти ю, яко вопіетъ вслѣдъ насъ“... апостолы молятъ Господа о хананеянкѣ. Вотъ съ какихъ поръ они—наши молитвенники, ходатаи, заступники предъ Нимъ. Правда, Онъ поступилъ сначала какъ будто вопреки ихъ просьбѣ, не послушалъ ихъ, но это лишь потому, что надо было показать и всю глубину вѣры той, за которую

они просили и достоинства которой они даже и представить не могли.

*

„Якоже бысть умъ вашъ заблудити вамъ отъ Бога, тако нынѣ десятижды усугубите обратившеся взыскаити Его...“ (Вар. 4, 28). Достало у васъ ума, говорить пророкъ, и рѣшимости *отпасть* отъ Бога. Пусть же вдесятеро болѣе достанетъ ихъ и на то, чтобы *обратиться* къ Нему и получить вѣчное веселіе и спасеніе. А мы наоборотъ: едва ^{1,10} доли рѣшимости и ума вкладываемъ на добро, а вдесятеро отдаемъ злу и врагу. Все, не только *свое*, но даже и *Божіе*, отдаемъ діаволу, не возвращая Ему ничего, Ему принадлежащаго, не говоря уже о томъ, что и то, что Онъ сдѣлалъ нашимъ, мы расходуемъ все на діавольское угожденіе, а не на Божіе служеніе.

Дневная жизнь наша даетъ всевозможные случаи столкновенія чувствъ долга и любви къ Богу съ угожденіемъ людямъ. Изъ такихъ коллизій всегда надо выходить съ честію для *любви Божіей*. Это—высокая и угоднѣйшая жертва Богу и, можетъ быть, нарочитое вопрошеніе Его: „*любиши ли Мя?*...“ Поступки твои пусть будутъ Ему достойнымъ отвѣтомъ: „*ей, Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя...*“

⋆

Прощеніемъ грѣховъ отъ Господа заключается въ душѣ нашей съ Нимъ какой-то особенный, благодатный союзъ—утѣшеніе отъ сознанія, что Господь наше единственное и послѣднее, неизмѣнное прибѣжище въ нашихъ душевныхъ напастяхъ.

„*Воздадите Божіе Богови*“... *Божіе*—это вѣра во Христа, дань добрыхъ дѣлъ во имя Распятаго, подвиги, молитва, послушаніе волѣ Божіей, терпѣніе скорбей, напастей, угнетеній всякаго рода, жизнь по подобію Спасителя и Господа нашего, показавшаго намъ Своимъ примѣромъ все, въ чемъ мы должны послѣдовать стопамъ Его и по-

лучить уготованную Имъ почесть въ Царствѣ Его небесномъ.

*

Во время принесенія безкровной жертвы вспомяни всѣхъ, приносившихъ эту жертву ранѣ. Они и теперь заодно съ тобою—святители и угодники Божіи, возносившіе такими же устами тѣ же священныя моленія, прославленія, благодаренія. Они умерли, но устами своихъ преемниковъ до конца вселенной не перестаютъ принимать участіе въ этой всемірной величественной жертвѣ Богу за все человѣчество.

А. I.

Жизнь Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Душеспасительныя бесѣды.

БЕСѢДА ДЕВЯТАЯ.

Срѣтеніе Господне.

Радуйся, благодитная Богородице Дѣво, изъ Тебе бо возсія Солнце правды Христосъ Богъ нашъ, просвѣщаяй сущія во тмѣ: веселися и ты, старче праведный, пріемый во объятія Свободителя душъ нашихъ, дарующаго намъ воскресеніе. Такъ поетъ Св. Церковь, ублажая Пресвятую Богородицу, какъ главную виновницу духовнаго торжества. Обстоятельства воспоминаемаго событія таковы: Послѣ рожденія Спасителя Пречистая Матерь Его съ Іосифомъ Обрученникомъ остались въ Виѣлеемѣ до сорокового дня. День сей для каждой еврейской женщины, родившей младенца, имѣлъ важное значеніе. До сорокового дня она считалась нечистою. Посему ей закономъ было предписано: *всякой вещи святѣй да не прикоснется и въ святилище да не увидетъ, дождеже скончаются дніе очищенія ея* (Лев. XII, 4). Если женщина рождала только перваго младенца, то на нее возлагалась еще обязанность. Самъ Господь далъ такое повелѣніе: *освятити Ми всякаго первенца перворожденнаго* (Исх. XIII, 2), въ память избіенія первенцевъ египетскихъ предъ выходомъ евреевъ изъ Египта. Первенцы посвящались на

особенное служеніе Господу при святилищѣ. А когда учреждено было священство изъ колѣна Левіина, то первенцевъ должно было выкупать, внося за нихъ пять сиклей серебра (около 90 коп.). При посвященіи Господу первородныхъ младенцевъ закономъ не предписывалось никакихъ обрядовъ. Но за то отъ матери сей законъ требовалъ: *егда исполнятся дніе очищенія ся о сынѣ ея или дщери да принесетъ агнца непорочна единокѣтна во всесожженіе, и птенца голубина или горлицу грѣха ради... Аще же не обрящетъ рука ея довольнаго на агнца, т. е. по бѣдности она не можетъ принести агнца въ жертву, то да возметъ двѣ горлицы или два птенца голубина, единого на всесожженіе и другаго грѣха ради* (Лев. XII, 6—8).

Пресвятая Дѣва Марія не имѣла нужды въ очищеніи, ибо рожденіе ея было безъ сѣмени, и по рожденіи она осталась Дѣвою *нескверною, неблазною, нетлѣнною и пречистою*. Да и Господь Иисусъ Христосъ не имѣлъ также надобности быть обрѣзаннымъ и теперь, въ сороковой день, посвященнымъ Богу. Но Самъ Законодатель желалъ исполнить данный Имъ законъ. Онъ самъ благоволилъ сказать Своему Крестителю: *такъ бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*, т. е. все, что требуется закономъ (Мѡ. III, 15). И самое служеніе Спасителя роду человѣческому какъ бы понуждало Его подчиняться требованіямъ закона. Необрѣзанный и непосвященный Богу, первенецъ мнимаго отца Іосифа, Онъ не могъ быть въ обществѣ избраннаго народа Божія, не могъ входить въ храмъ и въ синагоги. А это затруднило бы Спасителю Его дѣло благовѣстія о Царствіи Небесномъ. Никто изъ евреевъ не призналъ бы Его за Мессію. И для Пресвятой Богородицы неисполненіе обрядовыхъ постановленій закона могло доставить много непріятностей. Евреи не стали бы считать ее истинною израильтянкою. Наконецъ, Спаситель вѣдь всю жизнь Своею далъ намъ образъ, *да послѣдуемъ стопамъ Его*, какъ извѣщаетъ св. апостоль Петръ (1 Петр. II, 21). Женщины православныя, рождающія дѣтей, поступаютъ у насъ по

примѣру Пресвятой Богородицы. Съ младенцами онѣ приходятъ въ храмъ на сороковой день по рожденіи.

О самыхъ обстоятельствахъ срътенія Спасителя во храмъ благовѣствуетъ Евангелистъ Лука. *Егда исполнишася дни очищенія ея, по закону Моисееву, вознесоста Его во Иерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ* (Лук. II, 22). Изъ Виелеема до Иерусалима путь недалекій. Но Іосифъ сопутствуетъ Дѣвѣ Маріи. Онѣ хранитель ея и знаетъ тайну рожденія Младенца. Іосифъ благоговѣетъ и въ радости зрѣтъ Того, о Комъ такъ много писали Пророки. Онѣ не подозрѣваетъ, что и въ Иерусалимѣ нѣкоторые избранники, истинные израильтяне, получили свыше откровенія о Божественномъ Младенцѣ, Матери Котораго онѣ сопутствуетъ. Іосифъ былъ человѣкъ небогатый. Посему онѣ и не вель за собою агнца въ жертву всесожженія. Но онѣ въ Иерусалимѣ у продающихъ приобрѣтеть двухъ голубей, что и законъ разрѣшалъ.

„Тогда былъ въ Иерусалимѣ человѣкъ, именемъ Симеонъ. Онѣ былъ мужъ праведный и благочестивый, чающій утѣшенія Израилева; и Духъ Святыи былъ на немъ“ (—25). Сей праведный мужъ ожидалъ утѣшенія Израиля. Утѣшеніемъ своимъ евреи называли Мессію. Еще Божіи пророкъ Исаія взывалъ: *утѣшайте, утѣшайте люди Моя, глаголетъ Богъ. Чѣмъ же утѣшать? Въстію о Мессіи. Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень, пазы сотворите стези Бога нашего. Всяка дебрь наполнится, и всяка гора и холмы смирятся: и будутъ вся стропотная въ право, и острая въ пути гладки. И явится слава Господня, и узритъ всяки плоть спасеніе Божіе, яко Господь глагола* (Исаія XI, 1—5). Пророкъ вѣщалъ о временахъ явленія Мессіи. Счастливыя, отрадныя времена! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали ихъ евреи! Правда, они уже успѣли исказить въ своемъ воображеніи образъ Мессіи, но все же явленіе Его было для нихъ предметомъ утѣхи и желанія. Да были и такіе избранники Божіи, которые, по внушенію свыше, имѣли чистый образъ Избавителя,

Господа, Отрады сокрушенных и смиренныхъ сердцемъ. Несомнѣнно и праведный Симеонъ много разъ, а быть можетъ и чаще, чѣмъ дышалъ, размышлялъ о временахъ Мессіи. И вотъ Самъ Господь утѣшилъ его. „Ему было предсказано Духомъ, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня“ (—26). И старость человѣческая имѣетъ и доставляетъ свои утѣшенія. Праведная жизнь съ юныхъ лѣтъ есть истинное счастье старцевъ. А Господь даровалъ еще особенную радость. Ему, по милости Божіей, предоставляется своими очами узрѣть Общаннаго Мессію; но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ, того старецъ не знаетъ. Если же Господь общалъ ему столь великое утѣшеніе, то, конечно, Самъ укажетъ и время, и мѣсто. Вотъ „пришелъ онъ по вдохновенію въ храмъ“ (—27). Значитъ, Господь повелѣлъ старцу итти въ опредѣленное время въ домъ Божій. Конечно, старецъ часто приходилъ сюда для молитвы. Никакого откровенія для сего онъ не получалъ. Но иное дѣло теперь, когда Господь посылаетъ праведнаго Симеона въ храмъ.

Въ это-то самое время и Пресвятая Дѣва Марія вошла въ тотъ притворъ дома Божія, который именовался женскимъ, и гдѣ принимались жертвы всеожженія отъ ищущихъ очищенія. „И когда родители принесли Младенца Іисуса, чтобы совершить надъ Нимъ законный обрядъ, онъ (Симеонъ) взялъ Его на руки“ (—27 и 28). Если праведный Симеонъ былъ священникомъ, то онъ взялъ Спасителя, чтобы представить Его Господу. Но Духъ Божій открылъ старцу, что не простой, не обыкновенный Младенецъ былъ въ рукахъ его. Вѣроятно, не мало дѣтей первенцевъ посвящалось Богу и въ сей самый день. И всѣ они, кромѣ одного Божественнаго Іисуса, не привлекли вниманія старца. Но кто же Сей Чудный Младенецъ? Можетъ ли человѣкъ сказать что-нибудь впередъ о малюткѣ? Симеонъ же сказалъ и, конечно, не по своему разумѣнію, а по внушенію Духа Святаго. Старецъ ощутилъ въ себѣ необычайное состояніе духа. Ему откры-

дась величайшая тайна спасенія рода человѣческаго Симъ Младенцемъ. Какъ человѣкъ праведный, Симеонъ благодарить Господа за неизреченную милость и произноситъ: *книжъ отпушаещи раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ: яко видѣсть очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей: свѣтъ во откровеніе языкомъ и славу людей Твоихъ Израиля* (—29—31). Господь, Владыка всего сущаго, общалъ старцу Симеону положить предѣлъ жизни его тогда, когда онъ своими глазами узреть Мессію и руками осязаетъ Его. Старецъ всему міру повѣдалъ, что Христось имѣетъ дѣйствительное человѣческое естество, а не призрачное. Но, созерцая Утѣху Израиля, онъ узналъ и о концѣ своей жизни. Господь отпускаетъ его изъ міра сего въ загробный. Тамъ во адѣ онъ возвѣститъ всѣмъ о Томъ, Котораго держалъ на рукахъ своихъ и созерцалъ очами. Сего „многіе пророки и праведники желали видѣть“, но не видѣли, ибо „умерли въ вѣрѣ, не получивши обѣтованій“ (Мѡ. XIII, 17, Евр. XI, 13). А Симеонъ счастливѣе ихъ. Онъ и для самныхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ явится вѣстникомъ утѣшенія и отрады. Вѣдь всѣ, даже великіе праведники, умирая, сходили во адъ съ печалью, а не съ миромъ. Но Симеона Владыка жизни и смерти, Котораго онъ зреть на рукахъ своихъ, отпускаетъ съ миромъ, съ радостію. Почему такъ 'думаетъ старецъ? Развѣ душа его не переселится изъ тѣла во адъ? Пойдетъ она въ адъ, да только на краткое время. Симеонъ увидѣлъ очами своими какъ бы уже совершившимся искупленіе рода человѣческаго, а съ этимъ и освобожденіе душъ отъ адскихъ узъ. „Очи мои, говоритъ старецъ, видѣли спасеніе Твое“, созерцали, какъ совершившееся, избавленіе отъ рабства діаволу, отъ проклятія, отъ смерти и грѣха. И, что дивно, Господь даруетъ это избавленіе не избранному только народу, но всѣмъ людямъ. Явившійся на землю Богъ во плоти есть истинный Свѣтъ отъ Свѣта и для язычниковъ, сѣдящихъ во тьмѣ заблужденій и пороковъ. Черезъ Него имъ открытъ правый путь во спасе-

ніе. Чрезъ Него и въ Немъ обрѣтаются истина, жизнь и свѣтъ. Какая честь и слава Израилю, отъ котораго Христосъ по плоти! Такъ праведный старецъ Симеонъ расширяетъ Божественное откровеніе о Спасителѣ.

Пресвятая Дѣва Марія слагала въ сердцѣ своемъ всѣ слова Симеона. Но старецъ еще не окончилъ своихъ провѣщаній. Онъ созерцаетъ и отношенія людей къ возсіявшему Свѣту. Многіе вѣдь любятъ тьму и съ усладою пребываютъ въ ней. Развѣ нуженъ имъ свѣтъ? Они боятся его, потому что при свѣтѣ обличатся ихъ злыя дѣла. Посему то любители тьмы постараются всячески противо-дѣйствовать Божественному Свѣту. А это уже будетъ не-пріятно и болѣзненно отзываться на сердцѣ Матери Свѣта, Утѣхи Израиля. Когда Господь Богъ желалъ изобразить Свою любовь къ избранному Имъ еврейскому народу, то Онъ бралъ въ примѣръ, или для сравненія, любовь матери къ дѣтямъ. И дѣйствительно, нѣтъ глубже и сильнѣе этой любви. Видѣть свое дитя страдающимъ, это все равно для матери, что переносить пытку. Но не забудьте еще того, что Пресвятая Дѣва Марія была единственною въ мірѣ Матерью. Она въ лицѣ Сына видѣла своего Владыку и Бога. Да и для всѣхъ людей Онъ есть истинный Богъ, принявшій въ единство Своего Лица человѣческое естество. Онъ и принялъ плоть для того, чтобы облагодѣтельствовать людей. А нѣтъ тяжелѣе обиды, какъ отъ тѣхъ, кому только что благо творили. Здѣсь вѣдь проявляется не одна только черствая неблагодарность, но съ прибавленіемъ положительнаго зла. Какъ можно было равнодушно переносить Матери Спасителя тѣ не-пріятности, озлобленія, зависть и ненависть, которыя доставляли Сыну Ея недруги съ первыхъ дней Его общественнаго служенія, если только не ранѣе! Праведный Симеонъ предрекаетъ эти страданія материнскаго сердца въ рѣчи образной. Когда „Іосифъ и Матерь Его (Младенца Іисуса) дивились сказанному о Немъ“ праведнымъ старцемъ, то онъ благословилъ ихъ и сказалъ Маріи, Матери Его: „се, ле-

жить Сей на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израиль и въ предметъ пререканій, и Тебѣ Самой оружіе пройдетъ душу, да откроются помышленія многихъ сердець“ (—83—35). „Се, лежитъ Сей“, точно камень, на паденіе для однихъ и на возстаніе для другихъ. Какимъ образомъ? Еще св. царь Давидъ Духомъ Святымъ провѣщаль: „вотъ врата Господа; праведные войдутъ въ нихъ. Славлю Тебя, что Ты услышалъ меня и содѣлался моимъ спасеніемъ. Камень, который отвергли строители, содѣлался главою угла. Это отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ“ (Псал. СХVII, 20—23). Псалмопѣвецъ вѣщаль о новозавѣтныхъ временахъ. Вотъ явятся Врата, или Дверь, съ неба. *Азъ есмь дверь овцамъ* (Іоан. X, 9), сказалъ о Себѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Въ Немъ наше спасеніе, надежда и отрада. Буду же пѣть и славить Его. Онъ есть камень, содѣлавшійся главою угла. И Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ спрашивалъ фарисеевъ книжниковъ: *нѣсте ли чли николиже въ писаніяхъ: камень, егоже не въ ряду со-твориша зиждущи, сей бысть во главу угла* (Мѡ. XXI, 42). Камень сей есть Господь Иисусъ Христосъ. Св. апостолъ Петръ къ Нему относитъ слова пророка Исаи: „вотъ, Я полагаю въ Сионѣ камень краеугольный, избранный, драгоценный; и вѣрующій въ Него не постыдится“ (1 Петр. I, 6). Сей краеугольный камень Христосъ будетъ предметомъ пререканія. О немъ будутъ говорить одни такъ, а другіе иначе. Это пререканіе откроется въ избранномъ народѣ, у евреевъ. Оно будетъ наблюдаться и въ языческомъ мірѣ. У евреевъ произойдетъ отверженіе Его.

Вспомните, какъ дѣйствительно пререкались между собою о Господѣ Иисусѣ Христвѣ! Вотъ одни говорили, что Онъ *благъ*. Другіе возражали имъ: *ни, но лститъ народы* (Іоан. VII, 12). „Многіе изъ народа (слыша слова Спасителя) говорили: Онъ точно пророкъ. Другіе говорили: это Христосъ. А иные—*разъѣ изъ Галилеи* Христосъ приходитъ? Не сказано ли въ Писанці, что Христосъ придетъ отъ сѣмени Давида и изъ Виелеема изъ того мѣста, от-

куда былъ Давидъ“ (Іоан. VII, 40—42). И еще: „Многіе изъ народа увѣровали въ Него и говорили: когда придетъ Христось, неужели сотворить больше знаменій, нежели сколько Сей сотворилъ?“ (Іоан. VII, 31). А когда народъ въ удивленіи говорилъ: „не Сей ли Христось, сынъ Давидовъ?“ фарисеи, услышавши сіе, сказали: Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго“ (Мѣ. XII, 23—24). Такъ Господь Иисусъ Христось во время Своего служенія былъ предметомъ пререканія у евреевъ. Брала верхъ въ спорахъ тѣ, которые стзывались о Немъ дурно. Это вѣдь были вожди народныя. Въ рукахъ ихъ были власть и сила. Развѣ же это не тревожило души Пречистой Богородицы? Развѣ ея материнское сердце не скорбѣло, когда Она своими глазами видѣла и ушами слышала о томъ, что причиняли Сыну Ея недруги Его? Но самое острое оружіе прошло сердце Ея, когда Она стояла при крестѣ, на которомъ повѣсили Спасителя. Св. Церковь влагаетъ въ уста ея вопль и рыданія: *Вижу Тя нынѣ, возлюбленное мое чадо и любимое, на крестѣ висяща, и уязвляюся горць сердцемъ... Се свѣтъ мой сладкій, надежда и животъ мой благій, Богъ мой угасе на крестѣ, распляюся утробю, Дѣва стѣнѣщи глаголаше.*

Но горе и неслезанное горе тѣмъ, которые падутъ на сей Камень. *Падый на камени семь сокрушится* (Мѣ. XXII, 44), разобьется душевно, погибнетъ. Что же означаетъ паденіе на камень? Невѣріе въ Господа Иисуса Христа, непризнаніе Его за Сына Божія и Спасителя міра. Опасное паденіе! А между тѣмъ Господь Иисусъ Христось служилъ и служить доселѣ еще предметомъ пререканія и паденія для многихъ. Развѣ мало невѣрующихъ, отрицающихъ Его за Сына Божія? Къ сожалѣнію, много. У иныхъ невѣріе коренится на конечномъ развращеніи. Другіе прикрываются мнимою наукою, которую сами же вымышляютъ. Но какъ бы ни было, для нихъ Христось есть камень на паденіе. Онъ „для невѣрующихъ есть камень, который отвергли строителя, но который сдѣлался главою угла, ка-

мень претыканія и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову“ (1 Петр. II, 7—8). Для тѣхъ же, которые вѣрують въ Иисуса Христа, какъ Господа Бога, Спасителя своего, Онъ есть Камень драгоценный, неоцѣненное сокровище, Податель жизни и спасенія. Но почему же одни возстають чрезъ Него, а другіе падаютъ? Богъ всѣмъ хочетъ спасенія. Да изъ людей то не всѣ желаютъ его. Вотъ въ этомъ случаѣ и открывается „помышленіе многихъ сердець“, какъ сказалъ праведный Симеонъ. Одни всѣмъ сердцемъ ищутъ Бога, и Самъ Богъ открывается имъ, привлекаетъ ихъ къ Себѣ. Они и принимаютъ всѣмъ сердцемъ радостную вѣсть о Христѣ Спасителѣ. Другіе являются рабами своихъ страстей, съ усладою служатъ и работаютъ имъ. Для таковыхъ Богъ не открывается, и во Христѣ они не увидятъ Свѣта, просвѣщающаго міръ.

Лишь только старецъ Симеонъ окончилъ свою вдохновенную рѣчь, какъ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи и Иосифу подошла старушка, пророчица Анна. Она стала „славить Господа и говорить о Немъ всѣмъ, ожидавшимъ избавленія въ Иерусалимѣ“ (—38). И только тѣмъ говорила она, которые ожидали явленія Мессіи. Имъ то старица указывала на Младенца Иисуса, какъ пришедшаго Мессію, о Которомъ провозвѣщали Моисей и пророки.

То, что совершилось съ Младенцемъ Иисусомъ Христомъ въ сороковой день по рожденіи Его, то совершалось и надъ каждымъ изъ насъ. Любвеобильная Матерь наша Святая Церковь съ перваго дня нашего появленія на свѣтъ благодѣетъ намъ въ преизобильныхъ благожеланіяхъ и дарахъ. Въ первый день нарекли намъ имя. Не думайте, что въ этомъ важности нѣтъ. Въ мірскихъ обществахъ дорожатъ именами, знаками отличій и титулами: послѣдніе даютъ человѣку извѣстный вѣсъ и значеніе въ свѣтѣ. Святая Церковь, нарекая имя младенцу, молитъ Господа Бога, чтобы свѣтъ лица Его знаменовался на юномъ и слабѣйшемъ изъ слабыхъ существъ, чтобы

крестъ Единороднаго Сына Божія напечатлѣлся въ сердцѣ и помышленіямъ его, и чтобы святое имя Христа осталось неотреченнымъ отъ него. О, какъ дорого званіе христіанина! Святая Церковь спѣшитъ надѣлать имъ чело-вѣка, только что появившагося на сей свѣтъ. Далѣе она даетъ ему собственное имя въ честь какого-либо святого. Это имя останется съ нимъ на всю его жизнь. Получая имя, поворожденный пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предстателя на небѣ, молитвенника за себя предъ Престоломъ Божиимъ и заступника. Но въ лицѣ своего покровителя онъ обязуется на всю жизнь имѣть образецъ для своей жизни и поведенія.

Всѣмъ намъ Господь Иисусъ Христосъ указаль ту степень святости и совершенства, на которую мы должны вступить. *Будите убо вы совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѣ. V, 48). А образъ жизни праведной и богоугодной указанъ намъ въ Самомъ Спасителѣ. *Образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите* (Іоан. XIII, 15), сказалъ Онъ. И св. апостоль Петръ пишетъ: *Христосъ намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. II, 21). Вотъ какая высокая степень совершенства требуется отъ православнаго христіанина. Господь Иисусъ Христосъ *грѣха не сотвори*. И мы должны такими быть, т. е. не налагать на себя грѣховнаго ярма. А живемъ мы между тѣмъ среди искушеній многоразличныхъ и часто, очень часто согрѣшаемъ. Точно, мы любимъ добро, стремимся къ нему, а наблюдаемъ въ себѣ, какъ говоритъ св. ап. Павелъ, *имъ законъ, влекущій ко грѣху* (Римл. VII, 23). И что печально, мы исполняемъ велѣнія сего закона. Выходитъ раздвоеніе съ перевѣсомъ ко грѣху. Бѣдный я чело-вѣкъ! воскликну съ апостоломъ Павломъ. Долженъ я уподобиться Богу, хочу сего, а работаю грѣху. И погибъ бы я въ этой работѣ, если бы Господь не дароваль мнѣ попечительной Матери Церкви. Утѣшая меня, она говоритъ мнѣ какъ бы такъ: ты падаешь духомъ и скорбишь, потому что безсиленъ подра-

жать во всемъ сполна Спасителю. Я укажу тебѣ образцы въ тварныхъ существахъ: ангелахъ, святыхъ, мужахъ и женахъ, отъ вѣка угодившихъ Богу. Праведные и святые люди во всемъ вѣдь были подобны намъ. Какъ и мы, они жили среди искушеній, имѣли и *ишь законъ* въ себѣ; но добрымъ подвигомъ они подвизались, вѣру соблюли и праведное теченіе жизни скончали. Богъ прославилъ ихъ. Взирая на ихъ жительство и подвиги, мы уже не можемъ говорить, что образцы эти намъ не по силамъ. Но у Господа святыхъ великое множество. Да и подвиги ихъ многообразны. Всѣмъ имъ подражать затруднительно. Святая Церковь избираетъ намъ одного святого и нарекаетъ насъ именемъ его. Однако же и теперь мы опасаемся не имѣть успѣха въ подражаніи нашему покровителю и молитвеннику. И не напрасны опасенія. Самъ человекъ, предоставленный своимъ силамъ, пожалуй, скорѣе станетъ на путь паденій. Святая Церковь только найдетъ средства вести его правильнымъ путемъ къ цѣли жизни, спасенію. Въ таинствѣ крещенія младенецъ возрождается въ новую духовную жизнь. Помазаніемъ святаго мѣра онъ укрѣпляется въ ней. Наступаетъ сороковой день по рожденіи. Мать младенца до сего дня почиталась нечистою. Она не ходила въ храмъ Божій и не прикасалась къ святынямъ. Если чистѣйшая и святѣйшая изъ святыхъ, Пресвятая Дѣва Богородица, подчиняясь закону, почитала Себя за нечистую, то какъ же жена, родившая, осмѣлилась бы подумать, что въ рожденіи нѣтъ нечистоты? Всѣ мы причастны прародительской сквернѣ, всѣ зачинаемся и рождаемся во грѣхахъ. Богъ это и помнитъ, и знаетъ жена родившая. Но она вѣдаетъ милость Божию, даруемую Церковію. Съ плодомъ чрева своего въ сороковый день она спѣшитъ ко храму Божию. Однако, самовольно она не смѣетъ вступить въ него. Что ее удерживаетъ? смиренное сознаніе своей нечистоты. Долго ли будетъ стоять она у порога храма? Нѣтъ. Идетъ уже Божій служитель, священникъ въ эпитрахили. Здѣсь предъ вра-

тами храма онъ читаетъ положенныя молитвы „женѣ родильницѣ по четьредезятихъ днехъ“, въ которыхъ просить Господа сподобить ее входа въ храмъ, омыть скверну тѣлесную и душевную и содѣлать достойною причащенія честнаго Тѣла и Крови Спасителя. За симъ священникъ, благословляя младенца, произноситъ: *Господи Боже нашъ, въ четьредесятый день младенецъ законному храму принесенный отъ Маріи неукусобрачныя и святыя твоя Матере, и на объятіяхъ праведнаго Симеона носимый, Самъ Владыко всесильне, и принесеннаго сего младенца явитися Тебѣ встѣхъ Творцу благослови и на всякое дѣло благое и Тебѣ благоугодное возрасти... Сопричти е святому стаду словесныхъ овецъ, нарицающихся именемъ Христа Твоего...* Окончивъ молитвы, священникъ беретъ младенца на свои руки и, дѣлая имъ крестъ въ воздухѣ, говоритъ: *воцерковляется рабъ Божій (называется имя) во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.* Вступивъ же въ храмъ, онъ присовокупляетъ: *внидетъ въ домъ, поклонится ко храму святому Твоему.* Дойдя до середины храма, священникъ во второй разъ произноситъ: *воцерковляется рабъ Божій* съ прибавленіемъ словъ: *посредѣ церкви воспоетъ Тя.* Предъ царскими вратами онъ въ третій разъ говоритъ: *воцерковляется рабъ Божій!* За симъ священникъ вноситъ младенца мужскаго пола въ алтарь и обноситъ вокругъ святаго престола, съ словами: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко...* Выйдя же изъ алтаря съверными дверями, онъ полагаетъ младенца на полъ предъ вратами царскими, откуда уже беретъ его мать или воспріемникъ. Такъ совершилось воцерковленіе каждаго изъ насъ, возлюбленные братіе!

Какое же имѣетъ для насъ значеніе это священное дѣйствіе Церкви? Мы не говоримъ, что это есть таинство, но именуемъ его обрядомъ. Однако же Святая Церковь не установила ни одного обряда, который бы не имѣлъ значенія и смысла. И съ каждымъ обрядомъ она связала свои благожеланія намъ и дары, а вмѣстѣ указываетъ и

наши обязанности. Особенно это нужно сказать о такомъ обрядѣ, какъ воцерковленіе. Уже одно то, что онъ установленъ во образъ и по подражанію тому, что совершенно было надъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ въ сороковой день Его земной жизни, какъ Богочеловѣка, придаетъ обряду великую важность. Не говоримъ о матери младенца, которая сподобляется очищенія и освященія чрезъ молитвы и благословеніе священника. А младенца беретъ на свои руки Божій іерей. Это что означаетъ? Не напоминаетъ ли вамъ это дѣйствія [праведнаго старца Симеона? Но вотъ священникъ изображаетъ на воздухѣ крестъ, показывая, что только крестомъ Христовымъ отверзлись для насъ райскія двери. Честною Кровію Спасителя мы искуплены и стали своими Господу Богу. Посему то вѣрующіе во Христа и крестившіеся получили доступъ въ царство Божіе, Святую Церковь. А видимый храмъ есть особенное присутствіе Господа славы. Радость объемлетъ входящаго въ него. И внесенный младенецъ отъ избытка чувствъ устами священника воцерковляется, т.-е. какъ бы вставляется въ составъ церкви, какъ членъ ея. И это доставляетъ ему великую радость. Онъ становится полноправнымъ членомъ духовнаго тѣла Христова, Церкви Святой. Посему то онъ поклоняется храму и поетъ посреди него. Но и этого еще мало. Всещедрый Господь дозволилъ Своему рабу войти во Святаго Святыихъ и здѣсь обручиться со Христомъ и Духомъ Святымъ. Это именно знаменуетъ обнесеніе младенца вокругъ престола. Такъ возвеличилъ Господь Своего раба. Но дабы онъ не возгордился и не сталъ бы превозноситься, ему указывается земля, поле, на который онъ полагается. Помни, сынъ Церкви, что ты только по милости Божіей сталъ гражданиномъ Небеснаго Іерусалима. Но ты остался по природѣ землею и въ землю пойдешь до воскресенія. Придетъ время, опять принесутъ тебя въ храмъ и положить во гробъ лицомъ къ тому мѣсту, гдѣ ты получилъ воцерковленіе. Какая противоположность! То даруются вели-

чайшія права, а то указывается и страшное уничтоженіе— смерть тѣла. Но не бойтесь! Для истиннаго православнаго христіанина смерти нѣтъ. Есть только успеніе, покой послѣ трудовъ. Живи такъ, чтобы сей покой былъ для тебя приобрѣтеніемъ, какъ говорилъ св. апостоль Павелъ: „для меня жизнь—Христось, и смерть—приобрѣтеніе... имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ“ (Фил. 1, 21—23). Такъ помни, что воцерковленный обрученъ Христу и Святому Духу. Онъ сталъ полноправнымъ членомъ духовнаго тѣла Христова, Церкви. Это право воцерковленнаго. Обязанность же его жить по правиламъ и уставамъ Церкви, какъ подобаеть члену ея. Христовъ рабъ да будетъ вѣренъ Ему во всемъ. А вѣрный рабъ Его внидетъ въ радость Господа своего.

Василій Епископъ Можайскій.

Современное богоборство и цѣлительная сила христіанства ¹⁾).

II.

Цѣлительная сила христіанства.

Какъ бороться съ богоборствомъ. Причина его мнимой силы. Противорѣчіе между отрицаніемъ смысла міра и признаніемъ смысла человѣческой жизни. Истина бытія Божія. Значеніе этой истины въ жизни человѣчества. Различіе способовъ познанія истины. Очевиднѣйшее доказательство истины бытія Божія. Поясняющіе примѣры изъ художественной литературы и изъ Библии. Почему истина бытія Божія не для всѣхъ очевидна. Несправедливость утвержденія богоборцевъ, что Богъ есть виновникъ зла въ мірѣ. Зло нравственное, или грѣхъ, и его источникъ. Послѣдствія зла нравственного или грѣха: страданія, болѣзни, смерть и ихъ значеніе въ жизни человѣка. Примѣры изъ художественной литературы и изъ духовно-подвижнической. Величайшее проявленіе Промысла Божія—воплощеніе Сына Божія и Его Голговецкая жертва. Смыслъ воплощенія Сына Божія и Его искупительныхъ страданій. Значеніе Церкви въ дѣлѣ нашего спасенія.

Обращаясь къ примѣру, который мы приводили въ началѣ статьи, именно къ настроенію русскаго народа въ эпоху смутнаго времени, мы видимъ, что охватившее тогда народную душу омраченіе, утрата народомъ ясности христіанской мысли и чистоты христіанскаго чувства были побѣждены и разсѣяны не какими-либо внѣшними мѣрами (всѣ таковыя мѣры, разнаго рода правительственныя воздѣйствія, оказывались безсильными преодолѣть внутреннюю смуту сердець), а пробудившимся въ сокровенной глубинѣ самой народной души движеніемъ: горя-

¹⁾ Окончаніе. См. № 9 „Дух. Чт.“

чимъ стремленіемъ къ духовному возрожденію и нравственному исцѣленію. Люди устыдились своего малодушія, измучились отсутствіемъ добра и правды въ своей жизни, почувствовали свою вину предъ Богомъ и родиной,—и тогда-то началось выздоровленіе: стало проясняться сознание, стало крѣпнуть здоровое нравственное чувство, пробудилась здоровая жизнь въ обществѣ.

И въ настоящее время нравственное разложеніе современнаго общества, выражающееся богоборческими идеями, можетъ быть побѣждено не мѣрами внѣшняго воздѣйствія (хотя и онѣ до извѣстной степени необходимы, какъ полагающія хотя нѣкоторую преграду растущему злу), а внутреннимъ противодѣйствіемъ самого общества, пробужденіемъ въ самомъ обществѣ здороваго, протестующаго чувства противъ омрачающихъ нашу душу и нашу жизнь ложныхъ и разрушительныхъ идей и настроеній, проясненіемъ и укрѣпленіемъ нашего собственнаго христіанскаго міросозерцанія. Еще приснопамятный Московскій митрополитъ Филаретъ говорилъ: „когда на дворѣ ступается мракъ, въ комнатѣ зажигаютъ огонь“. Когда въ сознаниіи общества омрачается чистота христіанской мысли, и жизнь общества направляется на путь нравственнаго разложенія и смерти не только духовной, но и физической, обществу необходимо защищать себя, ярче возжигая въ своемъ сознаниіи и въ своей жизни свѣтъ истиннаго спасительнаго христіанскаго міросозерцанія.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, ложь можетъ оказаться сильнѣе истины? Неужели зло сильнѣе добра? Неужели смерть сильнѣе жизни? Конечно, нѣтъ! „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“.

Ложь и зло потому только торжествуютъ въ нашемъ сознаниіи и принимаютъ для нашего ума образъ истины, и кажутся намъ неопровержимыми, что мы, имѣя мало вѣры въ истину, малодушно отказываемся отъ нея при первомъ бурномъ натискѣ на наше сознание гордо возды-

мающейся лжи и ея собственныя, крикливыя увѣренія въ своей правотѣ принимаемъ за неоспоримую истину.

Мы трусливо говоримъ себѣ: „А вдругъ то, въ чемъ насъ такъ рѣшительно и самоувѣренно убѣждаютъ, есть на самомъ дѣлѣ истина, и она всѣмъ очевидна, а только мы по своей глупости, по своему невѣжеству и неразвитости—ея не замѣчаемъ!“ И вотъ, чтобы не показаться глупѣе другихъ, мы спѣшимъ согласиться съ тѣмъ, что въ глубинѣ души намъ всеѣмъ не кажется истинною...

Такой образъ дѣйствій нашъ свидѣлствуетъ только о нашемъ малодушіи, а отнюдь не о несокрушимости усиливающейся царствовать среди насъ лжи.

Чтобы побѣдить ложь, надо смѣло и искренно противопоставить ей истину, надо глубже проникнуть въ собственное христіанское міросозерцаніе, надо яснѣе представить себѣ и его основанія и его значеніе для нашей жизни, и тогда ложь сразу потускнѣетъ, потеряетъ свою силу и свое обаяніе, разсѣется какъ дымъ, какъ обольстительное дьявольское навожденіе передъ спасающею святынею Креста Господня.

Приступая къ оцѣнкѣ богоборческаго міросозерцанія, мы именно и попытаемся спокойно и внимательно сопоставить съ нимъ міросозерцаніе христіанское, и тогда ясно станетъ, на чьей сторонѣ находится истина.

Въ богоборческомъ міросозерцаніи прежде всего бросается намъ въ глаза слѣдующее очевидное противорѣчіе: оно отрицаетъ смыслъ жизни, отвергаетъ верховный разумный и нравственный источникъ жизни и въ то же время провозглашаетъ красоту, могущество и разумность человѣка! Но если жизнь вообще не имѣетъ въ себѣ ни разума, ни правды, ни красоты, то откуда же возьмутся всѣ эти качества въ человѣкѣ, составляющемъ продуктъ жизни?! Ежедневный опытъ очевидно убѣждаетъ насъ въ ничтожествѣ человѣка. Самое существованіе его въ высшей степени непрочное: оно готово оборваться и обрывается каждую минуту.

Въ необъятной пустынь мѣра человѣкъ представляетъ изъ себя жалкую, ничтожную песчинку. Его разумъ, съ точки зрѣнія атеистовъ, до такой степени слабъ, что никакъ не можетъ освободиться отъ тысячелѣтняго суевѣрія богочитанія. Позади человѣка, по современной эволюціонной теоріи, рядъ довольно незавидныхъ предковъ звѣриной породы. Впереди—и человѣка, и весь земной шаръ. и всю солнечную систему ожидаетъ неминуемая гибель. Итакъ, предъ кѣмъ же преклоняется современное атеистическое міросозерцаніе, кому оно воздвигаетъ свои алтари? Кого превозносить? Безсмысленный, случайный продуктъ безсмысленной природы—и только!

Понятно благоговѣйное отношеніе къ человѣку со стороны людей вѣрующихъ, ибо они видятъ въ человѣкѣ образъ и подобіе Божіе; они вѣрятъ въ его безсмертную душу, въ его вѣчное предназначеніе; въ человѣкѣ они благоговѣютъ предъ силою и славою Бога, благоволившаго создать человѣка, напечатлѣть въ немъ Свои божественныя свойства и призвать его къ вѣчному блаженству; но преклоненіе предъ человѣкомъ людей невѣрующихъ совершенно непонятно и объясняется лишь бессознательнымъ непреодолимымъ стремленіемъ человѣческой души къ богочитанію, каковое (стремленіе) за отрицаніемъ истиннаго предмета поклоненія т. е. Бога обращается на человѣка, высшее, по мнѣнію невѣрующихъ, существо во вселенной.

Обратимся теперь къ истинѣ бытія Божія, отвергаемой или искажаемой современнымъ атеизмомъ и богоборствомъ. Эта истина составляетъ, несомнѣнно, центръ и основаніе разумной, доброй, осмысленной жизни человѣчества. Она есть неотъемлемое достояніе внутренняго міра, непререкаемое глубочайшее убѣжденіе совѣсти всего человѣческаго рода. На вѣрѣ въ Бога утверждается вся личная, семейная, общественная и государственная жизнь людей. Она служитъ основаніемъ нашей увѣренности въ разумномъ и нравственномъ порядкѣ жизни мѣра; она даетъ

осмысленный покой нашему существованію, указываетъ намъ наше назначеніе, опредѣляетъ наши обязанности, даетъ силы къ ихъ исполненію; она является нашей опорой и утѣшеніемъ во всѣхъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ нашей жизни, спасаетъ насъ отъ малодушія и отчаянія. Уже одно это величайшее и благотворнѣйшее значеніе для жизни человѣчества истины бытія Божія свидѣлствуетъ объ ея достовѣрности. Но вникнемъ въ этотъ вопросъ глубже. Существуютъ разные способы доказательства истины. Есть истины, которыя доказываются посредствомъ внѣшняго опыта и наблюденія, каковы истины естественно-научныя. Есть истины, доказываемыя логически, каковы истины математическія и философскія. Есть истины, доказываемыя внутреннимъ опытомъ сердца—къ таковымъ принадлежитъ истина бытія Божія. Правда, эта истина подтверждается и двумя первыми способами доказательства, но рѣшающее и окончательное значеніе все-таки принадлежитъ непосредственному опыту сердца. Глубокое нравственное удовлетвореніе, необыкновенное спокойствіе духа, чистая радость, счастье бытія, нравственное и даже физическое оздоровленіе, переживаемыя человекомъ, когда онъ чувствуетъ въ себѣ живую вѣру въ Бога,—вотъ неопровержимыя свидѣлства истины бытія Божія. Истина бытія Божія такъ же животворна и спасительна для нашего нравственнаго существа, какъ свѣтъ и теплота солнца для нашего физическаго благосостоянія. Въ самомъ дѣлѣ, мы не нуждаемся ни въ какихъ доказательствахъ того, что солнце существуетъ. Мы ощущаемъ его свѣтъ и теплоту, мы не можемъ жить безъ него, и этимъ самымъ, безъ всякихъ доказательствъ, мы убѣждаемся, что солнце существуетъ. Точно такъ же оживляется въ душѣ человѣка вѣра въ Бога, и душа человѣка расцвѣтаетъ и чувствуетъ себя радостно, покойно, и раскрываются въ ней лучшія чувства и стремленія. Исчезаетъ или ослабѣваетъ въ душѣ человѣка вѣра въ Бога,—и угасаетъ мало-по-малу самая жизнь души. Таковъ не-

сомнѣнный психологическій фактъ, отмѣчаемый какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими.

Вотъ, на примѣръ, какъ говоритъ объ этомъ фактѣ въ своей „Исповѣди“ Л. Н. Толстой: „Несмотря на то, что я былъ убѣжденъ въ невозможности доказательства бытія Божія, я все таки искалъ Бога, надѣялся на то, что я найду Его и обращался съ мольбой къ Тому, Кого я искалъ и не находилъ. Если я есть, говорилъ я, то есть на то причина, и причина причинъ. И эта причина всего есть то, что называютъ Богомъ. И я останавливался на этой мысли и старался всѣмъ существомъ своимъ сознать присутствіе этой причины. И какъ только я сознавалъ, что есть сила, во власти которой я нахожусь, такъ тотчасъ же я чувствовалъ возможность жизни... (Съ утратою этого сознанія) я чувствовалъ, что пропадаетъ во мнѣ то, что нужно для жизни. Не два, не три раза, а десятки, сотни разъ приходилъ я въ эти положенія, то радости и оживленія, то опять отчаянія и сознанія невозможности жизни... Что же это такое—эти оживленія и эти умиранія? Вѣдь я не живу, когда теряю вѣру въ существованіе Бога; вѣдь я бы уже давно убилъ бы себя, если бы у меня не было смутной надежды найти Его. Вѣдь я живу, истинно живу только тогда, когда чувствую Его и ищу Его. „Такъ чего же я еще ищу?“ вскрикнулъ во мнѣ голосъ. Такъ вотъ Онъ. Онъ есть то, безъ чего жить нельзя. И сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, все освѣтилось во мнѣ и вокругъ меня, и свѣтъ этотъ уже не покидалъ меня. И я спасся отъ самоубійства?!..“

Люди, отвергающіе Бога, задумывались ли когда нибудь надъ этимъ удивительнымъ фактомъ спасительнаго вліянія на душу человѣческую мысли о бытіи Божіемъ?

Они все ищутъ свидѣтельствъ этой истины гдѣ-то въ пространствѣ и времени, уносятся мыслию въ поискахъ за Богомъ и во звѣздныя пространства, и въ доисторическія времена существованія земного шара,— а истина, оказывается, въ насъ самихъ находится, по удостовѣренію

слова Божія: „Она не недоступна для тебя и не далека. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: кто взошелъ бы для насъ на небо и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? И не за моремъ она, чтобы можно было говорить: кто сходилъ бы для насъ за море и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее? Но весьма близко къ тебѣ слово сіе: оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ“ (Вгроз. 30. 11—14).

Благодатное ощущение близости Божіей, переживаемое вѣрующей душою, давно уже замѣчено и отмѣчено нашею художественною литературою. Для примѣра укажемъ на слѣдующее мѣсто въ романѣ Достоевскаго „Братья Карамазовы“: „Алеша не остановился и на крылечкѣ, но быстро сошелъ внизъ. Полная восторгомъ душа его жаждала свободы, мѣста, широты. Надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ, сіяющихъ звѣздъ. Съ зенита до горизонта двоился еще неясный млечный путь. Свѣжая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Бѣлыя башни и золотыя главы собора сверкали на яхонтовомъ небѣ. Осенніе роскошные цвѣты въ клумбахъ около дома заснули до утра. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною. Алеша стоялъ, смотрѣлъ, и вдругъ, какъ подкошенный, повергся на землю. Онъ не зналъ, для чего обнималъ ее, онъ не давалъ себѣ отчета, почему ему такъ неудержимо хотѣлось цѣловать ее, цѣловать ее всю, но онъ цѣловалъ ее, плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во вѣки вѣковъ. О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгъ своемъ даже и объ этихъ далекихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны, и „не стыдился изступленія сего“. Какъ будто нити ото всѣхъ этихъ безчисленныхъ міровъ Божіихъ сошлись разомъ въ душѣ его, и она вся трепетала, „соприкасаясь мірамъ инымъ“... Но съ каждымъ мгновеніемъ онъ чувствовалъ явно и какъ бы осязательно, какъ что-то

твердое и незыблемое, какъ этотъ сводъ небесный, сходило въ душу его. Какая-то какъ бы идея воцарялась въ умъ его—и уже на всю жизнь и на вѣки вѣковъ. Паль онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ и созналъ, и почувствовалъ это вдругъ, въ ту же минуту своего восторга. И никогда, никогда не могъ забыть Алеша во всю жизнь свою потомъ этой минуты. „Кто-то посѣтилъ мою душу въ тотъ часъ“, говорилъ онъ потомъ съ твердою вѣрою въ слова свои ¹⁾.

Эта художественная картина, изображенная Достоевскимъ, этотъ дивный психологическій моментъ не наполняютъ ли намъ другой картины, другого момента изъ незапамятнаго прошлаго?! „Иаковъ же вышелъ изъ Вирсавіи и пришелъ въ Харранъ. И пришелъ на одно мѣсто и остался тамъ ночевать, потому что зашло солнце. И взялъ одинъ изъ камней того мѣста, и положилъ себѣ изголовьемъ, и легъ на томъ мѣстѣ. И увидѣлъ во снѣ: вотъ, лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба; и вотъ, Ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ по ней. И вотъ, Господь стоитъ на ней и говорить: Я Господь, Богъ Авраама, отца твоего, и Богъ Исаака. Не бойся. Землю, на которой ты лежишь, Я дамъ тебѣ и потомству твоему. И будетъ потомство твое, какъ песокъ земный; и распространишься къ морю и къ востоку, и къ сѣверу, и къ полудню; и благословятся въ тебѣ и въ сѣмени твоёмъ всѣ племена земныя. И вотъ, Я съ тобою; и сохранию тебя вездѣ, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя въ сію землю; ибо Я не оставлю, тебя, доколѣ не исполню того, что Я сказалъ тебѣ. Иаковъ пробудился отъ сна своего и сказалъ: Истинно Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ; а я не зналъ! И убоялся, и сказалъ: Какъ страшно сіе мѣсто! Это не иное что, какъ домъ Божій, это—врата небесныя!“ ²⁾

Въ обонхъ этихъ примѣрахъ передъ нами раскрывается

¹⁾ Соч. Достоевскаго, изд. 4-е т. XII. Стр. 416.

²⁾ Быт. 28. 10—17

една и та же психологическая картина: душа человѣческая, подъ вліяніемъ какого-то особеннаго, таинственнаго воздѣйствія, начинаетъ созерцать тайны міра невидимаго, начинаетъ трепетать, „соприкасаясь мірамъ инымъ“. Ясно и неоспоримо она чувствуетъ Бога, и это чувствоваіе наполняетъ ее и благоговѣйнымъ страхомъ, и невыразимую радость. Это—та именно радость, которую переживали всѣ подвижники христіанства, которую испытывали св. мученики, когда они шли на страданія и смерть за Христа: радость живого познанія Бога и внутренняго, несомнѣннаго съ Нимъ единенія.

Предъ этимъ внутреннимъ удостовѣряющимъ свидѣтельствомъ сердца безсильны всѣ отрицанія богоборцевъ. Какъ солнце не перестанетъ свѣтить оттого, что мы будемъ осипать его ругательствами, такъ никакія отрицанія богоборцевъ не могутъ уничтожить или заглушить тѣхъ переживаній души, въ которыхъ она познаетъ Бога. Эти переживанія всегда будутъ для нея очевиднѣйшимъ доказательствомъ бытія Божія, и на всѣ возраженія сомнѣвающихся она неизмѣнно будетъ отвѣчать одними и тѣми же словами: „Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали“. (Дѣян. 4. 20).

Но, спросить кто-нибудь, если истина бытія Божія такъ очевидна для человѣческаго сердца, то откуда же является сомнѣніе въ этой истинѣ? И какъ объяснить возникновеніе того атеистическаго направленія въ современной литературѣ и жизни, которое составляетъ характерную болѣзнь нашего времени? Почему не всякое сердце ощущаетъ бытіе Божіе? Почему столь многимъ въ наше время Богъ, по выраженію Л. Андреева, „ничего не говоритъ“? Кто не увѣровалъ бы съ радостью въ Бога, кто не пошелъ бы за Нимъ съ восторгомъ, если бы услышалъ Его ясный голосъ? Почему Онъ молчитъ, всегда молчитъ?

Богъ не молчитъ, но только мы Его не слышимъ. Богъ всегда и всякому человѣку открывается и всякаго человѣка призываетъ къ Себѣ, но не всякій человѣкъ и не

всегда одинаково замѣчаетъ и ощущаетъ въ себѣ этотъ зовъ Божій. Развѣ не бываетъ съ нами, что мы не замѣчаемъ ни красоты неба, ни сіянія солнца, будучи поглощены своими житейскими дѣлами и заботами? Такъ мы не замѣчаемъ и постоянного зова Божія не потому, что его нѣтъ, а потому что наша способность воспріятія его притуплена, потому что мы отвлечены другими интересами и дѣлами. Объ этомъ то и говоритъ Иисусъ Христосъ: „Если не обратитесь и не будете, какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“. Обратиться и стать, какъ дитя—это и есть необходимое условіе для того, чтобы среди шума жизни и шума нашего собственнаго сердца, нашихъ страстей, услышать зовущій насъ непрестанно голосъ Божій. Но этого-то именно качества, этой дѣтскости, у современнаго образованнаго человѣчества, какъ показываетъ опытъ, больше всего и недостаетъ. Оно утратило эту дѣтскость, оно высушило и загубило ее всѣмъ, чѣмъ угодно: и цѣпаясь въ себѣ непомятымъ самолюбіемъ, и ненасытнымъ служеніемъ чувственности, и погоней за вѣшними матеріальными благами, и всѣми прочими особенностями и свойствами нашей современной культуры. А потому и сбывается на немъ слово Господне: „Слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете—и не увидите. Ибо огрубѣло сердце народа сего; и ушами съ трудомъ слышать, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ“ (Исаіа VI. 9—10).

Духовнаго вѣдѣнія никто не можетъ получить, если не обратится и не будетъ какъ дитя, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ. Именно съ этого только времени ощущается наслажденіе небеснымъ царствіемъ. И обрѣтается оно не дѣлами помысловъ (т. е. не усиліями разсудка), но можетъ быть вкушаемо по благодати. И пока не очиститъ себя человѣкъ, не имѣетъ онъ достаточныхъ силъ и слышать о

немъ, потому что никто не можетъ приобрести онаго изученіемъ ¹⁾.

Нелегко, конечно, современному человѣку умалиться какъ дитя, отречься отъ своей гордости, отъ самообожанія, ибо вся современная культура, или, лучше сказать, преобладающее направленіе современной мысли, неудержимо влечетъ человѣка къ этому самообожанію, все болѣе и болѣе углубляя пропасть между нимъ и Богомъ. Но тѣмъ необходимѣе современному человѣку понять, гдѣ кроется опасность для здороваго теченія его духовной жизни, и употребить всѣ усилія для избѣжанія этой опасности. „Вслѣдствіе грѣхопаденія перваго человѣка, говоритъ преп. Макарій Великій, приняли мы въ себя чуждыя нашей природѣ вредныя страсти и привычкою, долго-временнымъ усвоеніемъ обратили ихъ для себя какъ бы въ природу. И опять необычайнымъ же дѣйствіемъ Св. Духа надлежитъ изгнать изъ насъ это чуждое намъ и возстановить насъ въ первоначальную чистоту“. Это не легко дается. „Со многимъ моленіемъ, прошеніемъ, съ вѣрою, молитвою, съ отвращеніемъ къ духу міра сего должны мы воспринять въ себя небесную любовь Духа Божія и обратить наше естество, оскверненное порокомъ, къ любви, т. е. Господу“.

Мы не можемъ сейчасъ входить въ подробности того, какимъ образомъ совершается обращеніе человѣка отъ гордости къ состоянію смиренія, простоты и дѣтскости... Это—цѣлая наука внутренней жизни, далеко выходящая изъ предѣловъ краткой статьи, и потому желающихъ познакомиться съ этой наукой мы отсылаемъ къ Добротолюбію, къ сочиненіямъ Епископа Теофана-Затворника, къ изданіямъ Оптиной пустыни и др. подобнымъ книгамъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію другого положенія богоборцевъ. Мы, говорятъ они, и признаемъ Бога, но не принимаемъ Его, отвергаемъ Его правосудіе и благодать. Богъ,

¹⁾ Новоселовъ. Забытый Путь. Стр. 16.

Который допускаетъ безчисленныя и невыносимыя страданія челоѣчества, Который отнимаетъ единственное дитя у горячо-любящихъ родителей, Который допускаетъ дѣтскія, неоправданныя слезы ребенка, затравленнаго собаками, и безвинную челоѣческую муку, не нашъ Богъ. Пусть вѣрующіе утѣшаются тѣмъ, что всѣ эти страданія, муки и слезы будутъ оправданы, возмѣщены и отомщены въ будущей жизни, мы, говорять богоборцы, этого утѣшенія не принимаемъ и не можемъ помириться съ этою сверх-челоѣческою, а потому и безчелоѣчною правдою.

Эго мнѣніе богоборцевъ выдвигаетъ старыи, вѣковой и мучительный вопросъ объ источникѣ зла въ мірѣ. Для чего существуетъ зло? Для чего милосердый Богъ, силою Своего всемогущества, не положить предѣлъ господству зла въ мірѣ, не уничтожить его? Эготъ вопросъ и прежде и въ настоящее время смущалъ и смущаетъ многихъ, а иныхъ приводилъ даже и къ утратѣ вѣры въ Бога. Для разрѣшенія вопроса объ источникѣ зла строились во всѣ времена разнообразныя религіозныя и філософскія теоріи. Не входя въ ихъ изложеніе, мы постараемся дать на поставленный вопросъ лишь краткій отвѣтъ съ точки зрѣнія нашего христіанскаго міросозерцанія, укажемъ, какъ смотреть на міровое зло христіанство.

Богъ не виновникъ зла. Онъ не сотворилъ его. Все, сотворенное Богомъ, было „добро зѣло“ (Быт. 1. 31). Зло есть результатъ самовольнаго уклоненія созданнаго Богомъ *свободнымъ* разумаго существа отъ указаннаго ему Богомъ пути жизни, т. е. зло есть результатъ грѣха, или, точнѣе сказать, единственное зло въ мірѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть грѣхъ, нарушеніе воли Божіей, отпаденіе отъ Бога. То же, что мы обычно называемъ зломъ, напримѣръ, бѣдственность жизни, болѣзни, смерть—это все не есть зло въ собственномъ смыслѣ, а есть лишь неизбѣжное послѣдствіе зла. Когда богоборцы не хотятъ принимать Бога за допущеніе Имъ невинныхъ

страданій затравленнаго собаками ребенка, они упускають изъ вида, что виновникомъ этихъ страданій является не Богъ, а злоупотребившій величайшимъ даромъ Божиимъ, своею свободною волею, человѣкъ. Но зачѣмъ же, скажутъ тогда, всемогущій Богъ допускаетъ эти злоупотребленія? Допускаетъ потому, что иначе Ему пришлось бы отнять у человѣка его нравственную свободу, которая является источникомъ не только зла, но и добра. Богъ ищетъ отъ человѣка свободнаго, добровольнаго совершенія добра, а сдѣланное человѣкомъ нравственное зло можетъ быть исправлено и уничтожено опять-таки при условіи свободнаго и добровольнаго согласія на то человѣка. Въ этомъ великая тайна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и величайшее блаженство человѣческой жизни. Конечно, Богъ могъ бы по Своему всемогуществу точно урегулировать дѣйствія человѣка и сдѣлать такъ, чтобы человѣкъ не причинялъ другимъ людямъ никакого внѣшняго вреда, но при этомъ уничтожилось бы то, что составляетъ высшую цѣнность человѣческихъ дѣйствій, уничтожился бы ихъ свободный характеръ, а это не соотвѣтствовало бы, съ одной стороны, величію Бога, съ другой стороны—достоинству человѣка. Поэтому-то Богъ, при сотвореніи человѣка, и избралъ иной путь. Одаривъ человѣка свободною волею, Онъ указалъ ему достойную цѣль жизни, указалъ, въ чемъ заключается его благо и его долгъ. Обладая свободою и зная свои обязанности, человѣкъ имѣетъ полную возможность поступать согласно заповѣдямъ Божиимъ и черезъ то блаженствовать, и, если онъ этого не дѣлаетъ, то самъ является виновникомъ совершаемыхъ имъ преступленій, и нельзя винить Бога за все то дурное, что совершаетъ человѣкъ. Предоставивъ человѣку свободу дѣйствій, Богъ однако не освободилъ человѣка отъ отвѣтственности за его дѣйствія: Онъ отъ каждаго потребуетъ отчета во всемъ совершенномъ имъ на землѣ и каждому воздастъ по дѣламъ его. Напрасно богоборцы говорятъ, что загробное воздаяніе не можетъ взмѣстить настоящихъ земныхъ

страданій и вознаградить человѣка за перенесенныя имъ несправедливости. Они судятъ съ точки зрѣнія нашихъ земныхъ условій жизни, земныхъ понятій нашего ограниченнаго, да притомъ еще и омраченнаго грѣхомъ разума. Совѣсть же человѣческая и голосъ церкви ясно говорятъ намъ, что будущее воздаяніе составляетъ необходимое требованіе нравственной природы человѣка и что, если бы его не было, наша нравственная природа оказалась бы неудовлетворенной. Въ условіяхъ будущей жизни и наше самочувствіе, и наше самосознаніе станутъ совершенно иными. И когда будущее воздаяніе осуществится, тогда, несомнѣнно, всѣ—и праведники, и грѣшники, и вѣрующіе, и безбожники, всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ возопіютъ: Правъ Ты, Господи, и праведны дѣла Твои! И разуму, и благодати, и правосудію Твоему нѣсть числа!

Итакъ, нельзя возлагать на Бога вину за существованіе въ мірѣ нравственнаго зла, или грѣха. Вина за это зло ложится на разумныя существа, призванныя Богомъ къ блаженству бытія, но вслѣдствіе злоупотребленія своею свободою вызвавшія къ жизни мрачныя явленія нравственнаго зла.

Обратимся къ другой сторонѣ мірового страданія, къ той сторонѣ, которая, какъ мы сказали, должна быть разсматриваема, какъ слѣдствіе, результатъ нравственнаго зла—именно къ бѣдственности нашей жизни, болѣзнямъ и смерти. Ужасна и неисчерпаема и эта сторона мірового страданія, но и за нее нельзя винить Бога. Во 1-хъ, нѣкоторая часть переживаемой нами бѣдственности жизни есть прямое, непосредственное слѣдствіе нравственнаго зла. Возьмемъ, напр., порокъ пьянства. Порокъ этотъ, являясь прежде всего нравственнымъ зломъ, влечетъ за собою и самыя разнообразныя бѣдствія: преступленія, страданія физическія и нравственныя, самую смерть. Точно также и другіе виды нравственнаго зла неизбѣжно влекутъ за собою страданія и нравственныя, и физическія.

Слѣдовательно, отвѣтственность за эти страданія ложится на того, кто является виновникомъ нравственнаго зла, виновникомъ грѣха, а не на Бога.

Во 2-хъ, мы иногда ошибочно считаемъ несчастіемъ то, что въ дѣйствительности является нашимъ благомъ, является средствомъ къ обновленію и улучшенію нашей жизни, особенно духовной. Такъ, напимѣръ, недостатокъ физическаго здоровья мы всегда склонны считать нашимъ бѣдствіемъ, а между тѣмъ физическая немощь, можетъ быть, предохраняетъ насъ отъ увлеченія тѣми или другими нашими порочными наклонностями. Бѣдность также является постояннымъ источникомъ ропота съ нашей стороны, а Евангеліе говоритъ, что богатому трудно войти въ царство небесное. Нерѣдко мы видимъ, что разорившіеся богачи нравственно измѣняются къ лучшему, а разбогатѣвшіе бѣдняки нравственно тупѣютъ и развращаются.

Самая смерть, это ужаснѣйшее изъ бѣдствій человѣческой жизни, потеря родныхъ и дорогихъ существъ, заставляетъ иногда наше сердце глубже почувствовать суетность всего земнаго и съ большею искренностью и горячностью обратиться къ Богу, какъ къ единственному источнику вѣчной, неумирающей жизни и радости. Этотъ глубокий смыслъ страданій и смерти подмѣченъ и нашею художественной литературой, и опытомъ подвижниковъ христіанскихъ. Есть небольшой прекрасный рассказъ Л. Н. Толстого „Молитва“. Содержаніе его таково. „У молодой женщины умеръ отъ водянки въ головѣ ея первый и единственный трехлѣтній мальчикъ. Все время болѣзни мать по нѣскольку разъ въ день переходила отъ отчаянія къ надеждѣ. По нѣскольку разъ въ день она уходила въ свою спальню, становилась передъ большимъ образомъ Спасителя въ золотой ризѣ и молилась Богу о томъ, чтобы Онъ спасъ ея мальчика. Но Богъ сдѣлалъ не по ея, а по Своему. Мальчикъ умеръ. Теперь, когда она поняла это, она почувствовала, что въ головѣ ея что-то сдѣлалось,

какъ будто сорвалось что-то и стало кружиться, и она, придя въ свою спальню, съ удивленіемъ оглянулась на всѣ свои вещи, какъ будто не узнавая мѣста, легла на кровать и потеряла сознание. И вотъ она во снѣ видитъ, что ея Костя, здоровый, веселый, сидитъ со своими кудрявыми волосами и тонкой, бѣлой шейкой на креслицѣ, болтаетъ пухлыми ножками и, выпятивъ губки, старательно усаживаетъ куклу мальчика на картонную лошадку. „Какъ хорошо, что онъ живъ! думаетъ она. И какъ жестоко то, что онъ умеръ. Зачѣмъ? Развѣ могъ Богъ, Которому я такъ молилась, допустить, чтобы онъ умеръ? Зачѣмъ это Богу? Развѣ онъ мѣшаетъ кому-нибудь? Развѣ Богъ не знаетъ, что въ немъ вся моя жизнь, что я не могу жить безъ него?“ И вдругъ Матрена дѣвочка, помощница няни, начинаетъ что-то говорить очень странное. Мать знаетъ, что это Матреша, а вмѣстѣ съ тѣмъ она и Матреша, и Ангель. И Ангель-Матреша говоритъ: „Напрасно вы, сударыня, на Бога обижаетесь. Ему никакъ нельзя всѣхъ слушать. Они часто о такомъ просятъ, что одному сдѣлаешь, другого обидишь... Да, это такъ, думаетъ мать. Но я не объ этомъ. А отчего же Онъ не можетъ исполнить просьбу, когда я прошу не о вредномъ о чемъ-нибудь, а только о томъ, чтобы не уморить моего бѣднаго мальчика? Я вѣдь безъ него жить не могу“. „Да вѣдь не одно это, барыня, пристааетъ Матреша. Бываетъ, что и одинъ просить, да никакъ невозможно Богу сдѣлать того, что онъ хочетъ... Вотъ хорошій человекъ—изъ молодыхъ все больше—просить помочь ему, чтобы онъ дурныхъ дѣлъ не дѣлалъ, не пьянствовалъ, не распутничалъ, просить, чтобы изъ него, какъ занозу, вынули порокъ. А Ему никакъ нельзя этого, потому каждому надо и самому стараться. Только отъ старанія и польза бываетъ... А то и такъ бываетъ... Разорилась семья, не по своей винѣ, всѣ плачутъ; вмѣсто хорошихъ комнатъ живутъ въ углѣ, даже чаю нѣтъ, просятъ хоть какънибудь помочь имъ. И тоже никакъ нельзя Ему сдѣлать по ихъ

нему, потому Онъ знаетъ, что это имъ же на пользу. Они не видятъ, а Онъ, Батюшка, знаетъ, что если бы они въ достаткѣ жили, они бы вдрызгъ избаловались.“ Все это правда, думаетъ барыня. Но я не про то спрашиваю. Я спрашиваю: зачѣмъ, за что хотѣлъ Богъ взять у меня моего мальчика? Если Богъ могъ это сдѣлать, то Онъ злой, дурной Богъ, и совсѣмъ не надо Его, и не хочу знать Его. И что же это такое: Матреша уже совсѣмъ не Матреша, а какое-то совсѣмъ другое, новое, странное, неясное существо, и говоритъ это существо не устами вслухъ, а какимъ-то особеннымъ способомъ, прямо въ сердцѣ матери: „Жалкое ты, слѣпое и дерзкое, зазнавшееся созданіе... Ты видишь своего Костю, какимъ онъ былъ недѣлю тому назадъ со своими крѣпенькими, упругими членами и длинными, вьющимися волосами и съ наивной, ласковой и осмысленной рѣчью. Но развѣ онъ всегда былъ такой? (И развѣ онъ такимъ всегда остался бы?) Ты вѣдь не знаешь, чѣмъ онъ былъ бы, если бы остался живъ. А я знаю“. И вотъ мать видитъ въ отдѣльномъ, ярко освѣщенномъ электричествомъ, кабинетѣ ресторана (одинъ разъ мужъ возилъ ее въ такой ресторанъ) передъ столомъ съ остатками ужина видитъ одутловатаго, морщинистаго, съ подведенными кверху усами, противнаго, молодящагося старика. Онъ сидитъ, глубоко затонувъ въ мягкомъ диванѣ, и пьяными глазами оглядываетъ развращенную, подкрашенную женщину, и пьянымъ языкомъ выкрикиваетъ, повторяя нѣсколько разъ, неприличную шутку, очевидно довольный одобрительнымъ хохотомъ такой же другой, какъ онъ, пары. „Неправда, это не онъ, это не мой Костя!“ вскрикиваетъ мать съ ужасомъ, глядя на гадкаго старичка, который тѣмъ и ужасенъ, что что-то есть въ его взглядѣ, въ его губахъ, напоминающее особенное Костино. И на этихъ словахъ мать просыпается и съ ужасомъ признаетъ дѣйствительность, отъ которой уже некуда проснуться. Она идетъ въ дѣтскую. Няня уже обмыла и убрала Костю. Съ восковымъ, утончившимся

носикомъ, съ ямочками у ноздрей и приглаженными отъ лба волосиками, онъ лежитъ на какомъ-то возвышеніи. Вокругъ горять свѣчи, и стоятъ на столикѣ въ головахъ бѣлые, лиловые и розовые гіацинты. Въ первую минуту мать поражаетъ и отталкиваетъ ужасное сходство мертваго личика съ тѣмъ лицомъ старика, которое она видѣла во снѣ, но она отгоняетъ эту мысль и перекрестившись притрогивается теплыми губами къ холодному, восковому лобу, потомъ цѣлуетъ сложенные остывшія маленькія ручки, и вдругъ запахъ гіацинтовъ какъ будто что-то новое говоритъ ей о томъ, что его нѣтъ и никогда больше не будетъ, и ее душатъ рыданія, и она еще разъ цѣлуетъ его въ лобъ и въ первый разъ плачетъ. Она плачетъ, но плачетъ не безнадежными слезами, но покорными, умиленными. Ей больно, но она уже не возмущается, не жалуется, а знаетъ, что то, что было, должно было быть, и потому было хорошо.—Грѣхъ, матушка, плакать! говорить няня. Отъ слезъ его душенькѣ тяжело будетъ. Ему хорошо теперь, Ангельчикъ безгрѣшный. А живъ бы былъ, кто знаетъ, что бы было.—Такъ, такъ, а все-таки больно, больно! говоритъ мать“.

Читая этотъ небольшой рассказъ, мы не можемъ не чувствовать правды того настроенія, которое Л. Н. Толстой, какъ истинный художникъ, вложилъ въ душу несчастной матери. Она скорбитъ, тяжело скорбитъ, но ея скорбь умиротворяется ея глубокой вѣрой въ бодрствующій надъ всѣми нами Промыслъ Божій, и она подчиняется святой и благой волѣ Божіей. Какая разница между ея настроеніемъ и настроеніемъ также потерявшаго единственнаго сына Андреевскаго человѣка, осыпающаго Бога неистовыми и безумными проклятіями. Впрочемъ, мы примирились бы и съ этими проклятіями, если бы они были только вспышкой естественнаго горя, но въ томъ то и заключается весь ужасъ и вся ложь внутренняго міра Андреевскаго героя, что у него вражда противъ Бога является не минутной вспышкой безумнаго горя, а выра-

женіемъ твердо и безповоротно сложившагося богоборческаго міросозерцанія.

Отъ художественныхъ образовъ обратимся къ свидѣтельству внутренняго опыта христіанскихъ подвижниковъ. Вотъ, какъ говорить о смыслѣ земныхъ скорбей извѣстный Оптинскій старецъ, іеросхимонахъ Макарій, въ одномъ изъ своихъ писемъ. „Съ моимъ зачатіемъ написывался внутри меня законъ разрушенія; на каждый вновь образующійся членъ смерть накладывала свое грозное клеймо, говоря: оны мой. Цѣпь дней моихъ есть цѣпь большихъ или меньшихъ страданій. Каждый новый день моей жизни есть новый шагъ, приближающій меня къ смерти. Приходятъ болѣзни, и трепещущее сердце вопрошаетъ ихъ: предвѣстники ли вы только моей кончины, или уже дана вамъ власть разлучить тѣло отъ души разлукою горестною и страшною? Иногда умственное мое око, развлеченное суетою, оставляетъ созерцаніе моей печальной участи; но едва встрѣтится какое либо внезапное скорбное приключеніе, опять быстро притекаетъ къ моему любимому поученію, къ поученію о смерти: ибо въ истинной печали сокрыто истинное утѣшеніе, и благоразумное памятованіе смерти расторгаетъ узы смерти! Ты, Котораго неизреченной благодати мы созданіе, скажи намъ, почто жизнь нашу Ты растворилъ горестями? Неужели Твое милосердіе не трогается нашими страданіями? Почто даешь мнѣ бытіе и потомъ восхищаешь оное мучительною смертію? Не улаждаюсь Я, вѣщаетъ Богъ, твоими болѣзнями, о, человекъ! Но изъ сѣмени скорбей твоихъ и твоихъ печалей желаю произрастить для тебя плоды вѣчнаго и величайшаго наслажденія. Не въ твоемъ единственно тѣлѣ запечатлѣлъ Я законъ смерти и разрушенія,—Я запечатлѣлъ его въ каждомъ предметѣ сего видимаго міра. Я заповѣдалъ всему свѣту вопить тебѣ вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ, что жизнь сія не есть жизнь истинная и настоящая, что нѣтъ въ семъ мірѣ ничего постояннаго, къ которому могло бы привязаться твое сердце любовію непредосудительною. Когда

ты не внемлешь грозному гласу всей вселенной, тогда отеческое Мое благоутробіе, непрестанно тебѣ желающее неограниченныхъ благъ, заставляетъ Меня поднять жезлъ наказанія, тогда томлю тебя искушеніями, измождаю недугами, угрызаю скорбями, дабы ты, оставивъ безуміе, сдѣлался премудръ, оставивъ тѣни, за коими гоняешься, припалъ къ стопамъ истины и вмѣстѣ къ стопамъ спасенія“¹⁾).

Изъ всего, сказаннаго нами, можно видѣть, что сколь ни ужасающа сила нравственнаго зла на землѣ, какъ ни бѣдственны его послѣдствія, все это не даетъ человѣку права и основанія считать Бога виновникомъ своихъ несчастій, и эти несчастія нисколько не затемняютъ Свѣтлаго Лика Божественной любви и Божественной правды. Мало того. Мы имѣемъ историческій фактъ необъятнаго мірового значенія, фактъ, составляющій центръ всей нравственной жизни человѣчества и со всею ясностью обнаруживающій передъ нами неисчерпаемую глубину и величіе милосердной любви и состраданія Божія къ людямъ, готовность Божію притти на помощь грѣховному и страждущему человѣчеству въ дѣлѣ его нравственнаго спасенія и побѣды надъ нравственнымъ зломъ и его разнообразными бѣдственными послѣдствіями.

Этотъ фактъ—воплощеніе Сына Божія и Его Голгоеская Искупительная жертва.

Если богоборцы могутъ съ нѣкоторымъ будто бы правомъ вышеизложенное нами доказательство бытія Божія, основанное на внутреннемъ опытѣ сердца, назвать субъективнымъ плодомъ воображенія и на этомъ основаніи отрицать его убѣдительность, то они ничего не могутъ возразить противъ объективнаго факта, засвидѣтельствованнаго всемірною исторіей, факта появленія на землѣ среди людей Воплощенной Любви, Святости и Мудрости, факта земной жизни Сына Божія. Если бы у насъ и не было

¹⁾ Сказаніе о жизни и подвигахъ іеросхимонаха Макарія. Стр. 23.

другихъ доказательствъ бытія Божія, то уже одно появленіе на землѣ Существа столь Совершеннаго, исполненнаго одной только безконечной любви и безупречной правды, явилось бы очевиднымъ и несомнѣннымъ доказательствомъ того, что надъ міромъ бодрствуетъ, міромъ движетъ не слѣпой, безпощадный рокъ, а живая, личная, Святая Любовь, Высочайшая Правда, Высочайшій Разумъ.

Ибо, въ противномъ случаѣ, какимъ образомъ міръ, представляющій изъ себя бездушную и безпощадную машину, могъ бы изъ своихъ нѣдръ произвести столь дивное, столь одухотворенное, столь совершенное и прекрасное Существо? Самая возможность появленія на землѣ этого Существа уже свидѣтельствуешь намъ, что есть Богъ.

Черезъ Сына Божія мы узнаемъ и то, *каковъ* Богъ. „Видѣвшій Меня, говоритъ Господь Иисусъ Христосъ, видѣлъ Отца... Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя; Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла. Вѣрьте Мнѣ, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“. (Іоан. 14, 9—11).

Итакъ, *каковъ* Сынъ, *таковъ* и Отецъ. Сынъ Святъ, Премудръ, неизреченно Милосердъ,—и Отецъ Святъ, Премудръ и неизреченно Милосердъ. Разумъ и Любовь, и Правда лежатъ, такимъ образомъ, въ основаніи міра. „Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16). „Овъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ (Мѡ. 5, 45). „Не пять ли малыхъ птицъ продаются за два ассарія? И ни одна изъ нихъ не забыта у Бога. А у васъ и волосы всѣ на головѣ сочтены“. Итакъ, не бойтесь, вы дороже многихъ малыхъ птицъ“ (Лк. 12, 6—7). Такими словами изображаетъ намъ св. Евангеліе безграничное милосердіе Божіе и его неустанную благопопечительность о всемъ сотворенномъ, и эти слова представляютъ собою не какую-либо

догадку человѣческаго разума или предположеніе, неимѣющее достаточнаго основанія, а являются точнымъ изображеніемъ той живой, воплотившейся Истины, которая обитала съ нами, на нашей грѣшной землѣ, которую мы слышали и видѣли своими очами, которую осязали руки наши (1 Іоан. 1, 1).

Какого же намъ ожидать еще другого, болѣе яснаго, полнаго, глубокаго и истиннаго познанія Божества?! Воплощеніе Сына Божія разрѣшаетъ намъ, наконецъ, и мучительный вопросъ объ отношеніи Бога къ нравственному злу міра. Оно показываетъ, что Богъ не остается безучастнымъ зрителемъ человѣческихъ страданій. Но такъ какъ зло, вызванное къ бытію свободою волею человѣка, можетъ быть и побѣждено только при участіи свободной же воли человѣка, и такъ какъ для того, чтобы возбудить въ человѣкѣ сильнѣйшее желаніе побѣды надъ зломъ, необходимо было ему показать и всю красоту добра, необходимо было и убѣдить его въ томъ, что побѣда надъ зломъ возможна, если не собственными силами человѣка, то при всемогущей поддержкѣ Божіей,—вотъ Господь и посылаетъ на землю Своего Единороднаго Сына, въ лицѣ Котораго люди и познали все величіе, всю красоту, всю славу нравственнаго добра, и нашли для себя несокрушимую помощь для побѣды надъ зломъ.

Воплотившійся Сынъ Божій сталъ, такимъ образомъ, тою нравственною точкою опоры, на которую могло и должно было опереться измученное зломъ человѣчество для того, чтобы, такъ сказать, повернуть колесо своей нравственной жизни на новый путь и вступить въ упорную и рѣшительную борьбу съ растлѣвающимъ его нравственнымъ зломъ.

Наблюдая это удивительное средство, дарованное Богомъ людямъ для спасенія ихъ отъ ими же самими созданнаго зла, какъ не воскликнуть съ Ап. Павломъ: О, бездна богатства и премудрости, и вѣдѣнія Божія! Какъ непостижимы судьбы Его и неизслѣдимы пути Его! (Рим.

11. 33—34). Отсюда становится намъ ясною и цѣльъ иску-пительныхъ страданій Христа. Обозрѣвая въ своемъ Божественномъ сознаніи и въ Своемъ исполненномъ любви сердцѣ все многообразное и ужасающее зло, развѣдающее и терзающее человѣческій родъ, Сынъ Божій, чистый и непричастный этому злу, скорбѣлъ невыразимую скорбью, желая, чтобы поскорѣе разгорѣлся въ людяхъ огонь святой ненависти къ тому злу, въ которое они добровольно погрузились, огонь святой любви къ Богу, къ своему нравственному обновленію. „Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ уже возгорѣлся (Лк. 12. 49), говорилъ Христосъ. Но чтобы этотъ огонь разгорѣлся, Сыну Божію необходимо было показать людямъ, что Онъ, возлюбивъ Своихъ сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ! (Іоан. 13. 1). „Крещеніемъ, говорилъ Онъ, долженъ Я креститься; и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится!“ (Лк. 12. 50). „Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода“ (Іоан. 12. 24). Голгоѣская жертва и была тѣмъ высшимъ проявленіемъ любви Сына Божія къ людямъ, которое должно было произвести въ ихъ душахъ окончательный разрывъ со зломъ, окончательное обращеніе къ добру и къ Богу. „И когда Я буду вознесенъ отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ!“ (Іоан. 12. 32), говоритъ Господь ¹⁾).

И вотъ—воздвигся на землѣ Животворящій, Спасительный Крестъ Господень, и сталъ Онъ побѣднымъ знаменемъ христіанства. Имъ осѣняемые, имъ укрѣпляемые, несчастные, поработанные ими же самими созданнымъ зломъ, удручаемые разнообразными жизненными бѣдствіями люди у Его подножія, на мѣстѣ, идѣже стоятъ пречистѣи нозѣ Господа Іисуса, почерпаютъ для себя нрав-

¹⁾ Конечно, смыслъ Голгоѣской жертвы во всей его полнотѣ необъятенъ человѣческимъ умомъ, и мы приводимъ лишь одну изъ его частности.

ственную силу, бодрость, утѣшеніе, помощь для борьбы и побѣды надъ грѣхомъ, надъ горестями жизни, надъ самой смертію. Такъ небесный Отецъ протягиваетъ живущимъ на землѣ руку помощи и спасаетъ ихъ отъ того зла, которое они сами себѣ создали, и отъ котораго они никогда бы не освободились собственными усилиями. Видя и зная все это, кто же осмѣлится сказать, что Богъ забылъ людей или что Онъ обрекъ ихъ на страданія, грѣхъ и смерть?! Это можетъ сказать только или духовно слѣпой человѣкъ, никогда не слыхавшій и не читавшій о Христѣ, или ожесточившійся до крайняго ослѣпленія, умышленно закрывающій глаза на истину.

Но, скажутъ, Христосъ жилъ такъ давно... А намъ нужна постоянная, близкая, ежедневная, ежечасная помощь! Да, Христосъ жилъ на землѣ во плоти давно, но духомъ Онъ и теперь съ нами. „Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“. (Мѣ. 28. 20). Онъ создалъ для насъ на землѣ такую среду, такую духовную атмосферу, которая постоянно вливаетъ въ насъ новыя и новыя духовныя силы, возрождаетъ насъ, воспитываетъ и укрѣпляетъ. Эта среда—есть Церковь Христова. Она есть средоточіе жизни Христовой на землѣ, несокрушимый оплотъ христіанства, по слову Спасителя: „Я создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мѣ. 16. 18). Если Христосъ нашелъ необходимымъ создать на землѣ Церковь Свою, то, очевидно, внѣ Церкви нѣтъ истинной жизни христіанской, нѣтъ спасенія для человѣка. Со временъ Іисуса Христа и до настоящаго времени Церковь связываетъ и объединяетъ вѣрующихъ въ одинъ живой, тѣсный союзъ, въ одно живое тѣло Христово, сообщающее каждому своему члену духъ, жизнь и силу. Ей именно обѣщалъ Господь и въ нее вложилъ, черезъ нее изливаетъ Свою спасительную благодать, питающую души вѣрующихъ въ таинствахъ, пѣснопѣніяхъ, во всемъ строѣ церковной жизни. Церковь есть живой, неумирающій свидѣтель всѣхъ дѣлъ и словъ Спасителя, живая школа истинной христіанской жизни.

Она есть продолжательница дѣла Христова на землѣ, придающая дѣятельный до скончанія вѣка характеръ борьбѣ со зломъ міра. И потому, кто хочетъ быть со Христомъ, тотъ долженъ быть въ Церкви. Оторвите листь отъ дерева, и онъ засохнетъ, ибо перестанетъ питаться живительными соками дерева. Оторвитесь сами отъ Церкви, и вы духовно засохнете, ибо перестанете воспринимать черезъ нее благодатную жизнь отъ Христа. Итакъ, если вы хотите, чтобы Христосъ былъ близокъ къ вамъ, будьте сами близки къ Церкви, и благодатная атмосфера Церкви введетъ васъ въ живое общеніе со Христомъ.

Печальнымъ знаменіемъ нашего времени является то, что многіе, по примѣру Л. Н. Толстого, благоговѣя якобы передъ Иисусомъ Христомъ, пренебрежительно относятся къ Церкви и, замѣчая въ ней дѣйствительныя или мнимыя погрѣшности, обвиняютъ ее въ искаженіи христіанства, и отпадаютъ отъ нея, не сознавая, что отпадаютъ отъ источника жизни. Такихъ людей можно сравнить съ тѣми, кто, замѣчая сухую, изборожденную и некрасивую кору могучаго зеленаго дуба, приходитъ къ заключенію, что въ этомъ дубѣ изсякла живая жизнь...

Какъ въ дубѣ сухая и некрасивая кора не исключаетъ могучей внутренней силы, такъ и въ Церкви христіанской ошибки отдѣльныхъ личностей и даже заблужденія цѣлыхъ помѣстныхъ церквей—не исключаетъ внутренней силы и благодатной животворности организма, пребывающаго въ вѣчномъ и ненарушимомъ единеніи съ источникомъ жизни и истины—Христомъ. А потому, скажемъ еще разъ, кто истинно вѣритъ во Христа, вѣритъ Его слову, тотъ не можетъ не вѣритъ и въ Церковь. А кому Церковь не мать, тому, по слову святого священномученика Кипріяна, и Богъ не отецъ.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

Полтава.

РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ

„О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“

ТВОРА КЕМПІЙСКАГО *).

КНИГА ТРЕТЬЯ.

О ВНУТРЕННЕМЪ УТѢШЕНІИ.

Глава пятьдесятъ первая.

О томъ, что усерднѣе надобно предаваться смиреннымъ дѣламъ, когда нѣтъ силъ для дѣлъ высокихъ.

Созерцать Бога и любить Его, любить Бога и созерцать Его—вотъ жизнь небесная. Иногда душа предвкушаетъ ее уже здѣсь, на землѣ; въ такомъ состояніи она чувствуетъ себя какъ бы вознесенною надъ собою и въ пламенной радости восклицаетъ: „хорошо намъ здѣсь быть“ ¹⁾. Но вскорѣ наступаетъ время испытанія: приходится снизойти съ Оавора и итти крестнымъ путемъ. Блаженна душа, которая въ сухости, въ страданіи, въ одинокости своей пребываетъ мирною, безропотною и не впадаетъ въ уныніе; блаженна душа, вѣрная Господу Иисусу умирающему и бодро слѣдующая за Нимъ на Голгоѳу! Блаженна душа, готовая послѣ трапезы Жениховой раздѣлить съ Нимъ и Его жертву и восклицающая, какъ одинъ изъ Его св. апостоловъ: „Пойдемъ и мы умремъ съ Нимъ“ ²⁾!

*) Продолженіе. См. № 9 „Душ. Чт.“

¹⁾ Матѳ. XVII, 4.

²⁾ Іоан. IX, 16.

Глава пятьдесятъ вторая.

О томъ, что не долженъ человѣкъ почитать себя достойнымъ утѣшенія, по паче достойнымъ наказанія.

Нѣкоторые ищутъ слишкомъ жадно утѣшеній небесныхъ и впадаютъ въ уныніе, какъ только утѣшенія эти у нихъ отнимаются. Но такія милости, даруемая Богомъ или въ награду душѣ, пылающей чрезвычайною ревностью, или какъ ободреніе душѣ слабой еще, чтобы помочь ей вынести трудъ покаянія, отнюдь не есть нѣчто обычное въ духовной жизни, и нужно всегда „предаваться на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась въ смертной плоти нашей“ ³⁾. Въ чемъ состояло бы искупленіе, въ чемъ—заслуга, если бы мы нисколько не страдали или если бы наши страданія всегда сопровождались божественнымъ помазанничествомъ, умѣряющимъ ихъ и дѣлающимъ ихъ иногда болѣе сладостными, чѣмъ всѣ земныя радости? Сами по себѣ мы, грѣшныя, имѣемъ право только на мученія, и вотъ мы хотѣли бы уже на землѣ наслаждаться блаженствомъ небеснымъ?! Благословимъ лучше милосердіе Божіе, замѣняющее временными испытаніями муки въ вѣчности; благословимъ Бога, воспоминающаго о нашихъ долгахъ предъ Нимъ во время земного нашего странствованія, чтобы забыть о нихъ потомъ навсегда, и скажемъ Ему изъ глубины „сокрушеннаго сердца“, исполненнаго благодарности и любви: „многokrатно омой меня отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти меня, ибо беззаконія мои я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною“ ⁴⁾.

Глава пятьдесятъ третья.

О благодати, коей не могутъ познать земное мудрствующіе.

„Никто не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить; или одному

³⁾ 2 Кор. IV, 11.

⁴⁾ Псал. I, 4, 5.

станеть усердствовать, а о другомъ не радѣть“ ⁵⁾). Мы не можемъ служить одновременно и Богу, и міру; и жизнь христіанская состоитъ въ томъ, чтобы освободиться отъ порабощенія міру, чтобы пріобрѣсти „свободу чадъ Божіихъ“ ⁶⁾). И вотъ, благодать борется въ насъ за Бога противъ растлѣнной природы, увлекающей насъ къ міру. Изъ этой страшной борьбы выходятъ побѣдителемъ, только умирая для себя самого, для своихъ склонностей и пристрастій. Тѣлесная смерть, полагающая навсегда конецъ борьбѣ между природою и благодатью, представляетъ собою послѣднюю побѣду христіанина, что побудило Апостола Павла сказать: „Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“ ⁷⁾? Будемъ же упражняться въ самоумерщвленіи: отвергнемся міра съ похотями его, отвергнемся и самихъ себя и станемъ жить только въ Богѣ, Богомъ и для Бога. Чего искать намъ внѣ Его? Развѣ не въ Немъ всѣ истинныя блага? О, когда будетъ дано намъ видѣть Его „какъ Онъ есть“ ⁸⁾, „въ правдѣ взирать на лице Его и насыщаться образомъ Его“ ⁹⁾ и славю Его безконечной! Ускоримъ пожеланіями своими наступленіе минуты, которая опредѣлитъ наше вѣчное состояніе, и въ пылу своихъ пожеланій воззовемъ къ Нему съ Пророкомъ: „Горе мнѣ, что изгнаніе мое продолжилось! Я живу у шатровъ Кидарскихъ, и моя душа на чужбинѣ среди нихъ“ ¹⁰⁾,

Глава пятьдесятъ четвертая.

О различныхъ движеніяхъ природы и благодати.

Согласно ученію великаго Апостола, въ насъ живетъ два противоположныхъ закона: законъ плоти, порабощающій насъ грѣху, и законъ духа, сдерживающій насъ на

⁵⁾ Мате. VI, 24.

⁶⁾ Римл. VIII, 21.

⁷⁾ Римл. VII, 24.

⁸⁾ 1 Іоан. III, 2

⁹⁾ Псал. CXIX, 5.

¹⁰⁾ Псал. CXIX, 5.

надлежащемъ пути съ помощью благодати, данной намъ чрезъ Христа Иисуса. Благодаря борьбѣ плоти съ духомъ ¹¹⁾, мы колеблемся на землѣ между зломъ и добромъ, между міромъ и Богомъ; къ одному влечетъ природа и къ другому благодать, никогда совсѣмъ не покидающая самыхъ великихъ грѣшниковъ, равнымъ образомъ какъ и вождельнія никогда не перестаютъ беспокоить и праведныхъ. Что станется съ нашей бѣдной душою, вовлеченной въ страшную эту борьбу? Какъ должна она трепетать за послѣдствія такой брани! И потому „вся тварь совокупно стенаетъ и мучится доннѣ; и не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего“ ¹²⁾. Блаженный день! Когда наступитъ онъ? Когда насладимся мы восхитительнымъ миромъ непоколебимой любви? „Я имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ“ ¹³⁾. „Жаждетъ душа моя къ Богу крѣпкому, живому: когда прійду и явлюсь предъ лице Божіе“ ¹⁴⁾.

Глава пятьдесятъ пятая.

О поврежденіи природы и о дѣйствии Божественной благодати.

Христіанская вѣра, во первыхъ, открываетъ намъ глаза на нашу грѣховность, а во вторыхъ, указываетъ намъ на средство ко спасенію. Она учитъ насъ тому, что сами по себѣ не можемъ мы спастись, но что мы „все можемъ въ укрѣпляющемъ насъ Иисусѣ Христѣ“. ¹⁵⁾ Велѣдствіе этого Св. Апостоль Павель высказываетъ глубокую и удивительную для человѣческой гордости истину: „Я гораздо охотнѣе, говоритъ Онъ, буду хвалиться своими немощами,

¹¹⁾ Римл. VII, 22—23.

¹²⁾ Римл. VIII, 22, 23.

¹³⁾ Флп. I, 23.

¹⁴⁾ Псал. XLI, 3.

¹⁵⁾ Филип. IV, 13.

чтобы обитала во мнѣ сила Хрпстова. Посему я благодушествоую въ немощахъ, ибо, когда я немощенъ, тогда силенъ“ ¹⁶⁾. Вникнемъ въ мысль Апостола и научимся сознавать свое безсиліе, радоваться, такъ сказать, своему ничтожеству. Когда мы отдѣлаемся отъ высокаго о себѣ мнѣнія и сдѣлаемъ въ этомъ направленіи, если можно такъ выразиться, глубокую пробоину въ нашей душѣ, въ нее устремятся потоки Божіей благодати. Уже на землѣ дарованъ будетъ намъ миръ, ибо что можетъ смутить того, кто, презирая себя, ищетъ опоры только у Бога и за Него одного держится? „На землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе“ ¹⁷⁾,—въ смиренныхъ сердцемъ; миръ—здѣсь, а на небѣ—„насыщеніе славою Божіей“ ¹⁸⁾.

Глава пятьдесятъ шестая.

О томъ, что должно намъ отвергнуть себя и Христу подражать въ Крестѣ.

Странно, что человѣку слѣдуетъ всегда повторять: подумай о твоей душѣ,—время бѣжить, вѣчность приближается; быть можетъ, она предстанетъ предъ тобою не сегодня—завтра; а между тѣмъ, если бы человѣку не напоминать ежечасно этой важной истины, онъ забывалъ бы о ней, до такой степени сильно надъ падшимъ созданіемъ увлеченіе міромъ. Пробудитесь, воспряньте отъ сна, не откладывайте болѣе попеченія о „единомъ на потребу“ ¹⁹⁾, поторошитесь приняться за дѣло, пока день еще свѣтитъ, „наступитъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать“ ²⁰⁾: страшная ночь, ночь отчаянія, ночь безъ разсвѣта! Не теряя ни минуты, отступите отъ „пространнаго пути, ведущаго въ погибель“, и ступите на „узкій путь“.

¹⁶⁾ II Кор. XII, 9, 10.

¹⁷⁾ Лук. II, 14.

¹⁸⁾ Псал. XVI, 15.

¹⁹⁾ Лук. X, 42.

²⁰⁾ Іоан. IX, 4.

ведущій къ жизни“ ²¹⁾. Боритесь бодро съ наклонностями природы, падкой на зло, и самоотверженно несите крестъ свой: въ немъ сила, надежда и спасеніе. Счастливъ тотъ, кто, какъ Св. Павелъ, „не знаетъ ничего кромѣ Иисуса Христа, и притомъ распятаго“ ²²⁾! Онъ услышитъ въ послѣдній день слово вѣчной радости: „Приидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“ ²³⁾. Но презирающихъ крестъ и живущихъ только для себя ожидаетъ другая судьба: „Чаша въ рукъ Господа, вино кипитъ въ ней, и Онъ наливаетъ изъ нея. Даже дрожжи ся будутъ выжимать и пить всѣ нечестивые земли“ ²⁴⁾.

Глава пятьдесятъ седьмая.

О томъ, что не слѣдуетъ чрезмѣрно унывать въ паденіяхъ.

Не достаточно быть терпѣливымъ съ другими, нужно быть такимъ и съ самимъ собою. Сильная горечь, какую ощущаемъ мы въ себѣ, совершивъ какой-нибудь грѣхъ, происходитъ скорѣе отъ униженнаго самолюбія, нежели отъ подобающаго раскаянія. Человѣкъ смиренный, знающій свою слабость, не удивляется своимъ паденіямъ; онъ сокрушается вслѣдствіе своей оплошности, молить Бога о прощеніи, но начинаетъ съ обновленною бодростью бороться со грѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое паденіе—зло, но отчаяніе—еще большее зло. Смущеніе наше имѣетъ источникомъ своимъ или мучительное, при гордости, сознаніе нашей немощи, или недостатокъ довѣрія къ Тому, Кто „исцѣляетъ всѣ педуги наши“ ²⁵⁾. „Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“ ²⁶⁾; но если бы

²¹⁾ Матѣ. VII, 13, 14.

²²⁾ 1 Кор. II, 2.

²³⁾ Матѣ. XXV, 34.

²⁴⁾ Псал. LXXIV, 9.

²⁵⁾ Псал. CII, 3.

²⁶⁾ Матѣ. XXVI, 41.

вслѣдствіе искушенія вы и пали, бодрствуйте и молитесь еще больше, не теряя, однако, никогда спокойствія, потому—что „Богъ есть Богъ мира“ ²⁷⁾ и „къ миру призвалъ насъ Онь“ ²⁸⁾. Да будутъ всегда съ нами „благодать, милость, миръ отъ Бога, Отца нашего, и Христа Іисуса, Господа нашего“ ²⁹⁾, и да приведутъ они насъ чрезъ временныя испытанія къ вѣчной радости!

Глава пятьдесятъ восьмая.

О томъ, что не должно высшихъ себя искать и испытывать сокровенные суды Божіи.

Большое несчастье, что люди имѣютъ склонность беспокоить себя тысячею пустыхъ вопросовъ, тогда какъ они едва помышляютъ о самыхъ важныхъ истинахъ. Они хотятъ все знать кромѣ необходимѣйшаго. Ихъ самолюбіе находитъ удовлетвореніе въ почти всегда опасныхъ или, во всякомъ случаѣ, бесплодныхъ для спасенія умствованійхъ. Стараясь проникнуть въ непроницаемыя тайны, они заблуждаются въ мысляхъ своихъ и впадаютъ въ ошибку въ ту минуту, когда полагаютъ, что похитили у Бога сокровенное Имъ. Вотъ плодъ трудовъ, которыми они себя на землѣ истощаютъ. О, какое глубокое и истинное знаніе человѣка выражено въ слѣдующемъ совѣтѣ Премудраго: „Чрезъ мѣру труднаго для тебя не ищи, и что свыше силъ твоихъ, того не испытывай. Что заповѣдано тебѣ, о томъ размышляй, ибо не нужно тебѣ, что сокрыто“ ³⁰⁾. Поразмыслимъ о себѣ и о своихъ обязанностяхъ, о строгомъ отчетѣ, который предстоить намъ отдать за свои дѣла и слова. Есть чѣмъ въ этомъ направленіи заняться и за-

²⁷⁾ 1 Кор. XIV, 33.

²⁸⁾ Тамъ же VII, 15.

²⁹⁾ 1 Тим. 1, 2.

³⁰⁾ Сына Сирах. III, 21, 22.

полнить все время свое: оно для этого только намъ и дано.

Глава пятьдесятъ девятая.

О томъ, что надобно утверждать всякую надежду и увѣренность въ Богъ Единомъ.

Когда все узнаешь, все услышишь, ко всему присмотришься, приходится возвратиться къ всезначущимъ словамъ, заключающимъ въ себѣ всю мудрость и весь путь къ совершенству: „Жажду одного только Бога и если еще чего желаю, то въ Богъ лишь“.—„Представьте себѣ, говорилъ одинъ смиренный инокъ, тысячи милліоновъ созданий (какъ въ области природы, такъ и въ царствѣ благодати), болѣе совершенныхъ, чѣмъ каковы они теперь. Приумножьте до безконечности ихъ качества и сравните затѣмъ эти столь совершенныя созданія съ великимъ Богомъ превѣчнымъ; они окажутся предъ нимъ ничѣмъ. Я старался представить себѣ всѣ болѣе совершенныя созданія; но какъ только мысленному моему взору являлся Богъ, эти чудныя и исполненныя славы созданія отходили съ невѣроятною быстротою на задній планъ и казались ничтожными. Видя, что великій Богъ былъ во мнѣ, и былъ во мнѣ болѣе, чѣмъ я самъ, я чувствовалъ неизъяснимую радость и не могъ понять, какъ возможно, имѣя Бога въ себѣ и повсюду внѣ себя, увлекаться тварями. И приходилъ въ восхищеніе, созерцая Его вѣчныя и неизмѣняемыя совершенства, и когда говорилъ себѣ: „въ Богъ моемъ все—Богъ“, то невольно былъ охватываемъ такою сильною и пламенною къ Нему любовью, что все созданное, казалось мнѣ, исчезало предо мною, и я могъ о Немъ только одномъ помышлять. Я не могу объяснить безконечный восторгъ моего сердца, при созерцаніи Его высочайшихъ совершенствъ; но видя вмѣстѣ съ тѣмъ свое ничтожество, я находилъ невозможнымъ для себя любить Его такъ, какъ хотѣлъ бы, и это причиняло мнѣ неопи-

суемая страданія; ибо чѣмъ болѣе чувствовалъ я себя неспособнымъ любить Его взаимною достойною любовью, тѣмъ болѣе воспламеняла она меня внутренно. И въ этомъ трудѣ душевномъ, въ этихъ мысленныхъ переходахъ отъ Безконечнаго по совершенству къ безконечному по ничтожеству я обращался весь въ духовный огонь воспламенявшей меня любви“.

Протоіерей Александръ Смирнопуло.

Брюссель.

Иванъ Яковлевичъ Корейша.

(По поводу суждений о немъ доктора Н. Н. Баженова).

*И покрыхъ постомъ душу мою,
и бысть въ поношеніе мнѣ.*

*И положихъ одѣяніе мое вретнице,
и быхъ имъ въ притчу.*

*О мнѣ глумляхуся сидящіе во вратѣхъ
и о мнѣ пояху піющіе вино (Пс. 68).*

*„Спаситесь, спаситесь, спасена буди
вся земля!“ (Предсмертныя слова Ивана
Яковлевича Корейши).*

*„Мы очень бѣдны; если бы не Иванъ Яков-
левичъ—не знаю, какъ бы мы сводили концы
съ концами“ (Слова главнаго доктора Пре-
ображенской больницы Саблера).*

I.

Шестого сентября настоящаго 1912 года исполнился 51 годъ со дня кончины знаменитаго пациента Московской Преображенской больницы для душевно-больныхъ Ивана Яковлевича Корейши.

Не много, конечно, осталось въ Москвѣ людей, которые лично знали этого во всякомъ случаѣ такъ или иначе замѣчательнаго человѣка, 46 послѣднихъ лѣтъ своей жизни проведшаго въ Московской Преображенской больницѣ для душевно-больныхъ и очень многими почитавшагося за Христа ради юродиваго. Но не мало, вѣроятно, еще такихъ, которые, подобно намъ, въ дни дѣтства своего слышали о немъ рассказы его современниковъ, которые нерѣдко говорили о немъ со смѣхомъ, передавая различные анекдоты о томъ, какъ И. Я-чъ встрѣчалъ людей, прихо-

дившихъ къ нему за совѣтомъ или предсказаніемъ своей судьбы, и какія смѣшныя вещи онъ иногда съ ними продѣлывалъ. Но меня и тогда уже поражало то обстоятельство, что люди, смѣявшіеся надъ нимъ, видимо съ глубокой вѣрой относились къ его рѣчамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уважали его. Достоверно извѣстно, что къ просьбамъ Ивана Я-ча за другихъ людей со вниманіемъ относился митр. Филаретъ. Тарасенковъ въ книгѣ своей о послѣднихъ дняхъ жизни Гоголя рассказываетъ, что нашъ великій писатель хотѣлъ посѣтить Ивана Я-ча.

Но вотъ не такъ давно появился капитальный трудъ состоящаго въ настоящее время главнымъ докторомъ Московской Преображенской больницы Н. Н. Баженова, подъ заглавіемъ: „Исторія Московскаго Доллгауза, нынѣ Московской Преображенской больницы для душевно-больныхъ. Глава изъ исторіи русской медицины и культурно-бытовой исторіи Москвы“. Въ этомъ великолѣпномъ по своему художественному изложенію трудѣ есть не только рядъ страницъ, посвященныхъ Ивану Яковлевичу Корейшѣ, какъ знаменитому пациенту Преображенской больницы, но даже и портретъ его, а также и изображеніе входнаго билета, по которому къ нему допускалась публика. Въ общемъ Н. Н. Баженовъ подтверждаетъ документально то, что рассказываютъ о необыкновенной популярности Ив. Яковлевича среди современнаго ему общества, и въ своей оцѣнкѣ душевнаго состоянія знаменитаго юродиваго и значенія его дѣятельности въ больницѣ высказываетъ мнѣніе, совершенно противоположное общераспространенному.

Онъ говоритъ: „Чрезвычайно интересную и красочную страницу не только лѣтописи нашей больницы, но и культурно-бытовой исторіи Москвы составляетъ своеобразная фигура знаменитаго въ свое время прорицателя Ивана Яковлевича Корейши, бывшаго пациента Преображенской больницы, въ теченіе почти полувѣка привлекавшаго къ ней вниманіе общества. На немъ стоитъ остановиться. Во-

кругъ него сложилась легенда. О немъ составилаь цѣлая литература. Наконецъ онъ остановилъ на себѣ вниманіе и далъ матеріалъ для художественнаго творчества такихъ великихъ мастеровъ русскаго слова, какъ Достоевскій и Островскій ¹⁾... Слава его, какъ прорицателя, росла и проникала во всѣ слои общества до литературнаго и университетскаго міра включительно. Въ московскомъ купечествѣ и въ кругахъ аристократическихъ были семьи, въ которыхъ ничего не предпринималось безъ предварительнаго визита къ юродивому и его совѣта ²⁾.

Онъ рассказываетъ далѣе, что къ Ив. Яковлевичу, хотя и признанному сумасшедшимъ, администрація Преображенской больницы послѣ того, какъ знаменитый юродивый сталъ очень популяренъ, допускала постороннихъ за особую плату. Это на первый взглядъ несомнѣнно странное обстоятельство докторъ Баженовъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ оправданіе администраціи больницы того времени нужно сказать, что, во первыхъ, и ее смущала наплывъ постороннихъ любопытствующихъ лицъ въ больницу, и что докторъ Саблеръ еще въ тридцатыхъ годахъ старался ограничить это и даже завелъ для посѣщающихъ учрежденіе особые входные билеты; во вторыхъ, пребываніе здѣсь Ивана Яковлевича было источникомъ нѣкотораго благосостоянія больницы: изъ кружки, въ которую каждый посѣтитель обязанъ былъ опустить 20 копѣекъ, судя по отчетамъ, ежемѣсячно въ среднемъ вынималось около 200 рублей (такая кружка и сейчасъ виситъ въ пріемной Преображенской больницы, но въ ней никогда ничего не звенитъ), и это по тогдашнему бюджету больницы былъ большой ресурсъ. Докторъ Демуленъ, рассказывавшій мнѣ свои впечатлѣнія отъ посѣщенія Преображенской больницы въ 1856 году, передаетъ слова доктора Саблера: „мы очень бѣдны; если бы не Иванъ Яковлевичъ— не знаю, какъ бы мы сводили концы съ концами“.

¹⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 71.

²⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 74.

О самомъ душевномъ состояніи Ив. Я-ча онь пишетъ такъ: „Нельзя не согласиться съ тѣмъ діагнозомъ, который значится на его скорбномъ листѣ: dementia“³⁾. Въ подтвержденіе такого своего заключенія о слабоуміи Ив. Як. Корейши Баженовъ говоритъ, что онъ (Иванъ Яковлевичъ) „постоянно занимался толченіемъ камней, бутылокъ, костей и прочихъ предметовъ, обращая все это въ мельчайшій порошокъ... Приготовляя себѣ что-нибудь въ пищу (при этомъ замѣтить надо, онъ ложекъ не имѣлъ, а ѣлъ руками), И. Я. часто мѣшалъ вмѣстѣ самыя разнообразныя вещи: напримѣръ, разъ принесли казенныхъ щей и каши, а изъ посѣтителей въ это время одинъ принесъ ему въ подарокъ лимонъ, другой ананасъ, а третій фунтъ семги, и вотъ Иванъ Яковлевичъ первое, кашу, вваливаетъ въ щи, въ которыя выжимаетъ лимонъ, туда же опускаетъ ананасъ и часть семги и, рукою все это смѣшавъ, ѣсть, приглашая съ сардоническою улыбкою раздѣлить съ нимъ трапезу или какую-нибудь изъ посѣтительницъ, расфранченную купчиху, или сластолюбца барича“⁴⁾.

Что касается вліянія Ивана Яковлевича на приходившихъ къ нему людей, то Н. Н. Баженовъ объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Страннымъ на первый взглядъ и необъяснимымъ должно представляться, что явно слабоумный, сверхъ того внушавшій своею нечистоплотностью отвращеніе, былъ окруженъ такимъ ореоломъ популярности, и что къ нему, какъ къ пророку, стекались толпы и не только темнаго люда, но и болѣе культурныхъ классовъ. Чтобы понять это, нужно учесть то потенциальное напряженіе вѣры въ сверхчувственное и потустороннее, то исканіе откровеній будущаго, которое такъ разлито въ челоуѣчествѣ и которое составляетъ основной фондъ всяческихъ суевѣрій... Для русской жизни характерна и свое-

³⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 73.

⁴⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 73.

образна развѣ только эта склонность отыскивать провидцевъ въ сумасшедшемъ домѣ; это, конечно, должно объясняется тѣмъ почитаніемъ, которымъ у насъ были испоконь вѣка окружены юродивые и блаженные. Разгадка этой неожиданной и диковинной роли, которую занималъ въ Москвѣ почти до нашего времени (онъ умеръ въ 1861 г.) И. Я. Корейша, находится въ психологін среды, которая его окружала, а не въ немъ самомъ; онъ былъ только случайностью, на которой объектировалась эта мистическая жажда приподнять завѣсу будущаго“⁵⁾.

Итакъ, извѣстный психіатръ нашего времени, отрицая, очевидно, вообще юродство, какъ высокій нравственный подвигъ и даже считая его за одно изъ проявленій сумасшествія, не смотря на то, что даже наша русская исторія дала немало примѣровъ того, какъ такіе, съ точки зрѣнія нашего психіатра, сумасшедшіе влияли даже на историческія событія (вспомнимъ хотя бы св. Василя Блаженнаго въ его отношеніяхъ къ царю Іоанну Васильевичу Грозному), отрицаетъ во имя науки всякое нравственное значеніе за словами и поступками и Ивана Яковлевича, признавая его сумасшедшимъ въ формѣ слабоумія. При этомъ, какъ ни странно это, произнося свой суровый приговоръ, докторъ Баженовъ не объясняетъ того непонятнаго въ якобы сумасшедшемъ, но твердо засвидѣтельствованнаго людьми, близко знавшими его, психическаго состоянія, что онъ не только хорошо помнилъ и не разъ вспоминалъ свое прошлое, а и чутко отзывался на все окружающее, и самъ, вѣчно униженный и оскорбленный, забывая о дѣйствительной тяжести собственныхъ страданій, старался помочь всѣмъ, чѣмъ только могъ, и людей, блуждавшихъ во мракѣ, самъ видя солнышко только изъ мрачныхъ стѣнъ своего заключенія, постоянно звалъ къ свѣту, правдѣ и чистотѣ. Сумасшедшіе, какъ всѣмъ это хорошо извѣстно, подавленные своими собственными бре-

⁵⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 75.

довыми мыслями и представлѣніями, совершенно безразлично относятся и къ своему прошлому, и къ нуждамъ и потребностямъ окружающихъ, ничѣмъ на нихъ не реагируя...

Да не обидится уважаемый психіатръ за слѣдующій вопросъ, который я позволю себѣ задать ему съ своей стороны. Пусть такъ, пусть съ точки зрѣнія психіатріи Ив. Як. Корейша дѣйствительно страдалъ душевною болѣзнію, и этимъ объясняются его иногда странные поступки и смѣшныя слова, но какъ же послѣ этого смотрѣть на тѣхъ здоровыхъ людей, которые, будучи по самому своему положенію призваны лѣчить больного и устранять отъ него всякаго рода волненія, вмѣсто этого, хотя бы и въ силу гуманныхъ соображеній, сдѣлали изъ его печальнаго положенія предметъ какого-то платнаго зрѣлища и тѣмъ отягчали еще болѣе его ужасный недугъ (если онъ былъ дѣйствительно сумасшедшій), и вмѣстѣ съ тѣмъ невольнo эксплуатировали приходившую къ Ив. Як. до вѣрчивую публику, заражая ее тѣмъ самымъ суевѣріемъ, относительно котораго говоритъ Н. Н. Баженовъ? Не знаю, что могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ Н. Н. Баженовъ, но тѣ безпристрастные врачи, даже и невѣрующіе, когда я имъ рассказывалъ объ этомъ фактѣ, были искренно возмущены какъ этой непозволительной, съ точки зрѣнія медицинской этики, профанаціей больного и приходившей къ нему публики, такъ и въ особенности тѣми условіями, (объ этомъ я скажу ниже), при которыхъ Ив. Як. былъ заключенъ въ психіатрическую больницу, и дѣйствительнымъ ужасомъ его пребыванія тамъ въ первые годы его заключенія.

Но не будемъ болѣе препираться съ выдающимся психіатромъ нашего времени относительно его научнаго приговора о психическомъ состояніи того доселѣ съ любовью и почитаніемъ многими интеллигентными вѣрующими поминаемаго загадочнаго человѣка, который почти полвѣка содержался въ московской больницѣ для душевно-боль-

ныхъ, какъ страдающій dementia, и въ память только что исполнившагося пятидесятилѣтїя расскажемъ о немъ достойное памяти, пользуясь для этого преимущественно той книжкой, которую знаетъ и докторъ Баженовъ и словами которой, очевидно подтверждая достовѣрность ея показаній, иногда говорить и онъ самъ.

Мы разумѣемъ брошюру А. Ф. Кирѣева, подъ названіемъ: „Юродивый Иванъ Яковлевичъ Корейша. Г. Кирѣевъ, судя по содержанію книжки, да и по прямому свидѣтельству его, долгое время стоя въ близкихъ и непосредственныхъ отношеніяхъ къ И. Я-чу, хорошо зная его въ его до-московской и московской жизни и несомнѣнно глубоко его почиталъ. Поэтому, не стыдясь того, что и его могутъ осмѣять и признать самого чуть ли не сумасшедшимъ за его благоговѣнное отношеніе къ несчастному узнику, смѣло рассказывалъ, что онъ видѣлъ и слышалъ о немъ для того, чтобы и другіе, какъ и самъ онъ, убѣдились, что И. Я-чъ былъ юродивымъ въ лучшемъ христіанскомъ смыслѣ слова, т. е. былъ человѣкомъ глубокаго разума и высокой нравственности и лишь для смиренія своей гордости и болѣе дѣйствительнаго служенія истинному благу ближнихъ представлялся сумасшедшимъ. Но будучи, до вполне правильному опредѣленію доктора Баженова, „Панегиристомъ“ И. Я-ча ⁶⁾, г. Кирѣевъ не былъ панегиристомъ пристрастнымъ и одностороннимъ и потому не старался какъ-либо извинять, объяснять въ хорошую сторону и искажать слова и поступки И. Я-ча, намѣренно или ненамѣренно, но, очевидно, неразумные и грубые, подтверждая тѣмъ полную достовѣрность своихъ рассказовъ и убѣждая въ истинности его сужденія объ И. Я-чѣ.

Вотъ подлинное сужденіе А. Ф. Кирѣева объ И. Я-чѣ:

„Получивъ высшее академическое образованіе и обладая отъ природы умомъ свѣтлымъ“, онъ „былъ для многихъ камнемъ преткновенія какъ образомъ своей юрод-

⁶⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 72.

ствующей жизни, такъ и своими дѣйствіями, шедшими въ разрѣзъ обычаямъ міра, а поэтому посѣщавшіе его изъ одной лишь любознательности уходили съ полнымъ убѣжденіемъ, что видѣли сумасшедшаго, тогда какъ въ то же время люди, чаще другихъ бывавшіе у него и съ религіозной точки зрѣнія глубже всматривавшіеся въ его жизнь и дѣйствія, видѣли передъ собой не только сумасшедшаго, но даже не простого смертнаго, а великаго по терпѣнію своему подвижника, добровольно презрѣвшаго міръ со всѣми его благами и принявшаго вольную нищету и юродство, которыя и Св. Отцами церкви признаются за самое высокое подвижничество... Такіе люди, если и встрѣчаются въ жизни намъ, мученикамъ суеты мірской, то дѣйствительно кажутся какими-то странными и по образу жизни своей ненормальными, какъ казался многимъ и Иванъ Яковлевичъ, потому что міръ, по убѣженію большинства, дарованъ для наслажденія его благами, а подобные Ивану Яковлевичу не только не пользуются благами міра, но даже издѣваются надъ самымъ міромъ и ни во что вмѣняютъ его обычаи. А между тѣмъ, если бы мы, мученики суеты мірской, потрудились въ свое время повнимательнѣй всмотрѣться въ дѣйствія Ивана Яковлевича и убѣдиться въ томъ, что передъ нами не психически-больной, а добровольный страдалецъ, человѣкъ высокаго ума и образованія, тогда невольно приняли бы во вниманіе даже и то обстоятельство: какое, на примѣръ, нужно было самоотверженіе здравомыслящему человѣку сорокъ три года находиться въ сообществѣ умалишенныхъ, доставляя имъ установленнымъ больницей сборомъ за входъ къ нему—улучшенное содержаніе и не получая отъ нихъ, какъ сумасшедшихъ, никакой за это благодарности?! Если вполнѣ здоровому человѣку пришлось бы одинъ мѣсяць пролежать на койкѣ среди обыкновенныхъ больныхъ, и то покажется время это тяжелымъ крестомъ, а здѣсь десятки лѣтъ въ кругу не такихъ больныхъ, съ которыми можно было бы хоть словомъ пе-

рекинуться, а въ кругу людей, лишенныхъ разсудка и смысла человѣческаго, отъ которыхъ никакое слово не могло находить отголоска“ 7). А на стр. 24 той же книжки А. Ф. Кирѣевъ пишетъ слѣдующее: „Но въ общемъ онъ такъ хитро маскировалъ свои дѣйствія передъ народомъ, что грѣшно осуждать тѣхъ, кто его принималъ за сумасшедшаго; нужны были и время и особое настроеніе души, чтобы видѣть въ немъ истиннаго подвижника“.

Думаемъ, что послѣ сказаннаго и безъ дальнѣйшихъ разъясненій ясно, на чьей сторонѣ правда: на сторонѣ ли доктора Баженова, во многомъ говорящаго съ чужого голоса и многое не договаривающаго, или на сторонѣ г. Кирѣева, прямо и опредѣленно высказывающаго свое сужденіе, основанное на лично имъ видѣнномъ, слышанномъ и пережитомъ.

Поэтому, въ дальнѣйшемъ мы, на основаніи книжки А. Ф. Кирѣева и въ цѣляхъ духовно-назидательной памяти о почившемъ знаменитомъ узникѣ Преображенской больницы, постараемся обрисовать образъ его въ тѣхъ его основныхъ чертахъ, которыя, внѣ всякаго сомнѣнія, привлекали къ нему постороннихъ и благодаря которымъ Ив. Як. Корейша вліялъ на своихъ поклонниковъ и, какъ это ни странно въ его положеніи, былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени по той суммѣ добра, которую удалось ему привести современному ему обществу.

II.

Вотъ вкратцѣ біографія знаменитаго прорицателя.

Иванъ Яковлевичъ Корейша былъ сынъ священника. Родился въ г. Смоленскѣ. Уже съ дѣтскихъ лѣтъ онъ отличался глубокой религіозностью и любилъ уединеніе. По окончаніи курса сначала въ Семинаріи, а потомъ и въ Духовной Академіи, онъ былъ назначенъ преподавателемъ духовнаго училища въ родномъ городѣ. Однако, дѣятель-

7) А. Ф. Кирѣевъ, стр. 5—7.

ность учителя, очевидно, не удовлетворяла Ив. Як., потому что через нѣсколько времени, несмотря на то, какъ говоритъ А. Ф. Кирѣевъ со словъ сестры Ив. Як., что послѣдняго любили и ученики, и родители учениковъ, онъ бросилъ педагогическую дѣятельность и отправился путешествовать по святымъ мѣстамъ. По нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что онъ стремился своею душою къ монашеству, но почему то не могъ осуществить этого своего желанія. На это предположеніе наводитъ то обстоятельство, что, по разсказу Кирѣева, онъ побывавъ и въ Соловкахъ, и въ Кіевѣ, наконецъ остался въ Ниловой пустыни, гдѣ наравнѣ съ монахами исполнялъ, по указанію настоятеля, всѣ ихъ послушанія. Но черезъ 3 года, неизвѣстно почему, онъ вернулся въ г. Смоленскъ и былъ назначенъ опять учителемъ. Однако, это была послѣдняя попытка Ив. Як. служить обществу въ качествѣ педагога. Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія въ г. Смоленскъ онъ бросилъ окончательно свое учительство и, желая остаться одинъ, чтобы какъ можно менѣе соприкасаться съ другими людьми, поселился на окраинѣ города въ пустомъ зданіи, бывшемъ прежде бапеею. Вотъ тутъ то онъ и началъ проявлять признаки юродства. Такъ какъ Ив. Як. былъ человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ за свое прекрасное отношеніе къ людямъ пользовался популярностью среди своихъ согражданъ, то многіе обращались къ нему за совѣтомъ по своимъ дѣламъ, и это вполне понятно. Если и теперь наша провинція еще небогата людьми, имѣющими высшее образованіе, тѣмъ болѣе такъ было приблизительно лѣтъ 97 тому назадъ. Неудивительно поэтому, что къ Ив. Як., какъ къ человѣку ученому и вмѣстѣ съ тѣмъ отзывчивому, рѣшались обращаться многіе въ тѣхъ или иныхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Но эта роль совѣтчика была, повидимому, также не по душѣ Ив. Як., искавшему прежде всего уединенія. Чтобы избѣжать тягостныхъ для него посѣщеній своихъ почитателей, онъ вывѣсилъ на банѣ, гдѣ онъ жилъ, объ-

явленіе, что, кто хочетъ его видѣть, тотъ долженъ вползти къ нему въ баню на четверенькахъ. Конечно, это была несомнѣнная странность, но ясно, что Ив. Як. этимъ объявленіемъ намѣренно хотѣлъ оттолкнуть отъ себя посѣтителей, вѣроятно, думая, что его будутъ считать за сумасшедшаго, а къ сумасшедшему едва ли кто рѣшится пойти за совѣтомъ. Но онъ ошибся въ расчетахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, нашлись люди, которые, зная высокій умъ Ив. Як-ча, еще болѣе были заинтригованы его страннымъ объявленіемъ и, считая это съ его стороны намѣреннымъ юродствомъ, стали ходить къ нему, исполняя его приказаніе ползти къ нему на четверенькахъ. Такимъ образомъ, Ив. Як., жаждущій уединенія, достигъ совершенно обратныхъ результатовъ, но по любви своей къ людямъ не могъ отталкивать ихъ больше отъ себя, видя, что ради только того, чтобы его видѣть и побесѣдовать съ нимъ, многіе готовы даже перенести униженіе. Кончилось дѣло тѣмъ, что Ив. Як. сдѣлался настолько популярнымъ въ Смоленскѣ, что его знали всѣ, и ни одного серьезнаго дѣла многіе изъ его согражданъ не предпринимали, предварительно не посоветовавшись съ Ив. Як.

Къ сожалѣнію, эта не желательная для Ив. Як. популярность послужила вѣдшимъ поводомъ и видимою причиною признанія Ив. Як. сумасшедшимъ и заключенія его въ Московскую Преображенскую больницу. Вотъ какъ, по словамъ Кирѣева, случилось это. Въ городъ Смоленскъ пріѣхалъ изъ Петербурга какой-то знатный человекъ и познакомился случайно съ одной красивой дѣвушкой, дочерью бѣдной вдовы чиновницы. Сначала вельможа хотѣлъ сдѣлать понравившуюся ему дѣвушку своей содержанкой, но ни мать, ни дочь, несмотря на ихъ бѣдность, не согласились на это предложеніе. Тогда онъ рѣшилъ добиться своей цѣли другимъ путемъ. Вельможа предложилъ дѣвушкѣ сдѣлаться его законной женой, но съ тѣмъ, чтобы мать ея отпустила ее съ нимъ одну въ Петербургъ, гдѣ должна была, по его словамъ, состояться ихъ свадьба.

Предложеніе вельможи было принято, но прежде чѣмъ рѣшиться отпустить свою дочь съ ея женихомъ въ Петербургъ, мать дѣвушки, словно предчувствуя своимъ материнскимъ сердцемъ что-то недоброе, рѣшилась, по обычаю многихъ Смоленскихъ жителей, обратиться за совѣтомъ къ Ивану Яковлевичу. Нужно же представить себѣ весь ужасъ ея положенія, когда Ив. Як. рѣшительно не посоветовалъ ей отпускать свою дочь съ незнакомымъ ей человекомъ, который, по его словамъ, былъ уже женатъ и имѣлъ троихъ дѣтей. Послѣ совѣта Ив. Як. бѣдная чиновница рѣшительно отказала знатному господину въ рукѣ своей дочери, причемъ въ свое оправданіе указала ему на то, что сказалъ ей Ив. Як. Вельможа былъ взбѣшенъ вмѣшательствомъ Ив. Як. въ его личное дѣло и тѣмъ, что тотъ помѣшалъ ему, быть можетъ, погубить бѣдную довѣрчивую дѣвушку, и по возвращеніи своемъ въ Петербургъ сумѣлъ убѣдить высшія власти въ томъ, что Ив. Як., будучи сумасшедшимъ, является вреднымъ лицомъ въ г. Смоленскѣ, такъ какъ своими предсказаніями разрушаетъ семейныя основы. Эта исторія и была роковою для Ив. Як. Вскорѣ изъ Петербурга пришло извѣщеніе о заключеніи Ив. Як., какъ сумасшедшаго, въ Моск. Преобр. больницу.

Было ли дѣйствительно это событіе причиною признанія Ив. Як. сумасшедшимъ, я, конечно, достовѣрно не знаю и передаю объ этомъ только со словъ біографа Ив. Як. Корейши А. Ф. Кирѣева, но и докторъ Баженовъ въ своемъ юбилейномъ трудѣ, повидимому, тоже не рѣшается отрицать указаннаго факта. Удивительно странной и возмутительной кажется причина заключенія Ив. Як. въ Преобр. больницу, когда читаешь біографію Ив. Як. въ передачѣ А. Ф. Кирѣева, но еще болѣе негодуешь при разсказѣ Кирѣева о самой переправѣ Ив. Як. изъ Смоленска въ Москву и о томъ, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ онъ находился въ первые годы своего пребыванія въ больницѣ⁸⁾.

⁸⁾ По словамъ Кирѣева, дѣвушка, спасенная Ив. Як.-чемъ можетъ

Интересенъ разсказъ самого Ивана Яковлевича посѣщавшимъ его въ послѣдствіи о томъ, какъ его переправляли изъ Смоленска въ Москву и что ему пришлось претерпѣть во время этого путешествія; разсказъ этотъ, не лишенный остроумія, имѣетъ важное значеніе въ вопросѣ о психическомъ состояніи И. Я-ча; къ сожалѣнію, онъ слишкомъ длиненъ, чтобы привести его дословно. Разскажемъ о событіи со словъ Кирѣева. Въ виду большой популярности Ив. Як-ча въ Смоленскѣ, его увезли въ Москву ночью, положивши на дно простой телѣги, привязаннаго къ ней веревками и покрытаго сверху рогожами, такъ что никто не могъ даже и предполагать, что въ телѣгѣ находится живое существо. Привезли его въ больницу 17 октября 1817 года и посадили на цѣпь, приковавъ къ стѣнѣ подвала, находившагося подъ женскимъ отдѣленіемъ, гдѣ онъ и пробылъ безвыходно, не выходя на свѣжій воздухъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, причемъ женщина, приставленная къ нему, чтобы кормить его, такъ плохо относилась къ своимъ обязанностямъ, что иногда по цѣлымъ днямъ не давала ему даже куска чернаго хлѣба и воды, и лежалъ онъ на промозглой соломѣ, постеленной прямо на землѣ.

И долго бы, быть можетъ, Иванъ Яковлевичъ, какъ самый тяжкій преступникъ, томился въ своемъ заключеніи, если бы неожиданный случай не выручилъ его. Въ больницу былъ назначенъ новый главный докторъ г. Саблеръ. Когда онъ принималъ больницу, онъ дошелъ до двери, ведущей въ тотъ подвалъ, гдѣ уже три года томился Ив. Як., и спросилъ сопровождавшихъ его, куда ведетъ эта дверь. Тѣ смущенно молчали, такъ какъ возможно, что нѣкоторые и сами не знали, что отвѣтить на вопросъ новаго начальника. Тогда докторъ Саблеръ отворилъ дверь и спустился внизъ. Картина, представившаяся ему, до

быть отъ гибели, погрязенная всею происшедшимъ, вскорѣ послѣ заключенія Ив. Я-ча въ сумасшедшій домъ удалилась въ какой-то монастырь, но до конца своей жизни не забывала объ Ив. Я-чѣ.

того была невѣроятна, что даже на него, несомнѣнно опытнаго психіатра, произвела ужасное дѣйствіе. Передъ нимъ на цѣпи лежало на землѣ существо, болѣе похожее на скелетъ, чѣмъ на живого человѣка. Докторъ Саблеръ, какъ рассказываетъ Кирѣевъ, до глубины своей души возмущенный такимъ позорнымъ отношеніемъ къ пациенту со стороны врачей больницы, приказалъ сейчасъ же перенести Ив. Як-ча наверхъ въ чистую комнату и переодѣть его въ чистое бѣлье. Съ этихъ поръ положеніе Ив. Як-ча улучшилось. Докторъ Саблеръ самъ заботился о немъ и требовалъ и отъ другихъ тщательнаго ухода за Ив. Як-чемъ, стараясь какъ будто бы заглядить передъ несчастнымъ узникомъ Преобр. больницы вину прежней больничной администраціи, безъ суда присудившей человѣка къ жестокому наказанію. Вскорѣ докторъ Саблеръ разрѣшилъ пускать къ Ив. Як-чу даже и постороннихъ людей, желавшихъ его видѣть. Между тѣмъ слухъ объ Иванѣ Як. разнесся по Москвѣ, и къ нему, какъ и въ Смоленскѣ, стали являться посѣтители, чтобы побесѣдовать съ нимъ. Наконецъ количество лицъ, желавшихъ видѣть Ив. Як-ча, сдѣлалось настолько большимъ, что докторъ Саблеръ хотя и не запретилъ совершенно этихъ посѣщеній, но чтобы ограничить количество посѣтителей, назначилъ за посѣщеніе Ив. Як. особую плату, которая въ общемъ итогѣ, какъ мы уже сказали выше, была настолько порядочна, что доходы, получаемые отъ посѣтителей знаменитаго прорицателя, дозволили администраціи больницы улучшить и столъ больныхъ и дать имъ нѣкоторыя развлеченія.

Далѣе, въ слѣдующей главѣ, я, насколько возможно, со словъ Кирѣева, обрисую дѣятельность Ив. Як. въ больницѣ, благодаря которой онъ сдѣлался такъ популярень, теперь же обрисую нѣсколькими штрихами личность Ив. Як. съ внѣшней стороны. По описанію Н. Н. Баженова, „...онъ“ (Ив. Як.) „находился въ небольшой комнатѣ съ лежанкой, но лежалъ прямо на полу на слоѣ песку, прикрытомъ лоскутнымъ и столъ грязнымъ одѣяломъ, что на

него тошно было смотрѣть. Самъ юродивый—лысый, съ курчавыми волосами вокругъ лысины; грудь разстегнута, покрыта волосами и тоже грязью. Подушки покрыты грязью и пѣлыми слоями сала. На скамейкѣ напротивъ—посѣтители“⁹⁾). Кирѣевъ же изображаетъ Ив. Як. съ внѣшней стороны такъ: „Одѣтъ былъ во все темное—рубашка и халатъ были изъ темнаго кубоваго ситца, подпоясывался мочалой или полотенцемъ; сверхъ халата надѣвалъ иногда таковой же другой халатъ съ овчиннымъ воротникомъ; шея и грудь съ висѣвшимъ на ней крестомъ постоянно были разстегнуты; лежалъ онъ на полу, въ правой сторонѣ отъ входной двери; въ углу на стѣнѣ висѣли иконы, противъ которыхъ стоялъ пожертвованный кѣмъ-то большой высеребренный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей. Въ числѣ иконъ находился драгоцѣнный образъ, на тыльной сторонѣ котораго вырѣзана надпись о томъ, кѣмъ икона эта была пожертвована по случаю исцѣленія жертвователя отъ тяжкой болѣзни Иваномъ Яковлевичемъ“¹⁰⁾).

III.

Прежде всего въ Иванѣ Яковлевичѣ бросается въ глаза его глубокая религіозность. Еще до помѣщенія его въ сумасшедшій домъ, по словамъ Кирѣева, жители города Смоленска, проходя мимо бани, гдѣ жилъ Ив. Як., постоянно слышали, какъ онъ пѣлъ духовные псалмы и въ особенности любимое свое стихотвореніе—переложеніе псалма XV, которое настолько глубоко по своему религіозному настроенію, что стоитъ привести его здѣсь полностью:

„Господи, кто обитаетъ
Въ свѣтломъ домѣ выше звѣздъ,
Кто съ Тобою населяетъ
Верхъ священныхъ горнихъ мѣстъ?

Тотъ, кто ходитъ непорочно,
Правду навсегда творить

⁹⁾ Ист. Моск. Долг., стр. 74.

¹⁰⁾ Кирѣевъ, стр. 27.

И нелестнымъ сердцемъ точно
Какъ языкомъ говорить.

Кто устами льстить не знаетъ,
Ближнимъ не наноситъ бѣдъ,
Хитрыхъ сѣтей не сплетаетъ,
Чтобы въ нихъ увязъ сосѣдъ.

Презираетъ всѣхъ лукавыхъ,
Хвалитъ Вышняго рабовъ
И предъ Нимъ душою правыхъ
Держится присяжныхъ словъ.

Въ лихву дать сребра стыдится.
Мады съ невинныхъ не беретъ.
Кто на свѣтѣ жить такъ тщится,
Тотъ во вѣки не падеть“.

Эта глубокая религіозность Ив. Як-ча постоянно проявлялась въ немъ и во время пребыванія его въ Преобр. больницѣ и, кто знаетъ, быть можетъ, помогала ему терпѣливо переносить свою тяжкую участь. Жизнь свою въ больницѣ Ив. Як. проводилъ, можно сказать, аскетически. По словамъ Кирѣева, „занявши просторную комнату, Иванъ Яковлевичъ нисколько не думалъ о своемъ покоѣ. Онъ и въ просторномъ помѣщеніи пашель прежнюю свою тѣсноту: въ углу, около печки на полу, въ размѣрѣ двухъ квадратныхъ аршинъ онъ опредѣлилъ себѣ пристанище и, какъ осужденный какой, не смѣлъ протянуть ноги за одинъ разъ опредѣленную имъ черту; остальную же часть комнаты, со всей мебелью и даже кроватью, онъ оставилъ для приходящихъ, а себѣ собственно ни въ чемъ не давалъ покоя и ничему не потворствовалъ: ни тѣлу, ни вкусу, ни обонянію; съ перваго дня входа въ это помѣщеніе и въ продолженіе сорока лѣтъ онъ никогда не садился, а или лежалъ на полу, когда крайне утомлялся, или постоянно все дѣлалъ, стоя на ногахъ, даже когда писалъ что или ѣлъ, и только впоследствии при глубокой старости больше лежалъ, какимъ засталъ уже его я. Чтобы не давать покоя тѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быть въ движеніи, онъ постоянно занимался толченіемъ камней, бутылокъ, костей и прочихъ предметовъ, удобно-под-

дающихся въ рукѣ его булыжнику, обращая все это въ мельчайшій порошокъ, и, перемѣшавъ съ пескомъ, приказывалъ выносить и доставлять новый матеріалъ. Во время толченія камней и бутылокъ принимали участіе нѣкоторые и изъ посѣтителей, которыхъ Иванъ Яковлевичъ приглашалъ потрудиться: такъ, напримѣръ, мой отецъ очень часто исполнялъ эти работы. Работая, Иванъ Яковлевичъ иногда напѣвалъ такъ: Хвалу Небесному Владыкѣ потщися духъ мой воспѣть; я буду пѣть о Немъ всечасно, пока живу, могу дышать“ ¹¹⁾...

Одинъ изъ посѣтителей, въ первый разъ приходившій къ Ив. Як. (впослѣдствіи благодаря влиянію Ив. Як. онъ поступилъ въ монастырь), офицеръ одного изъ Московскихъ полковъ, такъ рассказывалъ объ этомъ посѣщеніи: „увидѣнное мною зрѣлище невольно потрясло меня: я увидѣлъ старца утружденнаго; наклонясь къ полу, онъ руками мѣсилъ толченное съ пескомъ, а взоръ его былъ устремленъ къ небу. Каждое слово, которое вылетало изъ устъ при каждомъ движеніи рукъ его, пронзало мою душу. Такъ началъ онъ, или таковы были первыя, долетѣвшія до меня слова: „Въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси, а воззрю на небо, вижу дѣло рукъ Твоихъ; море и вселенную Ты создалъ и сотворилъ еси. Хвалите Господа всѣ птицы небесныя и рыбы морскія и все проходящее стези морскія. Господи, Господь нашъ, яко чудно имя Твое по всей земли“ (Пс. 8-й) ¹²⁾.

И всѣ слова Ивана Яковлевича, съ которыми онъ обращался къ людямъ, сбрасывая съ себя иногда маску юродства и говоря сознательнымъ языкомъ, носили обыкновенно религіозный характеръ. Такъ одной женщинѣ, подъ влияніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ помышлявшей о смерти и всетаки приходившей къ И. Я-чу за совѣтомъ, онъ рассказалъ очень занимательный и прямо относящійся къ дѣлу рассказъ и въ заключеніе далъ такой вопль ло-

¹¹⁾ Кирѣевъ, стр. 21, 22.

¹²⁾ Кирѣевъ, стр. 69.

гичный съ религіозной точки зрѣнія совѣтъ: „Вотъ видишь, въ какомъ страхѣ былъ вѣрный рабъ Божій и за одно усердіе къ Великомуученицѣ не только самъ избавился отъ смерти, но спасъ и другихъ, а ты отъ такой бѣды желаешь умереть?“¹³⁾ Интересно также правоученіе, данное Иваномъ Яковлевичемъ одному духовному лицу, у котораго сынъ находился на излѣченіи въ той же больницѣ, гдѣ и Ив. Як-чѣ. Это духовное лицо, придя къ Ив. Як-чу, стало жаловаться на то, что Господь, неизвѣстно за что, жестоко и немилосердно наказываетъ его болѣзнью сына. Ив. Як. долго молча слушалъ его и наконецъ сказалъ: „сами мы во всемъ виноваты, а на Бога печалуемся; протри хорошенько очки-то, да и загляни въ свое прошлое; не было случая, чтобы ты когда-либо, по слову Спасителя, нагого одѣлъ или странника въ домъ пустилъ, или бѣднаго больного навѣстилъ: послѣ этого, какое же ты имѣешь право за свое немилосердіе требовать отъ Бога милосердія?“

Не менѣе интересенъ и разсказъ одного господина, который, по словамъ Кирѣева, будучи очень завистливъ по природѣ, ушелъ однажды отъ Ив. Як-ча послѣ того, какъ на глазахъ послѣдняго проявилъ свою невѣроятную жадность. Уходя отъ Ив. Як., онъ объ дверь сильно ушибъ себѣ палецъ на ногѣ и былъ послѣ этого долго боленъ. Послѣ того, какъ онъ выздоровѣлъ, онъ самъ такъ разсказывалъ о своемъ посѣщеніи: „только я вошелъ въ его комнату и поклонился, а онъ, печально взглянувъ на меня, прикоснулся ногой къ больному пальцу и сказалъ: „аще пишу и одѣяніе имѣемъ, тѣмъ и довольны да будемъ. Сказано: не пожелай дому искренняго твоего, ни села его, ни скота его, ни всего того, что видишь въ рукахъ ближняго твоего“ и улыбнулся“.¹⁴⁾

Насколько велико было религіозное вліяніе Ив. Як. на

¹³⁾ Кирѣевъ, стр. 60.

¹⁴⁾ Кирѣевъ, стр. 77.

своихъ поклонниковъ, видно уже изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ подѣ вліяніемъ его убѣжденія бросали и богатство и иногда хорошее положеніе въ свѣтѣ для монашеской жизни. Таковъ былъ, по словамъ Кирѣева, іеромонахъ Московскаго Покровскаго монастыря Леонтій, который въ міру былъ богатымъ фабрикантомъ. Онъ смолоду любилъ посѣщать Ив. Як. и во всемъ его слушаться. Впослѣдствіи, по распоряженію митрополита московскаго Филарета, по просьбѣ Ив. Як., онъ до конца своей жизни былъ духовникомъ знаменитаго юродиваго. Къ числу такихъ монаховъ относились Симоновскій монахъ о. Пименъ и схимонахъ Даниловскаго монастыря о. Ѳома, тотъ самый офицеръ, о которомъ я сказалъ выше. И, что важнѣе всего, эти люди, ушедшіе въ монашество благодаря Ив. Як. до конца своей жизни сохраняли о немъ самое благоговѣйное воспоминаніе. Такъ одинъ Кіевскій іеромонахъ уже черезъ 25 лѣтъ послѣ разлуки съ Ив. Як. со слезами говорилъ о немъ: „если бы не онъ, гдѣ бы мнѣ достать благословеніе Пречистой Богородицы“¹⁵⁾.

Другая основная черта характера Ивана Яковлевича, достаточно ярко проявлявшаяся въ немъ и на свободѣ и во время пребыванія его въ Преображенской больницѣ, несомнѣнно привлекавшая къ нему сердца всѣхъ приходившихъ, была его глубокая любовь къ людямъ и желаніе такъ или иначе помочь имъ въ нуждѣ. Какъ пишетъ Кирѣевъ, Ив. Як. не цѣнилъ ни денегъ, ни другихъ приношеній, которые дѣлали ему иногда его богатые посѣтители: „У насъ, говорилъ онъ приносившимъ,—одежка пошита, и хоромина покрыта; находи нуждающихся и помогай имъ!“¹⁶⁾. Иногда даже онъ приказывалъ кому-либо изъ состоятельныхъ посѣтителей лично при немъ помочь или бѣдной вдовѣ, или какому-нибудь просто бѣдняку, пришедшимъ также спросить что-либо у Ив. Як. Любопытенъ

¹⁵⁾ Кирѣевъ, стр. 73.

¹⁶⁾ Кирѣевъ, стр. 24.

въ указанномъ отношеніи слѣдующій фактъ, приводимый А. Ф. Кирѣевымъ въ его книжкѣ: „Приходитъ къ Ивану Яковлевичу что-то спросить одна очень бѣдно одѣтая, но изъ благородныхъ, женщина. Изъ состраданія къ ея положенію, кто-то изъ посѣтителей и въ кружку за нея положилъ 20 коп. Народа въ этотъ день у Ивана Яковлевича было очень много, а поэтому она, дабы не стѣснять другихъ, стала у входной двери, ожидая, пока будетъ по-свободнѣй. Въ это время входитъ къ Ивану Яковлевичу одна богатая посѣтельница и въ благодарность за какой-то добрый совѣтъ подносить ему въ подарокъ цѣльный кусокъ, аршинъ въ пятьдесятъ, дорогой шелковой матеріи. Иванъ Яковлевичъ, благосклонно принявши матерію, сейчасъ же съ нею направился къ стоявшей у двери бѣдной женщинѣ и, вручая ей матерію, сказалъ: „На вотъ! продай, и дѣтямъ купишь!“ Она зарыдала и бросилась ему въ ноги, но онъ уже былъ на своемъ мѣстѣ. Здѣсь же эта женщина рассказала, что она съ дѣтьми въ такой нуждѣ и нищетѣ, что три дня почти ничего не ѣли и, идя сюда, она оставила дѣтей голодными“ 17).

Глубокое умиленіе охватываетъ душу, когда читаешь у Кирѣева о томъ, какъ Ив. Як., уже умирающій, на вопросъ женщины, которая принесла съ собой много хлѣба и не знала, кому передать, слабо и едва внятнымъ голосомъ сказалъ ей: „Боже, благослови для нищихъ и убогихъ, немущимъ старцамъ въ богадѣльнѣ“ 18). Поистинѣ, должна была быть великая душа у такого человѣка! А какъ прекрасна эта забота о раненыхъ воинахъ! Иванъ Яковлевичъ ровно за годъ до объявленія Севастопольской войны, если лицо, рассказывавшее Кирѣеву, не перепутало времени, заставлялъ всѣхъ безъ исключенія посѣтителей щипать корпю и готовить сухари. Забота о ближнихъ со стороны Ив. Як. не ограничивалась только мо-

17) Кирѣевъ, стр. 46.

18) Кирѣевъ, стр. 94.

мощью нуждающимся матеріально: онъ примирялъ враждующихъ между собой, обличалъ гордыхъ и злопамятныхъ и въ особенности старался отвлечь отъ пьянства пьяницъ, что и дѣлалъ, по рассказамъ Кирѣева, очень успѣшно. Отношеніе Ив. Як. къ пьяницамъ иногда даже поражало своею жестокостью, но такимъ образомъ онъ, быть можетъ, больше всего и достигалъ своей цѣли въ смыслѣ отвлеченія людей отъ порока. Въ данномъ случаѣ можно безусловно вѣрить Кирѣеву: по его словамъ, только благодаря Ивану Яковлевичу Корейшѣ, его отецъ избавился отъ пьянства, и такимъ образомъ была спасена вся ихъ семья.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ, подлинность которыхъ нѣтъ основаній отвергать, ясно, что Ив. Як., страдавшій якобы слабоуміемъ, принесъ современному ему обществу такую сумму добра, которая по справедливости должна заставить насъ признать, что это была не только необыкновенная личность, но и человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова достойный глубокаго уваженія. Недаромъ же и такой великій умъ своего времени, какъ митрополитъ московскій Филаретъ, не стыдился, по словамъ того же Кирѣева, исполнять просьбы за другихъ, написанныя на клочкѣ бумаги „студентомъ хладныхъ водъ“, какъ именовалъ себя подписываясь на такихъ бумагахъ Ив. Як. Корейша.

IV.

Теперь нѣсколько словъ о послѣднихъ дняхъ жизни знаменитаго узника, кончинѣ и погребеніи его. Хотя въ послѣдніе годы жизни Ив. Я-ча, по его же личной просьбѣ, и было разрѣшено взять его къ себѣ его родной племянницѣ, женѣ діакона села Черкизова, который былъ обязанъ его ходатайству передъ митрополитомъ Филаретомъ въ полученіи своего мѣста, но Ив. Як. не пожелалъ воспользоваться означеннымъ разрѣшеніемъ и оставался жить въ больницѣ. „Съ приближеніемъ кончины, говорить о послѣднихъ дняхъ его жизни здѣсь г. Кирѣевъ, умножи-

лась и болѣзнь старца, открылся кашель, постоянная мокрота мѣшала занятіямъ его. Сорокъ три года проведя въ больницѣ, онъ не тяготился тяжестью своихъ подвиговъ и при упадкѣ физическихъ силъ не позволялъ себѣ ни малѣйшей льготы; до послѣдняго дня держалъ себя такъ, какъ бы только начиналъ знакомиться съ трудомъ, а лежалъ, какъ и всегда, на полу изнемогающимъ тѣломъ; даже и головѣ своей не давалъ покоя, не клалъ ее на подушку, а при сильномъ изнеможеніи если и клалъ ее иногда, то также на полъ, и самое писаніе отвѣтовъ на присылаемыхъ съ вопросами запискахъ прекратилъ только за сутки до смерти; любовь къ ближнему превозмогала въ немъ всѣ немощи и страданія.

Сентября 6 го дня, рано утромъ, Иванъ Яковлевичъ попросилъ священника, чтобы по обряду церковнаго чинопомощенія совершилъ надъ нимъ все, что нужно для приготовленія къ переходу въ загробную жизнь, что и было выполнено тщательно. Послѣ пріобщенія Св. Таинъ, изнемогающій страдалецъ былъ немедленно особорованъ св. елеемъ, а въ началѣ третьяго часа дня священникъ прочелъ надъ нимъ отходныя молитвы“ ¹⁹⁾.

Послѣднія слова великаго старца были слѣдующія: „Спаситесь, спаситесь, спасена буди вся земля!“ ²⁰⁾.

Такъ прекрасно окончилъ свою земную жизнь Ив. Як. Корейша.

О мѣстѣ его погребенія было много споровъ: „одни желали, чтобы тѣло Ивана Яковлевича было погребено въ г. Смоленскѣ, на мѣстѣ его родины, другіе—въ Покровскомъ монастырѣ, а нѣкоторые—въ Алексѣевскомъ; но митрополитомъ московскимъ уважено было ходатайство родной племянницы покойнаго“ ²¹⁾, и онъ былъ похороненъ въ селѣ Черкизовѣ за Преображенской заставой. Похороны его были, какъ говоритъ Скавронскій въ своихъ очеркахъ

¹⁹⁾ Кирѣевъ, стр. 93, 94.

²⁰⁾ Кирѣевъ, стр. 95.

²¹⁾ А. Ф. Кирѣевъ, стр. 95.

Москвы, грандіозны: „на могилѣ въ день погребенія Ивана Яковлевича было отслужено семьдесятъ панихидъ, а затѣмъ долгое время продолжались до двадцати панихидъ ежедневно“²³⁾. Въ настоящее время, благодаря стараніямъ о. пастоятеля церкви села Черкизова І. А. Суворовскаго, а также остальнаго причта, могила И. Я-ча содержится въ полномъ порядкѣ, достойномъ великаго подвижника.

V.

Въ дополненіе къ настоящей статьѣ въ доказательство того, что Ив. Як. Корейша до конца своей жизни не терялъ яркости и силы своего воображенія и вмѣстѣ съ тѣмъ даже могъ писать еще стихи, я приведу здѣсь слѣдующее его стихотвореніе, по словамъ Кирѣева, сказанное имъ экспромптомъ одному монаху, сквернаго ради прибытка желавшему перейти изъ одного монастыря въ другой и просившему по этому поводу совѣта у Ивана Яковлевича. Въ отвѣтъ ему Ив. Як. произнесъ это свое стихотвореніе,—монахъ же послѣ того, какъ выслушалъ со вниманіемъ слова Ив. Як., поклонился ему до земли и ушелъ, не сказавши больше уже ни одного слова. Изъ этого стихотворенія (оно было тогда же многими записано) лучше всего видно, что Ив. Як. (см. 2 строки курсивомъ) несомнѣнно сознавалъ всю тяжесть своего положенія, какъ юродиваго: быть вѣчно предметомъ злыхъ насмѣшекъ.

Вотъ это стихотвореніе:

„Ты, любезнѣйшій мой братъ,
Хуже пахаря въ сто кратъ,—
Самъ изъ міра удалился,
Жить въ пустынь поселился.

А въ пустынь, Святыхъ мѣсть,
Тамъ и надо нести крестъ.
Знаю, тяжело подъ крестомъ;
Но награда: рай съ Христомъ.

А не будешь крестъ нести,
Такъ и душу не спасти.

²³⁾ Очерки Москвы Скаврнскаго, стр. 212.

Крестное жъ пошевьё—
Терпѣть искушевьё.

Обуяють тебя страсти,
Придутъ разныя напасти,
Тѣлу—трудъ, молитвѣ—ночь,
Отойдутъ и страсти прочь.

А то какъ ихъ побѣдишь,
Когда пьешь ты, ѣшь, да спишь.
Тѣмъ творишь душѣ препону;
Рабъ—не Богу ты, мамону.

А мамонъ нашъ, что лукавый,
Уклопляетъ въ путь неправый:
Ты обязанъ плоть питать,
Но до сыта не давать,

Вкушать мало, не роптать,
Бѣсть—что будутъ подавать:
Будешь здравъ всегда, ретивъ
И на дѣло не лѣнивъ.

Ну, а дѣвольскія козвни,
Хотя острыя какъ гвозди—
Ихъ легко ты побѣдишь,
Если самъ себя смиришь.

Но коль будешь гордъ, надменъ,
Всѣми будешь ты преарѣнъ,
Тѣмъ себя ожесточишь
И невольнъ въ мѣръ сбѣжишь.

*А въ мѣру хуже юрода
Будешь смѣшищемъ народа,
Жизвь въ несчастьи проведешь
И разстригою помрешь.*

Такъ не слушай бѣса люта,
А держись сего маршрута“.

Алексѣй Розановъ.

Святые дни въ г. Бѣлгородѣ.

(Впечатлѣнія очевидца при открытіи мощей святителя Іоасафа).

А давно я слышалъ, что въ Бѣлгородѣ нетлѣнно почитается святитель Іоасафъ. Годъ три тому назадъ начались о немъ оживленныя бесѣды. Я былъ въ то время еще студентомъ Академіи. И вотъ среди пастырско-просвѣтительнаго кружка въ Академіи начали говорить о Бѣлгородскомъ Святителѣ. Пріѣзжалъ отдаленный родственникъ святителя Іоасафа (по женск. линіи), князь Жеваховъ и привезъ свои книги: „Собраніе матеріаловъ для біографіи святителя Іоасафа“. Роскошно изданныя книги съ прекрасными портретами Святителя привлекли вниманіе нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, возбудивъ живой интересъ къ святому Іоасафу.

На одномъ собраніи членовъ упомянутаго Академическаго кружка нашъ предсѣдатель о. Христофоръ прочелъ статью о Святителѣ, помѣщенную потомъ въ журналѣ „Христіанинъ“.

Интересъ къ Бѣлгородскому Святому все возрасталъ. Мнѣ захотѣлось поклониться ему.

Въ 1909 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ я былъ въ Петербургѣ у Высокопреосвященнаго Антонія Волинскаго. Въ это время пришелъ къ нему и протоіерей Маляревскій, почитатель свят. Іоасафа. Онъ рассказывалъ о тѣхъ исцѣленіяхъ, которыя бывали отъ Бѣлгородскаго Святителя. Изъ Бѣлгорода и Курска стали долетать вѣсти, что тамошніе жители по

дали ходатайство въ св. Синодѣ о прославленіи Святителя и причисленіи его къ лику святыхъ. Наконецъ разнеслась по Руси радостная вѣсть: Святѣйшій Синодъ рѣшилъ причислить Епископа Іоасафа къ лику святыхъ и назначилъ день прославленія его—4-го сентября 1911 г.

Появились иконы Святителя, описанія его жизни и подвиговъ, понеслись вѣсти о чудесахъ отъ новоявляющагося чудотворца.

Весною прошлаго 1911 г. ѣду въ Крымъ... Вотъ и Бѣлгородъ. Желѣзная дорога проходитъ близъ самаго города. Вотъ онъ бѣленькій городокъ, живописно раскинувшійся своими бѣлыми церквами и бѣлыми домиками среди зелени садовъ. Весь онъ кажется бѣлымъ: не потому-ли и назвали его Бѣлгородъ? Вижу, церквей много въ городѣ; высоко поднимаются онѣ своими куполами и главами надъ низенькими здавіями... Невольно вставалъ вопросъ: „гдѣ, въ какомъ изъ этихъ храмовъ скрыто безцѣнное сокровище—мощи святителя Іоасафа“? Большіе города: Харьковъ, Нижній-Новгородъ, Самара, Саратовъ, Пенза и т. д. не имѣютъ святыхъ мощей. А вотъ въ маленькомъ теперь Бѣлгородѣ есть этотъ необыкновенный даръ неба. И хотѣлось бѣжать въ этотъ городокъ, поклониться гробу праведника, поцѣловать его нетлѣвныя руки... Мысленно даю обѣщаніе на обратномъ пути изъ Крыма заѣхать въ Бѣлгородъ.

Быстро промчалось время. Въ двадцатыхъ числахъ іюля мы съ женою сѣшили въ Москву. Было горячее дѣло. Въ Севастополѣ прощаемся съ голубо-лазурнымъ заливомъ моря, съ этими ослѣпительно бѣлыми строеніями, расползающимися по холмамъ Севастополя. Прощаемся съ всемъ и сѣшимъ въ центральную Русь.

Куда заѣзжать теперь въ Бѣлгородъ со множествомъ поклажи, при такой спѣшкѣ? Жена укоризненно качаетъ головой и говоритъ: „ты хотѣлъ во что бы то ни стало заѣхать къ св. Іоасафу“.—Мнѣ стало стыдно... Рѣшено: если не достанемъ билета съ плацкартой прямого сообще-

нія, то, такъ какъ намъ въ Курскѣ все равно предстоитъ пересадка, заѣзжаемъ въ БѢлгородъ. Ни на городской станціи, ни въ кассѣ вокзала не оказалось плацкартныхъ билетовъ,—всѣ расписаны уже дня на два впередъ. Напрасно веду я переговоры съ артельщиками, самъ часа три дежурю у кассы. Билетовъ мы не получили.

Садимся въ простой поѣздъ. У меня всю дорогу бродятъ въ головѣ мысли (въ БѢлгородъ мы, оказывается, приѣзжаемъ въ 2 часа ночи): куда дѣваться съ поклажей, гдѣ искать лошадей и номера гостинницъ, а потомъ опять ждать поѣзда, рискуя не попасть на свободныя мѣста? Не лучше-ли ѣхать прямо до Курска, пересѣсть тамъ и потомъ уже осенью съѣздить къ Святителю?... Противъ насъ сидитъ какой-то господинъ. Разговорились. Оказывается, бѢлгородскій уроженецъ. Услыхавъ, что мы хотѣли заѣхать въ БѢлгородъ, онъ сталъ хвалить свою родину. „Заѣзжайте, заѣзжайте, говорилъ онъ,—вы тамъ отдохнете. Люди привѣтливые, помѣщенія дешевыя, продуктовъ много. Извозчики у вокзала всегда, у нихъ такса. Пробудете въ городѣ сутки—другими станете“.

Духота и тѣснота вагона, страшная усталость—даютъ окончательное рѣшеніе. Мы останавливаемся на поклоненіе Святителю.

Два часа ночи. „БѢлгородъ“. Спѣшно забираемъ свои пожитки; носильщики тащатъ наши узлы и корзины. Вотъ мы и на вокзалѣ. Еще очень темно. Публики почти нѣтъ. Вырвавшись изъ душнаго вагона, мы рады чистому воздуху. Но въ то же время мы страшно измучены и устали. Куда же теперь ѣхать? Гдѣ лежитъ Святитель? Когда тамъ служба? Всѣ эти вопросы вертятся въ головѣ. Вижу, сидитъ молодой священникъ, и подхожу къ нему съ разспросами.

Удивительно! Священникъ оказался изъ Курска, большой почитатель святителя Іоасафа. „Онъ меня, говорилъ батюшка, отъ внезапной смерти избавилъ“. И полилась бесѣда. Священникъ рассказывалъ намъ о великихъ чу-

десахъ отъ Святителя. „Много, говорилъ онъ, чудесъ отъ святителя Николая, но, по моему, и отъ святителя Іоасафа ихъ не меньше“. По его словамъ, къ открытію мощей Святителя готовится великое торжество. Изъ 25 мѣствъ назначены крестные ходы—и самъ онъ пойдетъ изъ Курска за 150 верстъ съ крестнымъ же ходомъ.—„Почему же, спрашиваю, такъ долго не было его канонизаціи?“—„Видите-ли, отвѣтилъ священникъ, вѣра народная всегда идетъ впередъ. Синодъ, такъ сказать, только санкціонируетъ эту вѣру. Съ первыхъ же лѣтъ послѣ смерти Святителя чтутъ его кругомъ у насъ на югѣ. Его изображенія вѣшаютъ съ иконами, ходятъ къ нему на поклоненіе, призываютъ его въ молитвахъ. И вотъ Богъ судилъ такъ, чтобъ въ наше маловѣрное время Святѣйшій Синодъ внялъ этому народному гласу и утвердилъ эту вѣру въ Святителя“.

Стало уже свѣтать. Часы показали четыре. Мы втроемъ сѣли на извозчика и поѣхали къ монастырю. Бѣленькій городокъ, видимо, сталъ уже принаряжаться въ ожиданіи праздника. Дома и церкви побѣлены вновь, мостовыя гладко вымощены. Несмотря на ранній часъ, видимъ движутся по городу партіи богомольцевъ и чѣмъ ближе къ монастырю, тѣмъ ихъ больше. Все это простые, сѣрые сермяжные люди, въ красныхъ или бѣлыхъ платкахъ, въ поневахъ и сермягахъ, въ лаптяхъ, съ большими катомками за плечами. „Бѣдные, томные люди“—вспомнилось мнѣ. Около монастыря эти кучки народа уже растянулись въ широкія пестрыя ленты, движущіяся вдоль бѣлыхъ монастырскихъ стѣнъ. Много дѣтей. Тутъ же много нищихъ и просящихъ на храмъ. Одинъ нищій читалъ вслухъ псалтирь, а народъ бросалъ ему копеечки въ деревянную чашку. Мальчики съ тетрадами и карандашами сидѣли у тротуаровъ, предлагая записать имена за здравіе или за упокой.

Вотъ мы и у святыхъ воротъ. Снимаемъ шапки и подъ высокой колокольней входимъ во дворъ монастыря.

Посреди двора величественно возвышается бѣлый со-

боръ крестообразной формы. Вокругъ купола лѣпныя фигуры Христа и Апостоловъ. Въ разныхъ мѣстахъ двора устроены палатки: торгуютъ свѣчами и святымъ масломъ.

Выстроено даже большое зданіе—магазинъ, въ которомъ можно приобрести иконы Святителя, всевозможныя листки и книжечки съ описаніемъ его житія и массу недорогихъ священныхъ предметовъ.

Весь дворъ полонъ народа. Тѣ же сѣрые томные люди. Мужики въ сермягахъ и дырявыхъ кафтанахъ и лаптяхъ, бабы въ поневахъ. Множество дѣтей. Народъ группами сидѣлъ на пескѣ, здѣсь же лежали и сидѣли ребятишки, матери держали грудныхъ дѣтей на рукахъ. Дальше народъ стоялъ толпою. Чѣмъ ближе къ храму, тѣмъ толпа гуще. У западной и сѣверной папертей давка. Тамъ стоятъ люди стѣной. И вся толпа со свѣчками. Все тонкія копеечныя свѣчи,—все, видно, грошики трудовые.

Стоитъ гулъ отъ говора. Цѣлая волна обнаженныхъ русскихъ включенныхъ головъ, цѣлая волна красныхъ и бѣлыхъ платковъ, и надъ всѣмъ мелькаютъ тоненькія бѣлыя свѣчки. Толпа плотно прижалась къ дверямъ. Напрасно нарядъ городскихъ хочетъ сдержать и привести ее въ порядокъ.

„Сколько народу-то, говоримъ мы проходящему іеромонаху; вѣдь этакъ мы и не пройдемъ“.

— Да, трудно, отвѣчаетъ онъ: вчера изъ трехъ мѣстъ съ крестнымъ ходомъ пришли.

Время отъ времени двери церкви отворяются. Туда неудержимымъ потокомъ кидается народъ. Волны головъ то приливаютъ, то немного отливаютъ отъ храма.

Зашли мы въ другую монастырскую церковь, и здѣсь все полно того же сѣраго люда. Кое-когда промелькнетъ монахъ, пройдетъ точно ошеломленный этой сутолокой и гуломъ. Спросишь его о чемъ-нибудь, взглянетъ удивленно и часто даже не сообразитъ, что отвѣтить.

Послѣ нѣкоторыхъ усилій паходимъ іеромонаха, который рѣшается провести насъ въ храмъ. Снова идемъ по двору

среди густой толпы и подходимъ къ сѣвернымъ дверямъ собора, откуда полиція выпускала приложившихся.

Насъ впускаютъ внѣ очереди. Входимъ. Соборъ небольшой. Высокая арка какъ-бы раздѣляетъ его на двѣ части. Арка завѣшана парусиной. Тамъ, въ передней части, идутъ пригготовительныя работы къ торжествамъ. Слышны стукки молота и отдѣльные голоса.

Здѣсь, въ задней части храма, народъ идетъ чередой къ южной стѣнѣ. Въ ней небольшая полукруглая дверь ведетъ внизъ, въ пещерку. Входимъ въ эту дверь. Маленькій алтарь устроенъ надъ пещеркой, гдѣ почиваетъ Святитель. Около алтаря лѣстница ведетъ внизъ. Спускаемся. Небольшое помѣщеніе, съ низенькимъ потолкомъ и маленькимъ окошечкомъ наружу. Передъ окномъ съ улицы стоятъ богомольцы на колѣняхъ. Въ задней части пещерки вижу большую раку. Крышка ея открыта. Въ ней-то и почиваетъ Святитель. Въ ногахъ его стоитъ облаченный архіерейскій жезлъ, висятъ горящія лампы, и стоитъ подсвѣчникъ, невмѣщающій пылающихъ свѣчей. Страшно жарко отъ тѣсноты, народа и огня. Стоять тамъ невозможно. Тѣмъ не менѣе въ головахъ раки стоялъ іеромонахъ, служившій панихиды, а въ ногахъ послушникъ слѣдилъ за свѣчами въ подсвѣчникѣ. Трудное несли они послушаніе!

Съ глубокимъ благоговѣніемъ подходилъ народъ къ гробницѣ и прикладывался. Святой весь былъ закрытъ пеленами. Только маленькое отверстіе на рукахъ, да на груди лежитъ Евангеліе. Сколько приходилось вытерпѣть въ дальнихъ странствованіяхъ этому трудящемуся люду, прежде чѣмъ онъ могъ попасть сюда въ пещерку—и все кончалось въ одинъ мигъ. Люди шли быстро, ихъ торопили. Скорѣе, скорѣе. Спустится въ пещеру, лишь перекрестится, пожалуй и вздохнуть не успѣетъ, какъ уже у гробницы. Скорѣе, говорятъ ему. Быстро погибается и цѣлуетъ Святителя. Скорѣе, говорятъ ему: уже погибаются другіе, и лишь только повернулся, какъ полиція торопитъ

къ выходу, и святая рака скрывается изъ глазъ паломника-трудника, можетъ быть для иного на всю жизнь.

Если онъ застоялся, хотѣлъ взглянуть или сдѣлать поклонъ, его уже пихаютъ: „уходи, уходи, тамъ ждуть другіе“. И онъ выходитъ за очередь, не успѣвъ опомниться, а уже въ открытыя двери влилась новая масса народа.

Вотъ наконецъ подходимъ и мы къ гробницѣ. Цѣлую руки Святителя и Евангеліе на груди его. И намъ недостойнымъ великая милость! Тутъ же и пришедшій съ нами священникъ. Онъ становится у головы Святителя и быстро поднимаетъ воздухъ съ его лика, затѣмъ открываетъ онъ и другой воздухъ. Далѣе тонкая кисея покрываетъ святыя мощи. Сквозь нее вижу золотую митру Святителя, а подъ ней святой ликъ Святого Угодника Божія.

Темный, какъ живопись старинныхъ иконъ, онъ весь дивно сохранился. Худою подвижническій видъ. Впалыя очи, тоненькій носъ, съ маленькой горбинкой... Мгновеніе, и тихо опускаются воздухи. Что это?.. Можно ли описать состояніе души въ это время? Это не выразить никакими словами. Видѣть ликъ Святого! Какое это неизмѣримое, невыразимое счастье! Радость наполняетъ душу, что-то неземное захватило всего человѣка... Это Святой взглянулъ на насъ земныхъ и грѣшныхъ оттуда, съ небесныхъ, заоблачныхъ блаженныхъ высотъ.

Съ тѣхъ поръ, когда смотрю на ликъ Святителя Іоасафа на иконѣ, я вижу его какъ-бы живого. Да, онъ былъ именно такимъ, это его черты, его ликъ.

Охваченные необыкновенными чувствами выходимъ изъ пещерки. Въ церкви густой вереницей стоитъ народъ со свѣчками. Мы проходимъ за арку, завѣшанную парусиной. Передняя часть храма вся вычищена, ходятъ монахи и рабочіе. Въ лѣвой сторонѣ приготовлень, но еще не освященъ придѣлъ. Въмѣсто царскихъ дверей стоитъ большая икона Святителя. Очевидно, ждали прославленія Святителя, чтобы посвятить придѣлъ его имени. Здѣсь рабочіе устанавливаютъ помость и стержени для будущей раки.

Проходимъ въ правую сторону. Здѣсь въ шкафу за стекломъ висятъ одежды святителя Іоасафа. Полтора ста лѣтъ лежалъ въ нихъ Святитель и только въ маѣ прошлаго года переоблачили мощи Святителя, а эти одежды повѣсили въ шкафъ. Здѣсь висятъ: голубой шелковый саккосъ розовыми цвѣтами, сѣровато розовый омофоръ, зеленоватая бархатная митра, темно-красный шелковый подрясникъ, зеленый шелковый подрясникъ, темно-красныя бархатныя туфли, шитыя золотомъ; въ особомъ футлярѣ рубашечка Святителя. Все сохранилось замѣчательно, не потерявъ старинной выработки и рисунка и сохранивъ дивно свои цвѣта.

Мы вышли изъ собора. Опять та же толпа густо наполнила монастырскій дворъ...

Встрѣтившійся намъ батюшка оказался необыкновенно любезнымъ. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ номеръ гостиницы при женскомъ монастырѣ, куда еще наканунѣ прибыла его семья. Насъ встрѣтили чрезвычайно ласково, точно давно знакомые или родные.

Я прошелъ по двору этой гостиницы. Оказывается, здѣсь масса помѣщеній для богомольцевъ. Громадныя бѣлыя чистыя горницы, съ большими столами и скамейками. Въ одномъ помѣщеніи чистыя нары.

— Меня водить работница при женскомъ монастырѣ. „Много бываетъ народу-то?“ — „Да, теперь и то иногда не хватаетъ помѣщенія, отвѣчаетъ она. Очень часто приходятъ съ крестными ходами. Теперь и то много, очень много народу бываетъ“.

Между прочимъ проводница моя рассказала мнѣ интересный случай: Одинъ священникъ привелъ изъ трехъ сель народъ, а тамъ въ ихъ сторонѣ много невѣрующихъ мощамъ-то ¹⁾,—такъ имъ всего открыли угодника... и лицо, и ручки. Отъ 7 час. вечера до 11 почти совсѣмъ открытый лежалъ. Услыхали, ну и мы побѣжали и приложились грѣшныя...

1) Оказалось потомъ, что въ этихъ приходахъ много штундистовъ.

Погостивъ у новаго знакомаго батюшки, столь радушно принявшаго насъ, мы снова пошли проститься въ монастырь. Было уже часовъ 9 утра. И та же, еще большая, сѣрая толпа густо наполняла монастырскій дворъ. „Дорогу, дорогу, представители отъ обществъ!“—закричали городовые, и два или три такихъ же бѣдныхъ и сѣрыхъ мужика, съ пяточковыми свѣчами въ рукахъ, прошли въ церковь. Изъ иконной лавки вынесли большой образъ Святителя. Его понесли освящать на мощи. Кто-то накинулъ на икону холщевое полотенце, другіе ухватились за образъ, чтобы пробраться въ соборъ, а толпа съ завистью смотрѣла на этихъ счастливицевъ.

Въ 10 ч. утра мы выѣхали изъ БѢлгорода, гдѣ встрѣтили столько привѣта и ласки, отдохнувшіе душою и тѣломъ. Несмотря на бессонную ночь, усталости нѣтъ и слѣда. Обдумывая все, только что пережитое нами, мы рѣшили, что это святитель Юасафъ оказалъ намъ свое гостеприимство. Попадаемъ мы въ просторный и чистый вагонъ, ѣдемъ быстро и спокойно, какъ бы исполненные райскихъ видѣній, осѣненные небесными крылами Святителя.

1-ое сентября я снова ѣду въ БѢлгородъ. Еще дорогой уже создается какое-то особенное настроеніе. Быстро мчится поѣздъ. Въ вагонъ со мною пять человекъ крестьянъ. Всѣ они ѣдутъ въ БѢлгородъ. Въ сосѣднемъ купѣ какой-то странникъ, исходившій св. Русь вдоль и поперекъ, ведетъ бесѣду съ учащейся молодежью. Кончается тѣмъ, что одна изъ собесѣдницъ даетъ деньги страннику и говоритъ: „дѣдушка, будешь въ БѢлгородѣ, помяни за упокой Геннадія“. Далѣе и далѣе по всему поѣзду разсѣяны бѢлгородскіе паломники. Пролетѣла ночь въ вагонѣ. 6 час. утра. „БѢлгородъ“. Сходитъ много народу. На вокзалѣ небывалое движеніе. Къ зданію даже пристроены цѣлый залъ. Много народу, суетня, едва можно дозваться носильщика.

Иду по городу. Еще очень рано, но улицы полны наро-

домъ. „Смотри, смотри, говорить одинъ другому, вонъ крестный ходъ-то какой, на цѣлую версту растянулся“. Смотрю и я въ ту сторону. Черезъ низенькіе заборы вижу что-то движется сѣрое, но что, не пойму. Подхожу къ перекрестку. И въ это же время слѣва изъ переулка показался крестный ходъ. Впереди шель весь запыленный священникъ съ крестомъ, далѣе нѣсколько паръ хоругвей, запрестольныя иконы; потомъ парами священники и дьякона, видимо утомленные и въ пыли. Шедшій сзади всѣхъ священникъ читалъ акаѳистъ свят. Николаю. За нимъ громадный хоръ народа повторялъ кievскимъ напѣвомъ: „Радуйся, Николае, великій Чудотворче. Аллилуія, аллилуія, аллилуія“. Около духовенства двигался человѣкъ сѣдой, высокаго роста, въ синемъ подрясникѣ. Видъ сосредоточенный, ноги босыя, въ рукахъ большая желѣзная палка съ крестомъ. Оказалось, это былъ извѣстный въ Россіи странникъ Василій. Далѣе плыла сѣрая туча народа, море головъ, покрытое облакомъ пыли. Молитвенный трепеть охватывалъ душу при видѣ этой толпы, вступавшей съ хоругвями и крестами въ Бѣлгородъ. Священный городъ и священное время! Жаль, что эти крестные ходы городъ встрѣчалъ безъ звона!

Однако, крестный ходъ не пошелъ къ монастырю, а двинулся по боковой улицѣ къ отведенному для него пункту. Я остановился на углу. Боже, какая масса плыла за нимъ народу! Трудно было устоять. Эта масса съ катомками и палками плыла неудержимымъ потокомъ; было тысячъ до 20 народу, и я не могъ ихъ всѣхъ переждать.

Иду далѣе. Городъ весь чистенькій, всюду выкидываютъ флаги. У женскаго монастыря цѣлая толпа народу. Вотъ и мужской Свято-Троицкій монастырь. Иду вдоль его бѣлой стѣны. Теперь здѣсь сплошь народъ. По стѣнѣ непрерывной вереницей сидѣли нищіе. Среди нихъ было много слѣпыхъ и несчастныхъ калѣкъ. Всѣ они просили о помощи. Въ одномъ мѣстѣ слѣпые подъ волюнку пѣли молитвы. Жалобные голоса ихъ смѣшивались со

странными печальными звуками струвъ и производили своеобразную грустную музыку. Около нихъ стояла группа богомольцевъ.

Большая бѣлая Знаменская церковь монастыря одной стѣной выходитъ на улицу. Вижу въ окна—церковь биткомъ полна народу. Съ улицы стоитъ народъ у оконъ и молится. Иду далѣе. У св. воротъ вся площадь полна народомъ. Около воротъ масса полиціи. Толпа стоитъ полукругомъ, и въ ворота пускаютъ по очереди. Ворота закрыты. „Вашъ билетъ“, остановилъ меня околоточный. Карточка отъ вліятельнаго духовнаго лица дала мнѣ доступъ во дворъ монастыря. Теперь уже густо въ двѣ очереди стоялъ народъ во дворѣ монастыря. Здѣсь было не столько простого народа, сколько такъ наз. чистой публики. Стояли въ очереди и въ шляпахъ, и въ пальто. Въ рукахъ часто рублевья свѣчи.

Та же карточка отворила мнѣ двери собора. Весь онъ былъ чистенькій. Парусина снята. Масса свѣчей горѣла передъ иконами. Рабочіе ставили рѣшетку, которая бы отдѣляла середину собора отъ простой публики.

Становлюсь въ очередь для спуска въ пещеру. Народъ не пропускаютъ, такъ какъ скопилось много больныхъ. Какихъ только ужасовъ здѣсь не было!? Вотъ несутъ въ какомъ-то мѣшкѣ несчастнаго. Не видно, есть ли у него ноги, или это только туловище и голова. Вотъ на простынь несутъ еще человѣка; весь онъ скорченный, со сведенными руками и ногами. Далѣе на носилкахъ несутъ женщину, потомъ пронесли всего разслабленнаго мужика, голова котораго болталась какъ на ниткѣ. Весь онъ былъ какой-то разбитый, и несли его мужикъ съ бабой, посадивъ на свои руки. Кого-то еще пронесли на закоркахъ. Еще и еще движутся больные. Страшно смотрѣть на нихъ. Сердце сжимается, весь невольно вздрагиваешь, глаза закрываются отъ ужаса. Нигдѣ и никогда я еще не видалъ такого скопища больныхъ, такихъ уродствъ и страданій. Потомъ я видѣлъ массу подобныхъ же больныхъ на ули-

цахъ Бѣлгорода. Съ ужасомъ вспоминаю объ одномъ. Его возили на тележкѣ. Руки и ноги несчастнаго были изуродованы страшно и скрючены, такъ что колѣни его почти соприкасались со ртомъ. Много было несчастныхъ женщинъ въ падучей болѣзни. Дикіе вопли издавали онѣ и проявляли какую-то бушующую неестественную силу. Больныхъ, которые стояли сами на ногахъ, не пропускали внѣ очереди.

Невольно предо мною ожили Евангельскія событія. „И приводили къ Нему, т. е. къ Иисусу Христу, пишутъ евангелисты, больныхъ различными недугами и страстями одержимыхъ. И бѣсноватыхъ, и лунатиковъ, и разслабленныхъ жилами, и повергали ихъ къ ногамъ Иисусовымъ. ...И полагали ихъ на пути, чтобы хотя тѣнь Его осѣнила ихъ... И весь народъ искалъ прикоснуться къ Нему, ибо сила отъ Него исходила и исцѣляла всѣхъ... и тѣ, кто прикасался къ Нему, исцѣлялся“...

Вотъ оно, думалось мнѣ, вотъ оно царствіе Божіе на землѣ, вотъ точно Христосъ вновь сошелъ на землю. Это явился Его Апостоль, истинно-вѣрующій въ Него, а вѣдь Христомъ обѣщано, что вѣрующій въ Него сотворитъ дѣла большія, чѣмъ сотворилъ Онъ Самъ. И вотъ, лишь только услышали люди, что явился этотъ вѣрующій, въ силу своей вѣры носящій въ себѣ чудную силу благодатныхъ даровъ, по обѣтованію Христа, какъ сейчасъ и устремились люди сюда къ источнику этой силы. Здѣсь, въ этой пещеркѣ съ гробницей св. Іоасафа, какъ-бы образовалась некая Внѣезда, и вотъ немощные столпились около этой купели благодати...

Больные спускались внизъ... Съ замираніемъ сердца ждалъ я возвращенія несчастныхъ... Ихъ выносили. На ихъ глазахъ и глазахъ несшихъ были слезы; порой взглядъ несчастныхъ горѣлъ какимъ-то успокоеніемъ и радостью. Кто знаетъ? кто проникнетъ въ тайну ихъ души? Кто сможетъ выразить ихъ чувства, когда этихъ калѣкъ прикладывали къ Святителю? Тогда ихъ душа, забывъ все,

кромѣ своей муки, бесѣдовала со Христомъ и Его угодникомъ. Что сказали они другъ другу? Что ощутилъ несчастный страдалецъ въ это мгновеніе? Какой переворотъ произошелъ въ немъ? Можетъ быть, онъ почувствовалъ притокъ новыхъ невѣдомыхъ силъ, сулящихъ ему здоровье. Можетъ быть, его душа, доселѣ вѣчно скорбящая, вдругъ успокоилась и примирилась, и рѣшила терпѣть до конца ради загробнаго воздаянія? Одинъ Господь, да Тотъ, Кого они просили, къ Кому цѣлуя припадали, знаютъ эти тайны!

Я видѣлъ потомъ, когда уже Святителя положили въ раку, какъ подвели слабоумную дѣвочку. Ея голова и туловище какъ-то не гнулись. Съ трудомъ мать приложила ее къ рукамъ Святителя. Дѣвочка подняла голову. Точно заря разлилась по лицу ея, глаза были влажны и блестящи, и она какъ бы съ удивленіемъ смотрѣла на потолокъ сѣни надъ мощами... Ее отвели и поставили у стѣны около мощей. Лицо ея все носило на себѣ печать какого-то невѣдомаго намъ восторга... Кто знаетъ, что совершилось въ ней!

Вечеромъ 2-го сентября я видѣлъ у стѣны въ соборѣ группу людей; на стулѣ сидѣлъ какой-то человекъ, глаза его плохо смотрѣли, весь онъ былъ точно послѣ далекаго пути, и точно что-то случилось съ нимъ неожиданное. Онъ рассказывалъ, что былъ разслабленъ руками и ногами, едва могъ двигаться, но, приложившись къ мощамъ, почувствовалъ бодрость и силу. Онъ видимо волновался. Его успокаивали. Кто объяснить все это? Кто постигнетъ всю тайну чудесъ? весь переворотъ въ душѣ и тѣлѣ человека исцѣленнаго, и кто можетъ разсуждать о томъ, почему одному подано чудо, а другому нѣтъ? Одинъ Сердцевѣдецъ, да развѣ Святые Его знаютъ эту великую тайну...

Вереница больныхъ прервалась. Я спустился въ пещерку. Сколько здѣсь сейчасъ было пережито, сколько пролито слезъ, когда нѣсколько минутъ тому назадъ вно-

силы сюда несчастныхъ.Попржевому спѣшно идетъ чередъ. Еще больше горитъ свѣчей и лампадъ. Святитель закрытъ весь, даже отверстіе на рукахъ прикрито черной бархатной пеленой. Цѣлуя, ощущаешь персты его...

Поднимаюсь изъ пещеры въ соборъ. Священники и нѣкоторые богомольцы ходятъ, осматриваютъ. Много толпятся у шкафа съ облаченіемъ Святителя. Около шкафа стояли сильно покатыя носилки. На нихъ долженъ стоять гробъ съ мощами Святителя въ полустоячемъ положеніи во время литургіи 4-го сентября.

Иду въ лѣвый придѣлъ. На черномъ мраморномъ возвышеніи стоитъ золоченая гробница. Надъ нею сѣнь подъ старое матовое серебро. Три высокіе купола, на подобіе главъ церкви Василия Блаженнаго (въ Москвѣ), высоко поднимаются надъ сѣнью. Они все украшены массой металлическихъ серафимовъ. Наверху кресты. Вся сѣнь и столбы ея украшены иконками въ старинномъ стилѣ. На серебряномъ потолкѣ сѣни надъ гробницей большой круглый образъ Спасителя. Въ ногахъ, у потолка, рѣзные крошечныя; на нихъ потомъ навѣшали лампады. Помню въ ногахъ чудную большую золоченую лампаду со старинными образками, а наверху двуглавый орелъ. У лампады подвѣски изъ сафировъ и рубиновъ... царская, говорилъ народъ. Далѣ висѣла лампада Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Какъ первая лампада поражала своимъ богатствомъ, такъ вторая своимъ изяществомъ. Это былъ серебряный кругъ съ темно-голубымъ стаканчикомъ въ серединѣ; она висѣла на серебряныхъ цѣпяхъ; внизу подвѣски изъ зеренъ жемчуга съ изумрудами... Далѣ помню двѣ одинаковыхъ лампады въ видѣ золоченыхъ фонарей и масса другихъ громадныхъ лампадъ. Я всего насчиталъ ихъ до сорока.

Иду въ алтарь. Съ правой стороны престола носилки и новый гробъ для св. мощей. Носилки желтыя полированные, обиты сверху темно-малиновымъ сукномъ, съ мѣд-

ными мѣстами для ножекъ гроба. На носилкахъ стоялъ некрашенный бѣлый кипарисный гробъ съ золочеными металлическими скрѣпами по угламъ и такими же скобами по бокамъ. Гробъ накрытъ крышкой, на которой сдѣланъ металлическій же крестъ. Въ головахъ и ногахъ скважины для ключей. Гробъ накрытъ темно-красной пеленой. Народъ благоговѣнно молился и цѣловалъ гробъ. Какое-то необыкновенное чувство радости и грусти наполнило мою душу. Готовится свѣтлое торжество, какъ бы возстаніе Святителя отъ смертнаго сна, но этотъ приготовленный гробъ какъ-бы напоминалъ о похоронахъ кого-то близкаго, дорогого человѣка. Чувство радости смѣшивалось съ чувствомъ какой-то грусти. Я невольно вспомнилъ великую пятницу, когда мы, предвкушая великую радость Воскресенія Христова, все же испытываемъ и глубокую печаль и скорбь при видѣ Его плащаницы.

Я вышелъ изъ собора. Тѣ же толпы народа, тѣ же очереди. Всюду на скамеечкахъ и на травѣ сидѣли группы народа. На высокой монастырской колокольнѣ копошились рабочіе, вбивая крючки и вѣшая разноцвѣтные фонарики для иллюминаціи.

Прохожу въ монастырскій корпусъ, гдѣ помѣстились прїѣзжіе высокіе гости. По длинному корридору рядъ дверей съ карточками: Епископъ Никодимъ... Архіепископъ Назарій, Епископъ Андрей... Епископъ Елевѣерій и т. д. Здѣсь же жили архимандриты и другія важныя лица. Всѣ они имѣли по небольшой комнатѣ, и было удивительно смотрѣть, какъ они мирились съ этою убогой обстановкой жизни. У всѣхъ какъ-бы забылось все земное, всѣ жизненные удобства: въ эти дни люди оторвались отъ земли и подыались выше нея.

Встрѣчаю въ корридорѣ знакомаго священника, товарища по академической скамьѣ. „Какъ вы сюда попали?“ Прїѣхалъ на торжество, а билета нѣтъ, безъ билета же не впускаютъ сюда болѣе. Какъ же вы рѣшили? Буду жить здѣсь въ корридорѣ. Не за тѣмъ же я прїѣхалъ сюда,

чтобы стоять на улицѣ за оградой“. Мнѣ самому также надо было добыть билетъ для входа въ соборъ и монастырь на 3-е и 4-ое сентября. Въ корридорѣ толпилось много прибывшихъ священниковъ и монаховъ, желавшихъ получить билетъ. Напрасны были поиски. И преосвященный Никодимъ (епископъ Рыльскій, викарій Курской епархіи), и секретарь архіепископа Курскаго Питирима, и ключарь всѣ отвѣчали одно: „всѣ билеты розданы. Идите въ земскую управу, тамъ есть билеты въ ограду“. Священники протестуютъ.—„Помилуйте, вѣдь мы пріѣхали отъ цѣлыхъ приходоу; насъ будутъ спрашивать наши пасомые: что вы видѣли въ Бѣлгородѣ?—А мы, не имѣя билетовъ, должны будемъ стоять внѣ ограды“.

— „Что дѣлать, хладнокровно отвѣчаетъ секретарь. ничего, господа, сдѣлать для васъ не могу“.

Вмѣстѣ со священниками спѣшу и я въ земскую управу. Народу тамъ бездна. Внизу предводитель дворянства принимаетъ пріѣхавшихъ дворянъ, обращающихся же съ просьбой о билетахъ отправляетъ наверхъ къ чиновникамъ.

Оказывается, чтобъ получить билетъ, надо подать прошеніе на имя губернатора. Впрочемъ, бланки прошеній изготовлены на пишущей машинѣ: остается только вписать свое имя.

Поспѣшно пишемъ прошенія и кидаемся вверхъ по лѣстницѣ. Вся площадка, равно и прилегающій къ ней залъ заполнены народомъ. Напрасно народъ стучится въ боковыя двери. Неумолимый городской никого не выпускаетъ. Поневолѣ отправляемся въ залъ. И здѣсь стоитъ очередь. Говорятъ, что подавшіе прошеніе только на другой день получаютъ билеты. Мы де вчера подали, вотъ сегодня и стоимъ, ждемъ въ очереди.

Дѣло оказалось иначе.

Вышелъ чиновникъ съ пачкой коричневыхъ билетовъ. Онъ бралъ прошенія и сейчасъ же выдавалъ билеты, надписывая сзади, кому данъ билетъ. Вокругъ его стола под-

нялась страшная давка и толкотня. Напрасно онъ грозилъ, что не дастъ билетовъ,—залъ мгновенно наполнился народомъ. Разнесся слухъ, что потолокъ далъ трещину. Явились городовые и стали выгонять народъ.

Послѣ долгихъ усилій и страшной толкотни и я съ приходшими священниками получилъ билетъ. Увы, билетъ оказался дѣйствителенъ только въ мѣстности, прилегающей къ монастырю.

Попросту сказать, билетъ давалъ право ходить по улицѣ!

Иду искать себѣ помѣщеніе въ городѣ. Гостиницы при женскомъ монастырѣ оказались полны народомъ. Въ частныхъ номерахъ за комнату просятъ 5—10 руб. въ сутки. Кое-какъ у какихъ-то квартирантовъ снимаю полутемную комнату и водворяюсь въ ней.

Въ городѣ чувствуется праздникъ. Всюду толпы народа, гуляетъ масса учащейся молодежи. У мужского монастыря толпа народа все ждетъ очереди приложиться; у женскаго стѣной стоитъ народъ, ожидая Великую Княгиню.

По городу ѣздятъ высокопоставленныя лица въ шитыхъ мундирахъ. Вотъ проѣхалъ рядъ придворныхъ экипажей. Прибылъ Великій князь Константинъ Константиновичъ и Великая Княгиня Елисавета Теодоровна. Въ монастырѣ раздался торжественный звонъ.....

Этотъ разѣздъ придворныхъ лицъ напомнилъ мнѣ время коронаціи въ Москвѣ. Тогда было такъ же торжественно и празднично. Только теперь это торжество было проникнуто религіозной идеей. Эти толпы паломниковъ, эти крестные ходы давали какой-то молитвенный тонъ всему окружающему.

Прекрасная, даже жаркая погода, яркое солнце усиливали праздничное настроеніе.

Вновь, хотя и съ большимъ трудомъ, проникаю въ монастырь. Рѣшилъ не уходить оттуда до всенощной. Послѣ долгихъ хлопотъ и напрасныхъ розысковъ, обращаюсь къ преосвященному Андрею, епископу Сухумскому и

прошу его оказать мнѣ содѣйствіе, чтобы присутствовать на торжествѣ. Молодой и видимо сердечный владыка необыкновенно участливо и ласково отнесся ко мнѣ. Онъ даетъ мнѣ свой билетъ для безпрепятственнаго пропуску въ алтарь.

Вотъ и 6 час. вечера. Въ соборѣ началась зауспокойная всенощная по святителѣ Іоасафѣ... Соборъ полонъ народа. У южной стѣны Великій Князь и Великая Княгиня со свитой и высокопоставленными лицами. Была необыкновенно дорога съ ихъ стороны та скромность, которую они обнаружили здѣсь. Они не пошли впередъ, не заняли лучшихъ мѣстъ, не стѣсняли народа. Передъ ними густой толпой стояли молящіеся, и члены царской семьи какъ бы смѣшали себя съ толпой простыхъ богомольцевъ.

На подсвѣчникахъ масса горящихъ свѣчей. На клиросахъ большой хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ. Почти всѣ пѣснопѣнія исполняются кievскимъ распѣвомъ. „Любимый напѣвъ Святителя, подумалъ я. Его онъ слушалъ отрокомъ и юношей, когда учился въ Кіевѣ; подь эти мелодіи молился онъ въ первые годы своихъ монашескихъ подвиговъ“.

Было необыкновенное состояніе за этой всенощной. Молитва за упокой того, кто уже въ небесномъ свѣтѣ зреть Бога и самъ молится за насъ. И каждый разъ, когда діаконовъ на эктениі громко возглашалъ: „еще молимся о упокоеніи души усопшаго раба Божія епископа Іоасафа и о еже проститися ему всякому прегрѣшенію его вольному и невольному“ „яко да Господь Богъ нашъ учинитъ душу его, идѣже праведніи упокоятся“—въ эти минуты казалось, что ангелы возносятъ душу Святителя все выше и выше къ престолу Самого Бога...

На литію и на пѣніе зауспокойныхъ „непорочныхъ“ выходилъ Курскій архіепископъ Питиримъ, а предъ пѣніемъ этихъ „непорочныхъ“ Бѣлгородскій викаріій епископъ Іоанникій (какъ передавали мнѣ — великій почитатель святителя Іоасафа) говорилъ проповѣдь о свят. Іоасафѣ.

Онъ разсказывалъ о жизни Святителя и чудесахъ при его гробѣ. Черезъ всю его проповѣдь проходила одна глубоко выдержанная мысль, выражавшая скрытую непоколебимую вѣру: святитель Іоасафъ есть поистинѣ Угодникъ Божій, святой и по жизни, и по чудесамъ своимъ.

Когда на „непорочны“ вышелъ архіепископъ Питиримъ и масса духовенства въ бѣлыхъ ризахъ съ зажженными свѣчами, когда хоръ мужскихъ голосовъ запѣлъ стихи 118 псалма, изображающіе состояніе души вѣрующаго челоуѣка въ ея исканіи покоя въ Богѣ, и мальчики звонкими голосами печально повторяли припѣвъ—„благословенъ еси Господи“—то все богослуженіе мнѣ напоминало Великую Субботу.

Заупокойный канонъ читалъ какой-то діаконъ теноромъ, и его звучный голосъ раздавался по собору. „Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“..... При пѣніи „со святыми упокой“ почти всѣ присутствовавшіе опустились на колѣни.

Я вышелъ по окончаніи канона изъ церкви. Площадь предъ монастыремъ была буквально залита народомъ. У многихъ въ рукахъ были зажженные свѣчи. У стѣны монастыря, около Знаменской церкви, служили заупокойную всенощную. Темное небо, усыянное яркими звѣздами, раскинулось надъ Бѣлгородомъ... Невольно вспоминалась та рождественская ночь, когда святитель Іоасафъ ходилъ по городу, разнося подаванія. Неузнанный, онъ тогда былъ жестоко избитъ привратникомъ въ воротахъ своего дома... На улицахъ ходили толпы народа. Многія бабы сидѣли прямо на землѣ. Въ домѣ, гдѣ я остановился, была занята даже темная комната.... Бѣлгородъ ждалъ великаго праздника...

...Утро 3-го сент. Солнце радостными лучами обливаешь Бѣлгородъ. На улицахъ толпы народа и сильное движеніе. Иду въ соборъ. Навстрѣчу несутся вереницы экипажей, коляски и кареты; въ нихъ видны представители

высшаго духовенства; архіереи въ крестахъ и орденахъ поѣхали навстрѣчу митрополиту.

Опять у собора толпы народа. Желѣзныя ворота затворены; съ завистью глядятъ паломники черезъ рѣшетку воротъ во дворъ монастыря.

Вхожу въ монастырь. Торжественно гудитъ колоколъ, ему вторятъ мелкіе колокола. Красное сукно разстелено отъ дверей собора до воротъ; ждуть великаго князя и княгиню. На встрѣчу имъ къ дверямъ вышелъ архіепископъ курскій Питиримъ, окруженный клиромъ. Всѣ въ облаченіяхъ изъ бѣлаго глазета.

Вотъ началась и обѣдня. Послѣдняя заупокойная литургія по святителѣ Іоасафѣ. Двери въ пещерку закрыты. Никого уже не пускаютъ. Ключарь предупреждаетъ служащее духовенство, чтобы во время панихиды никто не входилъ въ склепъ, такъ какъ туда пойдутъ одни епископы.

Литургію служить архіепископъ Питиримъ съ нѣсколькими епископами и множествомъ духовенства. Во время пѣнія Символа вѣры, когда надо священникамъ колебать воздухъ надъ св. Дарами, отъ воздуха протянуты были бѣлыя ленты, чтобы священникамъ, при ихъ многочисленности, удалось прикоснуться къ св. воздуху.

Въ серединѣ обѣдни въ ризницѣ началась нѣкоторая сутолока. Пріѣхали изъ Москвы гости: Архимандритъ Чудова монастыря Арсеній, прот. Восторговъ, свита митрополита; наконецъ вошелъ въ алтарь и самъ Высокопреосвященнѣйшій Владиміръ, митрополитъ Московскій. Всѣ съѣхались, всѣ собрались на великое торжество.

Литургія кончилась. Полдненное солнце падаетъ лучами въ окна полукружія алтаря; храмъ полонъ народомъ. На середину собора вышелъ митрополитъ и всѣ бывшіе здѣсь епископы, ихъ было 10.

По обѣ стороны протянулась вереница духовенства, и началась послѣдняя панихида по Святителѣ. Въ послѣдній разъ возглашаютъ діаконы: „еще молимся о упокое-

ни души усопшаго, преосвященнѣйшаго епископа Іоасафа, и о еже простится ему всякому прегрѣшенію вольному и невольному. Яко да Господь Богъ нашъ учинитъ душу его, идѣже праведниі упокоятся“. Ударъ за ударомъ слышится печальный перезвонъ монастырскихъ колоколовъ, и кажется, что душа Святителя высоко, высоко надъ нами, тамъ въ ясномъ голубомъ небѣ, облитомъ лучами солнца—возносится ангелами въ бѣлыхъ ризахъ все выше и выше въ глубь и сіяніе неба ¹⁾).

Панихида кончается. „Со духи праведныхъ скончавшихся душу раба Твоего, Спасе, упокой“..... и вотъ епископы спустились въ пещеру, за ними Великій Князь и Княгиня и нѣсколько лицъ изъ свиты. Сейчасъ Святителя должны изъ раки переложить въ гробъ. Въ храмѣ воцарилось молчаніе. Прошло довольно много времени, прежде чѣмъ епископы вышли изъ пещерки. Панихиду докончили въ пещерѣ у гроба Святителя, и храмъ какъ-бы застылъ въ ожиданіи чего-то великаго. Наступили торжественные и величественные моменты. Епископы въ молчаніи прошли въ алтарь и стали разоблачаться. Ключарь, придя въ алтарь, показалъ золотые ключи, которыми заперли гробъ съ мощами Святителя.

Съ трудомъ нѣсколько лицъ и я пробрался въ пещерку. Рака была пуста. Тамъ лежала только бѣлая полотняная пелена, слегка сбившаяся; на ней почивалъ Святитель; изъ-подъ нея видны были доски, на которыхъ покоились св. мощи, въ головахъ лежала темно-красная бархатная подушка. Съ боку пещерки, на столѣ, стоялъ новый запертый кипарисный гробъ, въ который уже былъ переложень Святитель.

Бывшія здѣсь лица падали на крышку гроба, обливая ее своими слезами, съ любовью и плачемъ цѣловали гробъ и пелены въ пустой гробницѣ. Предъ ней еще горѣли

¹⁾ Къ сожалѣнію, во время этой панихиды выпустили такіа дивныя и трогательныя пѣснопѣнія какъ: „Покой, Спасе нашъ, съ праведными“ и „Самъ Единъ еси безсмертный“.

свѣчи и лампы. Стоящій въ головахъ іеромонахъ раздавалъ святую вату, бывшую въ гробницѣ у мошей, говоря: „вотъ уже послѣдняя, больше здѣсь нѣтъ“. Послушникъ въ ногахъ наливалъ въ пузырьки святое масло.

Я вышелъ во дворъ монастыря. Множество народу все такъ же сидѣло и лежало на травѣ. Нѣкоторые дежурили здѣсь уже по суткамъ, питаюсь просфорами и хлѣбомъ, который приносили иногда монахи. Эти дежурившіе здѣсь надѣялись остаться до вечера или утра 4-го сент., чтобы хоть видѣть перенесеніе св. мощей. Но ихъ надежды были напрасны. Передъ всеюнощной ихъ всѣхъ полиція безцеремонно стала выпроваживать вонъ изъ монастыря.

Въ городѣ чувствуется праздникъ. Вездѣ и всюду народъ. Все кажется наряднымъ и веселымъ. Много гуляетъ молодежи; много толковъ о покушеніи въ Кіевѣ на премьеръ министра Столыпина.....

Вотъ вдали движется темная масса съ золотыми пятнами на ней. Это идетъ крестный ходъ. Вотъ онъ и подошелъ. Много хоругвеносцевъ въ новыхъ темно-синихъ кафтанахъ съ бѣлыми галунами и бахромой. Золоченные хоругви блестятъ на солнцѣ. Далѣе въ толпѣ несутъ 6 большихъ иконъ св. Іоасафа, на золотомъ фонѣ,—передъ каждой изъ нихъ хоругвеносецъ въ кафтанѣ несетъ большую восковую (буквально пудовую) необожженную свѣчу. Эти иконы, очевидно, несутъ каждый изъ приходоу для освященія на мощахъ, а свѣчи они несли въ даръ къ ракъ Святителя. Одинъ изъ хоругвеносцевъ несутъ на блюду лампаду къ гробницѣ св. Іоасафа. Толпа прошла къ монастырю.

Вечеръ спускается на землю. Уже пятый часъ. Иду ко всеюнощной. Около воротъ толпа монархистовъ со знаменами и иконами служатъ молебень о здравіи Столыпина. Даже ихъ не впустили въ ограду. Изъ двора полиція все еще выпроваживала народъ. Толпа священниковъ, пріѣхавшихъ изъ дальнихъ краевъ Россіи, но не имѣвшихъ билета, металась туда и сюда, прося чтобы дозволили

3-го за всенощной и 4-го за обѣдней хоть впустить ихъ въ ограду. Напрасно. Наконецъ вышелъ епископъ Курскій Питиримъ. Священники толпою окружаютъ его, начинаютъ пѣть входную „достоиню“, а потомъ „заступнице усердная“ и такимъ образомъ проникаютъ съ архіепископомъ въ храмъ.

Въ храмъ все торжественно и все убрано. Въ алтарѣ разостланы ковры. Всюду красуются вновь принесенныя хоругви. У раки спѣшно вѣшаютъ лампы; за ихъ развѣсомъ слѣдятъ князья Жеваховы, родственники Святителя. На гробницѣ и около нея цѣлая гора свѣчей, большихъ и малыхъ.

Никогда я не видалъ болѣе торжественнаго зрѣлища въ алтарѣ, какъ въ эти два дня: 3-го сентября за всенощной и 4-го за литургіей! Еще до звона собрались въ храмъ всѣ епископы, кромѣ митрополита, и сейчасъ же стали облачаться. На всѣхъ священно-служителяхъ было особое облаченіе изъ золотой парчи съ крестами.

Ударилъ колоколь. Царскія врата открыли. Архіепископъ Курскій Питиримъ съ клиромъ опять пошелъ на встрѣчу членамъ царской фамиліи и митрополиту Московскому. Торжественный звонъ несется по воздуху. Въ храмъ теплятся масса свѣчей и лампадъ; открытыя царскія врата... все это производитъ какое-то необыкновенно-торжественное настроеніе.

Вотъ запѣли пѣвчіе, и въ алтарь вошелъ митрополитъ Московскій. Началась всенощная. Послѣ воскресныхъ стихиръ въ первый разъ запѣли стихиры святителю Іоасафу, Бѣлгородскому Чудотворцу. Вотъ наконецъ приближается и время литіи. Иподіаконъ облачили митрополита московскаго въ полное облаченіе изъ золотой парчи.

Литія... Царскія врата открылись, паникадилы засвѣтили пороховой ниткой. Хоръ пѣвчихъ прошелъ къ дверямъ храма.

Вереницей потянулось духовенство изъ алтаря. У священниковъ и народа въ рукахъ зажженныя свѣчи. Двери

пещерки отворены настежь. У церковныхъ дверейъ стоятъ носилки для мощей Святителя.

Епископы спустились въ пещерку. Весь спускъ въ пещерку и весь храмъ озаренъ свѣчами. Пѣвцы уже на улицѣ, пѣніе стихирь Святителю оглашаетъ воздухъ и доносится въ храмъ: „потщимся убо, братіе“—слышится пѣніе—„еже едино на потребу искати“... Всѣ замерли въ ожиданіи выхода Святителя изъ его полуторастолбтнѣнаго мѣста блаженнаго сна. Точно пасхальная утренняя! Идетъ мгновеніе за мгновеніемъ. Высоко держитъ народъ свѣчи, лица у всѣхъ восторженны и сосредоточены, многіе плачутъ. Гробъ все не выносятъ. Стихиру за стихирой поютъ пѣвчіе—гробъ Святителя все не показывается. Рѣшительный моментъ. Угодно-ли будетъ Богу и Святителю выйти для своего прославленія? Быть можетъ, ему угодноѣ смиренно почивать подъ сводами своей пещерки...

Пѣніе стихло. Вотъ по лѣстницѣ на спускъ пещерки показывается духовенство со свѣчами, а за нимъ показался и закрытый гробъ Святителя. Теперь уже отъ него не вѣетъ гробомъ, но жизнью и воскресеніемъ. Съ благоговѣніемъ подхватываютъ стоящіе гробъ и помогаютъ епископамъ и духовенству поставить его на носилки.— Вотъ носилки подняты на плечи. Надъ гробомъ спустили 4 рипиды для его осѣненія. Хватаюсь за шесть носилокъ, и мы выходимъ среди рвущейся около насъ толпы черезъ паперть на монастырскій дворъ. Сейчасъ-же останавливаемся. Діаконъ возглашаетъ первое прошеніе на литіи. Темная ночь спустилась на землю. Мракъ разгоняетъ множество зажженныхъ свѣчей. Монастырская колокольня вся горитъ въ разноцвѣтныхъ фонарикахъ, и какъ свѣтящійся столпъ поднимается къ небу. На далекомъ разстояніи по пути шествія стоитъ кольцомъ народъ съ зажженными свѣчами. Въ темнотѣ видны силуэты двухъ хоругвей; при свѣчахъ видны запрестольныя иконы и немного лица духовенства. Вѣтеръ задувалъ огни свѣчей...

Прошеніе окончилось... „Господи помилуй“, „Господи

помилуй“—запѣли пѣвчіе, и тихо шествіе двинулось во-кругъ собора. Гробъ несли медленно, и мнѣ не вѣрилось, чтобы на моей грѣшной рукѣ покоились носилки вновь являющагося угодника Божія. Останавливались у южныхъ и сѣверныхъ дверей, за алтаремъ и вновь у западныхъ дверей собора. Когда повернули за алтарь, вѣтеръ сильно заколыхалъ растуція тамъ деревья, и они съ шумомъ какъ бы преклонились передъ вновь вышедшимъ къ намъ Святителемъ и коснулись своими вѣтвями крышки его гроба.

Входимъ въ храмъ, полный свѣта и народа съ зажженными свѣчами. Гробъ ставятъ на серединѣ на приготовленномъ столѣ, а пѣвчіе уже пропѣли стихиры на стиховнѣ. Звонкій теноръ поетъ „Нынѣ отпускаеши“—хоръ ему аккомпанируетъ. И вотъ въ первый разъ въ храмѣ раздался тропарь Святителю: „Святителю, Христу Богу возлюбленне, правило вѣры и образъ милосердія людямъ былъ еси“.—Трижды поютъ этотъ тропарь, прославляя Святителя. Но вотъ духовенство вошло въ алтарь. Царскія врата затворились, народъ погасилъ свѣчи, и стали читать шестопсалміе.

Послѣ „Богъ Господь и явился намъ“ и пѣнія воскреснаго тропаря и новоявленному Святителю, вышелъ на амвонъ архіепископъ Питиримъ и долго говорилъ поученіе народу.

Проповѣдь кончилась. Царскія врата вновь отворились, снова молящіяся зажгли свѣчи, духовенство съ зажженными же свѣчами вышло изъ алтаря и окружило гробъ Святителя. „Хвалите имя Господне“—пѣли пѣвчіе, „хвалите, раби Господа“.—Мнѣ пришлось стоять въ алтарѣ у св. Престола, и гробъ отъ насъ скрывалъ большой под-свѣчникъ, поставленный въ ногахъ у Святителя. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на гробъ; за множествомъ духовенства гроба не было хорошо видно... Вотъ ключарь поднесъ ключи митрополиту Владиміру. Кончилось пѣніе „хвалите имя Господне“... Въ храмѣ воцарилось

необыкновенное молчаніе... Около гроба Святителя что-то дѣлали.. Мгновеніе—и вдругъ точно вихрь промчался по храму. Вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, упала на колѣни, и понеслась мощная пѣснь, захватившая умъ, сердце, душу... „Величаемъ ты, святителю отче Іоасафе, и чтемъ святую память твою, ты бо молиши о насъ Христа Бога нашего“. Священники принесли въ алтарь крышку отъ гроба Святителя. Гробъ открыли. Совершилось!.. Ликъ русскихъ святыхъ обогатился новымъ свѣтильникомъ...

Никогда не слыхалъ я такого пѣнія и никогда не забуду этой минуты! Казалось, пѣли самыя стѣны, самый воздухъ, и звуку людскихъ голосовъ, казалось, вторили незримые хоры... Величаемъ, величаемъ ты—подхватили пѣвчіе, въ то время когда митрополитъ сталъ совершать кажденіе около гроба.

Не пропали молитвы, подвиги и душевныя муки по Богъ Святителя: „прославляющія мя прославлю“.

Прочитали св. Евангеліе, и толпы народа неудержимыми волнами хлынули ко гробу. Святитель лежалъ до груди прикрытый голубой шелковой пеленой. Лицо его было слегка прикрыто тонкимъ сѣрымъ шелкомъ, такъ что ясно обозначались глаза и носъ угодника Божія. Было очень жалко, когда передъ тѣмъ, какъ прикладываться народу, его всего плотно прикрыли пеленами. Хотѣлось, чтобы въ этотъ великій день, день какъ бы его воскресенія, пробужденія послѣ полуторастолѣтняго сна, всякій могъ видѣть его и удивляться его нетлѣвию.

Давка была страшная. По обѣ стороны гроба встали митрополитъ Московскій и одинъ изъ епископовъ и помазывали богомольцевъ освященнымъ елеемъ.

Я вышелъ изъ собора. Здѣсь около окна его пещерки служили всенощную. Колоколья все еще пылала своими разноцвѣтными фонариками. На площади передъ монастыремъ толпы народа. Многіе съ зажженными свѣчами. Въ разпыхъ мѣстахъ пѣли молитвы. Здѣсь же сидѣли

богомольцы, расположившись на ночь: иначе можно не попасть завтра къ монастырю.

Дома мои хозяева рѣшили не спать, чтобы хоть немножко посмотрѣть необыкновенное движеніе въ ихъ городѣ... Въ этотъ день, въ первый разъ, ложась спать, я молился не о упокоеніи свят. Іоасафа, но уже призывалъ и величалъ его „святителю отче Іоасафе, моли Бога о мнѣ“.

Сергій Голощановъ.

(Окончаніе будетъ).

Современная теософія и ея слабыя стороны.

Додь именемъ теософіи, или богомудрія, божественной мудрости, въ настоящее время разумѣется особое религиозно-философское направленіе, имѣющее цѣлью изученіе общихъ началъ религиозно-этической жизни человѣчества.

Выразителемъ этого направленія является международное Теософическое Общество, у насъ же въ Россіи такъ называемое Россійское Теософическое Общество, которое входитъ въ составъ перваго и служитъ только частью его.

Международное Теософическое Общество основано въ 1875 г. въ Нью-Йоркѣ нашей соотечественницей Е. П. Блаватской и американцемъ Генри Олькоттомъ. Въ слѣдующемъ году основатели его переселились въ Индію, въ Адьяръ (предмѣстье Мадраса), гдѣ къ ихъ услугамъ была богатѣйшая библіотека. Отсюда дѣятельность Теософическаго Общества стала распространяться по другимъ странамъ и заводить въ нихъ свои отдѣлы. Въ настоящее время Общество имѣетъ отдѣлы во всѣхъ странахъ свѣта, въ наиболѣе крупныхъ городахъ. Наше Россійское Теософическое Общество составляетъ отдѣлъ его и имѣетъ своихъ представителей въ Петербургѣ, даже въ Смоленскѣ и другихъ городахъ.

Послѣ Блаватской, умершей въ 1891 г., продолжательницей ея дѣла является Анна Безантъ—извѣстная англійская писательница, социалистка. Съ 1907 г. она со-

стоитъ президентомъ Международнаго Теософическаго Общества.

У насъ въ Россіи наиболѣе яркой представительницей теософическаго движенія является А. А. Каменская, предсѣдательница Россійскаго Теософическаго Общества, статьи которой въ теософическихъ журналахъ очень часто встрѣчаются и подписаны словомъ Alba.

Наибольшую дѣятельность Россійское Теософическое Общество проявило у насъ послѣднія четыре-пять лѣтъ. Объ этой дѣятельности можно судить по обилію теософической литературы, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивающейся и свидѣтельствующей о томъ, что теософическое движеніе въ образованныхъ кругахъ приобретаетъ популярность.

Въ теософическихъ журналахъ: „Вѣстникъ Теософіи“, „Теософическое Обзорѣніе“, „Теософская Жизнь“, „Вопросы Теософіи“ (сборники статей 1 и 2 вып.), „Бюллетени литературы и жизни“—масса статей и иностранныхъ авторовъ въ переводѣ, и русскихъ, посвященныхъ теософическому движенію и изученію этики, философіи, наукъ и искусствъ. Весьма много и отдѣльныхъ изданій на русскомъ языкѣ. Среди нихъ, конечно, самое почетное мѣсто принадлежитъ Е. П. Блаватской („Голосъ безмолвія“) и Аппѣ Безантъ („Древняя мудрость“, „Теософія“ и „Новая Психологія“ и др.).

Изъ наиболѣе выдающихся и заслуживающихъ вниманія крупныхъ русскихъ авторовъ нужно отмѣтить книгу М. В. Лодыженскаго „Сверхсознаніе и пути къ его достиженію“. СПБ. 1911 г.

Конечно, во всѣхъ статьяхъ и сочиненіяхъ этой обширной теософической литературы красной нитью проходитъ одна тенденція: теософія—самое наилучшее и наилучшее „міровоззрѣніе, которое способно удовлетворить разумъ, какъ философія, и, въ то же время, дать міру всеобъемлющую религію и этику“ (А. Безантъ—„Древняя мудрость“) и которое есть, такимъ образомъ „вселенскіи

научно-религіозный синтезъ“ (А. А. Каменская—„Теософія и Богостроительство“).

На обложкахъ всѣхъ журналовъ и отдѣльныхъ теософическихъ изданій очень часто красуется извѣстный теософическій девизъ Блаватской: „Нѣтъ религіи выше истины“. Далѣе на обложкахъ можно встрѣтить широко-вѣщательныя объявленія цѣлей Теософическаго Общества со временъ самой Блаватской: 1) Всеобщее братство народовъ, безъ различія національностей, вѣроисповѣданія, касты и пола; 2) Сравнительное изученіе религіи какъ древнихъ, такъ и новыхъ, философіи и наукъ и 3) Изученіе психическихъ силъ человѣка.

Главною цѣлью всѣхъ этихъ усиленныхъ рекламированныхъ напыщенныхъ принциповъ современной теософіи—привлеченіе въ Россійское Теософическое Общество возможно большаго числа членовъ и сочувствующихъ ему лицъ.

Съ тою же цѣлью время отъ времени члены Общества въ Петербургѣ выступаютъ въ Религіозно-Философскомъ Обществѣ съ рефератами и докладами, выясняющими и защищающими задачи теософіи („Теософія и Богостроительство“—докладъ А. А. Каменской).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заводятся благотворительныя кружки и устраивается кружка для мелкихъ пожертвованій („Отчетъ о дѣятельности Смоленскаго Теософскаго Общества за 1 й годъ его существованія“. Теософская жизнь. 1908 г. № 1-й).

Привлекая въ свои нѣдра новыхъ членовъ на началахъ братства и свободнаго принятія или непринятія ими теософическаго ученія, Теософическое Общество тѣмъ не менѣе предъявляетъ имъ нѣсколько ступеней „Посвященія“ и только въ случаѣ усвоенія и принятія ими всѣхъ таинъ теософическаго ученія, всей, такъ сказать, полной догмы его, они дѣлаются дѣйствительными и посвященными членами Общества. Въ противномъ случаѣ они остаются на положеніи только сочувствующихъ Обществу лицъ, не посвященныхъ, а несовершенныхъ его членовъ. Само собой

понятно, что эти послѣдніе—лица, не могущія жертвовать свободой своего отношенія къ теософической догмѣ и слѣпо, безъ контроля, безъ критическаго изслѣдованія итти за вожжами современной Теософіи (К. Д. Кудрявцевъ. „Что такое Теософія и Теософическое Общество“. СПб. 1912 г. 12 стр.).

Ступени посвященія, въ количествѣ семи, называемыя „Вратами Посвященія“ способствуютъ такимъ образомъ образованію круга лицъ, входящихъ въ составъ вѣрныхъ членовъ и пассивныхъ слугъ Теософическаго Общества, безусловно принимающихъ всю догму Теософическаго Общества и всѣ откровенія вождей его, считающихся проводниками сверхъ-человѣческой благодати и божественной мудрости особыхъ учителей, чрезъ которыхъ собственно и совершается эволюція религіозно-этического и научнаго совершенствованія человѣчества.

Въ дѣйствительности, повидимому, только вожди, какъ посланники и избранные сосуды учителей, обладаютъ свободой теософической догмы и выходятъ изъ-подъ чьего-либо контроля своихъ убѣжденій и дѣйствій. Бывшая посланница „Учителей“ Блаватская исповѣдывала буддизмъ. Настоящая посланница „Учителей“ держится браманизма ¹⁾. Съ другой стороны, и въ самомъ Теософическомъ Обществѣ возможны варіаціи различныхъ перемѣнъ. Съ 1-го января 1911 г. при немъ учрежденъ новый „Орденъ Звѣзды Востока“, „принимающій идею близкаго втораго пришествія Христа во плоти“, съ цѣлью „уготовать пути для Господа“, „чтобы Онъ могъ въ это Свое пришествіе дольше прожить на землѣ“. Все же Теософи-

¹⁾ И Блаватская, и Безантъ являются членами и масонскихъ ложъ, какъ увѣряетъ въ своей брошюрѣ „Что такое Теософія и Теософическое Общество“—К. Д. Кудрявцевъ, который, какъ бывший учредитель Россійскаго Теософическаго Общества, хорошо знакомъ съ его дѣлами и вождями. Онъ не считаетъ Теософическое Общество масонствомъ, но видитъ въ немъ явленіе параллельное ему и при томъ изъ одного и того же источника. 29 стр.

ческое Общество объявляется Предтечею Спасителя, имѣющаго черезъ 10—15 лѣтъ прійти на землю во плоти. А. Безантъ укажетъ этого Спасителя (К. Д. Кудрявцевъ. Что такое теософія и Теософическое Общество. 12 стр.).

О характерѣ теософіи Международнаго Теософическаго Общества и нашего Россійскаго нужно сказать, что она явно индо-буддійскаго направленія, и вообще наша современная теософія индо-буддійская или, лучше сказать, она—необуддизмъ. Это упорно отрицала въ своемъ докладѣ 24 ноября 1909 г. въ засѣданіи Петербургскаго Религіозно-Философскаго Общества А. А. Каменская, но совершенно безуспѣшно, ибо успѣла убѣдить своихъ противниковъ В. И. Иванова и Д. С. Мережковскаго только въ обратномъ. Кромѣ того и К. Д. Кудрявцевъ считаетъ, что въ сердцѣ Теософическаго Общества процвѣтаетъ буддизмъ (17 стр.) и въ „Теософской жизни“ она прямо называется индо-буддійской. (Октябрь—Ноябрь. № 2—3. 1908 г. 116—117 стр.). Только въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ теософія носитъ христіанскій оттѣнокъ, напримеръ, Штейнеровское направленіе въ Германіи. У насъ въ Россіи нѣкоторые члены Смоленскаго Теософическаго кружка и нѣкоторые сотрудники „Теософской жизни“ примыкаютъ къ этому направленію.

Но эта такъ называемая христіанская теософія не признаетъ сектъ и различій въ христіанствѣ, не дѣлаетъ различія между исповѣданіями православнымъ, римско-католическимъ и лютеранскимъ и вмѣстѣ полагаетъ, что и не христіанскія религіозныя общины способны привести къ воссоединенію съ Богомъ. („Теософская жизнь“ 1908 г. № 2—3. 122—3 стр.). Это далеко не христіанская теософія Макарія Египетскаго, Исаака Сирина, Григорія Паламы, и даже не христіанская теософія Іоанна Скотъ, Эригена, Викторинцевъ, Бонабентуры, св. Терезы и Мейстера Эккерта.

Что касается появленія при Международномъ Теософическомъ Обществѣ „Ордена Звѣзды Востока“, признаю-

щаго, подобно нашимъ русскимъ адвентистамъ, скорое пришествіе Христа во плоти, то онъ стоитъ какъ бы отдѣльно отъ общества,—вступать въ него могутъ лица постороннія и не принадлежащія къ обществу,—имѣеть, очевидно, своею главною цѣлью удержать при Обществѣ лицъ, имѣющихъ преимущественную склонность къ христіанству, но онъ сформированъ совершенно по началамъ Теософическаго Общества, и христіанскій характеръ его слишкомъ туманенъ и растяжимъ, если къ тому же и не замаскированъ. У насъ въ Россіи въ этотъ Орденъ могутъ вступать только члены Россійскаго Теософическаго Общества, и, такимъ образомъ, христіанскій характеръ его дѣлается еще болѣе сумбурнымъ и подозрительнымъ.

Такимъ образомъ, доминирующимъ направленіемъ нашей современной теософіи, такъ усиленно пропагандируемой у насъ Россійскимъ Теософическимъ обществомъ, является всетаки индо-буддійское. Предсѣдательница этого Общества А. А. Каменская, ярая послѣдовательница А. Безантъ, весьма востойчиво поддерживаетъ его многочисленными переводами сочиненій послѣдней и даже составленіемъ спеціальныхъ статей по ней; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно лишь поверхностно заглянуть въ „Вѣстникъ Теософіи“ и въ сборники—„Вопросы Теософіи“ и увидѣть, какого рода переводы и статьи подписаны словомъ Alba.

И вотъ выхолить, что подъ именемъ теософіи, какъ божественной мудрости, удовлетворяющей и разумъ и доставляющей міру всеобъемлющую религію (Блаватская), составляющей „вселенскій научно-религіозный синтезъ“ (Каменская—Alba),—нашему времени и обществу преподносится индо-буддійская мистика. Это она, оказывается, способна соединить всѣ народы во всеобщее братство, безъ различія національности, вѣроисповѣданія, касты и пола. Это она—объединящій центръ всѣхъ религіи какъ древнихъ, такъ и новыхъ, философіи и наукъ. Это она представляетъ изумительное раскрытіе и совершенствованіе

ніе психическихъ силъ и способностей человѣка, и въ этомъ отношеніи возвышается, по мысли Лодыженскаго, до христіанскаго подвижничества и если не превосходитъ его, то ведетъ яко-бы къ одной съ нимъ цѣли, „къ познавію высшаго Я, къ познанію Божества“.

Въ современной теософіи въ изнемогающей и извѣрившейся духъ человѣчества вливается новая сверхчеловѣческая интуиція, новое божественное откровеніе, способное удовлетворить всѣ запросы и религіозно-культурныя требованія народовъ и слить ихъ въ одно вселенское братство. И какъ легко и свободно этого достигнуть! Пусть только всѣ народы сдѣлаются теософами. Не будетъ религіозныхъ и научныхъ споровъ, компромиссовъ, всевозможныхъ партійныхъ счетовъ и недоразумѣній. Не будетъ тревожныхъ дипломатическихъ осложненій и взаимныхъ подозрѣній европейскихъ народовъ. Совсѣмъ не будетъ ужасныхъ войнъ турокъ съ итальянцами или съ балканскими славянами... Только надо принять и исповѣдывать теософію и сдѣлаться теософомъ. „Теософія даетъ рядъ основныхъ положеній, способныхъ произвести полный переворотъ въ сознаніи европейца, если даже они будутъ приняты „только какъ разумныя гипотезы“... („Съ востока свѣтъ“. Вопросы Теософіи. Вып. I. СПБ. 1907 г. 20 стр.).

Однако, не даромъ человѣчество извѣрилось, и слишкомъ любить оно свободу своего критическаго отношенія ко всякому претендующему на него ученію, чтобы не остановиться на этихъ основныхъ теософическихъ положеніяхъ, такъ легко, наивно и просто разрѣшающихъ трудную проблему человѣческихъ отношеній, запросовъ и требованій.

И прежде всего является непонятной и странной въ современной теософіи колоссально вздутая претензія сосредоточить въ себѣ одной вселенскость и универсальность синтеза мысли и вѣры. Человѣчество въ своихъ всевозможныхъ національныхъ особенностяхъ расъ, религіи,

культуръ, философіи и наукъ—цѣлыя тысячелѣтія стремятся искренно къ прогрессу, къ лучшему и свѣтлому будущему. Искренность этого своеобразнаго стремленія едва-ли кто рѣшится заподозрить. И въ тысячелѣтнихъ исканіяхъ своихъ человѣчество всегда чувствовало желаніе итти впередъ и впередъ, имъ вдохновлялось и одушевлялось. Вдругъ оно слышитъ самодовольный призывъ теософіи: остановись, вѣтъ другихъ и лучшихъ путей впереди; всѣ они во мнѣ, „въ моей древней мудрости!“ Но чѣмъ же инымъ можетъ показаться человѣчеству этотъ призывъ, какъ не замогильнымъ голосомъ мертвыхъ вѣковъ, въ которомъ оно уже не нашло удовлетворенія, какъ не археологической попыткой вернуть его назадъ и заставить топтаться на одномъ мѣстѣ. Иначе говоря, во вселенскомъ и научно религіозномъ синтезѣ теософіи уже само собою полагается предѣлъ всѣмъ вѣковѣчнымъ исканіямъ человѣчества, налагается мертвая петля на всѣ живыя стремленія народовъ къ ихъ идеаламъ. Идеаль найденъ, и онъ въ современной теософіи. Другого лучшаго прогресса нѣтъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть иныхъ и совершенныхъ методовъ разрѣшенія безконечно-волнующихъ человѣчество проблемъ.

И, Боже сохрани, считать теософію регрессомъ или застоємъ! Вѣдь теософическій идеаль только еще намѣчается, только еще издали виднѣется вѣчный огонь мысли. Надо пройти всѣ семь вратъ посвященія, надо пройти огромную эволюцію, чтобы овладѣть теософическимъ идеаломъ. Но смертельный ужасъ и безысходная тоска овладѣли бы человѣчествомъ, если бы оно хотъ одинъ часъ обрекло себя на эти теософическія цѣпи, на эти теософическія тиски, ибо это было бы страшною остановкой прогресса и живой мысли. „Свѣтъ съ востока ковчился, и мы смотримъ лишь на почтенныя развалины“, говоритъ проф. Випперъ къ удивленію теософовъ, мечтавшихъ найти въ немъ поддержку своему вселенскому синтезу (Вопр. Теософіи. В. 1. 9 стр.)

На этихъ индо-буддійскихъ развалинахъ, хотя и почтенныхъ, душно становится иногда самимъ учредителямъ Россійскаго Теософическаго Общества, и искренніе изъ нихъ, ищущіе дѣйствительно религіозно-этического прогресса человѣчества, вродѣ К. Д. Кудрявцева, спѣшатъ покинуть ихъ. Прочитайте брошюру этого бывшаго теософа—„Что такое Теософія и Теософическое Общество“, и вы увидите, какое гнетущее и убійственное впечатлѣніе неудовлетворенности, стѣсненія свободы изслѣдованія и отсутствія истиннаго религіознаго исканія, произвело на него пребываніе въ Теософическомъ Обществѣ.

Разсматривая частнѣе основныя положенія теософіи, мы еще болѣе можемъ убѣждаться въ ихъ неустойчивости и весьма крайней сомнительности.

Теософія даетъ всеобъемлющую религію. „Въ древности теософія вызвала религіи къ жизни, въ наши времена она же должна оправдать и защитить ихъ. Она и есть та скала, изъ которой всѣ міровыя религіи были высѣчены, тотъ родникъ, изъ котораго всѣ онѣ вытекли“ (А. Безаптъ. Древняя Мудрость. СПб. 1910 г. 3 стр.). „Теософія не проповѣдуетъ новой религіи; наоборотъ, она утверждаетъ, что религіозный свѣточъ зажигается не произвольно, а соотвѣтственно задачамъ той эпохи и тѣхъ народовъ, жизненный путь которыхъ освѣщается лучами его свѣта“ („Съ Востока свѣтъ“. Вопросы Теософіи. В. 1. 19 стр.).

Но человѣчество всегда было религіозно и религіозно съ момента самого появленія своего на землѣ. Религія въ самой природѣ человѣчества. И не теософія, какъ опредѣленный моментъ религіознаго вѣдѣнія или какъ извѣстная система его, вызвала къ жизни религіи, а человѣчество само своею исконною религіозностью патолкнуло теософію на то или иное ея опредѣленіе. Не теософія—и родоначальница человѣческаго религіознаго сознанія народовъ. Оно параллельно самому существованію народовъ и составляетъ общую и родовую ихъ принадлежность и особенность. Животныя не имѣютъ религіознаго созна-

нія. У нихъ не можетъ теософія вызвать его къ жизни. Нѣтъ у нихъ и теософіи. Совершенно вѣрно, что теософія не проповѣдуетъ новой религіи, ибо ея нѣтъ у нея. Но она откуда-то и изъ чего-то хочетъ создать всеобъемлющую религію. Она обкрадываетъ религіи народовъ, похищаетъ общее всѣмъ имъ родовое наслѣдство религіознаго сознанія и подъ своимъ собственнымъ изложеніемъ мертвой и трупной системы преподноситъ имъ эту вселенскую религію взамѣнъ живого религіозно-особнаго чувствованія въ ихъ собственныхъ религіяхъ.

„Какъ происхожденіе и основа всѣхъ религій, говоритъ А. Безантъ, теософія не можетъ быть враждебна ни одной религіи. Она лишь очищаетъ ихъ, раскрывая цѣнное внутреннее значеніе многого, что утратило свой первоначальный истинный видъ вслѣдствіе невѣжественнаго извращенія и благодаря наноснымъ суевѣріямъ“. („Древняя Мудрость“. 3 стр.).

Гдѣ же была теософія, этотъ „родникъ“ всѣхъ религій, эта ихъ „основа“, когда религіи утрачивали свой первоначальный видъ, когда невѣжество ихъ извращало и осложняло всякимъ суевѣріемъ? Почему она такъ поздно спохватилась, что только съ 1875 года занялась очищеніемъ религій? И если теософія, по ученію Безантъ, „пребываетъ во всѣхъ религіяхъ и въ каждой стремится раскрыть заключенную въ ней мудрость“, то почему теософія выдѣляетъ себя изъ нихъ и въ себѣ самой только предполагаетъ силы къ раскрытію заключающейся въ каждой религіи мудрости? Почему среди общаго всѣмъ религіямъ, кромѣ, конечно, возлюбленныхъ Блаватской и Безантъ буддизма и браманизма, невѣжественнаго извращенія и наносныхъ суевѣрій этому не подверглась и сама теософія, пребывающая во всѣхъ этихъ религіяхъ? Откуда, наконецъ, въ теософіи и тѣ силы, которыми она стремится возсоздать религіи ихъ же собственной и скрытой въ нихъ мудростью? Этихъ силъ не могло быть у теософіи, ибо ихъ не было въ религіяхъ, въ которыхъ она таилась и

въ которыхъ до самыхъ послѣднихъ временъ она не могла проявить себя. Наконецъ, почему буддизмъ и браманизмъ сохранились отъ общаго всѣмъ религіямъ невѣжественнаго извращенія и наносныхъ суевѣрій? Почему въ буддизмѣ и браманизмѣ наша современная теософія заявила себя также недавно? Всѣ эти и подобные имъ вопросы порождаютъ недоумѣніе относительно дѣйствительной природы и дѣйствительныхъ силъ теософіи. Очень ясно, что современная теософія возникла на началахъ буддизма и браманизма, ими обновляется и питается, ибо не даромъ они процвѣтаютъ въ ней. Ко всѣмъ же другимъ религіямъ она имѣетъ лишь отношеніе постольку, поскольку она можетъ извлечь изъ нихъ общія начала и основу религіознаго сознанія, чтобы какъ-нибудь пристегнуть ихъ къ индо-буддійскимъ религіямъ.

Современная теософія задалась непосильной для нея, сверхчеловѣческой цѣлью объединить всѣ религіи, слить воедино всѣ исканія атеистовъ, матеріалистовъ, буддистовъ, христіанъ, сектантовъ, магометанъ и дать народамъ въ самой себѣ вселенскую религію. Но это объединеніе не иначе можно мыслить и строить, какъ снявъ съ религіозныхъ вѣрованій людей ихъ индивидуальныя, національныя, племенные и всякія другія живыя черты и особенности. Съ другой стороны, въ основѣ этого объединенія должна быть и индивидуально-природная религія, иначе здѣсь не получится ни существа, ни формы выраженія религіи. Для этой цѣли болѣе всего и подходятъ индо-буддійскія религіи съ ихъ эзотерическими ученіями о посвященіяхъ и эволюціи духовнаго развитія человѣчества.

Индо-буддійскія религіи въ естественно-религіозномъ отношеніи составляютъ высшее выраженіе языческаго религіознаго сознанія. Въ нихъ исчезаетъ понятіе личнаго Бога, и божество мыслится, какъ безкачественная міровая сущность, высшее проявленіе которой—духовный ростъ человѣчества, и послѣднее цѣлой системой аскетическихъ

дисциплинѣ и посвященіи призывается къ наибольшему осуществленію и достиженію своей внутренно-природной божественности. И въ этихъ религіяхъ теософія нашла для себя цѣлую систему и даже схематическій планъ для своего религіознаго построенія и на нихъ выработала теорію своего изначальнаго и сокровеннаго движенія. Этимъ и объясняется обращеніе Блаватской въ буддизмъ и Безантъ въ браманизмъ. Этимъ и объясняется, почему теософія питаетъ нѣжную привязанность къ высшимъ руководителямъ и учителямъ этихъ религій: „Гуру“, „Махатма“, „Сгаршіи Братъ“, „Братъ Бѣлой Ложы“, „Бодисатва“.

Въ буддійскія основы (буддійскій катихизисъ Олькотта былъ одобренъ буддійскимъ первосвященникомъ Сумангалю.—Русская Мысль 1887 г. № 8, 24 стр.) современная теософія стремится влить все, что она можетъ извлечь подходящаго и непротиворѣчащаго себѣ изъ всѣхъ другихъ религій путемъ такъ называемаго очищенія ихъ и переформированія въ своихъ видахъ. Такимъ путемъ она и создаетъ вселенскую религію, въ которой и хочетъ сгруппировать природныя основы всѣхъ другихъ религій.

При этомъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе народовъ и создать почву общаго съ ними взаимодѣйствія, теософія стоитъ на почвѣ свободы и терпимости, не отрицаетъ другихъ религій и не относится къ нимъ враждебно. Она какъ будто ведетъ съ ними одну общую работу осмысленныхъ религіозныхъ исканій. Но она видитъ въ нихъ разнообразно-текучій процессъ, служебныя и переходныя ступени, имѣющія въ концѣ концовъ привести къ теософіи, какъ высшей религіи всего человѣчества.

Въ дѣйствительности получается въ такъ называемои теософической вселенской религіи со стороны внѣшней мистико-раціональный эклектизмъ, а со стороны внутренней—индо-буддійская мистерія. Въ этой религіи человѣчество лишается высоко-утѣшительной и отрадной идеи личнаго Бога. „А мы въ личнаго Бога, т. е. въ Моисеев-

скаго Іегову, не вѣримъ, т. е. не поклоняемся ему“, говоритъ Блаватская въ письмѣ къ А. П. Ганненфельду. (К. Д. Кудрявцевъ. „Что такое теософія“... 46 стр.). Въ этой религіи нѣтъ высочайше-совершенной души, есть только абстрактный остоѵ. Нѣтъ Того, на Комъ челоѵчество искони вѣковъ останавливается съ своей молитвенной любовью и упованіемъ. „Не молитесь, говоритъ Блаватская своимъ ученикамъ. Мракъ не дастъ свѣта. Не просите ничего у Безмолвія, потому что оно не можетъ говорить! не терзайте вашихъ скорбныхъ душъ благочестивыми испытаніями. Ахъ, братья, сестры! не просите ничего у безсильныхъ боговъ, ни въ гимнахъ, ни въ жертвоприношеніяхъ. Только въ самомъ себѣ должно искать освобожденія“... (К. Д. Кудрявцевъ... 42 стр.). Такимъ образомъ, въ этой вселенской религіи челоѵкъ самъ въ себѣ совершенствуется и есть самодовлѣющая опора своихъ религіозныхъ надеждъ: „Ты самъ сталъ свѣтъ“, говоритъ Блаватская въ голосѣ Безмолвія, „ты самъ сталъ звукъ, отнынѣ ты самъ для себя и учитель, и предметъ своего собственнаго исканія; непрерывающійся голосъ, который звучитъ на протяженіи вѣчностей, неподлежащій перемѣнѣ, грѣху недоступный, семь звуковъ въ единомъ“ (Вопр. Теософ. В. 1. 223 стр.).

Отсюда, во второмъ итогѣ вселенской религіи является идеаль челоѵкобожія. А это уже ведетъ къ отрицанію религіи, а не то что „къ ея оправданію и защитѣ“. А въ конечномъ итогѣ эта теософическая и такъ называемая вселенская религія, [полная внутреннихъ противорѣчій, оставляетъ впечатлѣніе совершенно безрелигіозной системы.

Самый девизъ современной теософіи: „Нѣтъ религіи выше Истины“,—довольно неопредѣленный и не двусмысленный, очень склоненъ къ тому, чтобы выразить преимущество гносеологическаго исканія предъ религіознымъ настроеніемъ. Здѣсь *eo ipso* предполагается, что какъ будто въ религіи вообще нѣтъ Высшей Истины, что религія

сама по себѣ моментъ низшіи въ стадіи человѣческаго совершенствованія.

Такъ дѣйствительно теософія и смотритъ на всѣ религіи, хотя и предполагаетъ въ нихъ извѣстныя доли истины, которыя она и поглощаетъ. И если она при всемъ этомъ выдаетъ себя за всеобъемлющую вселенскую религію, то она тѣмъ вовсе не хочетъ о себѣ заявить, что и она ниже истины, какъ всѣ другія религіи, изъ которыхъ она себя составляетъ. Смыслъ вселенской теософической религіи другой, съ совершенно другимъ содержаніемъ и обоснованіемъ. Онъ недвусмысленно объясняется словами: „Нѣтъ религіи выше Истины“ и заключается въ идеѣ самодовлѣющаго раскрытія и совершенствованія природно-божественныхъ силъ и способностей человѣческихъ теософическимъ методомъ.

И надо опредѣленно заявить, что эта такъ называемая вселенская и всеобъемлющая религія содержитъ въ себѣ громадную и скрытую опасность для религіознаго человѣчества.

Не важно то, что теософія объявляетъ „братство религіи“ (А. Безантъ. Теософическое Обзорѣніе 1907 г. № 1. 5 стр.), что она считаетъ ихъ сродными и близкими себѣ, что она признаетъ за ними долю Истины, хотя и въ этомъ надо видѣть опасныя тактическія подходы, способныя колебать религіозное чувство людей. А важно то, что чрезъ это братство и родственность религіи, теософія призываетъ къ себѣ, какъ къ совершенному религіозному знанію.

Когда объявляется совершенное религіозное знаніе и совершенная религія, тогда надо полагать, что религіозные люди, исповѣдующіе тѣ или другія религіи, должны почувствовать несовершенство своихъ религіи, ихъ недостаточность, ихъ временный и условный характеръ въ религіозныхъ судьбахъ человѣчества. Пренія религіозныя идеи сами собой уже въ сознаніи людей должны колебаться и ослабѣвать, должны уступать мѣсто, какъ не-

совершенныя и относительныя, манящимъ и ласкающимъ своею широтою и безбрежностью теософическимъ идеямъ, всюду врывающимся и всюду стремящимся произвести перестройку и передвиженіе. вмѣсто заботливаго очищенія религій, о которомъ заявляетъ теософія, въ дѣйствительности происходитъ ихъ сдвигъ въ умахъ и сердцахъ людей и крайнее пониженіе ихъ значенія и руководственнаго авторитета.

Но главная опасность еще впереди. Съ поколебленнымъ, ослабленнымъ и разстроеннымъ религіознымъ чувствомъ люди довѣрчиво идутъ въ объятія восточнаго сфинкса и не находятъ здѣсь ни радостей личнаго и высшаго общенія съ божествомъ, ни отзвуковъ, ни звуковъ на свои мольбы и страданія. Предъ ними картина страшнаго Безмолвія. Въ немъ одиноки, беспомощны, безсильны люди. Въ немъ пустынно, мрачно, безжизненно. Жизнь и движеніе только въ самихъ людяхъ. Только къ самимъ себѣ должны итти люди, только на самихъ себѣ должны они сосредоточить всѣ свои мысли, стремленія, чувствованія, желанія и надежды. Религіозныя чувствованія, стремленія, упованія,—все, чѣмъ жилъ и дышалъ религіозный человѣкъ, въ дебряхъ теософическаго Безмолвія исчезаетъ, и остается одно Я, все расширяющееся и все поглощающее, ненасыщенное и безпредѣльно жадное...

Переводя же это на простой языкъ, мы должны притти къ заключенію, что вмѣсто обѣщаннаго высшаго религіознаго вѣдѣнія и состоянія искренно ищущіе религіозные люди, къ своему изумленію, незамѣтно и постепенно все болѣе и болѣе поглощаемые усиливающейся волной сомнѣнія и колебаній, оказываются въ положеніи безрелигіозныхъ людей. Старые корабли сожжены, возврата нѣтъ назадъ, а впереди... Безмолвіе.

Такъ разбиваетъ всякую религію эта вселенская религія, разбиваетъ и душу людей своей страшною „Истиной“. И какое несчастіе, горе, страданія, безпредѣльное разочарованіе и невыносимый скептицизмъ ожидаютъ всѣхъ,

кто съ довѣрчивой и слабой душой, съ религіознымъ упованіемъ попадетъ въ пустынные и холодныя дебри современной теософіи.

Невольно вспоминаются слова Всеволода Сергѣевича Соловьева о томъ, что „Теософическое общество возмутительно обмануло тѣхъ людей, которые записались его членами, довѣрившись уставу“. (Современная Жрица Изида, СПб. 1893 г. 324 стр.). И надо прибавить: и продолжаетъ не менѣе возмутительно обманывать въ настоящее время и у насъ въ Россіи.

Конечно, теософія скажетъ, что она имѣетъ въ виду вовсе не разбить религіозную жизнь людей, а дать имъ иное и лучшее воспитаніе, создать лучшую нравственную дисциплину развитія и совершенствованія людей. Не знаемъ, сколько велика вообще нравственная педагогика теософовъ. Но „Гуры“, „Махатмы“, „Старшіе Братья“, „Братья Бѣлой Ложи“ и „Бодисатвы“ не создали вообще возвышенной нравственной дисциплины въ характерѣ Блаватской. Кажется, не создали они, эти запредѣльные учителя и аскеты, особенной нравственной устойчивости и въ Безантъ, съ спокойной совѣстью отмѣняющей конгрессы, когда ей это не выгодно (К. Д. Кудрявцевъ. 25 стр.). Жизнь какъ будто дѣлаетъ не то, что говоритъ теософія.

Въ этомъ случаѣ надо обратиться къ общей и безпристрастной учительницѣ народовъ—исторіи. А она говоритъ, что во всѣ времена колебаніе и пониженіе религіознаго чувства сопровождалось вездѣ и всюду большимъ упадкомъ нравственности и нравственной самодѣтельности людей. Послѣ всякаго религіознаго крушенія необходимо слѣдуетъ и глубокое нравственное крушеніе.

И если теософія способна вытравлять въ людяхъ ихъ индивидуальныя религіозныя чувствованія и надежды, если она можетъ обмануть искренно и религіозно-настроенныхъ людей и разбить ихъ жизненные религіозные идеалы, то несомнѣнно теософическое движеніе должно неминуемо сопровождаться глубокимъ пониженіемъ и раз-

стройствомъ нравственной дѣятельности въ жизни людей. Особенно это нужно будетъ сказать объ отдѣльныхъ людяхъ съ слабой и неустойчивой волей, съ неразвитымъ чувствомъ нравственной самодѣятельности, постоянно нуждающейся въ поддержкѣ и помощи религіознаго чувства.

При такомъ разстройствѣ нравственной дѣятельности уже сами собой будутъ ослабѣвать въ людяхъ понятія долга, обязанности, любви, взаимнаго блага, человѣческаго достоинства и братскаго чувства. вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно должно произойти пониженіе и охлажденіе чувствъ національныхъ, общественныхъ и государственныхъ. Доминирующимъ чувствомъ здѣсь самымъ естественнымъ образомъ должно быть личное благо, человѣческое я. На него главнѣйшимъ образомъ направляется вся дѣятельность теософіи. Въ немъ центръ, вся сила и опора самодовлѣющаго развитія и совершенства. А это ведетъ къ развитію сатанинской гордости, безапелляціоннаго самоутвержденія, непомѣрнаго эгоизма и всюду разрушительнаго анархизма.

Очевидно, при такомъ эгоистическомъ началѣ нравственной дѣятельности теософія никогда не будетъ способна создать вселенское братство народовъ. Въ дѣйствительности она нигдѣ еще и не создала его ¹⁾. Въ дѣйствительности развитіе эгоистическаго начала способно

¹⁾ Въ самомъ Теософическомъ Обществѣ создаются враждебныя теченія. Р. Штейверъ возсталъ противъ „Ордена Звѣзды Востока“ и въ противовѣсъ ему учредилъ „Benedictus Bund“, признающій пришествіе І. Хр. въ эфирномъ тѣлѣ. Наше Россійское Теософическое Общество, признавая „Орденъ Звѣзды Востока“ и желая скрыть самостоятельность его теченія, отмѣвило распоряженіе Безантъ о вступленіи въ него членовъ не изъ рядовъ Теософическаго Общества и постановило наоборотъ, т. е. что въ Россіи членами его могутъ быть только члены Теософическаго Общества (К. Д. Кудрявцевъ, 24—25). Такимъ образомъ, въ царствѣ теософіи—ни единомыслія, ни желанія поступиться своимъ теченіемъ для общаго блага, мира и спокойствія. вмѣсто братства глухая борьба и недовольствъ.

внести во всё сферы религіозной, общественной и государственной жизни вредныя начала анархизма. Можетъ быть, въ дѣйствительности теософія и стремится къ этому, хотя и маскируется въ своей дѣятельности теоріей огромной нравственной дисциплины.

При этомъ надо замѣтить, что этихъ подозрѣній нельзя было бы предъявить теософіи, если бы въ ней не видѣли тождества задачъ и средства пріемовъ съ масонствомъ люди, вышедшіе изъ нѣдръ теософіи (К. Д. Кудрявцевъ, 29 стр.), и если бы сама предсѣдательница Россійскаго Теософическаго Общества не указывала въ своихъ статьяxъ на родственность теософіи съ масонскими и имъ подобными обществами. (Смотри Вѣстникъ Теософіи. СПб. 1908 г. № 3. Изъ литературной теософической жизни. Альб. 81—82 стр.).

Такимъ образомъ, уже изъ одного этого бѣглаго абриса внѣшнихъ задачъ современной теософіи достаточно открывается ея непомѣрная претенціозность, крайняя неудовлетворительность и главное—скрытая опасность ея наибольшаго развитія.

(Продолженіе будетъ).

Р.

Духъ митрополита Платона.

Къ столѣтію со дня его кончины, 11 Ноября 1912 г.

Ии одинъ изъ русскихъ пастырей не оставилъ по себѣ такой глубокой памяти въ потомствѣ, какую оставилъ знаменитый архипастырь первопрестольной столицы—митрополитъ Платонъ. И знаменитымъ людямъ приходится раздѣлять общую участь людей, окончившихъ земное странствованіе и перешедшихъ въ иную жизнь, гдѣ существуетъ какая-то преграда живому общенію умершихъ съ живущими на землѣ. Жизнь великихъ людей занимаетъ только вниманіе историковъ; ихъ литературные труды становятся предметомъ изученія спеціалистовъ, но анатомическая ученая работа не воспроизводитъ живого образа великихъ людей, а потокъ времени уноситъ „незабвенныхъ“ въ темную область забытаго прошлаго. Но имя Платона пользовалось и до сихъ поръ пользуется большою извѣстностію въ русскомъ обществѣ; духъ его витаетъ въ основанной имъ Виѳаніи, гдѣ погребено его тѣло, а многочисленные посѣтители Виѳаніи и воспитанники его школы, усердные почитатели знаменитаго архипастыря Отца—платоники постигаютъ вѣяніе его безсмертнаго духа. „При самомъ входѣ во врата обители Платоновой, духъ Платона вѣетъ на душу богомольца“, пишетъ историкъ Виѳанскаго монастыря С. К. Смирновъ. „Все убранство уютныхъ келлій, гдѣ жилъ на покой и скончался великій іерархъ русской церкви, носитъ слѣды его ума и вкуса.

напоминая въ то же время и славный вѣкъ, которому принадлежала его дѣятельность. Осматривая эти келліи и проникнувшись отъ нихъ воспоминаніями о незабвенномъ Платонѣ, посѣтитель невольно приходитъ къ мысли. не встрѣтится ли онъ при входѣ съ маститымъ хозяиномъ келліи, будто только что вышедшимъ изъ нихъ на прогулку“¹⁾.

Незнакомые съ жизнію и дѣятельностію митрополита Платона не представляютъ себѣ ясно, какія особенности отличали великій духъ великаго мужа—Платона, но понимаютъ, что это былъ духъ самобытный и близкій духу каждаго русскаго человѣка, внушающій невольное уваженіе къ носителю этого духа во всѣхъ, начиная съ людей знатныхъ и образованныхъ и кончая простолюдинами. Дѣйствіе духа трудно уловимо въ каждомъ человѣкѣ, а въ людяхъ великихъ широта, глубина и высота ихъ духа еще болѣе дѣлаетъ труднымъ ясное и точное опредѣленіе этого духа. Поэтому мы не беремъ на себя трудную задачу изобразить полноту духа митрополита, а укажемъ только нѣкоторыя отличительныя черты этого духа при помощи самого митрополита, пользуясь тою его характеристикю, какую онъ самъ о себѣ написалъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „характеръ митрополита Платона тѣлесный и душевный“. Кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ? говорить св. Апостоль Павелъ (1 Кор. 2, 11) И весьма трудно было бы отобразить подобіемъ многогранному камню духъ Платона, если бы ему не пришла благая мысль самому изобразить свой душевный характеръ²⁾.

1) Виѣвскія келліи митрополита Платона и ихъ убранство. Арх. Леонида.

2) Въ ризницѣ Троицкой Сергіевой лавры хранится біографія м. Платона, составленная имъ самимъ и писанная имъ собственноручно. Она помѣщена въ двухъ рукописяхъ подъ № 121 и 122. Самъ Платонъ не успѣлъ окончить своей біографіи и поручилъ это дѣло намѣстнику Лавры, архимандриту Виѣвскаго монастыря Самуилу Запольскому Платопову, который продолжилъ біографію съ 1810 г. Къ

Митрополитъ Платонъ отличительною чертою своего душевнаго характера поставляетъ слѣдующее: „особенное и отличительное отъ всѣхъ въ Платонѣ то, что мало находилъ онъ людей, дабы съ ними однихъ быть мыслей; но по большей части, мысли его отъ другихъ были иныя, ибо примѣтно было, что сфера его понятій была выше другихъ, а была ли притомъ примѣсь пристрастія и самолюбія, о семъ судить единому Богу. Но казалось, что онъ, по большей части, судилъ обо всемъ безпристрастно“. Отмѣченная самимъ Платономъ отличительная особенность его характера свидѣтельствуешь, что въ его умственной дѣятельности была самобытность, которая отличала его отъ другихъ. Эта самобытность сказалась въ многогранности его ума, въ способности постигать истину въ разнообразіи ея проявленій и возводить все къ единству, не подчиняясь господствующимъ воззрѣніямъ. О митрополитѣ Платонѣ можно сказать то же, что сказано было М. Н. Катковымъ о митрополитѣ Филаретѣ. „Филаретъ, служба выпавшей ему въ ходѣ времени задачѣ, духомъ возвышался надъ временемъ, и разумъ его не былъ плененъ ни въ какую тѣсноту“. Самобытность духа Платона—широта и высота сферы его понятій, объединенныхъ единствомъ духа,—отразилась въ той области его духовной дѣятельности, гдѣ духъ Платона находилъ себѣ средоточіе—основаніе и утвержденіе,—въ области вѣры. Понятіе Платона о вѣрѣ болѣе всего отражаетъ духъ Платона. Мы здѣсь укажемъ только тѣ понятія о вѣрѣ митрополита Платона, на которыхъ, по его словамъ, „*утверждается все христіанство*“ и которыя нужно „*твердо помнить*“.

Вѣра, по опредѣленію м. Платона, „*есть принятіе съ кающимся сердцемъ ученія о спасеніи рода человѣческаго Единороднымъ Сыномъ Божіимъ Иисусомъ Христомъ. Принятіе этого ученія потому называется вѣрою, что мы до него*

автобіографіи Платона, помѣщенной въ рукописи подъ № 121, приложена статья, писанная самимъ Платономъ, подъ заглавіемъ: характеръ митрополита Платона тѣлесный и душевный (122).

не разсужденіемъ своимъ доходимъ, но самъ Богъ непосредственно чрезъ слово Свое намъ оно открываетъ“. „Въра занимаетъ и мысль человѣческую и сердце“, но преимущественно сердце, потому что *въ простотѣ сердца Богъ опочиваетъ*. Считая, согласно съ словомъ Божиимъ, главнымъ органомъ вѣры сердце, Платонъ въ дѣлѣ усвоенія и наученія вѣрѣ не придавалъ значенія школьнымъ богословскимъ системамъ. „Разныя системы Богословскія, писалъ Платонъ въ своей инструкціи для Спасо-Виѣанской семинаріи, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, признаются быть не нужными или не полезными, ибо пахнутъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ. А Богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ препретельныхъ словахъ, но въ явленіи силы и духа“. Сила и явленія духа открываются просвѣщенному благодатію сердцу человѣка, которое хранитъ искру вѣры, и эта искра живой сердечной вѣры „возжигается всегдашнимъ упражненіемъ въ добродѣтели“. По мнѣнію митрополита Платона, научное богословское образованіе еще не дѣлаетъ человѣка истиннымъ богословомъ. „Вѣдь вы прошли всѣ школы... Христову школу прошли?“ спрашивалъ онъ кончившихъ семинарскій курсъ богослововъ. А въ школѣ Христовой истина познается преимущественно волек—исполненіемъ заповѣдей Спасителя при содѣйствіи св. Духа. „Вѣра, какъ жизнь души, по опредѣленію митрополита Платона, состоитъ въ соединеніи духа нашего съ духомъ Божиимъ и въ отношеніи всего къ Богу; а добродѣтель есть непремѣнный плодъ такого благословеннаго древа таковыя вѣры“. О вѣрѣ судить должно „не столько по догматамъ, сколько по житію: гдѣ больше любви, тамъ есть и истина вѣры“. Жизнь по вѣрѣ, истекающей отъ сердца сокрушеннаго и полагающаго всю надежду спасенія въ Богъ, служитъ признакомъ истинной вѣры. „Кто своея бѣдности предъ Богомъ не признаетъ и всю надежду спасенія въ Спасителѣ не полагаетъ, или кто недостойно христіанскаго званія живетъ, того вѣра есть мертвая, ли-

цемѣрная, суетная“, училъ Платонъ въ своемъ христіанскомъ богословіи. Понятіямъ о христіанской вѣрѣ и живому чувству вѣры митрополита Платона противны были всякія проявленія вѣры лицемѣрной и суетной. По его мнѣнію, „истина вѣры ничѣмъ столь не опорочивается, какъ примѣсю лжей суевѣрныхъ и ханжескихъ, чего много во многихъ къ сожалѣнію усматривалъ“. Въ своей христіанской богословіи м. Платонъ къ числу самыхъ „несносныхъ“ суевѣровъ относитъ тѣхъ, „которые въ нѣкоторыхъ наружностяхъ спасеніе поставляютъ, а именно которые долго и съ лицемѣріемъ молятся, чтобы ихъ другіе за святыхъ почитали или хотя молятся безъ лицемѣрія, но однимъ только проворствомъ языка, а не душою, однако думаютъ, что они тѣмъ Бога одолжили, за какихъ Евангеліе почло фарисеевъ. Также и тѣ суевѣры, кои въ вошеніи нѣкотораго платья или стриженіи волосъ находятъ, не знаю, какую святость. Не меньше же и тѣхъ суевѣрство есть погибельное, которые гордо на свои дѣла надѣются. Ибо неотмѣнно должно дѣлать благія дѣла, но при нихъ спасенія надежду полагать на милосердіе Спасителя“.

Какъ въ сферѣ понятій о вѣрѣ, такъ и въ сферѣ понятій о нравственности митрополита Платона отличала цѣльность духа, которая не мирилась съ обычнымъ проявленіемъ лицемѣрія—принимать на себя внѣшній обликъ, несоотвѣтствующій внутреннимъ качествамъ души, усиленно стараться казаться не тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности есть. Яркая и рѣзкая характеристика Платономъ нравственнаго лицемѣрія, распространеннаго въ общественной жизни, свидѣтельствуешь, что проявленіе этого антихристіанскаго настроенія было противно чувству вѣры Платова и возмущало его духъ, какъ возмущало духъ Божественнаго Учителя нравственное лицемѣріе духовныхъ вождей іудеевъ. „Лицемѣръ, говоритъ Платонъ, иное содержитъ въ сердцѣ, иное на языкѣ,—который имѣетъ наружность святую, а внутреннюю беззаконность. Лицемѣръ

есть, котораго единъ составъ на двое разобранъ, который самъ съ собою не согласенъ; лицемѣръ есть человѣческій уродъ, который видъ имѣеть человѣческій, а мысли бѣсовскія“¹⁾). Платонъ къ нарушителямъ второй заповѣди Закона Божія относитъ тѣхъ лицемѣровъ, нерѣдко встрѣчающихся и среди служителей церкви, „кои при всякихъ случаяхъ показываютъ себя ревнителями по имени Божіи, ревнителями вѣры и славы, и пользы церковныя и всѣ свои разговоры растворяютъ бесѣдами духовными, однако со всѣмъ тѣмъ дѣлаютъ сіе или съ намѣреніемъ тщеславія, или прибытка, или безъ сего намѣренія, но оная ревность въ однихъ словахъ: а поступки тому нимало не соотвѣтствуютъ“. По мнѣнію митрополита Платона, лицемѣріе не есть только грѣхъ предъ Богомъ—забвеніе Всевидящаго Ока, но оно служитъ великимъ соблазномъ для неутвержденныхъ душъ, которыя примѣтно „не вѣрятъ тому, чему неотложно надобно“. При цѣльности нравственнаго характера м. Платона и цѣльности его духа вѣры чувство правды руководило его дѣйствіями и заставляло его поступать по своимъ мыслямъ, „разбирая ихъ со всею возможною безпристрастностію“. Поэтому онъ „противу собственнаго увѣренія и справедливости ни на чьи просьбы и ходатайства не взиралъ“, что почитали нѣкоторые упрямствомъ.

Природныя свойства характера митрополита Платона, наслѣдованныя имъ отъ отца, удаляли его отъ поступковъ, несогласныхъ съ чувствомъ правды. „Свойства его отличительныя, пишетъ о себѣ Платонъ, были прямодушіе и искренность. Почти все то было у него на языкѣ, что на сердцѣ, а потому былъ свободенъ въ словахъ и не скрывалъ пороки или страсти другихъ, за что не мало терпѣлъ. Изъ сего же источника выходило, что онъ тайну хранить съ трудностію могъ“ По свойству своего откры-

¹⁾ Духъ или избранныя мысли изъ душеспасительныхъ поученій митрополита Платона. Изданіе 1804 г.

веннаго характера „скупчалъ быть одинъ, и всегда одинъ или двое при немъ находились, съ конми онъ могъ бы откровенно разговорить. Но множества людей, особливо ежели съ ними надобно обходиться церемоніально и неоткровенно, всемѣрно убѣгалъ“. Въ Виѣанскомъ уединеніи Платона окружали люди неученые, но въ нихъ онъ цѣнилъ то, что было для него дороже учености—простосердечіе. Не ученые, но простосердечные люди—архимандритъ Ираклій, о. Ааронъ, Никонъ были людьми близкими къ Платону. По своему прямодушію Платонъ не стѣснялся высказывать правду, хотя и не очень пріятную, и знатнымъ лицамъ. Однажды въ разговорѣ съ митрополитомъ Московскій главкомандующій графъ Брюсъ осуждалъ нѣкоторые поступки его друга графа Чернышева; „каковъ графъ Чернышевъ, сказалъ Платонъ, такіе люди родятся вѣками, а каковъ Платонъ, да Брюсъ, такіе часами, Платонъ да Брюсъ, Брюсъ да Платонъ“.

Во всей своей жизни избѣгая лицемѣрія, желанія казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, Платонъ и въ своей автобіографіи откровенно отмѣчаетъ нѣкоторые недостатки въ своемъ нравственномъ характерѣ. О себѣ онъ пишетъ, что онъ „былъ честолюбивъ, хотя не въ той силѣ, чтобы употреблять какіе-либо или происки, или просьбы къ полученію чести. Сего онъ ни въ себѣ, ни въ другихъ терпѣть не могъ. Но можно было назвать его честолюбивымъ, что онъ все къ тому относилъ, дабы себя отъ другихъ отличать и заслужить уваженіе, и не было для него оскорбительнѣе и несноснѣе какъ слышать, ежели кто о немъ худаго былъ мнѣнія, да отзывался бы объ немъ съ униженіемъ, особливо въ дѣлѣ несправедливомъ. Его было въ сихъ случаяхъ то свойство, что онъ или презиралъ такого рода людей, или, ежели къ тому удобность была, старался ихъ унижить.“ Честолюбіе, побуждающее чело-вѣка снискать себѣ уваженіе другихъ, признается благороднымъ побужденіемъ къ дѣятельности, и невниманіе къ мнѣнію о себѣ другихъ есть недостатокъ нравственной

чуткости. Платонъ внушалъ „вперячь въ учениковъ своихъ школь благородное честолюбіе, какъ побужденіе къ доброму поведенію. Но когда ревнующій о своей чести начинаетъ презирать и унижать тѣхъ, которые объ немъ худаго мнѣнія, то такое проявленіе честолюбія не оправдывается правилами христіанской вѣры“ Презрительное отношеніе Платона къ тѣмъ, которые были о немъ худаго мнѣнія проистекало отъ его особенной чувствительности. „Онъ былъ весьма чувствителенъ, такъ что малое его трогало“, пишетъ о себѣ Платонъ. По его словамъ „склонность къ сохраненію чести и ревность къ ней были свойствами его матери, а свойства женской ревности о чести побуждаютъ женщину, способную прощать и забывать многое, не забывать оскорбленія чести“.

Чувствительность и горячность, которыя были свойствами Платонова отца, сохранились въ немъ до конца его жизни. При такой чувствительности онъ былъ „нетерпѣливъ и къ гнѣву склоненъ, но скоро отходчивъ и непамятозлобенъ, такъ что скоро о томъ приходилъ въ раскаяніе, а о причинѣ гнѣва и совсѣмъ забывалъ и послѣ съ прогнѣвавшими его не иначе обходился, какъ бы ничего не бывало“. Можно указать два весьма характерныхъ примѣра скорой отходчивости и непамятозлобія Платона. Однажды пѣвчій его, извѣстный сочинитель церковной музыки, Коломенскій, пришедшій въ келлію митрополита нетрезвый, и думая, что его нѣтъ, запѣлъ пѣсню. Платонъ не терпѣвшій пьянствующихъ, разгнѣванный дерзостію Коломенскаго, велѣлъ отвести его на съвзжій домъ. Когда служители повели Коломенскаго, онъ тутъ же запѣлъ ирмось: безумное велѣніе мучителя злочестиваго люди поколеба. Платонъ улыбнулся и приказалъ его оставить.

Однажды сидя у воротъ на лавкѣ съ Виѳанскими богадѣльниками, Платонъ жаловался на болѣзнь свою въ ногахъ. Когда одинъ изъ богадѣльниковъ сказалъ ему, что у него отецъ отъ этого въ гробъ пошелъ, огорчен-

ный простодушнымъ замѣчаніемъ старика, и принявъ его за указаніе своей скорой смерти, Платонъ приказалъ удалить его, но скоро же одумался и велѣлъ оставить его въ покоѣ. Природная чувствительность Платона, доставлявшая ему не мало огорченій и заботъ, сохранилась въ немъ до конца жизни и увеличилась въ старости, „когда прирожденная его нравовъ веселость нѣсколько уменьшилась“. При своей чувствительности Платонъ съ глубокимъ огорченіемъ примѣчалъ, что его постепенно ослабѣвавшія тѣлесныя силы не могли проявлять прежнюю полноту его духа. Со слезами онъ говорилъ: „Каковъ бывалъ прежде Платонъ, а теперь хуже богадѣленнаго старика. Вотъ слава наша“. Желаніе и въ старости быть тѣмъ, чѣмъ былъ въ юности, составляетъ характерную черту людей цѣльнаго духа.

Прот. А. Бѣляевъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

25 сентября текущаго года Господь удостоилъ меня быть въ знаменитой Троице-Сергіевой лаврѢ. Въ этотъ день Православная Церковь совершаетъ празднованіе въ честь и память угодника Божія, преподобнаго отца Сергія, Радонежскаго чудотворца, слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день отшедшаго ко Господу.

Понятно, какимъ восторгомъ и какою духовной радостью я былъ исполненъ, когда пришлось мнѣ присутствовать за литургіею подъ благодатнымъ кровомъ самого преподобнаго Сергія, на мѣстѣ его земныхъ подвиговъ и блаженнаго упокоенія. Подобныя переживанія долго не забываются. Жаль только, что я пришелъ въ лавру не наканунѣ праздника—ко всеобщему бдѣнію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ богомольцы, но въ самый праздникъ, и не раннимъ утромъ. Но за все да будетъ слава въ Троицѣ Единому Богу и Его вѣрному слугѣ преподобному Сергію!

Въ 8½ часовъ, когда я входилъ во врата обители, надомной неожиданно раздался потрясающій первый ударъ благовѣста въ Царь-колоколъ, за нимъ—другой, третій... И полились въ воздухъ его могучіе бархатные звуки, пробуждая въ душѣ заснувшія чувства всего нравственно прекраснаго. Я поспѣшилъ въ Троицкій соборъ, который былъ переполненъ молящимися еще далеко до звона: каждому хотѣлось занять мѣстечко, откуда бы онъ могъ видѣть и слышать всю торжественность иноческаго бого-

служенія. Но очень многимъ изъ пришедшихъ на праздникъ пришлось стоять внѣ храма, подъ открытымъ небомъ, и они довольствовались тѣмъ, что доходило до ихъ слуха чрезъ открытыя двери, вѣруя, что и здѣсь преподобный Сергій слышитъ ихъ молитвенные вздохи и здѣсь подаетъ обильные дары къ полезному прошенію.

Около 9-ти часовъ въ Троицкій соборъ изволила прибыть Ея Высочество, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, нынѣ настоятельница Марео-Маріинской обители, въ сопровожденіи высокопоставленныхъ лицъ. Точно вѣтерокъ пробѣжалъ по созрѣвшей нивѣ и всколыхнулъ ее: такъ облетѣла вѣсть всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ о приходѣ „благочестивой княгинюшки“; всѣмъ желательно было хоть глазкомъ взглянуть на эту царственную крестоносицу, которая за послѣднее время бываетъ почти на всякомъ церковномъ торжествѣ, чтобы слить свою молитву съ молитвою дорогого и близкаго ей народа. Но обитель Сергіева пользуется особеннымъ вниманіемъ Княгини. Близость ли первой къ Москвѣ, или самъ преподобный Основатель лавры близокъ ея любвеобильному сердцу, такъ какъ имя его носилъ и предъ нимъ особенно благоговѣлъ въ Бозѣ почившій, Августѣйшій Супругъ Ея, Великій Князь Сергій Александровичъ, или все это вмѣстѣ,—но здѣсь она бываетъ очень нерѣдко и своимъ благоговѣніемъ и молитвеннымъ настроеніемъ приводитъ въ умиленіе даже самихъ иноковъ... И дѣйствительно, когда видишь Ея Высочество посѣщающею святыя мѣста, то невольно вспоминаются и проносятся въ памяти свѣтлые, лучезарные образы княгинь древней Руси, какъ то: преподобныхъ Ефросиніи Полоцкой, Анны Кашинской и супруги Донскаго героя—Ефросиніи Московской... Да, счастливое было время, когда и великій князь, и вельможный бояринъ, именитый купецъ, христіюбивый воинъ и честный землецвѣлецъ,—всѣ проникались одной мыслію, какъ спасти свою душу, стремились къ одному идеалу—Христу, распятому за насъ и воскресшему!

„То были времена чудесъ,
Сбывалися слова пророка:
Сходили ангелы съ небесъ“...

Вскорѣ за Великой Княгиней прибылъ въ храмъ и высокопреосвященный митрополитъ Владиміръ „со славою“, то-есть встрѣченный старшей братіей лавры въ преднесеніи креста и свѣтильниковъ и пѣніемъ „Достойно есть“. Послѣ общаго благословенія и облаченія Владыки въ святія одежды, началось чтеніе часовъ и затѣмъ служеніе литургіи.

Святѣиши и древность храма, простирающаяся за пяти-вѣковую даль, чудное исполненіе пѣснопѣній иноками-пѣвцами, сердечно произносимые Владыкою возгласы и молитвы придавали богослуженію неизъяснимую торжественность, какъ бы захватывали души молящихся и уносили ихъ далеко, далеко, въ выси небесныя... Казалось, что самъ преподобный Игумень, этотъ неусыпаемый молитвенникъ земли Русской, возставалъ изъ своей сребропозлащенной раки и, въ сіяніи лампадъ и свѣчей, въ душистыхъ волнахъ ѳиміама, благословлялъ всѣхъ десницею своею. Особенно незабвенны для меня священные моменты входа съ евангеліемъ и осѣненіе народа крестомъ и трикиріемъ. Если когда, то именно здѣсь, во время пѣнія: *приидите поклонимся и припадемъ ко Христу*... вся Церковь—торжествующая и воинствующая, небесная и земная, слилась между собою въ тѣсный союзъ, взывая „Аллилуія!“ Но вотъ, подобно древнему первосвященнику, архипастырь исходитъ изъ алтаря и молится за предстоящіе люди, чтобы Господь Богъ съ высоты жилища Своего призрѣлъ на нихъ и милостиво посѣтилъ виноградъ сей, егоже насади десница Его... При этомъ Архипастырь троекратно благословлялъ народъ держимыми въ рукахъ дикиріемъ и трикиріемъ. Высокоумилительная минута! Слезы невольно орошаютъ ланиты, и хочется тогда, подь наплывомъ переживаемыхъ чувствъ, воскликнуть: Святитель Божій! паки и паки благослови насъ, еще и еще осѣни

насъ твоими пламенниками. Жизнь наша такъ темна и безразсвѣтна, такъ изболѣла наша душа и изныло сердце!.. И какъ бы въ отвѣтъ на сіи восторженные чувства три отрока, словно небожители, авслѣдъ за ними весь сонмъ священнослужителей и пѣвцовъ, плачутся неземною пѣснью: Святыи Боже, Святыи крѣпкій, Святыи безсмертныи, помилуй насъ...

Богослуженіе шло своимъ чередомъ и чѣмъ даѣе, тѣмъ торжественнѣе становилось; усталость и тѣснота совсѣмъ забывались, и если гдѣ, то именно здѣсь, въ Троицкомъ соборѣ, хотѣлось повторить слова апостола Петра: Господи! добро есть намъ здѣсь быти...

По окончаніи обѣдни Владыка-Митрополитъ сталъ благословлять народъ.

Когда я получилъ благословеніе и вышелъ изъ храма, то моему взору представилось трогательное зрѣлище. Вся монастырская площадь къ царскимъ покоямъ была буквально занята богомольцами всякаго званія и состоянія. Здѣсь, такъ сказать, чистая публика смѣшалась съ черною. Тутъ стояли и баринъ, разодѣтый по послѣдней модѣ со своей расфранченной дочкой, тутъ же, съ ними бокъ-о-бокъ, и крестьянинъ съ котомкой на плечахъ, и дряхлая старушка въ пресловутой панѣвѣ и неизмѣняныхъ липовыхъ лаптяхъ. Здѣсь рознь положенія забыта: преподобныи Сергійи всѣхъ сблизилъ и тѣсно сплотилъ между собою. У всѣхъ на лицахъ восторгъ и умиленіе, всѣ довольны и счастливы, какъ никогда, а многогранные звуки монастырскихъ колоколовъ, вѣковыя развѣсистыя деревья придавали картинѣ еще большее оживленіе и красоту. Жаль только было, что солнце своими лучами не освѣщало ярко этой картины, какъ живого свидѣтельства истинны апостольскаго слова, что только у вѣрующихъ можетъ быть одно сердце и душа едина и вся обща (Дѣян. 4, 32). При видѣ этой картины какъ жалки и ничтожны кажутся потуги нашихъ социаль-прогрессистовъ надѣлать людей всевозможными благами на землѣ, предварительно

вытравивъ въ нихъ безсмертную душу!.. Поистинѣ, „они суть вожди слѣпи слѣпцемъ“, и вся ихъ трудолюбивая праздность „уподобися чловѣку юродиву, иже созда храмину свою на пещѣ“... Но блаженъ народъ, который все свое упованіе возлагаетъ на Господа Бога своего, сотворшаго небо и землю, море и все, что на нихъ!

Когда высокопреосвященный Митрополитъ окончилъ благословеніе народа и отправился въ свои покои, всѣ иноки лавры, по звону трапезнаго колокола, стали стягиваться къ трапезной церкви—на обѣдъ. Эта церковь, посвященная имени преподобнаго Сергія, основана въ XVII в. и весьма замѣчательна и внѣшнимъ, и внутреннимъ убранствомъ.

Начался обѣдъ. Я былъ очень обрадованъ, когда, вмѣстѣ съ другими гостями, пришлось и мнѣ сѣсть за монастырскую трапезу и вкусить хлѣба-соли въ обители. Обѣдъ состоялъ изъ пяти блюдъ и довольно вкусныхъ. Но иноки и здѣсь, подкрѣпляясь тѣлесною пищею, въ то же время не лишали себя и духовной: одинъ изъ нихъ громко читалъ „житіе и подвиги преподобнаго и богоснаго отца нашего Сергія“. Трогательнъ обрядъ, совершаемый въ Троицкой лаврѣ во время трапезы, среди которой всѣ присутствующіе встаютъ и дѣлаютъ поклонъ на юго-востокъ; это въ память того, какъ преп. Сергій, разъ сидя за трапезою и духомъ прозрѣвъ, что бывший недалеко отъ его обители проѣздомъ въ Москву и не могшій посѣтить его Свят. Стефанъ Пермскій заочно кланяется ему, низкимъ поклономъ отвѣтилъ на этотъ заочный привѣтъ святителя. Вообще своею чинностію трапеза совсѣмъ не походила на то, что въ міру разумѣется подъ словомъ „праздничный обѣдъ“. Видно, иноки не забываютъ заповѣдь Апостола: *аще ясте, аще ли пиете, вся во славу Божію творите.*

Изъ трапезной церкви я снова пошелъ въ Троицкій соборъ отслужить молебенъ преподобному Сергію и облобызать его честныя мощи, чего прежде не могъ сдѣлать за

множествомъ народа. Притомъ же, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, хотѣлось получше ознакомиться съ святынями этого храма.

Троицкій соборъ есть цѣлая и наглядная исторія нашего отечества,—слѣдовательно, для ума и сердца здѣсь богатая пища. Онъ построенъ преподобнымъ Никономъ на мѣстѣ погребенія преподобнаго Сергія, вскорѣ послѣ обрѣтенія его мощей (5 іюля 1422 г.). Трудъ расписанія церкви преподобный Никонъ „умолилъ“ взять на себя знаменитыхъ того времени иконописцевъ—монаховъ Андроникова монастыря, Давида Чернаго и Андрея Рублева (послѣдній представлялъ собою какъ бы Русскаго Рафаэля). Иконостасъ—5-и ярусный; мѣстныя иконы всѣ въ полныхъ чеканныхъ ризахъ, или золотыхъ, или серебропозолоченныхъ; нѣкоторыя украшены драгоценными камнями. Все это даръ благочестивыхъ нашихъ царей и князей, начиная съ Ивана Васильевича четвертаго и до современныхъ намъ. Царскія двери, покрытыя чеканнымъ серебромъ, устроены родоначальникомъ нынѣ Царствующаго Дома—Михаиломъ Феодоровичемъ въ 1643 году. Живопись собора послѣ преподобнаго Никона, конечно, не одинъ разъ поновлялась; послѣдній разъ—въ 1905 г. Въ храмѣ есть двѣ иконы, получившія раны во время осады монастыря буйными ляхами. Это — архистратига Михаила и святителя Николая. Пробоины какъ на дверяхъ, такъ на иконѣ Чудотворца, видимы и доселѣ.

Но главная святыня Троицкаго собора, привлекающая всегда всѣхъ и отовсюду—рака преподобнаго Сергія, въ которой хранятся святыя его нетлѣнныя и чудоточащія мощи. Вотъ уже 490 лѣтъ, какъ возлежитъ здѣсь угодникъ Божій, внимая мольбамъ приходящихъ къ нему. И много здѣсь слезъ пролито, много горя и нужды народной высказано! Здѣсь сами Вѣнцесосцы склонялись до праха земного. Такою любовью пользуется на Руси угодникъ Божій! Нынѣшняя рака серебропозлащенная сооружена царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, а сѣнь

надъ нею—Императрицей Анной Ивановной. Здѣсь же находятся келейныя принадлежности преподобнаго: иконы Богоматери Одигитрии и святителя Николая, священническая риза, епитрахиль, поручи, деревянный посохъ, аналавъ отъ схимы ¹⁾, ложка и ножикъ. Болѣе двадцати драгоценныхъ лампадъ, что висятъ надъ гробницею Чудотворца, составляютъ приношенія Высочайшихъ Особъ и другихъ чтителей преподобнаго. Сотни же ярко пылающихъ свѣчъ, словно живые свидѣтели, громко и внятно говорятъ о неугасающей вѣрѣ и горячей любви русскаго народа къ великому незабвенному печальнику. И дотолѣ будутъ горѣть эти жаркія свѣчи, и проливать успокаивающій душу свѣтъ лампы, пока народъ нашъ, народъ— „богоносець“, не утратитъ своего православія и не порветъ твердой связи съ вскормившей и вспоившей его Матерью—Святою Церковью!

Далѣе, за южною стѣною Троицкаго собора, почиваетъ подъ спудомъ преподобный Никонъ, ученикъ и преемникъ преподобнаго Сергія. Во время его игуменства обитель потерпѣла разореніе отъ свирѣпаго хана Эдигея въ 1408 г. Тогда же была сожжена и Москва съ пригородами. Преподобный Никонъ часто являлся съ своимъ наставникомъ больнымъ, подавая имъ выздоровленіе, а также и защитникамъ лавры во время осады 1608 г.

Здѣсь же находится „палатка трехъ мощей“, построенная, какъ гласитъ преданіе, на мѣстѣ кельи преподобнаго Сергія, гдѣ посѣтила его сама Царица небесная съ двумя апостолами—Петромъ и Іоанномъ и изрекла ему чудныя и сладостныя слова: „Избранниче мой! услышана молитва твоя объ обители твоей. Я неотступна буду отъ мѣста сего и всегда буду покрывать его“. Обѣтованіе Богоматери по отношенію къ обители Сергіевой было и есть то же, что „ей и аминь“.

1) Самая схима—одна изъ ивоческихъ олеждъ—хранится въ Геесманскомъ Скиту, куда она перенесена М. Филаретомъ, какъ залогъ благословенія для новосозданной имъ этой обители 1844 г.

Обѣтъ Царицы сладкозвучный сбылся и зрится въ чудесахъ;

Для жизни здѣсь найти не трудно достатокъ нужнаго всего.

„Палатка трехъ мощей“ называется такъ потому, что въ ней погребены тѣла трехъ угодниковъ Божіихъ: Іоасафа митр. Московскаго, Серапіона архіеп. Новгородскаго и незабвеннаго отчизнолюбца въ годину междуцарствія—архимандрита Діонисія. Всѣ они въ свое время были настоятелями лавры и за терпѣливое перенесеніе незаслуженныхъ обидъ и скорбей увѣнчаны славою въ царствіи небесномъ. Достоинно вниманія, что эти подвижники благочестія какъ при жизни своей были смиренными послушниками Радонежскаго Игумена, таковыми остаются и донинѣ, умалая себя предъ нимъ, и какъ бы служатъ собою для большаго прославленія преподобнаго.

Вотъ, сколько священныхъ лицъ, сколько достопамятныхъ событій! и все это, говоря словами приснопамятнаго Филарета, митрополита Московскаго,—„все это здѣсь, только закрыто временемъ или заключено въ семъ величественномъ храмѣ, какъ высокої цѣвы сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ, изъ котораго, безъ ущерба его, можно заимствовать благопотребное, напримѣръ: безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія“. 1)

Время было далеко за полдень. На лаврской колокольнѣ пробило уже два часа. Я полюбопытствовалъ сходить въ монастырскую страннопримницу, гдѣ обычно меньшая братія, эти дорогіе гости преподобнаго Сергія, находятъ себѣ ночлегъ, пищу и, въ придачу, извѣстный всѣмъ „Троицкій листокъ“. Но обѣдъ уже кончился, и богомольцы, несмотря на свою усталость, начали расходиться въ другіе монастыри, что находятся въ сосѣдствѣ съ великою лаврою великаго Аввы. Нужно было отправляться и мнѣ.

Окинувъ еще разъ своимъ прощальнымъ взглядомъ

1) Сочиненія Филарета, т. 4, стр. 194.

„столпостѣны Троицкой обители, неколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія“, помолившись на кресты златоглавыхъ соборовъ и положивъ низкій признательный поклонъ чудотворцу Сергію за доставленное мнѣ духовное утѣшеніе въ день его свѣтлаго праздника, я направилъ свои стопы въ тихій Геосиманскій Скитъ.

По дорогѣ то и дѣло встрѣчалась мнѣ та Святая Русь, которую такъ умѣло воспроизвелъ на своей картинѣ того же имени нашъ отечественный художникъ (Нестеровъ).

Какъ правъ былъ Достоевскій, говоря, что „для русской народной души, измученной трудомъ и горемъ, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ какъ своимъ, такъ и міровымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія, какъ обрѣсти святыню или святого, пасть предъ нимъ и поклониться ему“.

И очень понятно, почему ищетъ святыхъ народная душа: въ ихъ лицѣ она находитъ удостовѣреніе, что не погибла еще правда, что она на землѣ есть хоть въ немногихъ избранникахъ. Святые цѣлятъ насъ уже тѣмъ, что они есть, они зовутъ насъ къ небу, какъ колоколъ церковный, напоминаютъ о мірахъ иныхъ и иной жизни блаженной, вѣчной.

За послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться сѣтованія на увеличеніе церковныхъ праздниковъ, на безцѣльное яко бы шатаніе народа по монастырямъ. Къ чему это, говорятъ. Нужво ли? Да, нужно. Безъ праздничныхъ дней, безъ хожденій къ святымъ мѣстамъ была бы не жизнь, а прозябаніе. Человѣческая душа не вынесла бы всей житейской тяготы, изстрадавшееся сердце не выдержало бы мукъ. Такъ много нравственной грязи и ссоръ, отравляющихъ нашу жизнь! И это не только въ темной деревнѣ, но и въ городахъ, съ ихъ электрическимъ освѣщеніемъ, и въ городахъ, можетъ быть, еще больше... Вотъ и тянется человѣкъ на чистый воздухъ, спѣшитъ въ монастырь, къ святынѣ, къ угодникамъ Божиимъ, чтобы смыть съ души эту вонючую грязь и исцѣлиться отъ тоски и скорби.

Дома все надоѣло, все раздражаетъ, все опротивѣло. „Моченьки нѣтъ больше,—либо въ петлю, либо въ Кіевъ,“ сказала разъ баба-работница барину. И кому жалко этихъ бѣдныхъ людей, живущихъ часто во тьмѣ и сѣни смертной, тотъ не будетъ мѣшать имъ идти на свѣтъ. Угодники Божіи—это наши Богопросвѣщенные руководители—самые лучшие и самые нужные намъ люди. Они не поэтическіе образы, а *живые* люди, всегда готовые притти на нашъ зовъ молитвенный и подать руку помощи, а, главное,—они учатъ насъ спасенію души „не сказомъ, а показомъ“...

„Другъ мой, братъ мой, страдающій братъ!

Кто бъ ты ни былъ, не падай душой.

Если ты обездоленъ людьми и судьбой,

Если горе къ тебѣ залетѣло,

Если тяжкій недугъ, присосавшись змѣей,

Какъ огнемъ, изсушилъ твое тѣло,

Если нѣтъ отъ тоски тебѣ сна по ночамъ.

Если трудъ твой въ рукахъ неспорится,—

Приходи въ монастырь приложиться къ мощамъ,

Приходи въ монастырь помолиться.

Любить Божій угодникъ рабочій народъ,

И видна наша немочь святому:

Какъ рукой съ тебя сниметъ онъ бремя заботъ,

Какъ туманъ, съ тебя свѣтъ истому“.

І. Е.

Геесманск. Скитъ близъ Сергіевской Лавры.

У гроба Преподобнаго Сергія.

„Полюби преподобнаго Сергія: Онъ былъ русскій душою. Полюби Его искренно, и Онъ тебя полюбитъ“.

Слова архимандрита Автонія А. Н. Муравьеву.

Полюби ты угодника Божья,
Полюби Его всею душой
И, приникши къ гробницы подножью,
Омочи ее горькой слезой.

Исповѣдуй Ему, какъ живому,
Всю печаль изболѣвшей души;
Какъ отцу своему дорогому,
Свое горе Ему расскажи.

Преподобный „былъ Русскій душою,
Старець кроткій и тихій Онъ былъ“,
И къ Нему приходящихъ съ мольбою
Онъ всегда утѣшеніемъ дарилъ.

И въ твое сердце, полное горя,
Онъ прольетъ благодатный бальзамъ,
И со сладкой слезою во взорѣ
Ты покинешь угодника храмъ...

И. Е.

На слова ап. Павла въ Римл. I, 20.

*Невидимая бо Его отъ созданія міра
творенми помышляема видима суть, и
присносущная сила Его и Божество...*

Безконечное есть наслажденье
Въ созерцаньѣ природы порою:
Въ ней живое Творца отраженье!
Воплощенье идеи святой!

*

И въ безбрежности ясной лазури,
И въ мерцаніи трепетномъ звѣздъ,
И въ сіяніи солнца, и въ бурѣ
Много свѣтлыхъ для сердца надеждъ!...

Открывается міръ весь прекрасный
Передъ нами и, полонъ чудесъ,
Побѣждая насъ силою властной,
Онъ сближаетъ насъ съ тайной небесъ...

И, въ красотахъ святыхъ мірозданья
Познавая всю благодать Творца,
Забываемъ свои мы страданья
И готовы терпѣть до конца.

И готовы, презрѣвъ укоризны
И проклятья жестокой судьбѣ,
Ждать спокойно прекрасной отчизны...
Божій свѣтъ тамъ во всей красотѣ.

Алексій Кастальскій.

Его Императорскому Высочеству
НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
АЛЕКСІЮ НИКОЛАЕВИЧУ.

Царственный Отрокъ, надежда всѣхъ насъ, всей Русью
любимый,
Руси великой на радость живи и расти, нашъ роди-
мый!

Анатолий Александровъ.

23 сентября
1912 года
Сергіевъ посадъ, Моск. губ.

ПРИВѢТЪ БАЛКАНСКИМЪ БРАТЬЯМЪ.

Привѣтъ нашъ вамъ, орлы знакомыхъ намъ Балканъ,
Политыхъ кровью русскою обильно!

Знакомой болью сжалось сердце сильно
За братьевъ—христіанъ...

Привѣтъ нашъ вамъ, орлы знакомыхъ намъ Балканъ!

Анатолий Александровъ.

17 октября 1912 г.
Москва.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Прот. А. Никольскій. Лица „Духовнаго чина“ московской епархіи въ ихъ служеніи Церкви и отечеству въ 1812 году. Москва. 1912 г. 195 стр.

Въ достопамятную годину Отечественнoй войны, покрывшей славой не только наши войска, а и всѣ другія сословія русскаго государства, каждое изъ которыхъ въ мѣру своихъ силъ послужило дѣлу защиты родины отъ „звѣронравныхъ“ враговъ, не осталось чуждымъ общему религіозно-патріотическому движенію и духовенство, несшее на алтарь отечества не однѣ лишь молитвы и поученія, а и матеріальныя средства, и личные свои труды, подвиги и страданія даже до крови и смерти. А такъ какъ центромъ губительныхъ дѣяній врага была Москва, спаленная пожаромъ, то ясно, что на московское духовенство выпала наибольшая доля этихъ трудовъ, подвиговъ, лишеній и страданій до смерти. „Сихъ самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ *вѣрнаго до смерти* служенія Церкви и отечеству, читаемъ мы въ предисловіи означенной въ заглавіи книги о. прот. Никольскаго, давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и самыя могилы ихъ въ большинствѣ случаевъ основательно забыты. Но память объ ихъ подвигахъ должна быть священною для потомковъ, какъ доброе, возбуждающее и воодушевляющее преданіе, какъ своего рода нравственное нацутствіе добраго стараго времени современному намъ поколѣнію“... Вотъ почему представляется вполне благовременнымъ вспомнить о подвигахъ указанныхъ дѣятелей теперъ, когда исполняется столѣтіе Отече-

ственной войны 1812 года, когда должны быть вскрыты всѣ относящіяся сюда факты для полнаго и всесторонняго освѣщенія великой эпохи. Подвиги эти потому еще должны быть преимущественно предъ многими другими вспомнута, что они имѣли *религіозно-патріотическій* характеръ, тѣсно связаны были съ религіозно-нравственными нуждами и потребностями времени, съ самыми драгоцѣнными народными святынями, оскверненіе и разграбленіе которыхъ непріателемъ придавало самой войнѣ священный характеръ: между тѣмъ они-то именно „основательнѣе“ другихъ и забыты въ юбилейныхъ литературныхъ памяткахъ и даже въ извѣстной части печати объявлены прямо выдуманными.

Фактически-документальнымъ опроверженіемъ этихъ-то незаслуженныхъ и недоброе чувство возбуждающихъ нареканій на лицъ „духовнаго чина“ и яснымъ, не словомъ разукрашеннымъ, а въ живыхъ образахъ и чертахъ изложеннымъ отвѣтомъ на отвѣченныя нами насущныя духовныя нужды и потребности времени и служить книга о. прот. А. В. Никольскаго о лицахъ „духовнаго чина“ московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году, только что появившаяся въ печати.

Съ внѣшней—типографской стороны книга издана не только вполне во всѣхъ отношеніяхъ исправно, а и прекрасно: хорошая бумага, отсутствіе опечатокъ, крупный пріятный для глазъ шрифтъ и художественныя виньетки и заставки. Но не въ этомъ дѣло; дѣло въ самомъ содержаніи книги, которое отъ начала до конца полно интереса и значенія, и въ изложеніи этого содержанія.

Вся книга, послѣ небольшого предисловія, состоитъ изъ XXII главъ, каждая изъ которыхъ посвящена изображенію подвиговъ, лишеній, страданій или отдѣльныхъ лицъ духовнаго чина, или цѣлыхъ группъ ихъ и попутно съ этимъ описанію учинявшихся непріателемъ насилій и истязаній по отношенію къ людямъ и грубо кощунственныхъ отношеній къ святынямъ; страницы 191—195 соста-

вляють заключеніе книги. Во главѣ изображенныхъ въ книгѣ лицъ духовнаго чина, принесшихъ свои труды и подвиги на алтарь отечества въ 1812 году, стоитъ приснопамятный святитель Платонъ, митрополитъ московскій, доживавшій свои послѣдніе дни († 11 ноября того же года) и несмотря на крайнее изнеможеніе своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ въ августѣ мѣсяцѣ явившійся въ Москву; умилительно живо написана авторомъ картина увѣщанія еле стоявшимъ и говорившимъ старцемъ святителемъ на кремлевской площади начавшаго волноваться и падать духомъ народа. Вслѣдствіе крайней болѣзненности митрополита Платона и потомъ кончины его вся тяжесть пастырскихъ трудовъ и подвиговъ на служеніе Церкви и отечеству въ 1812 и слѣдующихъ годахъ не только духовнаго характера, а и административныхъ и хозяйственныхъ пала конечно на архіепископа Августина, съ 1804 г. бывшаго викаріемъ митрополита Платона, а съ 1811 года за удаленіемъ послѣдняго отъ епархіальныхъ дѣлъ управлявшаго митрополіей; описанію этихъ трудовъ и подвиговъ и посвящена въ книгѣ 2-я глава (стр. 12—40). Краснорѣчивыя и полныя религіозно-патріотическаго одушевленія проповѣди, нарочитыя богослуженія съ крестными ходами, забота о больныхъ раненыхъ воинахъ, о сохраненіи святынь московскихъ соборовъ и церквей, для одного перевезенія которыхъ въ безопасныя отъ непріятелей мѣста снаряжено было нѣсколько сотъ повозокъ, а послѣ ухода французовъ изъ Москвы о возобновленіи, приведеніи въ порядокъ и освященіи оскверненныхъ и разграбленныхъ московскихъ соборовъ, монастырскихъ и приходскихъ церквей, о снабженіи послѣднихъ священнослужителями на мѣсто погибшихъ и объ ихъ а равно и возвратившихся изъ бѣгства и лишившихся и крова, и пищи матеріальномъ обезпеченіи—эти-то труды и подвиги архіепископа Августина, начавшіеся еще до хаоса войны и растянувшіеся на много лѣтъ послѣ нея и обрисованы авторомъ живо, картинно и, главное—фактически

документально во второй главѣ. Въ слѣдующихъ главахъ предъ нами въ такихъ же живыхъ и документально обоснованныхъ образахъ проходитъ цѣлый рядъ московскихъ священниковъ, остававшихся въ столицѣ во время пребыванія въ ней французовъ для охраненія своихъ храмовъ, гдѣ иногда возможно было совершеніе богослуженія и исполненія церковныхъ требъ для удовлетворенія религіозно-нравственныхъ нуждъ остававшихся въ Москвѣ. Уже гадательно можно представить себѣ, какихъ трудовъ, подвиговъ и лишеній стоило имъ это служеніе, по большей части лишеннымъ и крова, и пищи и всегда почти подвергавшимся грубому насилію, побоямъ и мученіямъ „до крови и смерти отъ мнившихъ себя просвѣщенными враговъ“. Въ книгѣ о. Никольскаго на основаніи сохранившихся архивныхъ данныхъ описаны такіе подвиги и страданія болѣе десяти лицъ (гл. III—XI, стр. 41—88); прекраснымъ заключеніемъ этихъ описаній служить изображеніе подвига казначеи Новодѣвичьяго монастыря, монахини Сарры, которая съ нѣсколькими другими монахинями оставалась въ обители во время пребыванія въ ней цѣлаго отряда французскихъ солдатъ и по уходѣ ихъ сумѣла предотвратить взрывъ монастырскихъ зданій, заливши водой уже тлѣвшіе фитили, проведенные къ складамъ пороха (гл. XII). Въ слѣдующихъ главахъ говорится о бѣдственномъ состояніи семействъ московскаго духовенства и страданіяхъ нѣкоторыхъ лицъ изъ этого сословія (гл. XIII и XIV), о священнослужителяхъ, убитыхъ непріателемъ и пропавшихъ безъ вѣсти въ 1812 г. (XV), о храмахъ, въ которыхъ совершалось богослуженіе, и подвергшихся особливому поруганію отъ непріятеля святыняхъ (XVI). Въ послѣднихъ пяти главахъ рѣчь идетъ о сельскомъ духовенствѣ, среди котораго было не мало лицъ, добровольно принимавшихъ участіе прямо-таки въ воинскомъ дѣлѣ противъ непріятеля, или составляя изъ крестьянъ отряды и удачно дѣйствуя съ ними, или дѣйствуя въ качествѣ развѣдчиковъ; таковы, напр., были

Волоколамскаго уѣзда, села Рюховскаго дьячекъ Вас. Гр. Рагузинъ, священникъ Верейскаго собора Іоаннъ Скобневъ и др.

Конечно о многомъ изъ того, что описываетъ въ своей книгѣ о. Протоіерей, уже было печатано въ свое время въ разныхъ сочиненіяхъ историческаго содержанія, каковы: „Очерки жизни Моск. Архіеп. Августина“. Спб. 1848 г.; Н. Розановъ: „Исторія Моск. Епарх. Управленія“ 1871, ч. 3, кн. 2; и Троицкій: „Двѣнадцатый годъ“. 1911 г. и др.; рядъ статей архивно-документальнаго характера о 1812 г. въ журналахъ „Русскій Архивъ“ (ос. за 1864, 1876 и 1891 гг.), „Чтенія въ Обществѣ любителей Дух. Просвѣщенія“ (за 1869 г. рассказы прот. Тяжелова изъ событій 1812-го г.) и Моск. Епарх. Вѣдомост. за 70-е годы. Но уже самая давность написанія этихъ пособій, ихъ такъ сказать разбросанность, малоизвѣстность и малодоступность пользованія ими для большинства читателей дѣлаютъ трудъ о. пр. Никольскаго, собравшаго цѣнныя данныя этихъ трудовъ въ одно связанное, стройное и живое цѣлое, заслуживающимъ глубокаго вниманія и благодарности; цѣнны уже самые мотивы и цѣль труда—почтить подвиги отцевъ благодарнымъ воспоминаніемъ о нихъ въ поученіе себѣ и грядущимъ поколѣніямъ. Главное же достоинство труда о. Никольскаго, какъ труда научно-историческаго, въ томъ, что это не компиляція и не простая популяризація означенныхъ выше и всегда точно отмѣчаемыхъ имъ источниковъ, а основанное на тщательномъ изученіи и критической провѣркѣ ихъ вполне самостоятельное изслѣдованіе. Для этой провѣрки о. Протоіерей не мало потрудился въ Архивѣ Московской Духовной Консисторіи, гдѣ хранится цѣлая масса дѣлъ, касающихся состоянія московскихъ соборныхъ, монастырскихъ храмовъ, положенія и дѣятельности духовенства въ 1812 и слѣдующихъ годахъ въ видѣ разнаго рода рапортовъ, донесеній, разслѣдованій и т. под. Данными этихъ-то архивныхъ дѣлъ и провѣрялъ онъ показанія печатныхъ пособій, иногда

исправлялъ, а еще больше дополнялъ; такъ что можно сказать, что добрая половина содержанія впервые появляется въ печати. О количествѣ этого архивнаго труда о Протоіерея можно судить потому, что имъ пересмотрѣны были дѣла Архива Моск. дух. консисторіи за 1812—1814 г. и между отмѣченными №-рами этихъ дѣлъ есть помѣченные тысячными цифрами.

Такимъ образомъ, описываемая нами книга о. пр. А. В. Никольскаго, имѣющая вполнѣ научное достоинство, полная глубокаго значенія въ своемъ содержаніи и живо съ захватывающимъ интересомъ написанная, заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ тѣхъ, кому дороги и близки интересы родины и Церкви. Не словами, а фактами обличая все болѣе и болѣе ширяющуюся неправду враговъ Церкви и ея служителей, книга эта можетъ быть утѣшительнымъ и поучительнымъ чтеніемъ прежде всего конечно для самихъ служителей церкви и готовящихся къ этому служенію, а затѣмъ и всѣхъ тѣхъ, кто чититъ это служеніе и дорожитъ имъ.

Прот. І. Соловьевъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ КАРТИНЪ НА БУМАГЪ.

Фотогр., хромолит., карт. изъ книгъ и проч.
Изобрѣт. полковн. **Малиновскаго**, специальная
мастерская С. К. АКИМОВОЙ. Москва, Плю-
щиха. соб. д.

ДИПЛОМЪ

за Всероссійскую выставку.

Полный каталогъ съ массой отзыв. лицъ и уч-
режденій за 21 к. марк.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

„Мысли на каждый день года“.

Свящ. Н. М. Орлова.

Вып. I. (Янв.—Іюнь). Цѣна 90 к., съ пер. 1 р.

Съ требованіями обращаться: Москва, магаз. Сытина, магаз.
Голубева, и къ автору: Берсеневка, д. Никольской церкви.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 Г.

НА ВѢСТНИКЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны о глухонѣмыхъ.

Журналъ имѣетъ цѣлью ознакомить читателей:

а) съ научнымъ и практическимъ развитіемъ вопросовъ дѣла вос-
питанія, обученія и призрѣнія глухонѣмыхъ въ Россіи и за границей,

б) съ разработкой глухонѣмоты, какъ отрасли медицины и
в) съ бытомъ самихъ глухонѣмыхъ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ лѣтняго времени, книжкамъ въ объемѣ около 25 печатныхъ листовъ въ годъ.

Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой 3 рубля, цѣна отдѣльнаго номера 40 коп. Подписка принимается въ Канцеляріи Почетительства Государыни Императрицы Маріи Теодоровны о глухонѣмыхъ. Адресъ Кварты: С-Петербургъ, Казанская ул., д. 7. Адресъ редакціи: Спб., Крюковъ кан., 7.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТИАНИНА

О СВЯТОЙ БИБЛІИ

(объ ея боговдохновенности, о происхожденіи, содержаніи входящихъ въ составъ ея книгъ и достоудномъ къ ней отношеніи)

ЗАКОНОУЧИТЕЛЯ

Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая

Протоіерея Іоанна Соловьева.

ТРЕТЬЕ исправленное и значительно дополненное изданіе.

Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ **ОДОБРЕНО** для пріобрѣтенія въ бібліотеки духовныхъ семинарій и мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ, а Ученымъ Комитетомъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія еще въ первомъ изданіи **ОДОБРЕНО** же для ученическихъ бібліотекъ среднихъ—мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Отзывы о книгѣ, какъ о „полезной“ и „заслуживающей широкаго пространства“—въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, „Богословскомъ бібліографическомъ Листкѣ“, „Приходскомъ чтеніи“ при Синодическихъ Вѣдомостяхъ и др.

Цѣна 30 к., съ перес. 35 к.

Продается въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга (Тузова) и у автора (Москва, Остоженка, Императорскій Лицей Цесаревича Николая).

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

ОБЪ ИЗДАНИИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ ВЪ 1913 Г.	1
I. ИЗЪ ПИСЕМЪ ОПТИНСКАГО СТАРЦА О. ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ.	163—164
II. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І.	165—170
III. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕВЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЪВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. Василія Епископа Можайскаго	171—184
IV. СОВРЕМЕННОЕ БОГОБОРСТВО И ЦѢЛИТЕЛЬНАЯ СИЛА ХРИСТІАНСТВА. Протоіерея Сергія Четверикова.	185—209
V. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ „О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ѲОМЫ КЕМПІЙСКАГО. Книга третья. О внутреннемъ утѣшеніи. Прот. Александра Смирнопуло, Настоятеля церкви при Императорской Мисси въ Брюсселѣ.	210—218
VI. ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ КОРЕЙША. (По поводу сужденій о немъ доктора Н. Н. Баженова). Алексія Розанова	219—242
VII. СВЯТЫЕ ДНИ ВЪ Г. БЪЛГОРОДЪ. (Впечатлѣнія очевидца при открытіи мощей святителя Іоасафа). Сергія Голощанова	243—269
VIII. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОСОФІЯ И ЕЯ СЛАБЫЯ СТОРОНЫ. Р.	270—287
IX. ДУХЪ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Къ столѣтію со дня его кончины, 11 Ноября 1912 г. Прот. А. Вѣльева.	288—296
X. ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЪ. І. Е.	297—306
XI. У ГРОБА ПРЕПОДОВНАГО СЕРГІЯ. (Стихотвореніе). І. Е.	307—307
XII. НА СЛОВА АП. ПАВЛА ВЪ РИМЛ. 1, 20. (Стихотвореніе). Алексія Кастальскаго	308—308
XIII. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ АЛЕКСІЮ НИКОЛАЕВИЧУ. (Стихотвореніе). Анатолія Александрова	309—309
XIV. ПРИВѢТЪ БАЛКАНСКИМЪ БРАТЬЯМЪ. (Стихотвореніе). Анатолія Александрова	310—310
XV. БИБЛІОГРАФІЯ. Прот. І. Соловьева	311—316
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Отъ Московскаго Духовно - Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Октябръ 20 дня 1912 г.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника шпока).

„Сотвори Мнѣ величіе Сильный...“ Какая глубина мудрости и смиренія Пречистой Дѣвы Матери Божіей: не говорить—содѣлалъ Меня великою, что было бы вполне согласно съ дѣйствительностію, но какъ будто Она совершенно въ сторонѣ отъ этого величія, всецѣло относимаго къ Самому Сильному, величіе Свое на Ней проявившему Своимъ вольнымъ отъ Нея воплощеніемъ.

* *

„Сладѣцъ похваляю въ немощехъ моихъ, да вселится въ мя сила Христова“. Къ такому заключенію приходитъ Апостоль, смирявшійся немощами своимъ, боровшимися его вопреки его волѣ. Намъ грѣшнымъ приходится говорить иваче: горько сокрушаюсь въ немощахъ моихъ, ибо вселяется ими въ насъ сила дьявольская при соизволеніи нашей растлѣнной чувственной природы искушеніямъ дьявольскимъ. Кому служимъ, того и рабы, тотъ и вселяется въ насъ. Таковы немощи наши въ ихъ результатахъ. Господи! Укрѣпителю немощствующихъ! Укрѣпи наши изнемогшія души на борьбу съ насильникомъ и развратителемъ нашимъ.

* *

„Сія глаголетъ Адокаи Господь: погибшее възъму и заблудившее обращу, и сокрушенное обяжу, и немощное укрѣплю, и крѣпкое снабдю“... (Иезек. 34, 15—16). Таковъ Тотъ, Который говорилъ и доказалъ всѣмъ, что Онъ приходилъ възъ-

скать и спасти погибшаго, бережно коснуться наболѣвшихъ ранъ человѣчества и уврачевать ихъ,—преданныхъ же смерти выкупить Своею жизнію.

*
*

„И возставлю имъ Пастыря единаго, и упасетъ я... и Той упокоитъ я, и будетъ имъ Пастырь...“ (Иезек. 34, 23). Таковъ Пастырь добрый, пришедшій спасти насъ заблудшихъ и призывающій всѣхъ: „приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы...“

*
*

Грѣхъ—убійство души, ея молитвенной дерзновенности, ея чувства близости къ Богу, сознанія драгоценности Его и насущной необходимости Его человѣку. Грѣшашій и коснѣющій во грѣхъ очень скоро, такъ сказать, атрофируется въ своей жадѣ любви Божіей и угожденія Ему и становится легко угодникомъ діавола и своей растлѣнной, ненасытной къ суетнымъ удовольствіямъ природы.

*

Если хочешь, чтобы Господь слышалъ тебя, чтобы сдѣлалъ желанное тебѣ во спасеніе, чтобы былъ дорогъ сердцу твоему, и чтобы ты былъ дорогъ сердцу Его,—перестань грѣшиться, перестань одолѣваться скверными помыслами, оскверняться неразумными дѣяніями. Безъ этого ты не достигнешь никакъ иначе желаннаго тобою.

*
*

„Не ревнуй злодѣямъ“... (Пс. 36, 1--2, 7 ст.). „Не завидуй дѣлающимъ беззаконіе, ибо они какъ трава скоро будутъ подкошены и какъ зеленѣющій злакъ увянутъ... Покорись Господу и надѣйся на Него. Не ревнуй успѣвающему въ пути своемъ человѣку лукавнующему...“ Успѣхи нечестивыхъ часто приводятъ насъ въ смущеніе, наводя на искушеніе подражать имъ и на сомнѣніе въ наказуемости нечестивыхъ дѣйствій. Пророкъ предостерегаетъ отъ этихъ мыслей, хорошо показывая, что успѣхи нечестивыхъ кратковременны, и гораздо безопаснѣе и спасительнѣе

намъ потерпѣть скорби и неудачи, нежели отдѣлываться отъ нихъ легкимъ, но и дешевымъ, гнилымъ способомъ—подражаніемъ нечестивымъ, гибель коихъ неминуема.

* *

„Да усладится Ему бесѣда моя, азъ же возвеселюся о Господѣ...“ (103 пс. 34 ст.). Чтобы дѣйствительно усладились Господу бесѣда наша, надо растворить ее сладостію покаенія и сокрушенія сердечнаго, смиренія и благоговѣяваго умиленія,—надо, чтобы вся жизнь наша была сладостію для Него, а не горькою полынью и оцтомъ съ желчію.

*

Я все старѣю: чувствую, что не та живость и подвижность мысли, не та глубина проникновенія въ истины. Все не то. Многое пріобрѣтаетъ во мнѣ какую-то механичность, обращаясь въ привычку безъ прежняго воодушевленія, порыва идеализма. Отходитъ отъ жизни моея поэзія. Жизнь обращается въ самую обыденную прозу. Съ завистію смотрю на людей, которые—такъ же естественно какъ хлѣбъ ѣсть—могутъ глубоко мыслить, чувствовать, страдать... Да! страдать! Вѣрный признакъ поэтичности души—это ея способность къ глубокому страданію. А безразличіе и равнодушіе ко всему—признакъ измельчанія и опустѣнія души. Поэты всѣ въ душѣ были глубокіе страдальцы. Поэты жизни христіанской—свв. подвижники и угодники—были истинные, еще болѣе глубокіе страдальцы за дѣло Христово, невыразимо болѣзненно чувствовавшіе глубину паденія человѣческаго и величайшаго униженія человѣческаго достоинства во грѣхѣ и рабствѣ діаволу.

*

„Не плачи!“—слова Господа вдовицѣ Наинской хотятъ сказать, что Господь тронутъ ея горемъ и хочетъ помочь ей. Какъ трогательно Божіе милосердіе столкнулось здѣсь съ человѣческимъ горемъ. Только подумайте, и вы най-

дете цѣлое море утѣшенія въ этой малой каплѣ изъ Евангельскаго кладязя.

*

Какъ мы безпомощны предъ одолѣвающими насъ соблазнами! Какъ властно грѣхъ тянетъ насъ къ себѣ, истощая всѣ силы наши въ борьбѣ съ нимъ! Господи! Если бы не ты сдерживалъ стыдомъ и страхомъ Твоимъ надѣющихся на Тебя, любящихъ и боящихся, кто бы устоялъ предъ этою страшною силою?

*

Тяжелыя думы волнуютъ душу мою. Повсюду такъ много тяжелаго, непосильнаго дѣла пастырской ревности и обязанности: пьянство губить столько душъ, развратъ гноить столько тѣлъ, и во всемъ этомъ не хотятъ видѣть даже грѣха. Не хотятъ понять, какъ это мерзко, какое это жалкое состояніе, оплакать которое не нашлось бы довольно слезъ. А что мы можемъ сдѣлать здѣсь, пастыри, опережаемые въ борьбѣ со всѣмъ этимъ даже невѣжественными сектантскими главарями? Лучшіе изъ насъ, рвущіеся на борьбу съ этимъ зломъ, остаются одинокими, и усилія ихъ здѣсь дали бы въ лучшемъ случаѣ ничтожныя результаты, не оправдывающіе понесенныхъ усилій. Нужно самое дѣятельное содѣйствіе всему этому со стороны государства: нужно самоотверженное отреченіе его отъ лживыхъ самообмановъ и выгодъ: нуженъ отказъ отъ мнимаго обогащенія казны спиваніемъ здоровья и благосостоянія народнаго, равно какъ отказъ отъ явнаго покровительства разврату подъ глубоко лживымъ оправданіемъ его необходимости человѣческой природѣ и ограниченіемъ якобы другихъ отъ насилія развратниковъ. Боже! Какъ лживо, жалко, постыдно и омерзительно все это!

*

Познаешь себя и о себѣ истинное понятіе найдешь не у друзей твоихъ, преувеличивающихъ твои достоинства, а у враговъ и недруговъ. Они лучше видятъ твои недо-

статки и прямѣе укажутъ ихъ, давая тебѣ въ руки вѣрнѣйшее средство исправить себя, поражая въ корнѣ то, что они видятъ и указываютъ въ плодахъ и листьяхъ.

* *
* *
*

Чтобы сѣмя могло принести плодъ, требуется не только то, чтобы оно не падало на пути, на камни и въ тернии, и даже не только то, чтобы оно падало на добрую почву, а надо еще, чтобы и это сѣмя не было гнилое, недоброкачественное, затхлое, но хорошее. Такое гнилое сѣмя подъ видомъ Божественнаго свѣтса еретиками, сектантами „толстыми“ и топенькими, совершающими величайшій, мерзопакостнѣйшій изъ всѣхъ подлоговъ и поддѣлокъ, выдаваемыхъ ими за истинное евангеліе (Толстой). Если бы кто поддѣлалъ вексель или царскую грамоту, царское слово, потерпѣлъ бы грозное наказаніе и презрѣніе всѣхъ людей. А тутъ, когда поддѣлывается священнѣйшее слово Божіе и подъ видомъ его предлагается вонючее бумаго-мараніе, жалкая отсебятина—это ничего. А грозныя слова апостола Павла: если мы или ангелъ съ неба возвѣстятъ вамъ паче, неже мы благовѣстихомъ, анаеема да будегъ? А апостоль Петръ: „не ухищреннымъ баснямъ слѣдуя, возвѣстили мы славу Божію, а самовидцы бывше величества онаго“... То же и апостоль Іоаннъ: „то, что мы видѣли сами, слышали и осязали собственными руками нашими—слово Божіе, то и повѣдаемъ вамъ“... Сколько же надо наглости, чтобы поддѣлывать столь достовѣрныхъ писателей, очевидцевъ, свидѣтелей и проповѣдниковъ истины Божіей!

* *
* *
*

Сохрани меня, Владычице, отъ тяжкихъ паденій. Такъ близокъ я къ нимъ во многія минуты моей жизни, и такъ они сильны этою своею близостію, доступностію и соблазнительностію, что только одна благодать Твоя сильна удержать адскіе порывы. Одна любовь Твоя не даетъ развязаться на дѣла погибельныя.

* *
* *
*

Господь радъ бы былъ сохранить насъ отъ всякихъ грѣховныхъ бѣдъ и паденій и готовъ всегда бы на это, но мы—сами не хотимъ. Сами мы отталкиваемъ отводящую насъ отъ грѣха руку Его и порываемся окунуться въ яму грѣховнаго услажденія. Напрасно тутъ было бы употреблять насиліе съ Его стороны, удерживая насъ, когда мы того не хотимъ. Никогда насиліе не спасетъ и не сохранитъ человѣка, а лишь развѣ еще больше ожесточитъ и взбѣситъ его окончательно.

* * *

„*Молитвами святыхъ отецъ нашихъ*“... просимъ мы у Господа того или другого, благословляясь такъ на всякое начинаніе. Этимъ выражается связь съ угодниками Божиими нашей жизни и мысль, что мы должны быть продолжателями ихъ высокой задачи въ мірѣ семъ, продолжателями ихъ жизни, направленной всецѣло на прославленіе имени Божія, на водвореніе на землѣ Царства Божія, царства мира, правды и любви.

А. І.

Жизнь Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Душеспасительныя бесѣды.

БЕСѢДА ДЕСЯТАЯ.

Бѣгство Іосифа съ младенцемъ Іисусомъ и Его Матерью Дѣвою Маріей въ Египеть.

Волхвы, совершивъ поклоненіе Младенцу Спасителю и получивъ „во снѣ откровеніе не возвращаться къ Проду, инымъ путемъ отошли въ страну свою“ (Матѳ. II, 12). Предполагають, что они, минуя далеко Іерусалимъ, избрали себѣ дорогу чрезъ городъ Хевронъ по южному берегу Мертваго моря. И когда волхвы „отошли, се Ангель Господень является во снѣ Іосифу и говоритъ: встань, возьми Младенца и Матерь Его и бѣги въ Египеть, и будь тамъ, доколѣ не скажу тебѣ: ибо Продъ хочетъ искать Младенца, чтобы погубить Его“ (—13). Египеть лежитъ на юго-западѣ отъ Іудеи. Отъ послѣдней до него не болѣе ста верстѣ. Въ тѣ времена онъ находился подъ властью римскихъ императоровъ. Многое множество іудеевъ уже давно переселились сюда на жительство. Они построили себѣ храмъ и синагоги. Жизнь ихъ въ Египтѣ была спокойнѣе, чѣмъ въ Іудеѣ. Жестокій Продъ не имѣлъ власти надъ египетскими іудеями. Слѣдовательно, и Іосифъ, прибывъ сюда, будетъ находиться въ безопасности. Уже одно это было достаточнымъ побужденіемъ, чтобы направить его въ Египеть. Но Евангелистъ Матѳей усмотрѣлъ въ этомъ и исполненіе пророчествъ. Онъ указываетъ на про-

роческое реченіе Осіи: „Изъ Египта возвалъ Я Сына Мо-его“. Божій пророкъ относитъ эти слова непосредственно къ народу израильскому, котораго Господь Богъ вывелъ изъ Египта. Но въ Израилѣ усматривается прообразъ Единороднаго Сына Божія, Котораго жестокой Иродъ понудилъ бѣжать еще на рукахъ Своей Пречистой Матери въ землю египетскую. А можно присоединить еще и то, что Египетъ, коснѣвшій въ грубомъ идолопоклонствѣ, нуждался въ освященіи его пришествіемъ Сына Божія. Это провидѣлъ еще св. пророкъ Исаія. Онъ возвѣстилъ пророчество объ Египтѣ. „Вотъ, Господь возсѣдитъ на облакѣхъ легкомъ и грядетъ въ Египетъ. И потрясутся отъ лица Его идолы египетскіе, и сердце Египта растаетъ въ Немъ“ (XIX, 1). И благочестивое преданіе повторяетъ пророчество Исаи не одинъ разъ. Вотъ въ апокристѣ мы читаемъ: „Возсія вселеннѣи просвѣщеніе истинны Твоея, и отгнася леть бѣсовская: идоли бо, Спасе нашъ, не терпяще Твоея крѣпости, падоша“. И много ихъ упало. Сказаніе, по характеру, апокрифическое, насчитываетъ до 365 истукановъ. Это сказаніе восполняетъ Евангельское благовѣстіе о бѣгствѣ святого семейства въ Египетъ и о пребываніи въ немъ. Повѣствуется, что будто Іосифа и Пречистую Богоматерь съ Младенцемъ сопровождалъ Іаковъ, сынъ обрученника. Объ участи Іакова въ путешествіи до Египта упоминается и въ церковномъ богослуженіи на 23-й день мѣсяца октября, когда творится память сего святого апостола. Далѣе повѣствуется, что будто на святыхъ путешественниковъ напали любители легкой наживы, разбойники. Они выразили твердое намѣреніе воспользоваться осломъ, на котораго по временамъ садилась Дѣва—Матерь съ Младенцемъ. Но главарь ихъ, взглянувъ на Малютку Спасителя, пораженъ былъ Его красотою. Онъ приказалъ своимъ сподвижникамъ отказаться отъ намѣренія завладѣть осликомъ. При этомъ онъ отозвался о Младенцѣ такъ: „Если бы Самъ Богъ принялъ на Себя человѣчскій образъ, то и Онъ не былъ бы прекраснѣе Сего Ди-

тяти“. Пресвятая Дѣва на это замѣчаніе коновода разбойниковъ съ Своей стороны высказала ему: „повѣрь, что Сей младенецъ не забудетъ твоего благодѣянія: Онъ воздастъ тебѣ благодѣнье за то, что ты теперь сохранилъ жизнь Его“. Этотъ разбойникъ будто былъ распятъ съ Спасителемъ по правую сторону и удостоился услышать на свое прошеніе помянуть во царствіи слова: „днесь со Мною будешь въ раю!“ Въ предѣлахъ Египта кромѣ паденія идоловъ деревья по Божественному мановенію преклонялись и давали Младенцу съ Матерью Его тѣнь отъ палящихъ лучей солнца, а иногда—воду для питья. Это сказаніе отъ воображенія. А вотъ это было: трудность пути при зноѣ и дорога песчаная съ пылью отъ малаго дуновенія вѣтра. Это до крайности утомительно. Присоедините къ этому трудность пріобрѣтенія необходимыхъ припасовъ пищи и питія. Жажду нечѣмъ было уголять. Желаніе покушать и подкрѣпиться пищею могло оставаться нерѣдко совсѣмъ неудовлетвореннымъ. И всѣ такія невзгоды терпѣли Пресвятая Богородица и Приснодѣва Марія, праведный Іосифъ и юный сынъ его Іаковъ. Конечно, могло все это отзываться и на Младенцѣ. Подлинно, крестъ, пріянный Спасителемъ нашимъ насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, несъ Онъ со дна Своего появленія на землѣ въ лицѣ Богочеловѣка. Слава Его долготерпѣннѣю!

Праведный Іосифъ получилъ отъ Ангела Божія повелѣніе пребывать въ Египтѣ до новаго ему откровенія о времени возвращенія въ родную ему Палестину. И „былъ онъ тамъ до смерти Ирода“ (Мѣ. II, 5). А смерть этого великаго по злодѣяніямъ царя послѣдовала въ 750 году отъ основанія Рима. Если Господь нашъ Іисусъ Христосъ родился въ 748 году, то ко времени возвращенія Его изъ Египта Ему было три года. „По смерти же Ирода, се, Ангелъ Господень во снѣ является Іосифу въ Египтѣ и говоритъ: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди въ землю Израилеву; ибо умерли искавшіе души Мла-

денца. Онъ всталъ, взявъ Младенца и Матерь Его и пришелъ въ землю Израилеву. Услышавъ же, что Архелай царствуетъ въ Иудеѣ вмѣсто Ирода, отца своего, убоился туда идти; но, получивъ во снѣ откровеніе, пошелъ въ предѣлы галилейскіе. И пришедши поселился въ городѣ, пазываемомъ Назаретъ, да сбудется реченное чрезъ проковъ, что Онъ Назореемъ наречется“ (Мѣ. II, 19—23). Въ Назаретѣ „Младенецъ (Исусъ) возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ“ (Лук. II, 40).

Что же поучительнаго для насъ въ евангельскомъ благовѣстїи о бѣгствѣ Пресвятой Дѣвы Марїи съ Младенцемъ Исусомъ и праведнымъ Іосифомъ въ Египеть? Очень примѣчательно въ немъ и назидательно для насъ участіе святыхъ ангеловъ. Сїи небожители возвѣщаютъ Іосифу о намѣренїи жестокаго царя Ирода искать Младенца для Его погубленія. Они же указываютъ и мѣсто, гдѣ Іосифъ долженъ укрыться. Когда же миновала опасность, и Іосифъ этого не знаетъ, святые небожители опять возвѣщаютъ ему о безопасности возвращенія домой въ Палестину. Намъ представляется это явленіе необычайнымъ, неповторяемымъ въ наши дни. Мы этого утверждать не можемъ. У Господа Бога тьмы темъ ангеловъ святыхъ. Всѣ они преисполнены любви къ своему Творцу. Но любя Господа Бога, они любятъ и людей, созданныхъ по образу Божію. Въ раю съ праотцами нашими, Адамомъ и Евою, Самъ Господь Богъ обращался, какъ съ Своими чадами, а святые ангелы, какъ старшіе братья, были ихъ собесѣдниками, вѣрными наставниками и друзьями. Но вотъ по зависти діавола наши прародители согрѣшили. Господь Богъ изгналъ ихъ изъ рая. Херувимъ съ пламеннымъ мечемъ возбранялъ имъ входъ въ него. По Своему милосердію Господь Богъ даровалъ людямъ надежду, что *Стымя жены сотретъ главу змія* (Быт. II, 15). Нѣтъ нужды подробно обсуждать вопросъ, кто былъ этотъ змїи искушитель. Это—падшїй ангелъ, духъ злобы, который и до-

нынѣ ведетъ неустанную брань со всѣми, желающими спастись. Вотъ въ этой то брани святые ангелы подаютъ помощь невидимо, а иногда и видимымъ образомъ всѣмъ богобоязненнымъ людямъ для одолѣнія духовъ злобы. Святые ангелы еще въ ветхомъ завѣтѣ хранили не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлые города, общества и народы. Патріархъ Іаковъ видѣлъ таинственную лѣстницу, по которой восходили и нисходили ангелы Божіи. Архистратигъ всѣхъ небесныхъ воинствъ хранилъ избранный Богомъ народъ еврейскій. Онъ самъ съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ при Іисусѣ Навинѣ ввелъ ихъ въ землю обѣтованную. А сколько святыхъ мужей удостоилось получить отъ Господа Бога благовѣстія чрезъ святыхъ ангеловъ! Но вотъ время приближалось къ завѣту новому. Благодетелю священнику Захаріи въ храмѣ является Архангелъ Гавріиль съ радостною вѣстію. „Не бойся, Захарія, говоритъ небожитель, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елизавета родитъ тебѣ сына, и наречешь имя ему Іоаннъ; и будетъ тебѣ радость и веселіе, и многіе о рожденіи его возрадуются; ибо онъ будетъ великъ предъ Господомъ; не будетъ пить вина и сикера и Духа Святого исполнится еще отъ чрева матери своей, и многихъ изъ сыновъ Израилевыхъ обратитъ къ Господу Богу ихъ; и предъидетъ предъ Нимъ въ духъ и силъ Іліи“ (Лук. I, 13—17). А чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого благовѣстія сей же Архангелъ Гавріиль является въ Назаретъ Дѣвѣ Маріи и возвѣщаетъ ей необычайное благовѣстіе: „Не бойся, Марія, ибо Ты обрѣла благодать у Бога: ^{и ты} зачнешь во чревѣ и родишь Сына, и наречешь ^{ему} Ему имя Іисусъ. Онъ будетъ великъ и наречется Сыномъ ^и Всевышняго; и дастъ Ему Господь Богъ престолъ ^и Давида, отца Его; и будетъ царствовать надъ домомъ ^и Іакова во вѣки, и царству Его не будетъ конца“ (Лук. I, 30—33). Велія благочестія тайна, ибо *Богъ явися во плоти... показася ангеломъ* (1 Тимое. III, 16). Не видя существа Божія, закрывая предъ Нимъ лица свои, святые ангелы рады были

видѣть чудныя дѣла Божіи. Но вотъ „Слово стало плотию“ (Іоан. I, 14) и явилось на землѣ. Сны ангеловъ славословятъ Его пѣснью: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ: въ человѣчѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Послѣ Своего крещенія Спаситель выступаетъ на общественное служеніе, и ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ надъ Сына Человѣческаго (Іоан. I, 51). Идетъ Онъ на вольное страданіе, и болѣе двѣнадцати легіоновъ ангеловъ готовы были, если бы было нужно, охранять Его (Матѹ. XXVI, 53). Въ третій день по смерти Своей Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ. Воскресеніе Его святые ангелы поютъ на небеси и объявляютъ на землѣ. Спаситель возносится на небо и сѣдитъ одесную Бога Отца. Ему покоряются ангелы, и власти, и силы, ибо Вознесшійся возсѣлъ одесную *превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣкъ семь, но и во грядущемъ, и вся покорена подъ нозѣ его* (Ефес. I, 21—22). А святые ангелы, по волѣ Божіей, спѣшатъ возвѣстить святымъ апостоламъ: *Сей Иисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, такожде придетъ, и мже образомъ видѣте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11). Ангелы возвѣщаютъ о второмъ пришествіи Господа Иисуса Христа. Тогда они явятся, какъ спутники Грядущему Судіи. Они возвѣстятъ Божіе повелѣніе всѣмъ мертвымъ воскреснуть и громкимъ трубнымъ гласомъ соберутъ всѣхъ воскресшихъ отъ четырехъ странъ до концевъ земли, и избранныхъ помѣстятъ, какъ пшеницу, въ житницу Божію.

Для нашего же спасенія, для того, чтобы быть каждому изъ насъ члѣномъ въ числѣ избранныхъ, Господь Иисусъ Христосъ основалъ на землѣ Церковь Свою, благодатное Царствіе Небесное. Отъ немъ Царствѣ Онъ благовѣствовалъ Самъ. О немъ возвѣщали и его благоустроили святые апостолы. И въ этомъ дѣлѣ помощь ангеловъ была. Уже подлинно съ апостоломъ Павломъ должно спросить: *не вси ли суть служебни души, въ служеніе посылаемы за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. I, 14)? Святая Церковь была встрѣ-

чена на землѣ враждебно іудеями. Они воздвигли гоненіе на благовѣстниковъ вѣры Христовой. И вотъ на первыхъ же перахъ іудей „возложили руки свои на Апостоловъ и заключили ихъ въ народную темницу. Но ангель Господень ночью отворилъ двери темницы и, выведши ихъ, сказалъ: „идите и, ставши во храмѣ, говорите народу всѣ сіи слова жизни“ (Дѣян. V, 18—20). Примѣчайте, какъ ангель Господень озабоченъ тѣмъ, чтобы слова спасенія были слышаны людьми. Благовѣстниковъ лишаютъ возможности проповѣдывать спасительную вѣру, а небесный вѣстникъ разрѣшаетъ препятствіе и повелѣваетъ благовѣствовать. Ангель Господень послалъ апостола Филиппа на дорогу, идущую отъ Іерусалима въ Газу. Здѣсь Апостоль благовѣствовалъ слово жизни еѳіоплянину, вельможѣ царицы Кандакійской, и крестилъ его (Дѣян. VIII, 26—40).

Въ Кесаріи Палестинской пребывалъ сотникъ италійскаго полка, именованъ Корнилій. Онъ былъ мужъ добродѣтельный. Господу угодно было спасти его чрезъ правую вѣру. И что же? Корнилій „въ видѣніи ясно видѣлъ около девятаго часа дня Ангела Божія, который вошелъ къ нему и сказалъ ему: Корнилій! Онъ же, взглянувъ на него и испугавшись, сказалъ: что, Господи? Ангель отвѣчалъ ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память предъ Богомъ. Игакъ, пошли людей въ Іопію и призови Симона, называемаго Петромъ; онъ гостить у нѣкоего Симона кожевника, котораго домъ находится при морѣ; онъ скажетъ тебѣ слова, которыми спасешься ты и весь домъ твой“ (Дѣян. X, 1—6). Не самъ Ангель Господень благовѣствуетъ слова спасенія Корнилію. Этого и не требовалось, ибо недалеко пребывалъ благовѣстникъ Апостоль. Но вы понимаете, какъ важно было участіе Ангела въ дѣлѣ спасенія Корнилія. Конечно, это явленіе было необычайное.

Царь Иродъ поднялъ руку на Апостоловъ и убилъ апостола Іакова Заведеева. Апостоль Петръ былъ взятъ и

заключенъ въ темницу до окончанія дней праздника. Уже рѣшено было умертвить его. „Когда же Иродъ хотѣлъ вывести его, въ ту ночь Петръ спалъ между двумя воинами, скованный двумя цѣпями, и стражи у дверей стерегли темницу. И вотъ, Ангель Господень предсталъ, и свѣтъ осіялъ темницу. Ангель, толкнувъ Петра въ бокъ, пробудилъ его и сказалъ: встань скорѣе. И цѣпи упали съ рукъ его; и сказалъ ему Ангель: опояшься и обуешься. Онъ сдѣлалъ такъ. Потомъ говорить ему: надѣнь одежду твою и иди за мною. Петръ вышелъ и слѣдовалъ за нимъ, не зная, что дѣлаемое Ангеломъ было дѣйствительно, а думая, что видитъ видѣніе“ (Дѣян. XII, 6—11). Скоро апостоль Петръ и уразумѣлъ, что былъ избавленъ отъ рукъ Ирода Ангеломъ Божиимъ. Да, Ангель же поразилъ и Ирода, когда онъ, разгордившись, не воздалъ славы Богу (Дѣян. XII, 23). Когда апостоль Павелъ отправленъ былъ моремъ въ Римъ, онъ самъ и плившіе съ нимъ въ корабль находились въ большой опасности отъ морской бури. Всѣ они уже ожидали смерти и погребенія въ волнахъ морскихъ. Но Ангель Божій возвѣстилъ Павлу, что ни онъ, ни бывшіе съ нимъ въ корабль не погибнутъ (Дѣян. XXVII, 23—24). Видно ясно, что Господь дозволилъ Ангеламъ святымъ принимать горячее участіе въ дѣлѣ спасенія людей. Мы не говоримъ объ Ангелахъ-хранителяхъ. Намъ желательно было только указать на необычайныя явленія Ангеловъ. Мы и представили свидѣтельства Священнаго Писанія о сихъ явленіяхъ. Изъ нихъ всякому ясно, что особенныя обстоятельства въ жизни Церкви Христовой и ея членовъ вызывали и необычайныя явленія Ангеловъ.

Священное преданіе доставляетъ намъ многочисленныя извѣстія о необычайныхъ явленіяхъ святыхъ небожителей на помощь Церкви и ея членамъ. Во времена уже къ намъ близкія, не взирая на обиліе духовныхъ благодатныхъ даровъ, расточаемыхъ въ таинствахъ, на благоустройство церковной жизни, повторяются еще явленія ангеловъ.

Объ этомъ свидѣтельствуя лица, не могущія вызвать къ себѣ никакого подозрѣнія въ недостоверности. Въ 1897 году вышли въ свѣтъ письма покойнаго Московскаго митрополита Иннокентія. Въ нихъ есть одно весьма замѣчательное для насъ сообщеніе миссіонера священника І. Веніамінова, послѣ высокопреосвященнаго митрополита, отъ 1828 года 1-го мая. Мы позволимъ себѣ выписать изъ него, что нужно. „Отъ природы, писалъ онъ, и отъ воспитанія моего, я, будучи весьма далекъ всякаго суевѣрія, а паче—вымысла ложныхъ чудесъ и впрочемъ не желая таить отъ вашего Высокопреосвященства (архіепископа Иркутскаго Михаила II), яко милостиваго архипастыря моего, ничего, даже самыхъ слабостей моихъ, до свѣдѣнія вашего преосвященства честь имѣю донести о слѣдующемъ случаѣ не такъ какъ невозможномъ,—ибо сила благодати Божіей не оскудѣла и не оскудѣваетъ,—но въ нынѣшнія времена рѣдчайшемъ или, по крайней мѣрѣ, неслыханномъ. Въ бытность мою сего 1828 года въ апрѣлѣ на островѣ Акувѣ и принадлежащихъ ему трехъ островахъ, узналъ я чрезъ толмача Ивана Панькова, что житель острова Акуна, селенія Рѣчешнаго, лежащаго на сѣверо-восточной сторонѣ онаго, въ разстояніи отъ главнаго селенія верстахъ въ десяти, тсень Иванъ Смиренниковъ, старикъ лѣтъ болѣе 60-ти, отъ всѣхъ здѣшнихъ и многихъ другихъ жителей почитается шаманомъ или по крайней мѣрѣ не простымъ, потому: 1. Артельновскаго селенія тоена, Ѳедора Жарова, жена, 1825-го года въ октябрѣ попала на клѣпцу, (ловушку, дѣлаемую для промысла лисицъ) ногою, такъ что не было средствъ излѣчить ее, и она уже была при смерти, поелику ударъ былъ въ колѣвную чашку, всѣми тремя желѣзными зубцами, длиною до двухъ вершковъ. Родственники ея тайно попросили означеннаго старика Смиренникова объ исцѣленіи ея, и онъ, подумавши, сказалъ, что утромъ будетъ здорова; и дѣйствительно, къ удивленію всѣхъ, она поутру встала и пошла, не чувствуя никакой боли, и даже понынь.

2-е. Зимой того же 1825 года жители здѣшніе имѣли величайшую нужду въ пищу, и нѣкоторые изъ нихъ попросили старика Смиреникова, чтобы онъ далъ кита (это ихъ слова), и онъ обѣщался попросить; и спустя весьма немного времени, сказываетъ всѣмъ жителямъ, чтобы они всѣ пошли въ означенное имъ мѣсто за китомъ: и дѣйствительно, пришедши, нашли цѣлаго свѣжаго кита, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сказалъ. 3-е. Въ прошедшую осень я намѣренъ былъ побывать въ Акунѣ, но бывшія здѣсь изъ Россіи казенныя суда помѣшали, тогда какъ меня всѣ ожидали, потому наипаче, что поѣхали за мною съ Акуна. Онъ же смѣло утверждалъ, что я не буду осенью, а буду на весну. И дѣйствительно, вѣтры удержали меня, и время сдѣлалось уже позднее, а потому я оставилъ намѣреніе свое до весны. Есть и еще таковыя случаи, доказывающіе его необыкновенное видѣніе и силу, но я умалчиваю объ оныхъ. Таковыя повѣствованія, утверждаемыя достовѣрными свидѣтелями, убѣдили меня лично спросить старика Смиреникова: почему онъ узнаетъ будущее и чѣмъ излѣчивается?—Онъ, поблагодаривъ меня за то, что я хочу спросить его о семъ, рассказалъ мнѣ слѣдующее. Вскорѣ по крещеніи его іеромонахомъ Макаріемъ явился ему прежде одинъ, а потомъ и два духа, невидимые никѣмъ другимъ, въ образѣ челоуѣковъ, бѣлыхъ лицомъ, въ одѣянїяхъ бѣлыхъ и, по описанію его, подобныхъ стихарямъ, обложенныхъ розовыми лентами, и сказали ему, что они посланы отъ Бога наставлять, научать и хранить его. И въ продолженіе почти 30 лѣтъ, они, почти каждодневно, являлись ему днемъ или вечеромъ, но не ночью, и, являясь, 1—наставляли и научали его всей христіанской Богословіи и тайнствамъ вѣры; я не нахожу за нужное здѣсь говорить, потому что оно есть ученіе вѣры христіанской; 2—подавали ему самому и, по прошенію его, другимъ, впрочемъ весьма рѣдко, помощь въ болѣзняхъ и крайнемъ недостаткѣ пищи. Но въ разсужденіи помощи другимъ они всегда отзывались на про-

шеніе его тѣмъ, что мы спросимъ у Бога, и если благо-
волить Онъ, то исполнимъ; 3—иногда сказывали ему про-
исходящее въ другихъ мѣстахъ и, весьма рѣдко, будущее;
но всегда съ тѣмъ, если то угодно Богу открыть, и увѣ-
ряли, что они не своею силою все то дѣлають, но силою
Бога Всемогущаго. И хотя ихъ ученіе есть ученіе Право-
славной церкви, но я, зная, что и бѣсы вѣрують и тре-
пещуть, усомнился, не хитрая ли и тончайшая это сѣть
искони лукаваго? и спросилъ его: какъ они учать мо-
литься, себѣ или Богу, и какъ жить съ другими? Онъ
отвѣчалъ, что они учать молиться не себѣ, но Творцу
всяческихъ, и молиться духомъ и сердцемъ, и иногда
молились съ нимъ весьма долго; и учать исполнять, сло-
вомъ, всѣ чистыя христіанскія добродѣтели, (кои онъ по-
дробно мнѣ разсказалъ), а болѣе всего совѣтуютъ наблю-
дать вѣрность и чистоту какъ въ супружествѣ, такъ и
въ супружества (и это, можетъ быть, потому, что здѣш-
ніе жители болѣе всего склонны къ сему); сверхъ того,
учили его и другимъ внѣшнимъ добродѣтелямъ и обря-
дамъ, какъ-то: какъ изображать крестъ на тѣлѣ, не начи-
нать никакого дѣла, не благословясь, не ѣсть рано по-
утру, не жить вмѣстѣ многимъ семействамъ, не ѣсть
вскорѣ убитой рыбы и звѣря теплаго; а нѣкоторыхъ птицъ
и животно-растений морскихъ совсѣмъ не употреблять въ
пищу и проч.

Послѣ сего спросилъ я его: являлись ли ему они нынѣ,
послѣ исповѣди и причастія, и велѣли ли слушать меня?
Онъ отвѣчалъ, что являлись какъ послѣ исповѣди, такъ
и послѣ причастія и говорили, чтобъ онъ никому не ска-
зывалъ исповѣданныхъ грѣхвъ своихъ и чтобъ, послѣ
причастія вскорѣ, не ѣлъ жирнаго и чтобъ слушалъ уче-
нія моего, но не слушалъ промышленныхъ, т. е. русскихъ,
здѣсь живущихъ; и даже сегодня на пути явились ему
и сказали, для чего я зову его, и чтобъ онъ все разска-
залъ и ничего бѣ не боялся, потому что ему ничего ху-
дого не будетъ. Потомъ я спросилъ его: когда они явля-

ются ему, что онъ чувствуетъ, радость или печаль?—Онъ сказалъ, что въ то только время, когда онъ сдѣлаеть что-нибудь худое, то, увидя ихъ, чувствуетъ угрызение совѣсти своей, а въ другое время не чувствуетъ никакого страха; и поелику его многіе почитаютъ за шамана, то онъ, не желая таковымъ быть почитаемъ, неоднократно говорилъ имъ, чтобъ они отошли отъ него и не являлись ему; они отвѣчали, что они не діаволы и имъ не велѣно оставлять его, и на вопросъ его: почему они не являются другимъ? они говорили ему, что имъ такъ велѣно. Можно подумать, что онъ, услышавши отъ меня или научившись отъ кого-либо другого, рассказывалъ мнѣ ученіе христіанское и только для прикрасы или изъ тщеславія выдумалъ явленіе духовъ-пѣстунговъ. Но въ опроверженіе сего скажу я сверхъ того, что всѣ чистые алеуты почти совершенно чужды гордости, тщеславія и пустосвятства. 1.—Почуя ихъ, я, за краткостію времени, а паче, дабы не обременить ихъ памяти, всегда опускалъ въ Исторіи твореніе и паденіе ангеловъ, о древѣ познанія добра и зла, о первомъ человѣкоубійцѣ, о Ноѣ, Авраамѣ, Предтечѣ и иногда о Благовѣщеніи и Рождествѣ Иисуса Христа. Но онъ все сіе рассказалъ мнѣ подробно, во время-же поученія моего онъ изъ первыхъ подтверждалъ слова мои и топомъ человѣка, свѣдушаго Св. Писаніе. 2.—Алеуты всѣ, здѣсь живущіе, кромъ толмача Панькова и еще весьма немногихъ, хотя до прибытія моего вѣрили и молились Богу, но едва ли знали, кому вѣрили и молились, поелику отецъ Макарій, предмѣстникъ мой, іеромонахъ Кадьякской миссіи, 1794 и 1795 года крестившій всѣхъ здѣшнихъ алеутовъ, весьма мало поучалъ ихъ, за немѣніемъ даже посредственнаго толмача,—такъ какъ весьма недавно начали появляться хорошіе толмачи, и Паньковъ едва-ли не первый изъ лучшихъ и разумныхъ. Но Паньковъ, опасаясь, не впасть бы въ заблужденіе и имѣя твердую вѣру во единого Бога, никогда не входилъ со старикомъ симъ въ таковыя разговоры и сильно возставалъ и упрекалъ

другихъ, спрашивающихъ и просящихъ Смиренникова. Это засвидѣтельствовали алеуты. А потому ни отъ кого отъ человѣкъ ни посредственно, ни непосредственно, не могъ онъ слышать сихъ исторій. 3.—Самъ же онъ, будучи безграмотенъ и нисколько не зная русскаго языка, не могъ ни читать, ни слышать отъ другихъ; и 4.—Наконецъ, дабы удостовѣриться, точно ли являются ему пѣстуны его, я спросилъ его: могу ли я видѣть ихъ и говорить съ ними? Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ, а спросить у нихъ; и дѣйствительно, чрезъ часъ приходитъ и говорить, что они сказали на то: „и что онъ хочетъ еще знать отъ насъ? Ужели онъ еще почитаетъ насъ дьяволами? Хорошо, пусть видитъ и говорить съ нами, если хочетъ“, и еще сказали нѣчто въ одобреніе мое; но я, дабы не сочтено было за тщеславіе со стороны моей, умолчу о семъ. Но я отъ собесѣдованія съ ними отказался. Можно сказать мнѣ: почему я не увидѣлъ ихъ для удостовѣренія въ ихъ явленіи? Но я скажу на это, что я недоумѣвалъ, можно ли и нужно ли мнѣ видѣть ихъ лично. Я думалъ такъ: что мнѣ нужды видѣть ихъ, если ученіе ихъ есть ученіе христіанское? Развѣ для того, чтобъ изъ любопытства только узнать, кто они, и чтобъ быть наказаннымъ за таковой поступокъ мой; и что надобно испросить благословенія и наставленія его преосвященства, а паче — чтобъ, увидя ихъ какимъ-нибудь образомъ и когда-нибудь, не впасть въ какое-нибудь заблужденіе или недоумѣніе и проч.,—вотъ причины, по коимъ и отказался видѣть ихъ лично. Итакъ, все вышесказанное имъ и клятвою подтвержденное, а мною хотя и не вездѣ точными его словами, но безъ прибавленія и утайки изложенное, и также свобода, безобязанность и нѣкоторое его удовольствіе въ разсказѣ его, а паче незазорное житіе его, убѣдили меня думать и даже увѣриться, что являющіеся сему старику духи не суть діаволы, потому что хотя діаволь и можетъ иногда преображаться въ ангела свѣтла, но никогда для наставленія и назиданія, и спасе-

нія, а всегда для погибели челоуѣка. Но поелику не можетъ древо зло плоды добры творити, они должны быть служебніи души, посылаемые для хотящихъ паслѣдовати спасеніе,

А потому, чтобъ нѣкоторымъ образомъ не ослабить вѣры и надежды на Единого Всевышняго и Всевѣдушаго, я, до разрѣшенія вашего преосвященства, осмѣлился дать ему слѣдующее наставленіе: вижу я, что являющіеся тебѣ духи не діаволы, а потому слушай ихъ ученія и наставленія, если только оно не будетъ противно тому, чему я училъ васъ въ общемъ собраніи. Но другимъ, спрашивающимъ тебя о будущемъ и просящимъ помощи твоей, сказывай, чтобъ они сами просили Бога, какъ общаго всѣхъ Отца. Лѣчитъ тебѣ не возбраняю, но только съ тѣмъ: кого намѣренъ излѣчить, сказывай, что не своею ты силою лѣчишь, но Божіею, и совѣтуй прилежнѣе молиться и благодарить Его Единого; не запрещаю также и учить, но не болѣе, какъ только давать наставленія малолѣтнимъ. О будущемъ-же никому и даже мнѣ самому не говорить ни слова. Прочимъ-же алеутамъ, бывшимъ тогда, сказалъ и велѣлъ сказывать, чтобъ никто не называлъ его шаманомъ, но и не просилъ бы его ни о чемъ, кромѣ Единого Бога.

Преосвященнѣйшій Владыко, милостивый архипастырь! Изложивъ все вышеописанное и представляя Вашему Высокопреосвященству, покорнѣйше прошу благоволить дать мнѣ Ваше милостивое архипастырское наставленіе и разрѣшеніе: справедливо-ли я поступилъ въ семъ случаѣ, и могу ли я, и нужно-ли, если только живъ будетъ сей старикъ, видѣть мнѣ и говорить съ духами, ему являющимися, и если можно, то съ какою предосторожностію?

Довося о семъ Вашему Преосвященству, я почелъ за нужное и приказалъ толмачу Ивану Панькову, переводившему слова мои и означеннаго старика для удостовѣренія въ истинѣ повѣствованія моего и для подтвержденія вѣрности его перевода, здѣсь подписаться своеручно и

хранить сіе до времени за тайну“ (Письма Инокентія, собран. Барсуковымъ, кн. 1, СПб. 1897 г. 1—7 стр.).

Мы намъренно привели это длинное письмо о Іоанна Веніаминаова, впоследствии Инокентія, митрополита Московскаго. Когда онъ былъ въ Петербургѣ уже въ санѣ епископа, тогда рассказывалъ устно объ этомъ необычайномъ явленіи ангеловъ старцу Смиреникову. Нѣкто изъ собесѣдниковъ спросилъ его, почему онъ не пожелалъ видѣть небесныхъ вѣстниковъ? Вотъ что отвѣтилъ преосвященный Инокентій: „легко намъ теперь, здѣсь въ Петербургѣ, сидя со всѣми въ сихъ покояхъ, разсуждать о такомъ явленіи и судить мой поступокъ; но подумайте, каково было слышать зовъ сей (т. е. на бесѣду съ ангелами) въ пустынь, да еще съ такою оговоркою, если я сомнѣваюсь? Удовлетвореніе любопытства могло бы ввести меня въ искушеніе; страшно было сомнѣваться и какъ бы искушать Бога, когда я видѣлъ чистое ученіе старца, почерпнутое изъ небеснаго источника. Можетъ быть, я заплатилъ бы спокойствіемъ совѣсти и цѣной моей жизни за такой недовѣрчивый поступокъ“. Если человекъ такой высокой христіанской жизни убоялся удовлетворить празднему любопытству, то кто же изъ насъ пожелалъ бы видѣть небожителей? Не скажемъ ли мы, какъ нѣкогда возопилъ еврейскій судья Гедеонъ: *узв мнѣ, Господи, Господи, яко видѣхъ Ангела Господня лицемъ къ лицу* (Суд. VI, 22—23). Но Гедеона успокоилъ Ангелъ Господень, сказавъ ему: *миръ тебѣ, не бойся, не умреши*. А какъ почувствовали бы себя мы, если-бы увидѣли тѣлесными очами небожителя? Кто поручится, что не поплатились бы мы по крайней мѣрѣ здравіемъ, если не жизнью? Посему не слѣдуетъ никогда желать себѣ явленія небесныхъ вѣстниковъ. Ублажаются невидѣвшіе вѣрующіе (Іоан. XX, 29). Слышите ли вы или читаете въ житіяхъ святыхъ объ явленіяхъ небожителей, не дерзайте подвергать сомнѣнію сіи событія. Происходили они въ ветхомъ завѣтѣ, бывали они часто и въ новозавѣтныя времена. Но всег-

да они вызывались крайнею нуждою. А безъ такой нужды для чего бы и являться святымъ ангеламъ? Благодаримъ Господа,—Онъ вѣдь благоволилъ открыть вамъ, что о спасеніи нашемъ имѣютъ большое попеченіе небожители. Подлинно, радость доставляютъ имъ спасающіеся. И они то готовы содѣйствовать и благопоспѣшествовать имъ. Да, *все они суть служебніи души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1, 14).

Василій, Епископъ Можайскій.

Св. Іоаннъ Златоустъ—страдалецъ и другъ страждущихъ

Мы собрались сегодня, дорогіе братіе и сестры, вспомнать многострадальнаго святителя Божія, св. Іоанна Златоуста. Вѣдь, если намъ слѣдовало бы знать жизнь каждаго Святого, то тѣмъ болѣе необходимо намъ быть знакомыми съ жизнеописаніемъ святого Златоуста, имя котораго каждодневно молитвенно воспоминается на божественной литургіи, по преданію, имъ составленной. Жизнь его и вообще назидательна для насъ, слабыхъ и колеблющихся, какъ примѣръ пламенной вѣры, твердаго стоянья за правду Божію, самоотверженной любви къ людямъ, глубокой преданности волѣ Божіей, выразившейся въ терпѣливомъ перенесеніи неслыханныхъ страданій. Глубоко-назидательны и его творенія: — толкованіе св. Писанія и множество проповѣдей. Среди послѣднихъ особенно много поученій о милосердіи къ бѣднымъ. Его поистинѣ можно назвать другомъ бѣдныхъ. Онъ ихъ любилъ всѣмъ сердцемъ за ихъ преданность Святой Церкви, за ихъ добрую христіанскую жизнь, за ихъ страданья и скорби; и тѣ въ свою очередь платили ему нѣжною любовью, не оставляя его даже въ тяжкое время гоненій. Но было бы совершенно несправедливо считать Іоанна Златоуста какимъ то демагогомъ, народнымъ трибуномъ. Не о земномъ благополучіи людей заботился онъ, а о совершенствѣ духа человѣческаго, о достиженіи людьми

свѣтлыхъ, небесныхъ радостей. Если ему пришлось терпѣть отъ богатыхъ и знатныхъ людей, то это потому, что, по своей пламенной ревности о правдѣ Божіей, онъ съ силою прр. Иліи и Іоанна Крестителя громиль людскіе пороки; и злоба людская возстала противъ него въ лицѣ сильныхъ и преслѣдовала его своей ненавистью до самой могилы, а онъ, испуская духъ свой среди этихъ сраданій, восклицалъ: „слава Богу за все“.

Великолѣпнень былъ городъ Антиохія въ IV' мѣ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Это была эпоха ея величайшаго расцвѣта, и ей по справедливости славился весь Востокъ. Отличаясь живописностью своей и чрезвычайно пріятнымъ, мягкимъ климатомъ, она въ то же время славилась и благоустройствомъ, которое сдѣлало бы честь любому современному городу. Длинныя, широкія улицы, обсаженныя лавровыми и миртовыми деревьями, великолѣпныя здавія, чудно-устроенное освѣщеніе, благодаря которому и вечеромъ было такъ же свѣтло, какъ днемъ,— все это дѣлало Антиохію однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Востока. Жизнь кипѣла въ ней ключемъ:—торговые, политическіе, художественные и религіозные интересы волновали жителей и иностранцевъ, которые пріѣзжали сюда какъ для устройства своихъ дѣлъ, такъ и для отдыха. Шумитъ и волнуется многочисленная толпа на улицахъ и площадяхъ, наполняетъ многочисленные театры, цирки, лихорадочно живетъ интересами дня; толпа горячая, южная, страстная въ живописныхъ, яркихъ костюмахъ. Какъ далека она кажется отъ святой и тихой простоты христіанской жизни, а между тѣмъ тутъ, въ самыхъ нѣдрахъ этого распушеннаго, роскошнаго города, незамѣтно пока для людей, созрѣваетъ великій христіанинъ, славный учитель, другъ бѣдныхъ и скорбныхъ. Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра и пустынныхъ улицъ стоитъ небольшой скромный домикъ. Взойдемъ въ него! Скромная обстановка... тишина... на скамейкѣ сидятъ двое: юная красавица—мать и маленькій мальчикъ съ

тонкими подвижными чертами лица и съ большими черными глазами. У него развернута большая книга: св. Евангеліе—онъ учится читать.—То праведная Анеуса и ея сынъ Іоаннъ,—впослѣдствіи—Великій Златоустъ.

Оставшись послѣ смерти своего мужа, занимавшаго видную военную должность, вдовой, Анеуса, несмотря на свою молодость, красоту, всецѣло отдалась воспитанію своихъ малолѣтнихъ дѣтей: мальчика Іоанна и дѣвочки. Послѣдняя скоро умерла, и Анеуса всю нѣжность своего сердца, всю свою любовь излила на маленькаго Златоуста. Она воспитывала его въ строго христіанскомъ духѣ, и первая книга, которую они изучали, было Евангеліе. Едва умѣя лепетать, въ самомъ раннемъ возрастѣ, Іоаннъ познакомился съ земной жизнью, страданьями и ученіемъ Христа Спасителя. Эта книга была, такъ-сказать, фундаментомъ, на которомъ возрасло зданіе его великихъ добродѣтелей. Ему открылись съ дѣтства уже тайны христіанства: стремленіе къ идеальному христіанскому совершенству, ибо Спаситель сказалъ: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“. Мѣ. 5, 48;—къ величайшей, пламенной и самоотверженной любви къ ближнему, ибо Спаситель сказалъ:—„по тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“. Іоан. 13, 35;—къ величайшему терпѣнію въ перенесеніи всѣхъ земныхъ страданій и бѣдствій, ибо Спаситель сказалъ:— „претерпѣвшій же до конца спасется“. Мѣ. 10, 22. И любимой молитвой Іоанна съ ранняго дѣтства была:—„Слава Богу за все! и за радости, и за горе!“

По обычаю того времени, Іоаннъ былъ отданъ въ школу знаменитаго въ то время въ Антиохіи Ливанія. Тамъ онъ изучалъ всевозможныя науки, по преимуществу философію, юридическія науки, словесность и ораторское искусство, въ которомъ особенно былъ силенъ Ливаній. Въ этомъ послѣднемъ искусствѣ Іоаннъ оказалъ наибольшіе успѣхи: Ливаній приготавливалъ его къ дѣятельности адвоката, пророчествовалъ ему блестящую будущность и не

разъ, въ послѣдствіи, со вздохомъ говаривалъ:— „какимъ бы великимъ человѣкомъ былъ Іоаннъ, если бы его у меня не украли христіане“. Окончивъ курсъ, Іоаннъ первое время, дѣйствительно, занялся адвокатурою. Эти занятія послужили на пользу ему въ томъ отношеніи, что, благодаря имъ, онъ познакомился съ преступнымъ міромъ и на опытъ могъ увидать, какъ зло лукаво, какъ хитро оно побѣждаетъ человѣка; какъ несчастенъ человѣкъ, поддавшійся этимъ внушеніямъ зла, и какъ все-таки, не смотря на свою мрачность и темноту, въ каждой преступной душѣ теплится искра Божія; и какъ слабый, бѣдный, несчастный человѣкъ, крѣпкими цѣпями своихъ страстей прикованный къ землѣ, плачетъ и тоскуетъ о потерянномъ раѣ. Въ этотъ періодъ своей мірской жизни Іоаннъ Златоустъ, по своей страстной, горячей натурѣ, сталъ было увлекаться и свѣтскими развлеченіями:—театромъ, циркомъ; но голосъ Божій звалъ его къ другой жизни, и онъ все оставилъ и пошелъ за нимъ.—Онъ принялъ крещеніе (въ то время крещеніе принимали взрослые) и окончательно порвалъ всякія связи съ мірской жизнью.

Въ то же время Іоаннъ сталъ молчаливымъ, задумчивымъ, сталъ блѣднѣть, худѣть:—очевидно, въ немъ созрѣвало какое то важное рѣшеніе, которое тяжело было высказать своей матери. Наконецъ онъ рѣшился; и съ трепетомъ сердечнымъ, со слезами, онъ открылъ ей свое намѣреніе сдѣлаться монахомъ. Горе его матери было неопредѣлимо:— „она взяла меня за руку“,—говорилъ въ послѣдствіи Іоаннъ Златоустъ,— „и, обливаясь слезами, стала говорить слова, еще печальнѣе слезъ“.

— „Милый мой сынъ, единственное утѣшеніе моей горькой жизни, умоляю тебя: пожалѣй меня; вѣдь я тебѣ не сдѣлала никакого зла! Потерпи, по крайней мѣрѣ, до моей смерти; не заставляй меня переживать еще разъ тотъ ужасъ одиночества, который я испытывала послѣ смерти твоего отца!—Я уже выплакала тогда всѣ слезы; я уже тогда истерзала всю свою грудь страданьями!—Неужели

мнѣ еще плакать, еще страдать? Другъ мой, мой единственный другъ,—пожалѣй меня—твою несчастную мать!“ Іоаннъ Златоустъ послушался своей матери и остался до ея кончины около нея.

Тѣмъ не менѣе, все-таки онъ постепенно готовилъ себя къ служенію Церкви, пристально изучая и наблюдая современную религіозную жизнь народа, его духовные недуги, которые впоследствии слѣдовало лѣчить. Въ то время антиохійскіе христіане страдали отъ двухъ главныхъ болѣзней души:—съ одной стороны—отъ языческой распущенности жизни, съ другой—отъ аріанскихъ еретическихъ заблужденій. Да и не могло быть иначе! Въ своей юности Іоаннъ былъ свидѣтелемъ отчаянной борьбы съ христіанствомъ, которую велъ Юліанъ-отступникъ, всѣ силы употребившій для того, чтобы сломить ненавистное ему христіанство, и погибшій въ этой борьбѣ. Іоаннъ припоминалъ, какъ въ годы своей юности, еще когда онъ учился у Ливанія, тотъ, съ презрительнымъ высокомеріемъ истинно просвѣщеннаго человѣка, обратился въ присутствіи Іоанна съ насмѣшливымъ вопросомъ къ одному христіанину: „ну, скажи мнѣ, что подѣлываетъ теперь сынъ плотника?“ На что тотъ отвѣчалъ:—„Тотъ, Кого ты называешь сыномъ плотника, въ дѣйствительности есть Сынъ Божій, Творецъ неба и земли!—Ты спрашиваешь, что Онъ дѣлаетъ?—Онъ строитъ теперь погребальныя дроги“!

И, дѣйствительно, вскорѣ распространилась вѣсть, что Юліанъ умеръ. Во время персидскаго похода онъ былъ смертельно раненъ и, какъ рассказываетъ преданіе, упавъ на землю, въ безумной ярости онъ бросалъ къ солнцу комья грязи и съ запекшейся своею кровью, уже съ предсмертнымъ вздохомъ, восклицалъ: „Ты побѣдилъ меня, Галилеянинъ!“

Онъ умеръ, но ядовитая сѣмена, брошенная въ христіанскую среду, возрасли и дали плодъ въ видѣ распущенной языческой жизни; а съ другой стороны—тяжко вол-

повала весь Востокъ аріанская ересь: не только міряне, но и духовныя лица, и даже епископы были ею заражены. На площадяхъ, на улицахъ происходили оживленные богословскіе споры, кончавшіеся жестокими побоищами. Такимъ образомъ, много было среди антиохійцевъ христіанъ только по имени и язычниковъ по жизни; а затѣмъ неменьше было и неправославныхъ христіанъ. Іоаннъ понималъ, какой тяжкій подвигъ былъ—быть пастыремъ среди такой паствы; какихъ высокихъ духовныхъ совершенствъ требуетъ это служеніе. Вотъ почему въ своихъ письмахъ о священствѣ онъ говоритъ, что священникъ долженъ имѣть душу чище лучей солнечныхъ, чтобы его никогда не оставлялъ Духъ Святыи. И, сознавая это, онъ со свойственною ему стремительностью, послѣ смерти матери удалился въ пустыню, находившуюся за Антиохіей, гдѣ въ то время жили величайшіе подвижники, для того, чтобы усовершенствоваться духовно и тѣмъ подготовить себя къ принятію священства. Необычайно была сурова ихъ жизнь: намъ слабымъ, изнѣженнымъ невѣроятными представляются тѣ подвиги, какіе они тамъ несли. Весь день и почти всю ночь проводили они въ молитвѣ, чтеніи Св. Писанія и рукодѣльи; пища ихъ—одинъ хлѣбъ, и то въ ограниченномъ количествѣ, и вода; изголовье—камень; но Златоусту показалось мало этихъ подвиговъ: онъ удаляется въ самую глубь пустыни, затворяется тамъ въ мрачной сырой пещерѣ, не имѣя здѣсь ни постели, ни стула, ни стола, опираясь на стѣну пещеры, и здѣсь предаётся пламенной молитвѣ. И вотъ, изъ этого періода его жизни, мнѣ особенно ясно рисуется одна картина.

Глубокая ночь! звѣздное небо... все спитъ въ природѣ... не слышится ни одного звука, одинъ лишь человѣкъ бодрствуетъ въ это время въ пустынѣ:—то молодой подвижникъ Іоаннъ! Стоя на колѣняхъ и простирая руки къ небу, онъ молится пламенной молитвой. Онъ молится о томъ, чтобы Господь сподобилъ его быть истиннымъ пастыремъ Христовымъ, чтобы всегда ему итти путемъ

„ДУШЕПОВАР. ЧТЕНИЕ“

евангельской правды, чтобы хранить въ цѣлости Церковь Христову ради нея, если надо, пожертвовать всѣмъ, даже жизнью; душу свою отдать за паству свою. Любить любовью Христовою всѣхъ вѣранныхъ ему дѣтей духовныхъ. Особенно же, всѣхъ страждущихъ, скорбящихъ, бѣдныхъ и угнетенныхъ,—вести ихъ всѣхъ къ совершенству—царству небесному. Но наконецъ силы его не выдержали, и онъ долженъ былъ прекратить подвигъ пустынножительства и возвратиться въ Антиохію, послѣ шестилѣтня подвижничества. Жизнь эта надломила его здоровье, но за то укрѣпила его духъ; отсюда онъ вынесъ глубокое знанье и пониманье Св. Писанія, пламенную вѣру и ту ясную проницательность души, доходящую до прозорливости, которая присуща всѣмъ Святымъ, долгіе годы проводившимъ въ подвигахъ самоуглубленія и молитвы.

По возвращеніи изъ пустыни онъ былъ посвященъ въ санъ діакона, а затѣмъ рукоположенъ епископомъ Флавианомъ въ санъ пресвитера. Уже въ санѣ діакона Іоаннъ своею любовью завоевалъ сердца антиохійцевъ, и его посвященіе въ санъ священника было встрѣчено большою радостью всего населенія, тѣмъ болѣе, что по городу распространился слухъ о необыкновенныхъ ораторскихъ способностяхъ молодого священника. Уже первая его проповѣдь, гдѣ онъ рисуетъ идеаль священства, очень понравилась народу; а затѣмъ, дальнѣйшія его проповѣди все больше и больше привлекали сердца антиохійцевъ, и храмы, гдѣ онъ проповѣдывалъ, были всегда полны народомъ. Люди самыхъ разнообразныхъ классовъ и образованій приходили послушать Златоуста. Увлечательное краснорѣчіе его проповѣдей, глубокое толкованіе Св. Писанія, глубокое знаніе человѣческаго сердца, легкость рѣчи, живость и страстность изложенія, образность, множество разнообразныхъ сравненій, убѣжденность, пламенная вѣра, а главное, самая пламенная любовь къ людямъ—дѣлали необыкновенно привлекательными его проповѣди; иногда страстные южане, восхищенные его словами, не могли

удержаться отъ рукоплесканій, что было крайне неприятно Златоусту. Въ то время онъ и получилъ свое названіе.

Разсказываютъ, что одна бѣдная женщина воскликнула послѣ одной изъ его проповѣдей: „Святой Іоаннъ, Святитель Божій, Золотыя Уста! мы не все можемъ понять въ твоихъ рѣчахъ, ибо смыслъ ихъ для насъ слишкомъ глубокъ“. Съ этихъ поръ Іоаннъ началъ говорить настолько просто, чтобы быть понятнымъ и людямъ необразованнымъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ касался разнообразныхъ предметовъ, но въ особенности онъ много говорилъ о милосердіи къ бѣднымъ.

Такъ, напримѣръ, въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ говоритъ такимъ образомъ:—„Бѣдные суть также дѣти однего Отца небеснаго, въ лицѣ которыхъ намъ представляется Самъ Іисусъ Христосъ. Онъ благоволилъ, чтобы доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ Нему любовь и признательность, являться къ намъ въ лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ. Онъ говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ: если вы не хотѣли быть признательными ко Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и потерпѣлъ для васъ, имѣйте состраданіе къ Моей бѣдности; если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, сжальтесь надъ Моими страданіями, которыя изнуряютъ Меня, надъ Моими цѣпиями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если Мои страданія, бѣдность, цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хотя о томъ, какъ мало то, чего Я у васъ прошу. Я не требую отъ васъ многоцѣнныхъ приношеній; Я прошу только одинъ кусокъ хлѣба, кровь отъ темной ночи, слово ласковое и совѣтъ добрый. Подайте Мнѣ милостыню, чтобы пріобрѣсть право на тѣ небесныя награды, которыя Я обѣщалъ милостивымъ“.

Да и какъ ему было не любить бѣдныхъ! Онъ видѣлъ, насколько они своимъ благочестіемъ, своею преданностію церкви превосходятъ богатыхъ. Въ то время, когда послѣдніе, оставаясь въ глубинѣ души язычниками, все свое

время посвящаютъ забавамъ и развлеченіямъ, а въ церковь являются только по необходимости, и то на самое короткое время, бѣдные наполняютъ храмы, внимательно слушаютъ проповѣди, усердно молятся. Какъ же было не любить Златоусту этихъ предантѣйшихъ ему дѣтей духовныхъ, любовь которыхъ ничто не могло поколебать: ни гопенія, ни изгнанія, ни насмѣшки, ни издѣвательства, ни униженія любимаго архиепископа,—которые съ радостью шли за нимъ на вѣрную смерть. Да, поистинѣ, и онъ на любовь отвѣчалъ пламенною любовью. Неложно было его слово, когда онъ имъ говорилъ: „Я люблю васъ такъ же, какъ и вы меня. Вы замѣняете мнѣ отца, мать, братьевъ, дѣтей. Вы для меня—все на свѣтѣ! И когда одинъ изъ васъ погибаетъ, погибаю и я!“

Но не однихъ только бѣдныхъ, онъ любилъ и всю свою паству, что доказалъ во время одного тяжелаго несчастья, обрушившагося на Антиохію:—то былъ бунтъ антиохійцевъ противъ императора Θεодосія, случившійся по слѣдующему поводу.

Императоръ, желая отпраздновать десятилѣтіе своего царствованія, наложилъ тяжелыя подати на антиохійцевъ. Антиохійцы, хотя въ большинствѣ своемъ довольно богатые, тѣмъ не мѣнѣе сочли этотъ налогъ несправедливымъ и, возбуждаемые нѣкоторыми народными ораторами, произвели страшное возмущеніе. Южная толпа—страстная и горячая—долгое время шумѣла и безчинствовала въ городѣ, затѣмъ бросилась въ предмѣстье его—Даэну, осадила царскій дворецъ, ворвалась въ комнату, гдѣ находились статуи Θεодосія и его семейства, камнями повалила ихъ на землю, съ яростными криками повлекла ихъ по городу и наконецъ бросила въ рѣку.—Послѣ этого параксизма бѣшенства народъ опомнился. Сграшное уныніе овладѣло имъ; послѣ крика ярости, наступила зловѣщая тишина: улицы опустѣли... всѣ спрятались въ свои дома... каждый говорилъ: „что мы сдѣлали! теперь насъ ждетъ неминуемая казнь!“

Тогда-то во всей своей духовной силѣ и являются духовные вожди: епископъ Флавіанъ и священникъ Іоаннъ. Первый, несмотря на свою дряхлость, отправляется въ Константинополь просить царя о помилованіи, а второй—день и ночь молится въ храмѣ, утѣшаетъ народъ, ободряетъ его надеждой на милость Божию.

— „Предайте мнѣ ваши души!—говоритъ онъ: — отбросьте ваши печали, возложимъ все на Бога. Это послужитъ намъ къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Господь увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово и въ самое бѣдственное время не оставляемъ молитвы, то скоро подастъ намъ помощь и благую переменъ, превративъ бурю въ тишину. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные! Не столько мы заботимся о своемъ спасеніи, сколько сотворившій насъ Богъ. Не столько мы печемся о себѣ, сколько Тотъ, Кто даровалъ намъ душу и даетъ такое множество благъ. Окрылимъ себя надеждою и будемъ благодушно ожидать, что благоугодно будетъ Господу сотворить съ нами“.—И дѣйствительно, совершилось по его слову.

Горячій сердцемъ, но великодушный,—императоръ Θεодосій простилъ антиохійцевъ. Послѣ этого любовь народа къ Іоанну еще болѣе возрасла. Они не хотѣли отпускать его ни на одинъ день изъ города; даже когда онъ хотѣлъ удалиться за городъ, чтобы немного отдохнуть, народъ говорилъ ему: „вернись, ибо безъ тебя мы погибаемъ“. Тѣмъ не менѣе, имъ вскорѣ пришлось уже навсегда расстаться съ нимъ. Іоаннъ Златоустъ былъ вскорѣ послѣ этого назначенъ архіепископомъ Константинопольскимъ и увезенъ тайно въ Константинополь нѣкіемъ евнухомъ Евтропіемъ, самымъ тогда важнымъ сановникомъ въ государствѣ и ближайшимъ другомъ императора Аркадія, который занялъ престолъ послѣ отца своего Θεодосія.

Златоустъ былъ милостиво принятъ императоромъ, сказавшимъ ему, чтобы онъ готовился къ посвященію.

Замѣчательный контрастъ представлялъ Златоустъ,—не-

большого роста, худой, загорѣлый, въ скромной, можно сказать, въ бѣдной одеждѣ,—съ великолѣпнѣемъ и роскошью Византійскаго двора. Зала, въ которой онъ былъ принять, была вся разукрашена золотомъ, розовымъ—золотистымъ мраморомъ и драгоценными камнями, даже самый полъ былъ посыпанъ золотымъ пескомъ. Придворные воины и сановники были украшены жемчугомъ и смарагдами; золотой тронъ поддерживался золотыми львами; на немъ въ пурпурной одеждѣ, украшенной жемчугами и рубинами, возсѣдалъ Аркадій; на головѣ его сверкала діадема, такъ красиво шедшая къ его чернымъ волосамъ. Послѣ императора, Златоустъ былъ еще болѣе милостиво принять императрицей Евдоксіей, которая поцѣловала у него руку и обѣщала ему всякую помощь въ его подвигахъ милосердія. 26-го февраля 398 г. совершенно посвященіе Златоуста въ санъ архіепископа александрійскимъ патріархомъ Теофіломъ, (своимъ тайнымъ недоброжелателемъ) въ великолѣпномъ храмѣ Софін, въ присутствіи императора, императрицы и множества народа. Въ своей рѣчи послѣ посвященія Златоустъ, намѣчая программу своей будущей дѣятельности, главнымъ образомъ обѣщаль стремиться всѣми пастырскими средствами къ тому, чтобы распространять православную вѣру среди язычниковъ и еретиковъ, а затѣмъ, чтобы среди православныхъ улучшить нравы, поднять ихъ нравственность на высокую степень совершенства. Особенно знаменательны его слова: „Я при помощи Божіей буду смѣло обличать пороки; я не буду входить ни въ какія соглашенія, не буду заключать никакого договора съ адомъ. Для нечестія и порока я буду непреклоннымъ врагомъ. Но по отношенію къ самимъ грѣшникамъ я всегда готовъ дѣйствовать въ духѣ состраданія и, насколько это будетъ зависѣть отъ меня и возможно мнѣ, не вредя правдѣ и благу Церкви, буду жить въ мирѣ со всѣми“. Закончилъ онъ свою рѣчь просьбою молитвенной помощи у своей паствы.

Іоаннъ Златоустъ былъ прямая противоположность сво-

ему предшественнику,—архіепископу Нектарію. Послѣдній, будучи, до принятія святительскаго сана, знатнымъ свѣтскимъ сановникомъ, остался, въ существѣ дѣла, такимъ же и въ санѣ архіепископа. Онъ любилъ пышную, блестящую жизнь, свѣтское общество, любилъ давать роскошные обѣды своимъ многочисленнымъ знакомымъ, вовсе не заботился о духовномъ воспитаніи своей паствы и относился самымъ внѣшнимъ образомъ къ своимъ обязанностямъ. Совершая въ торжественные дни богослуженія, говоря холодныя, заученныя проповѣди, да принимая просителей, разбирая бумажныя дѣла, онъ не прилежалъ сердцемъ къ своимъ обязанностямъ. Онъ не былъ ни для кого опасенъ, и поэтому всѣ относились къ нему доброжелательно. Не таковъ былъ Іоаннъ Златоустъ:—онъ весь былъ огонь въ ревности о славу Божіей Церкви. Величайшій подвижникъ,—въ своей личной жизни онъ изгналъ всякую роскошь съ архіепископскаго двора; всѣ золотыя и серебряныя вещи были проданы, и деньги розданы бѣднымъ. Многочисленная свита была распущена: онъ ограничился двумя или тремя преданными ему людьми. Прекратились роскошные обѣды, ибо Іоаннъ довольствовался самой скромной пищей изъ овощей съ прибавленіемъ иногда немного рыбы и бѣлаго мяса. Прекратился пріемъ праздныхъ посѣтителей, ибо къ Іоанну имѣли доступъ только тѣ, которые нуждались въ немъ, какъ пастырѣ Церкви. Единственною роскошью была—его многотомная бібліотека. Но въ особенности рѣзка была его противоположность съ Нектаріемъ въ отношеніи къ клиру и паствѣ. Въ то время, какъ послѣдній сквозь пальцы смотрѣлъ на злоупотребленія, роскошь и развратъ клира, на маловѣріе, ереси и всякаго рода пороки мірянъ, Іоаннъ Златоустъ явился пламеннымъ обличителемъ и карателемъ всего порочнаго. Рѣшительный, прямолинейный онъ, дѣйствительно, не умѣлъ входить въ сдѣлки со зломъ, какъ онъ сказалъ въ своей вступительной рѣчи. Онъ обличалъ, запрещалъ и изгонялъ изъ предѣловъ своей

епархіи лѣнливыхъ и развратныхъ иноковъ и клириковъ, которые, вмѣсто того, чтобы подавать добрый примѣръ словомъ или дѣломъ мірянамъ, сами оказывались хуже ихъ, проводя жизнь среди свѣтскихъ людей, въ веселыхъ играхъ и полной лѣнности, нисколько не заботясь о своихъ обязанностяхъ.

Онъ обличалъ и свою паству въ холодности къ храму Божиюму, въ любви къ безнравственнымъ языческимъ зрѣлищамъ, жестокости къ бѣднымъ и несчастнымъ, въ гордости, въ неправославіи и др. порокахъ. Этимъ онъ страшно вооружилъ противъ себя худшую часть клира и многихъ знатныхъ и богатыхъ мірянъ. Сначала шопотомъ, а затѣмъ все громче и громче стали раздаваться голоса противъ Іоанна Златоуста.—Онъ-де несправедливъ, жестокъ, своею нетерпимостью оттолкнетъ народъ отъ церкви! Къ чему эти обличенія богатыхъ и знатныхъ?—онъ возмущаетъ этимъ народъ!

Постепенно къ этому стала примѣшиваться и клевета! „Вотъ, другихъ-то онъ обличаетъ, а самъ-то предается, какъ слышно, неслыханнымъ порокамъ!..—Зачѣмъ онъ запирается отъ людей?..—потому что онъ лицемеръ!.. Онъ тайно предается обжорству и пьянству!“.. Эти змѣинныя рѣчи, передаваясь отъ одного къ другому, дошли до императорскаго дворца, въ частности до императрицы Евдоксіи; тѣмъ не менѣе, отношенія между Іоанномъ Златоустомъ и Евдоксіей были попрежнему удовлетворительными. Она принимала участіе въ открытіи св. мощей св. муч. Ѳоки и другихъ. Іоаннъ въ своей рѣчи даже похвалилъ благочестіе императрицы, назвавъ ее матерью церкви. Съ императоромъ Аркадіемъ отношенія его были тоже вполне удовлетворительными, и онъ даже оказалъ великую государственную заслугу:—въ то время противъ Византіи возмущился римскій военачальникъ Гайна и подошелъ къ самому Константинополю, угрожая ему завоеваньемъ. Императоръ Аркадій палъ духомъ: ибо никто, кромѣ Іоанна, не хотѣлъ итти ко врагу для переговоровъ.

Іоаннъ смѣло пошелъ къ Гайнѣ и побѣдилъ его сердце.— Тотъ не только согласился отступить отъ города, не причинивъ ему никакого вреда, но даже вмѣстѣ со своими колѣнопреклоненными сыновьями испросилъ благословеніе у Святителя, несмотря на то, что былъ аріанинъ и, слѣдовательно, злѣйшій врагъ христіанъ.

Кромѣ благоустройства богослуженія, монастырей, клира, Іоаннъ Златоустъ особенно много занимался миссіонерскимъ дѣломъ среди фипикіянъ, скивовъ и готтовъ. Посѣщаль онъ и провинціальныя церкви для уюряженія тамъ церковныхъ дѣлъ. Ночное время, оставшаеся свободнымъ отъ многочисленныхъ административныхъ и богослужебныхъ обязанностей, онъ употреблялъ на письменныя труды. Но въ особенности много времени онъ попрежнему отдавалъ своимъ друзьямъ—бѣднымъ: для ихъ назиданья и утѣшенья онъ часто проповѣдывалъ, бесѣдамъ съ ними онъ отдавалъ все свое свободное время и всѣ свои средства; онъ построилъ нѣсколько домовъ прирѣвья бѣдныхъ, больницъ и другихъ богоугодныхъ заведеній. При немъ особенно развился институтъ діакониссъ, назначеніе которыхъ было не только помогать крещаемымъ женщинамъ, но и оказывать самую широкую благотворительность. Святая Церковь съ благодарностью вспоминаетъ и будетъ вѣчно вспоминать святыя имена: Сальвины, Ампрукты, Пентадіи и Олимпіады, женщинъ очень богатыхъ и знатныхъ, но ради Бога и ближнихъ оставившихъ все земное, „обнищавшихъ здѣсь на землѣ, чтобы обогатиться въ Царствіи Небесномъ“, по слову самого Златоуста. И бѣдный простой народъ глубоко чтилъ Іоанна Златоуста: храмъ, гдѣ онъ служилъ, всегда былъ полонъ народомъ, который съ жадностью ловилъ каждое его слово; онъ жизнь свою готовъ былъ бы отдать за своего любимого учителя. Поистинѣ, подобно ап. Павлу къ галатамъ. Іоаннъ Златоустъ могъ бы сказать константинопольцамъ: „вы готовы были бы вынуть свои очи и отдать ихъ мнѣ“ (Гал. 4, 15), такъ вы меня любили! Тѣмъ не менѣе, все-

таки злоба дѣлала свое дѣло, и должно было наступить время столкновенія Іоанна Златоуста съ императорскимъ дворомъ. Для этого нуженъ былъ только поводъ, и онъ открылся въ дѣлѣ внуха Евтропія.

Властолюбивый временщикъ, нѣкогда привезшій въ Константинополь Іоанна Златоуста и сначала съ нимъ дружившій, затѣмъ, сдѣлавшись однимъ изъ его яростныхъ враговъ и гонителей, постепенно сталъ такъ забываться, что позволилъ себѣ дерзко обращаться даже съ самой императрицей. Та долго переносила всѣ эти оскорбленія, но, наконецъ, сильно оскорбленная имъ, бросилась къ императору, захвативъ съ собою обѣихъ дочерей. Упавъ предъ императоромъ на колѣни, она воскликнула: „Твоя ли я жена или нѣтъ?—Императрица я или раба?—Твои ли это дѣти, и неужели ихъ мать для тебя ничего не значить?“—„Въ чемъ дѣло?“—спросилъ императоръ. „Меня оскорбилъ Евтропій, сказала Евдоксія: онъ угрожаетъ низвергнуть меня, когда только захочетъ этого. Скажи, кто же императоръ: ты, или онъ?“ Императоръ Аркадіѣ, который давно тяготился зависимостью отъ Евтропія, приказалъ немедленно его арестовать. Евтропій въ страшномъ отчаяніи, не зная, куда ему дѣваться, бросился въ храмъ св. Софіи, ища тамъ убѣжища, а между тѣмъ еще такъ недавно настоялъ онъ на томъ, чтобы императоръ отмѣнилъ право убѣжищъ преслѣдуемымъ, которыми пользовались христіанскіе храмы, противъ чего, въ свое время, горячо возсталъ Іоаннъ Златоустъ. Здѣсь, въ этомъ храмѣ, ползая въ ногахъ Святителя, этотъ гордый человѣкъ просилъ Іоаннова милосердія и заступничества предъ императоромъ. Іоаннъ обѣщалъ ему и исполнилъ свое обѣщаніе. Воинамъ, которые ворвались въ храмъ, ища Евтропія, онъ рѣшительно заявилъ, что они только чрезъ его трупъ и священнослужителей пройдутъ къ Евтропію, а затѣмъ въ первый праздничный день совершилъ въ храмѣ св. Софіи литургію, на которой присутствовали императоръ, императрица, весь дворъ и множество народа. Когда всѣ со-

брались, Иоаннъ взошелъ на кафедру для проповѣди, отдернулъ завѣсу, отдѣлявшую престолъ отъ народа; предъ взоромъ всѣхъ предсталъ несчастный Евтропій.

Этотъ, еще такъ недавно гордый временщикъ, предъ которымъ трепетали цѣлыя сотни тысячъ народу, повинаясь каждому его слову, въ грязной, изорванной одеждѣ, съ лицомъ блѣднымъ, искаженнымъ ужасомъ, стоялъ на колѣняхъ, судорожно обхвативъ одну изъ колоннъ престола, трепетно слушая вдохновенное слово Иоанна: „Суета суетъ и все суета. Всегда истинно это изреченіе, еще болѣе теперь. Гдѣ теперь блескъ, гдѣ убранства, гдѣ рабочіе крики народа? Все прошло, буря ринулась на дерево, вырвала его съ корнемъ и повергла на землю. Гдѣ ложные друзья? Столы, уставленные яствами, чаши, наполненныя винами? Все исчезло, какъ сонъ. Запишите же на вашихъ стѣнахъ, на вашихъ одеждахъ, на окнахъ домовъ вашихъ, въ совѣсти вашей запишите и повторяйте это: суета суетъ и все суета“. И обратившись къ Евтропію, Иоаннъ продолжалъ: „Развѣ я не говорилъ тебѣ, что богатство улетаетъ, а ты не хотѣлъ слушать меня. Развѣ не говорилъ, что слава—дымъ, какъ и увѣренія фальшивыхъ друзей? Я сдѣлался твоимъ врагомъ, потому что говорилъ тебѣ правду; но я былъ болѣе твоимъ вѣрнымъ другомъ, чѣмъ тѣ, кто тебѣ льстили. Они ушли къ твоимъ врагамъ, а я одинъ поддерживаю тебя. Ты оскорбилъ Церковь, а Церковь открыла тебѣ свои объятія“. И, снова обратившись къ народу, онъ продолжалъ: „Не думайте, что я хочу оскорбить павшаго человѣка. Я нахожусь здѣсь не для того, чтобы усиливать страданія раненаго, но чтобы сохранить здоровье тѣмъ, которые еще не ранены. Посмотрите на святой престолъ: онъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями, но богатѣйшее его украшеніе не золото и не камни, а этотъ несчастный бѣглець, который припалъ къ подножію престола. Приступите же, и совершимъ теперь святое таинство; затѣмъ вмѣстѣ обратимся къ императору и попросимъ его мило-

сердія и прощенія Евтропію. Повергнемъ къ его стопамъ золотыя колосья жатвы нашего состраданія“.

Евтропій былъ прощенъ, но отношенія къ Евдоксіи окончательно испортились. Мрачныя тучи надвинулись на Іоанна Златоуста. Должна была разразиться надъ нимъ гроза, и она разразилась. Въ числѣ лютыхъ враговъ Іоанна Златоуста былъ александрійскій патріархъ Теофилъ, который давно мечталъ низложить и занять его мѣсто. Нуженъ былъ только поводъ, и онъ нашелся.

Это было—принятіе Златоустомъ четырехъ монаховъ изъ александрійскаго патріархата. Монахи эти, извѣстные за свой длинный ростъ, подъ названіемъ „Долгіе братья“—были выгнаны безъ всякаго основанія, обвинены Теофиломъ въ ереси и бѣжали въ Константинополь, ища покровительства патріархата. Они были приняты съ состраданіемъ и любовью Златоустомъ въ общеніе, и это дало поводъ Теофилу самого Златоуста обвинить въ ереси. И вотъ онъ собираетъ соборъ изъ 23 епископовъ въ Дубѣ,—предмѣстьѣ Халкидона. На этомъ соборѣ обвиняють Златоуста въ 29 пунктахъ совершенно ложно и заочно низлагають. Этотъ протоколъ собора былъ утвержденъ императоромъ Аркадіемъ. Когда объ этомъ узналъ народъ, то онъ пришелъ въ крайнее негодованіе. Громадныя толпы окружили архіепископскій домъ; настроеніе дѣлалось все болѣе и болѣе раздраженнымъ.—Кто-то пустилъ среди народа зловѣщее извѣстіе о томъ, что Златоусту угрожаетъ уже не ссылка, а смерть.. что-де только не знаютъ, что выбрать для казни:—топоръ или мечъ!

Крики:...—требуемъ вселенскаго Собора, воли женщинъ, плачь дѣтей,—все сливалось въ страшный гулъ. И среди этого смятенія оставался спокойнымъ только одинъ Златоустъ. А почему?—это онъ выразилъ въ своей прощальной рѣчи. Онъ собралъ вокругъ себя свою паству и такъ говорилъ:—„Братія, ужасная буря застигла насъ, и волны поражаютъ насъ съ небывалой силою; но мы не боимся потопленія, потому что опираемся на скалу. Сколько бы

ни свирѣствовало море, скала эта не потрясется. Сколько бы ни вздувались и ни хлестали волны, корабль Христовъ не погибнетъ. Чего же страшиться мнѣ? спрашиваю васъ. Смерти? Но я скажу съ Апостоломъ: „жизнь моя Христосъ, и смерть мое стяжаніе“. Изгнанія? Но земля принадлежитъ Господу и со всѣмъ, что она содержитъ. Лишенія имущества? Я ничего не принесъ въ этотъ міръ и ничего не унесу изъ него съ собою. Все, что можетъ заставить человѣка трепетать, я презираю. Смѣюсь надъ богатствомъ, смѣюсь надъ почестями, которыхъ другіе такъ жаждутъ. Богатство для меня не болѣе, какъ нищета, и если я желаю жить, то только для того, чтобы быть съ вами, трудиться надъ вашимъ душевнымъ совершенстваніемъ. О, они совсѣмъ не знаютъ насъ! Христосъ со мною! Чего я утрашусь? Его Евангеліе въ рукахъ моихъ—посохъ, на который я опираюсь. Вотъ, гдѣ мое прибѣжище, вотъ мирная пристань души моей. Иродіада также здѣсь; Иродіада все еще пляшетъ, требуя головы Іоанна, и ей отдадутъ голову Іоанна, потому что она пляшетъ“.

На другой день послѣ этого явился къ Іоанну императорскій чиновникъ и потребовалъ, чтобы Іоаннъ немедленно оставилъ городъ. „Корабль готовъ, чтобы отвезти тебя въ ссылку, и если ты не уйдешь добровольно, то ты будешь увезенъ силою“. И вотъ, исполняя это приказаніе, Іоаннъ ночью, тайно, весь закутанный плащомъ, чтобы народъ его не видалъ, вышелъ изъ своего дома и сѣлъ на корабль, который и отвезъ его на мѣсто его ссылки въ Пренеть. Когда на другой день народъ узналъ, что Іоаннъ тайно увезенъ изъ Константинополя, поднялось уже настоящее возмущеніе: какъ разъяренное море, волновался народъ, и вездѣ кричали о несправедномъ судѣ надъ нимъ. Патриархъ Теофилъ тайно бѣжалъ изъ города: иначе онъ былъ бы побитъ камнями. Увидавъ его домъ пустымъ, народъ громадными толпами повалилъ къ императорскому дворцу и съ криками, воплями и рыданіями взывалъ:—

„возврати намъ святителя Іоанна!“ Дрогнуло сердце Евдоксіи, и она начала раскаиваться въ совершенномъ! Въ это время вдругъ произошло страшное землетрясеніе: почва стала колебаться все сильнѣе и сильнѣе, подземные толчки все увеличивались, дома стали рушиться, стѣны падать. Смятеніе распространилось по всему городу, рыданіе и стоны несчастныхъ пострадавшихъ все усиливались, наконецъ, дрогнули стѣны самого дворца. Еще минута, еще секунда...—и дворець былъ бы разрушенъ. Тогда испуганная Евдоксія, накинувъ кое-какъ на себя одежду, бросилась къ императору, восклицая:—„это гнѣвъ Божій,..—это за нашъ грѣхъ,.. о, возврати скорѣй Іоанна!“—Императоръ, въ глубинахъ души своей не переставшій почитать Іоанпа, какъ человѣка Божія, немедленно отправилъ посла къ Іоанну съ письмомъ, въ которомъ императрица умоляла его немедленно вернуться въ Константинополь. И святитель Божій, забывъ о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ и помня только любовь къ нему народа, возвратился снова къ своей паствѣ; въ это время землетрясеніе уже прекратилось.

Наступила ночь. Несмѣтныя толпы народа собрались на берегъ пролива, чтобы встрѣтить своего возлюбленнаго Святителя. Съ факелами въ рукахъ сопровождали они вернувагося Іоанна; шествіе приняло видъ огненной рѣки. Впереди всѣхъ шла сама императрица; народъ пѣлъ хвалебные гимны, многіе плакали слезами свѣтлой радости. Придя въ храмъ, Іоаннъ всталъ на каеэдру, а народъ весь опустился передъ нимъ на колѣни. Со слезами благословилъ его Святитель, такъ говоря:—„Благословенъ Богъ, удалившій меня! Благословенъ Онъ, возвратившій меня! Благословенъ Богъ, попустившій на меня бурю! Благословенъ Онъ, удалившій ее!“ Черезъ нѣсколько времени соборъ изъ 60-ти епископовъ, собравшихся въ Константинополь, отмѣнилъ рѣшеніе Дубскаго собора. Велика была радость народа, велико было торжество правды Божіей въ лицѣ Іоанпа!— Но, — увь! — оно было

непродолжительно. Прошло немного времени, и Іоаннъ былъ окончательно свергнутъ съ престола и уже до конца дней своихъ не видалъ болѣе своей паствы:—онъ умеръ бѣднымъ изгнанникомъ.

Поводомъ къ окончательному изгнанію Іоанна Златоуста послужила его обличительная рѣчь противъ Евдоксіи за то, что та воздвигла себѣ статуя прямо за храмомъ и устроила по этому поводу торжественныя празднества, заглушавшія даже богослуженіе. Іоаннъ Златоустъ со свойственнымъ ему пыломъ обрушился на честолюбіе императрицы. Былъ созванъ новый соборъ, и такъ какъ онъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію, то императоръ собственною властью велѣлъ лишить Іоанна Златоуста архіепископскаго престола и изгнать его изъ города, а на его мѣсто избрать другого.

Была великая суббота: по обычаю того времени, въ этотъ день многіе готовились ко св. крещенію. Храмъ былъ полонъ народа. Женщины и дѣти въ бѣлыхъ одеждахъ готовились къ таинству крещенія и св. муропомазанія. Діакониссы приготавливали все необходимое для совершенія этихъ таинствъ. Благоговѣнно молился священникъ, благоговѣнно раздавались въ воздухъ церковныя пѣснопѣнія. Вдругъ ворвался отрядъ солдатъ, ища Златоуста. Крикъ... шумъ... [вопли... стоны раненыхъ—смѣняли благоговѣнную тишину; ища Златоуста, они опрокинули священное вино Евхаристіи... вода въ крещальняхъ смѣшалась съ кровью избиваемыхъ... Наконецъ Златоустъ былъ схваченъ и, несмотря на сопротивленіе толпы, былъ увлеченъ изъ храма.

Мрачно и уныло была встрѣчена тогда Пасха Константинопольскими христіанами.

Черезъ нѣсколько времени Іоаннъ былъ отправленъ въ ссылку подъ строгимъ конвоемъ солдатъ. Въ самый моментъ его удаленія сдѣлалась страшная гроза.. молнія ушала въ куполь Софійскаго храма..., произошелъ страшный пожаръ. Вѣтеръ раздувалъ его: онъ превратился въ

огненное пылающее море, которое захватило весь городъ и едва не достигло императорскаго дворца.

Конечно, враги Златоуста сейчасъ же обвинили друзей его въ поджогъ;—это еще болѣе ухудшило его участь. Воинамъ приказано было обращаться съ плѣннымъ, какъ можно хуже, и они, дѣйствительно, съ беспощадной жестокостію мучили его. Больной изнурительной лихорадкой, издавна страдавшій тяжелыми желудочными болями, хилый и слабый отъ природы и еще болѣе изнуренный отъ подвижнической жизни и тяжелыхъ трудовъ, онъ страдалъ невообразимо.

Палилъ южный зной; Іоанна Златоуста влекли подъ палящими лучами солнца, отчего невыразимо онъ страдалъ, ибо его голова была лишена волосъ. Дулъ пронзительный, леденящій вѣтеръ, шелъ дождь, а воины снова влекли его, трясущагося отъ изнурительной лихорадки. Наконецъ, то обожженный солнцемъ, то оледенѣлый отъ стужи, онъ падалъ на землю въ изнеможеніи, и лишь уста его беззвучно шептали молитву:—„слава Богу за все!“, а у своихъ мучителей онъ просилъ только хотя немного состраданья, немного отдыха, но получалъ отказъ.—И они снова влекли его впередъ.

Сначала ему было назначено пребыванье въ небольшомъ городкѣ Кукузѣ, но когда тамъ поселился, онъ сдѣлался центромъ церковной жизни своего времени:—къ нему стало стекаться множество богомольцевъ, откуда стали онъ разсылать свои граматы, утѣшая, назидая и сбудряя свою паству.—Это встревожило его враговъ:—„этотъ мертвецъ становится опаснымъ!—Вся Аптіохія теперь въ Кукузахъ...! И было дано распоряженіе перевести его еще дальше, въ полуразрушенный Писіунтъ. Но во время путешествія силы окончательно оставили Златоуста, и ему было разрѣшено остановиться въ домѣ священника при церкви св. мученика Василиска. Ночью, во снѣ, ему явился св. мученикъ и сказалъ:—„Не унывай, братъ Іоаннъ!—мужайся,—завтра мы будемъ съ тобою предъ лицомъ

любвеобильнаго Бога!“ На другой день Іоаннъ просилъ одѣчь его въ чистыя одежды, приобщить Св. Таинъ. Долго и усердно онъ молился. Конечно, подобно своему Учителю и Господу, онъ молился и за своихъ мучителей:—„Отче, отпусти имъ, ибо они не вѣдаютъ, что дѣлаютъ!“

Наконецъ, со словами:—„Слава Богу за все,“—онъ предалъ свою душу Богу.

Прошло 30 лѣтъ; императоромъ въ то время былъ Θεодосій II-й. Народъ, не забывши своего благодѣтеля и учителя, потребовалъ останки Іоанна Златоуста:—„мы требуемъ, чтобы намъ возвратили тѣло отца нашего!“ Враги Златоуста всѣ въ это время уже кончили дни свои, многіе изъ нихъ,—какъ бы въ наказаніе Божіе, въ страшныхъ мученіяхъ.

Самъ императоръ чувствовалъ вину своихъ родителей предъ Златоустомъ и рѣшилъ, какъ можно торжественнѣе, перенести въ Константинополь гробъ съ мощами Святого. И вотъ императоръ, все духовенство, цѣлыя тысячи народа вышли навстрѣчу къ нѣкогда поруганному и выгнанному, какъ преступникъ, изъ города святителю Іоанну. Народъ плакалъ отъ радости. Императоръ Θεодосій снялъ всѣ знаки своего царскаго достоинства и, склонившись предъ святой гробницей, вслухъ всѣхъ съ рыданіями просилъ простить все то зло, которое ему причинили отецъ и мать. А патріархъ Прокль вмѣстѣ съ народомъ воскликнулъ:—„Святитель Божій!—займи опять твой прежній престолъ“.

Преданіе говоритъ, что изъ гроба въ это время послышался голосъ Златоуста:— „миръ вамъ!“ Таково было торжество правды Божіей! Назидательна жизнь святителя! Монстивъ она свѣтитъ яркимъ свѣтомъ христіанской вѣры и любви среди окружающаго насъ мрака. Онъ всего себя отдалъ Богу, онъ стремился лишь къ вѣчной жизни за гробомъ, и вотъ почему среди всевозможныхъ униженій и страданій, которыя бы подавили и привели въ отчаяніе

малодушнаго человѣка, онъ благодарилъ Бога: „Слава Богу за все! и за радости, и за горе!“

Такъ молился онъ, когда жилъ беззаботнымъ отрокомъ въ домѣ своей пѣжно-любящей его матери; такъ взывалъ онъ къ Богу въ пустынной кельѣ среди невѣроятныхъ подвиговъ подвижничества; такъ молился онъ на высотѣ архіепископскаго престола и ту же молитву неоднократно повторялъ онъ въ ссылкѣ, въ изгнаніи, среди безчеловѣчныхъ истязаній, терзаемый голодомъ, жаждой, болѣзнями, влачимый подъ палящимъ солнцемъ. „Слава Богу за все!“—были его и послѣдними словами здѣсь, на землѣ. О, если бы и намъ, въ нашей жизни, всегда слѣдовать примѣру св. Іоанна! Да поможетъ онъ намъ самъ въ этомъ своими молитвами предъ престоломъ Божиимъ!

Дорогіе братіе и сестры! вспоминая сегодня друга бѣдныхъ, великаго страдальца—Іоанна Злагоуста, я невольно переношусь воображеніемъ изъ нашего шумнаго столичнаго города, изъ этой ярко-освѣщенной залы туда, далеко, въ бѣдную деревушку—и видится мнѣ полуразрушенная изба, и въ ней голодные люди—наши братья о Господѣ!... Видится мнѣ малютка, одѣтый въ грязныя лохмотья; онъ протягиваетъ свои исхудалыя руки къ своей матери и жалобно просить у нея хотя кусочекъ хлѣба для утоленія голода. А за нимъ, за этимъ страдающимъ ребенкомъ, протягиваетъ къ намъ руки Святитель Іоаннъ Злагоустъ и взываетъ:—„вы пресыщены, а несчастное дитя голодно; вы имѣете всего въ достаткѣ, или изобиліи, а здѣсь ваши братья, или, вѣрнѣе, Самъ Христосъ, во образѣ меньшихъ братьевъ, всего лишены: и алчеть и жаждеть, и наготуетъ!

Пожалѣйте же ихъ, и отрите ихъ слезы; помните, кто дѣлаетъ для бѣдныхъ и нищихъ,—дѣлаетъ для Самого Христа Спасителя! Благо же всѣмъ тѣмъ, кто помнитъ завѣтъ Христа и приходитъ на помощь голоднымъ и сирымъ! Благо и вамъ, что вы принесли имъ свою лепту!

Благословеніе Святителя Іоанна Златоуста да будетъ съ вами во вѣки. Аминь.

Епископъ Трифонъ.

Настоящее чтеніе Преосвященнаго Трифона, бывшее въ прошедшемъ году въ Московскомъ Епархіальномъ домѣ, предложено было имъ въ пользу голодающихъ и дало на это святое дѣло милосердія нѣсколько сотъ рублей.

Въ настоящіе дни тамъ—на Балканахъ льется христіанская кровь нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови въ отчаянной борьбѣ съ турками за свободу и благоденствіе страждущихъ отъ турецкаго засилья единоплеменниковъ. Вмѣстѣ съ потоками крови убитыхъ и раненыхъ льются слезы ихъ осиротѣлыхъ и обездоленныхъ семействъ; нужда въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ крайняя, и многіе добрые русскіе люди давно уже отзываются на эту нужду своими посильными пожертвованіями.

Съ благословенія Преосвященнаго автора предлагая трудъ его читателямъ „Душеполезнаго Чтенія“ и именно въ настоящіе дни,—дни горя и нужды нашихъ славянскихъ братьевъ, мы имѣемъ въ виду словомъ и примѣромъ святительскимъ воздѣйствовать на сердобольныя сердца читателей въ пользу славянъ. Да почиетъ на предлагаемомъ чтеніи Преосвященнаго Трифона и нынѣ такое же благословеніе Божіе, какое было на немъ и при произнесеніи его Владыкою въ прошедшемъ году!

Посредничество въ передачѣ пожертвованій по назначенію принимаетъ на себя Московскій Славянскій комитетъ.

Редакторъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ
„О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“
ӨОМЫ КЕМПІЙСКАГО *).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

Съ какимъ благоговѣніемъ должно принимать Христа.

Все, что только представлялъ самаго высокаго, самаго величественнаго, самаго святаго ветхозавѣтнѣй культъ, было лишь слабою тѣнью таинствъ, установленныхъ Бого-человѣкомъ. Давидъ торжественно празднуетъ возвраще-ніе Ковчега завѣта въ Іерусалимъ, но Ковчегъ этотъ не вмѣщаль въ себѣ Спасителя рода человѣческаго. Соломонъ построилъ великолѣпный храмъ; онъ торжественно освящаетъ его въ присутствіи народа, охваченнаго чув-ствами благоговѣнія; закалываются безчисленныя жертвы, но что это за жертвы? это—животныя, кровь которыхъ не можетъ быть умилостивленіемъ правды Божіей... Міръ томился въ чаяніи возвѣщеннаго спасенія, какъ вотъ въ предсказанное время исполняются обѣтованія, издали ви-дѣнныя и привѣтствованныя патріархами во время ихъ земного странствованія ¹⁾. „Желаемый всѣми народами“ ²⁾, „Господь и Ангель завѣта“ ³⁾, „Отрасль праведная и Царь

*) Продолженіе См. № 10 „Душ. Чт.“

¹⁾ Евр. XI, 13.

²⁾ Аггея II, 7.

³⁾ Малах. III, 1,

мудрый“ ⁴⁾ „приходить въ храмъ Свой“ ⁵⁾, и дѣйствительная Жертва очищенія замѣняетъ Собою навсегда жертвы прообразовательныя. Въ глубинѣ Кивота, подъ завѣсой святилища, почиваютъ теперь и животворящія тайны, „Агнецъ Божій, взявлющій грѣхъ міра“ ⁶⁾. Тотъ же, Кто возсѣдаетъ одесную Отца ⁷⁾, присутствуетъ и здѣсь видимымъ образомъ, и гласъ Его взываетъ къ намъ: „Пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое... Пійте: сія есть Кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ“ ⁸⁾. „Въште, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные“ ⁹⁾. „Жаждущіе, идите всѣ къ водамъ“, „текущимъ въ жизнь вѣчную“ ¹⁰⁾. А на тѣхъ, кто, отказываясь утолить жажду изъ сего чистаго Источника, уходитъ поискать на сторонѣ „воды краденныя“ ¹¹⁾, „навелъ Господь духъ усыпленія и сомкнулъ глаза ихъ... И какъ голодному снится, будто онъ ѣсть, но пробуждается, и душа его тоща; и какъ жаждущему снится, будто онъ пьетъ, но пробуждается, и вотъ онъ томится, и душа его жаждетъ, то же будетъ и съ ними“ ¹²⁾. Итакъ, пріидите ко Мнѣ: „Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать вовѣки“ ¹³⁾. „Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ“ ¹⁴⁾. Такъ, Господи; я вѣрую, и душа моя устремляется къ Тебѣ пламеннымъ желаніемъ, но вотъ внезапно останавливаетъ ее великій страхъ, ибо, увы! что я—такое, чтобы мнѣ осмѣлиться приблизиться къ Богу моему? Когда посмотрю я на сквер-

⁴⁾ Перифразъ Іерем. XXIII, 5.

⁵⁾ Малах. III, 1.

⁶⁾ Іоан. I, 29.

⁷⁾ Псал. CIX, 1. Евр. I, 3.

⁸⁾ Матѣ. XXVI, 26—28.

⁹⁾ Пѣснь пѣсней V, 1.

¹⁰⁾ Исаія LV, 1. Іоан. IV, 14.

¹¹⁾ Притч. IX, 17.

¹²⁾ Исая XXIX, 10, 8.

¹³⁾ Іоан. VI, 35.

¹⁴⁾ Тамъ же 56.

поту свою, на то, какъ низко палъ я, каковы мои немощи. мною овладѣваетъ одно только чувство, я могу одно только сказать: „Выйди отъ меня, Господи, потому что я—человѣкъ грѣшный“¹⁵⁾. Однако, „Ты пришелъ, Боже, призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ“¹⁶⁾; а потому, бѣя въ перси свои и моля Твое милосердіе, „встану я и пойду“¹⁷⁾, пойду съ живою вѣрою, съ пламенною любовью къ „Сыну“, къ „Слову“, къ „Сіянію славы Божіей и образу вѣпостаси Его“, къ божественному Спасителю, „совершающему очищеніе грѣховъ нашихъ“¹⁸⁾, воплотившемуся для того, чтобы возвысить до Себя Свое созданіе; пойду и скажу: „Господи! Я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровь мой; но скажи только слово, и исцѣлится душа моя“¹⁹⁾. Аминь.

Глава вторая.

О великой любви и благодати Божіей, являемой человѣку въ таинствѣ.

Св. Апостоль Іоаннъ, восхищенный духомъ въ небесный Іерусалимъ, видѣлъ среди престола Божія какъ бы закланнаго Агнца и вокругъ него семь духовъ, посылаемыхъ Богомъ во всю землю, и двадцать четырехъ старцевъ; старцы эти пали предъ Агнцемъ, имѣя каждый гусли и золотыя чаши, полныя ѳиміама, которыя суть молитвы Святыхъ, и они пѣли новую пѣснь во хвалу Того, Кто былъ закланъ и искупилъ насъ Богу—изъ всякаго колѣна и языка, и народа, и племени; и тьмы темъ Ангеловъ громко возглашали: достоинъ Агнецъ закланный принять силу и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе! И всякое созданіе, находящееся на небѣ и на землѣ, и подъ землею и

¹⁵⁾ Лук. V, 8.

¹⁶⁾ Матѣ. IX, 13.

¹⁷⁾ Лук. XV, 18.

¹⁸⁾ Евр. I, 2, 3.

¹⁹⁾ Матѣ. VIII, 8.

на морѣ, и все, что въ нихъ, говорило: Сидящему на престолѣ и Агнцу благословеніе и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ ²⁰⁾. А вотъ другое зрѣлище: Тотъ же Агнецъ, Коему на вѣчномъ престолѣ воздають благоговѣйную хвалу Ангелы и Святые и Коего окружаетъ вся слава небесная, приходитъ къ намъ, исполненный кротости и смиренія; и будучи сокрытымъ подъ видомъ вина и хлѣба, преподается немощному своему созданію, чтобы освятить нашу душу, чтобы укрѣпить какъ ее, такъ и тѣло наше существеннымъ единеніемъ Своей пречистой плоти съ нашею, Своей крови съ нашею кровью, воплощаясь, если можно такъ сказать, вновь въ каждомъ изъ насъ и совершая непостижимымъ образомъ чрезъ свое прискреннее съ нами общеніе великую крестную жертву. О, Иисусе, Сыне Бога живаго, какъ чудны пути Твои, и кто изъяснить сокровенную ихъ тайну? Если я вознесусь духомъ до небесъ, я зрю Тебя тамъ на лонѣ Огчемъ, сіяющимъ во всей своей божественной славѣ. Если снизойду я на землю, я зрю Тебя входящимъ въ человѣка, грѣшнаго, жалкаго, немощнаго. И какъ бы не довольствуюсь тѣмъ, чтобы прійти къ падшему созданію Своему, когда оно стремится къ Тебѣ и призываетъ Тебя, Ты Самъ—Высочайшая любовь—призываешь его первый, призываешь его настойчиво, вопликая: „Придите ко Мнѣ, труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ ²¹⁾. Придите. „Очень желалъ бы Я есть съ вами сію пасху“ ²²⁾. О, Господи, какъ безмѣрно милосердіе Твое! Помяни, Боже, кто еси Ты или, лучше сказать, даѣ мнѣ никогда не забывать о томъ, кто—Ты, чтобы я приближался къ Тебѣ, какъ дѣлають это сами Ангелы, со страхомъ и благоговѣніемъ, съ полнымъ сознаніемъ своего недостоинства и Твоей безграничной милости,—чтобы я приближался къ Тебѣ,

²⁰⁾ Апокалипсисъ глава V.

²¹⁾ Матѣ. XI, 28.

²²⁾ Лук. XXII, 15.

свѣченный такую же нестоимую, безпредѣльною и вѣчною къ Тебѣ любовью, какая побуждаетъ Тебя снисходить къ человѣку. Аминь.

Глава третья.

О пользѣ частаго пріобщенія.

Насколько, съ одной стороны, требуется тщательное испытаніе своей совѣсти, прежде чѣмъ приступить къ св. таинству причащенія ²³⁾, настолько, съ другой стороны, нужно оберегать себя отъ излишней осмотрительности, дабы не уклоняться отъ трапезы Господней вслѣдствіе ложнаго благоговѣнія и чрезмѣрнаго страха. Конечно, что бы мы ни дѣлали, мы всегда будемъ безконечно недостойными приступить ко св. чашѣ: никто не чистъ, никто не святъ предъ Тѣмъ, Кто—сама святость. Но когда Спаситель говоритъ намъ: „Приидите“, Онъ знаетъ нашу немощь и именно для исцѣленія ея побуждаетъ насъ прійти къ Нему. Приступимъ же, не подобно лицемѣрному фарисею, „благодаря Бога, что мы не таковы, какъ прочіе люди“ ²⁴⁾: Богъ отстраняется отъ людей гордыхъ, утаивающихъ отъ собственной совѣсти сокрытыя свои язвы. Приступимъ къ Іисусу, какъ смиренный мытарь, „не смѣя даже поднять глазь на небо, но ударяя себя въ грудь и говоря: Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!“ ²⁵⁾. Безъ сомнѣнія, необходимо приготовиться къ причащенію тѣла и крови Христовыхъ покаяніемъ, духовною сосредоточенностью и молитвою: но искренне и отъ всей души расположившись къ принятію св. таинъ, мы нанесли бы оскорбленіе Иисусителю, уклоняясь отъ Его трапезы; это значило бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишить себя вольно самыхъ драгоценныхъ, самыхъ святыхъ даровъ; это значило бы отказаться отъ жизни, ибо „если не будемъ ѣсть Плоти Сына Чело-

²³⁾ 1 Кор. XI, 28.

²⁴⁾ Лук XVIII, 11.

²⁵⁾ Лук. XVIII, 13.

вѣческаго и пить Крови Его, то не будемъ имѣть въ себѣ жизни“²⁶⁾. Мы должны всегда имѣть алчбу къ воспріятію „хлѣба, сходящаго съ небесъ“²⁷⁾; мы должны постоянно просить о дарованіи его намъ, постоянно питаться имъ для уничтоженія въ себѣ смертнаго начала, живущаго въ насъ со времени грѣхопаденія. „Господи! подавай намъ всегда такой хлѣбъ“²⁸⁾: такъ говорили Іудеи, и они выразили словами своими желаніе всякаго человѣка разумнаго, ибо всѣ люди желаютъ жить вѣчно, желаютъ ни въ чемъ не нуждаться, однимъ словомъ, — желаютъ быть счастливыми. Объ этомъ помышляла и самарянка, когда на слова Іисусовы: „Кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждаť вѣвѣкъ“, тотчасъ же отвѣтила: „Господинь! дай мнѣ этой воды, чтобы мнѣ не имѣть жажды и не приходиться черпать изъ колодезя“²⁹⁾, такого глубокаго и—съ такимъ трудомъ. Повторяемъ, что человѣкъ желаетъ благоденствовать, ни въ чемъ не нуждаться, не алкать, не жаждаť, не изнурять себя трудами. Но въ выборѣ средствъ къ сему онъ заблуждается: онъ ищетъ чувственныхъ удовольствій, онъ желаетъ отличатся, жаждетъ мірскихъ почестей. Чтобы достигнуть того и другаго, онъ ищетъ богатствъ, но жажда его не утоляется, она все и все еще ищетъ удовлетворенія и никогда не говоритъ: „довольно уже“, но хочетъ большаго и большаго. Человѣкъ любознателенъ; онъ жаждетъ истины, но не знаетъ, въ чемъ она, гдѣ отыскать ее; онъ собираетъ, что можетъ, и здѣсь, и тамъ; и хорошими, и дурными способами; но отличаясь при любопытствѣ своемъ и легмысліемъ, онъ поддается обману всѣхъ тѣхъ, кто обѣщаетъ ему открыть отыскиваемую имъ истину. Хотите ли никогда не алкать и не жаждаť? приидите къ Сыну Человѣческому, преподающему хлѣбъ „негиблющій“: въ немъ

²⁶⁾ Іоан. VI, 54.

²⁷⁾ Тамъ же 33.

²⁸⁾ Тамъ же 34.

²⁹⁾ Іоан. IV, 10, 15.

и истина, и жизнь, потому что это—тѣло и кровь не сына Іосифова, какъ говорили Іудеи, а Сына Божія.

„О, Господи! подавай намъ всегда хлѣбъ сей!“ Кто не пожелаетъ напитаться имъ?! Кто не пожелаетъ приступить къ трапезѣ Твоей?! Кто, когда бы то ни было, могъ бы покинуть ее?! Подавай намъ всегда, Господи, хлѣбъ сей! Аминь.

Глава четвертая.

О многихъ благахъ, происходящихъ отъ благоговѣйнаго приобщенія.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, прежде чѣмъ разлучиться съ учениками Своими, обѣщаль имъ ниспослать Духа Утѣшителя ³⁰⁾, и это—божественный сей Духъ—дается намъ во св. таинствахъ новаго завѣта. Будучи по существу Своему любовью, какъ Отецъ и Сынъ, „Онъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ, ибо мы не знаемъ,

чемъ молиться, какъ должно, но Самъ Онъ (Духъ) ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными. Испытующій же сердца знаетъ, какая мысль у Духа, потому что Онъ ходатайствуетъ за святыхъ, по волѣ Божіей“ ³¹⁾. Невидимымъ дѣйствіемъ, столь же благотворнымъ, какъ и могущественнымъ, Онъ свободно склоняетъ нашу волю къ добру, Онъ очищаетъ ее и возноситъ къ Богу; Онъ—наша сила, подобно тому какъ Слово—свѣтъ нашъ. Итакъ, когда мы имѣемъ въ себѣ Сына, мы обладаемъ Самимъ Словомъ и дѣлаемъ причастными всѣмъ дарамъ, которые Слово (Логосъ) и Духъ распространяютъ непрерывно на человѣческую ипостась Спасителя, ставшаго съ людьми едино чрезъ причащеніе нами Его Кровью и Его тѣломъ, чрезъ общеніе съ Его Душою и Его Божествомъ, которыя—неразрывны, неотдѣлимы. „Въ Немъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія... въ Немъ обитаетъ

³⁰⁾ Іоан. XIV, 26.

³¹⁾ Римл. VIII, 26—27.

вся полнота Божества тѣлесно“³²⁾. И эти небесныя Свои сокровища открываетъ Онъ намъ въ таинствѣ еucharistіи: Онъ одѣляетъ насъ ими, соотвѣтственно съ нашими нуждами, между тѣмъ какъ освящающій насъ Духъ воспламеняетъ насъ божественнымъ Своимъ огнемъ, уничтожающимъ слѣды грѣха, подающимъ человѣку какъ бы предвкушеніе небеснаго блаженства и предуготовляющимъ насъ вполне имъ насладиться, когда достигнемъ мы блаженной кончины земныхъ нашихъ испытаній. Приступите же къ Источнику даровъ небесныхъ, приступите къ алтарю, къ Господу Иисусу! И „къ кому, Господи, намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“³³⁾. Слабыхъ насъ Ты укрѣпляешь, прискорбныхъ насъ Ты утѣшаешь: когда смущены мы поднимающимся и въ насъ, и внѣ насъ волненіями, Ты повелѣваешь вѣтрамъ, и дѣлается великая тишина³⁴⁾. О, Иисусе, „любовь Твоя объемлетъ меня“³⁵⁾, и душа моя изнемогаетъ отъ желанія соединиться съ Тобою. Въ этомъ—всѣ мои стремленія, нѣтъ у меня другихъ; я ищу во всемъ Тебя только, Боже мой! О, когда смогу сказать я: „Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, а я Ему“?³⁶⁾ Когда смогу сказать я: „Уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“³⁷⁾?

Глава пятая.

О свѣтлости таинства и о состояніи священства.

Чтобы понять величіе въ Христіанской Церкви священства, слѣдуетъ рассмотретьъ отличительныя и неизмѣнныя его черты, которыя со времени его происхожденія запечатлѣны божественностью. Во первыхъ, священство—одно: „ибо какъ единъ Богъ, такъ и единъ посредникъ между

³²⁾ Колос. II, 3, 9.

³³⁾ Іоан. VI, 68.

³⁴⁾ Марк. IV, 39.

³⁵⁾ 2 Кор. V, 14.

³⁶⁾ Пѣснь пѣсней II, 16.

³⁷⁾ Гал. II, 20.

Богомъ и человѣками, человѣкъ Христось Иисусъ“ ³⁸⁾, „Посланникъ и Первосвященникъ исповѣданія нашего“ ³⁹⁾, „будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за насъ“ ⁴⁰⁾. Всякій священникъ въ отправленіи своихъ божественныхъ обязанностей представляетъ Христа Иисуса или скорѣе является Самимъ Иисусомъ, Который въ дѣйствительности Самъ совершаетъ то, что изображаютъ дѣйствія и слова Его служителя: Самъ „разрѣшаетъ и вяжетъ“, Самъ раздаетъ дары благодати, Самъ приноситъ Отцу Своему жертву умиловленія, которая тоже—одна, ибо „Христось со Своею Кровью однажды вошелъ въ святилище и приобрѣлъ вѣчное искупленіе“ ⁴¹⁾, „Онъ совершилъ это однажды, принесши въ жертву Себя Самого“ ⁴²⁾. Такимъ образомъ, существуетъ одна только жертва, одно только священство, восходящее къ невидимому „Первосвященнику будущихъ благъ“ ⁴³⁾, хотя мы и видимъ множество священниковъ, совершающихъ непрерывно безкровную жертву во всѣхъ концахъ земли, чтобы распростиралось видимымъ образомъ на всѣ времена до скончанія вѣка дѣйствіе искупительной жертвы. Священство не только одно, но оно и—всемирно, потому что всѣ народы даны въ наслѣдіе Христу ⁴⁴⁾; „отъ востока солнца до запада велико будетъ имя Его между народами, и на всякомъ мѣстѣ будутъ приносить еиміамъ имени Его, чистую жертву“ ⁴⁵⁾. Священство вѣчно, ибо отъ вѣчности Богъ сказалъ Христу: „Ты—Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя: Ты—священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседека“ ⁴⁶⁾. Оно—свято, ибо „таковъ и долженъ быть у насъ Первосвящен-

³⁸⁾ 1 Тим. II, 5.

³⁹⁾ Евр. III, 1.

⁴⁰⁾ Евр. VII, 25.

⁴¹⁾ Евр. IX, 12.

⁴²⁾ Тамъ же VII, 27.

⁴³⁾ Евр. IX, 11.

⁴⁴⁾ Псал. II, 8.

⁴⁵⁾ Малах. I, 11.

⁴⁶⁾ Евр. V, 5, 6; VI, 20.

никъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный до небесъ“⁴⁷⁾; и даже демоны, побѣжденные Тѣмъ, Кто имѣетъ священство непреходящее“⁴⁸⁾, засвидѣтельствовали это, сказавъ: „знаю Тебя, Кто Ты Святой Божій“⁴⁹⁾. О, какъ высоко, какъ величественно достоинство священника, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ оно и страшно! Общникъ власти Первосвященника Иисуса Христа; служитель съ Нимъ и въ Немъ безкровной крестной жертвы, ежедневно приносимой на престолѣ; преподаватель хлѣба жизни, тѣла и крови Искупителя; посланникъ Сына Божія для спасенія міра,—священникъ долженъ всѣми качествами своими соотвѣтствовать высотѣ своего божественнаго призванія, и это ему именно сказано по преимуществу: „Святы будьте, ибо святъ Я Господь Богъ вашъ“.—Какъ же, Господи, я несчастный грѣшникъ, такой беспильный, такой равнодушный, какъ смогу я возвыситься до святости, которую ты отъ меня требуешь?! Одна мысль объ этомъ приводитъ меня въ трепеть, и я потерялъ бы всякую надежду на возможность угодить Тебѣ, если-бы Твое безконечное милосердіе не ободряло меня, если-бы я не слышалъ словъ Твоихъ: „Человѣкамъ это невозможно, Богу же все возможно“ Аминь.

Протоіерей Александръ Смирнополо.

Брюссель.

⁴⁷⁾ Евр. VII, 26.

⁴⁸⁾ Евр. VII, 24.

⁴⁹⁾ Марк I, 24.

Святые дни въ г. Бѣлгородѣ. *)

(Впечатлѣнія очевидца при открытіи мощей святителя Іоасафа).

Втро 4-го сентября. Немного пасмурно. Сѣрня облака ходятъ по небу. Ночью прошелъ дождь и прибилъ пыль, какъ бы приготавлиая дорогу для торжественнаго шествія мощамъ Святителя. Я всталъ очень рано, въ шестомъ часу, и сейчасъ же отправился на вокзалъ узнать про вечерніе поѣзда. На улицахъ вездѣ народъ. Въ городскихъ церквахъ шла ранняя обѣдня. Идутъ группы странниковъ. Въ одной изъ нихъ, состоящей изъ четырехъ женщинъ и одного мужчины, слышалось заунывное пѣніе. По улицамъ и перекресткамъ разставляются конная и пѣшая полиція, натягиваютъ канаты.

На обратномъ пути съ вокзала меня нигдѣ не хотѣли пропустить, несмотря на то, что я показывалъ имъ свой билетъ. „Никого пущать не велѣно“, неслись отовсюду лаконическіе отвѣты: „мы никакихъ билетовъ не знаемъ, намъ не велѣно пущать, и не пустимъ“.

Блуждаю изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ—нигдѣ нѣтъ пропуска. Напрасно указываю на билетъ, какъ безпрепятственный пропускъ въ алтарь: никто изъ жандармовъ и казаковъ и слушать не хотятъ.

За канатомъ, далеко, далеко отъ монастыря, можно сказать чуть не за городомъ, столпились тысячи простого

*) Окончаніе. См. № 10 „Душ. Чт.“

народа. Бѣдные, ихъ даже не подпускали буквально за версту...

Проблуждавъ часа полтора по улицамъ города, я убѣдиль наконецъ солдатъ первой цѣпи пропустить меня. Такія же мытарства терплю у каждой цѣпи и наконецъ кое-какъ добираюсь до монастырской площади. На площади, по линіи каната, стояли длинной лентой хоругви и священнослужители въ облаченіяхъ. Въ такомъ порядкѣ имъ пришлось стоять часа четыре съ лишкомъ и затѣмъ еще идти въ торжественной процессіи.

Здѣсь съ билетами пропускъ безпрятственный. У собора новая преграда. Съ алтарнымъ билетомъ не пускаютъ въ храмъ, а у алтарной двери два городскихъ лаконически отвѣчаютъ: „въ алтарѣ убираются и пока приказали никого не впускать“. Опять только карточка отъ вліятельнаго духовнаго лица открываетъ мнѣ доступъ въ алтарь.

Въ алтарѣ все устлано коврами. На горнемъ мѣстѣ за престоломъ отнята архіерейская кафедра, и на ея мѣстѣ стоятъ покатыя носилки съ возвышеннымъ изголовьемъ. Они покрыты малиновымъ шелковымъ покровомъ, затканымъ золотыми цвѣтами. Вокругъ—сѣдалища для епископовъ. На этихъ носилкахъ должно стоять Святитель во время литургіи какъ бы священнодѣйствующему. Прохожу въ храмъ. Онъ уже полонъ народу. Посреди церкви открытый гробъ съ мощами Святителя. Мощи покрыты роскошными золотыми глазетовыми покровами, видны только немного руки. Діаконы держатъ рипиды надъ св. мощами.

Опять, какъ и за всеобщей, еще до звона собираются въ соборъ всѣ епископы и надѣваютъ полное золоченое облаченіе. Ударили въ колоколы. Царскія врата открылись. Архіепископъ Питиримъ съ клиромъ выходитъ на встрѣчу царской фамиліи. Потомъ пѣвчіе и духовенство отправляются въ покои митрополита и приводятъ его „со славой“. Шествіе митрополита напоминало по своей торжественности выходъ патріарховъ. Вотъ онъ вступилъ въ

храмъ. „Отъ востокъ солнца до западъ хвально имя Господне“, грянулъ хоръ, а потомъ входную „Достойно“.

Началась Божественная литургія ¹⁾. Малый входъ. „Во царствіи Твоемъ помяни насъ, Господи“—поетъ хоръ, а изъ алтаря съверными дверьми направляется шествіе съ св. мощами.

Многочисленный сонмъ духовенства окружилъ гробъ съ мощами Святителя. „Приидите, поклонимся и припадемъ ко Христу“, запѣли священнослужители, и гробъ подъ св. рипидами внесли въ алтарь. На плечахъ епископовъ и старѣйшихъ священниковъ св. мощи пронесли черезъ царскія врата на горнее мѣсто и поставили на приготовленныхъ носилкахъ. Святитель лежалъ, какъ бы полустоя, покрытый золотыми пеленами, и четыре діакона все время держали надъ нимъ рипиды.

Литургію совершали всѣ 10 епископовъ и множество священниковъ. Въ алтарѣ было тѣсно священнослужителямъ.

Какое-то радостно-умилительное чувство наполняло душу при видѣ этого стоящаго гроба.

Отъ него не вѣяло ни страхомъ смерти, ни ужасомъ тлѣнія. Отъ него вѣяло воскресеніемъ и жизнью.

И это какъ бы возстаніе свят. Іоасафа отъ сна смертнаго совпало съ воскреснымъ днемъ. „Вѣруй въ Мя, скажешь Христось, аще и умреть, живъ будетъ“.—И опять было жаль, зачѣмъ въ эти великія минуты такъ закрыли всего Святителя! Почему даже его рукъ не открыли? Хотѣлось видѣть это торжество жизни, эту побѣду надъ тлѣніемъ и смертію!

Послѣ пѣнія „буди имя Господне благословенно“... Митрополитъ Московскій вышелъ на амвонъ и сказалъ глубокую по мысли проповѣдь.

Онъ говорилъ, что „явился въ міръ новый молитвенникъ“.

¹⁾ Во время этой обѣдни печально было только одно: почему-то изъ двухъ сравнительно небольшихъ паникадилъ въ храмъ ни одно не было зажжено въ день такого торжества.

ликъ русскихъ святыхъ обогатился еще однимъ подвижникомъ. Россія счастлива: благословеніе Божіе почиваетъ на ней, потому что, кажется, нѣтъ города или мѣстечка, гдѣ бы ни подвизался тотъ или иной святой. Русская земля освящена ихъ стопами. Самый воздухъ какъ бы наполненъ молитвами святыхъ. Но, не довольно-ли воспоминанія о нихъ, нужно-ли открывать мощи ихъ и чтить святые останки угодниковъ Божіихъ?—Нѣтъ, братія, это необходимо надо. Взирая на мощи святого, мы живѣе воспоминаемъ его, какъ бы видимъ его живущимъ съ нами. Вѣруя въ благодатную силу святого, мы, приходя къ его мощамъ, какъ бы стоимъ у самаго источника этой благодатной силы“.

Литургія кончилась. Изъ алтаря вышелъ длинный рядъ священнослужителей въ золотыхъ ризахъ, и снова гробъ съ мощами вынесли подъ рипидами, на плечахъ, епископы и архимандриты.

Пѣвчіе прошли къ выходу.

Мощи поставили на серединѣ храма, на столѣ, и начался молебенъ. Вотъ пропѣли тропарь Святителю. „Святителю Отче Іоасафе, моли Бога о насъ“, заиѣли священники. „Святителю Отче Іоасафе, моли Бога о насъ“—повторили пѣвчіе.

Гробъ подняли со стола и понесли изъ храма. Около дверей задержка на нѣсколько минутъ: гробъ ставятъ на носилки.

Накопецъ мощи высоко подняты на носилкахъ и осѣняемая рипидами тихо вынесены чрезъ западныя двери. Волна провожающихъ кинулась къ двери. Подхваченный этой волной и я выхожу изъ храма. Впереди уже движется процессія. Св. мощи на нѣсколько сажени отъ насъ. Идемъ. Миновали дворъ и черезъ западныя ворота выходимъ на улицу города. Триумфальная арка украшена матеріей національныхъ цвѣтовъ... Торжественный звонъ несется по городу и какіе-то дивные, нѣжные звуки: что это плачутъ, поютъ или молятся?

Нѣтъ это военная музыка торжественно и тихо играетъ „Коль славенъ“.

По пути массы народа, на улицахъ, на окнахъ, на заборахъ и даже на крышахъ... Отряды войска стоятъ по дорогѣ, конные и пѣшіе. При приближеніи св. мощей слышенъ лязгъ желѣза: это пѣхота вынимаетъ шпаги наголо и отдаетъ воинскія почести.

„Святителю Отче Іоасафе, моли Бога о насъ“ несется непрерывное пѣніе клира: ему вторитъ торжественный звонъ, военная музыка, вздохи толпы и лязгъ оружія...

Шествіе повернуло влѣво по южной сторонѣ монастыря на главную улицу. Широко расчищена дорога... Вонъ впереди длинная вереница хоругвей, далѣе два длинныхъ жеряда духовенства, пѣвчіе въ парадной формѣ попарно, святыя иконы и кресты. Наконецъ высоко на носилкахъ, какъ бы царя надъ всею этою процессіей и толпой, тихо движется бѣлый кипарисовый гробъ съ золотыми украшеніями.

Изъ гроба видна бѣлая глазетовая шитая золотомъ митра Святителя. Гробъ осѣняютъ рипиды, а носилки несутъ епископы и священники, а потомъ, по предложенію епископа Питирима, въ головахъ взяли носилки на свои плечи великій князь Константинъ Константиновичъ и великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна. Великій князь съ этого момента несъ св. мощи всю дорогу безъ смѣны... По сторонамъ идутъ отряды войска съ саблями наголо... За гробомъ толпа придворныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, представители и власти г.г. Курека и Бѣлгорода... Сзади Княгини—дворяне, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, образовали цѣпь для охраны...

Толпы, толпы народа кругомъ. Куда только хватаетъ взоръ, все головы и головы... Вотъ сдѣланъ нарочно большой балконъ. Полонъ народа. „Полторы тысячи заплатили за этотъ балконъ“—говоритъ кто то около меня...

Надъ всѣмъ стоитъ какая-то благоговѣйная тишина. Когда равняются съ кѣмъ св. мощи, всѣ, кто только мо-

жетъ до земли поклоняются имъ. Преклоняють колѣна на крышахъ, балконахъ, у оконъ домовъ.

Вотъ, что-то летитъ и падаетъ на мостовую. Это холстина—за ней другая, третья, летятъ матеріи, шали, платки, даже шапки. Все это бросаютъ въ даръ угоднику, чтобъ прошелъ по нимъ. Сыпятся монеты. Одна даже попала мнѣ въ воротникъ сорочки... Идущіе за гробомъ поднимаютъ деньги, чтобы отдать на свѣчу. Мѣстами лежатъ цѣлые вороха накиданныхъ холстовъ и платковъ. Видно даже, что нѣкоторыя бабы прямо стаскиваютъ платки съ головы и кидаютъ Святителю. А сами, можетъ быть, такъ съ непокрытой головою пойдутъ домой!.. Что изъ того: платокъ отданъ угодничку, и это для нихъ радость...

Ночной дождь смочилъ землю. Нѣтъ ни пылинки, а солнце радостно и тихо обливаетъ лучами эту процессію.

Повернули въ восточную сторону по рыночной площади... Какое-то деревянное зданіе, ввидѣ сарая. Буквально вся крыша покрыта народомъ. Въ одномъ мѣстѣ, сбоку процессіи, произошло замѣшательство... Народъ прорвалъ цѣпь. Солдаты спѣшатъ установить порядокъ... Далѣе... Вотъ двухъ-этажный домъ. Окна открыты и заняты народомъ... благоговѣнно крестятся смотрящіе. Одна старушка дама со слезами на глазахъ горячо припадаетъ головою къ подьоконнику... Далѣе...

Мѣстами около каната стоятъ съ хоругвями и иконами, мѣстами съ монархическими знаменами. Вотъ цѣлая толпа съ зажженными свѣчами.

... Радостно разносится звонъ, величественно играетъ полковая музыка, дружно поетъ клиръ: „Святителю отче Юсафе, моли Бога о насъ“... тихо и торжественно какъ бы плыветъ гробъ съ мощами, изъ котораго возвышается митра Святителя... Вотъ онъ пробужденъ волею Бога, возсталъ, вышелъ изъ своей пещерки, идетъ взглянуть на родной и дорогой ему Бѣлгородъ. Онъ благословляетъ вновь тѣ мѣста, тѣ пути, тѣ улицы и дома, въ которыхъ онъ ходилъ самъ, потомковъ тѣхъ людей, которыхъ онъ

насъ, право-правя слово истины, которыхъ такъ любилъ и за бѣдноту которыхъ такъ страдалъ душою.

Что увидѣлъ ты, Святителю, что нашелъ ты послѣ своего полуторастолѣтняго сна?

Ты такъ страдалъ душою за благочестіе, за церковные законы; ты палъ ницъ, увидя нѣкогда икону Богоматери въ небреженіи... И что же? въ эти дни, дни торжества твоего, потомки твоихъ современниковъ выкидываютъ вонъ иконы, какъ нѣчто позорное... Ты еще въ дни дѣтства своего, когда у твоего отца, малороссійскаго гетмана, лакеи на золоченыхъ блюдахъ носили дорогія яства, ты сидѣлъ печально въ углу, грызя корки черного хлѣба, ибо твоя чистая душа возмущалась и не могла ѣсть дорогія яства, когда тысячи людей не имѣютъ насущнаго хлѣба. Ты и въ послѣдующую жизнь во всемъ отказывалъ себѣ—зато много раздавалъ бѣднымъ:—и вотъ нынѣ люди отнимаютъ кусокъ хлѣба одинъ у другого... Ты выходилъ на эти рынки Бѣлгорода въ простой одеждѣ, закупалъ дрова бѣднякамъ,—ты даже ходилъ по ночамъ колоть ихъ, и вотъ, теперь, мы не хотимъ для ближняго ударить пальцемъ о палецъ!

Однажды въ глубокую рождественскую ночь, одѣтый попросту, выскользнулъ ты въ городъ и раздавалъ милостыню... Но при возвращеніи не былъ признанъ привратникомъ, и тотъ грубо и дерзко билъ тебя въ воротахъ твоего архіерейскаго дома, а ты утромъ занемогши сказалъ, что оступился и упалъ на лѣстницѣ. —И вотъ, теперь, люди не хотятъ не только удара, но даже слова простить другъ другу.

Твой выходъ въ наши дни маловѣрія, безвѣрія и окаменѣнія сердець имѣетъ великое значеніе для насъ. Онъ напоминаетъ намъ о твоей ревности по вѣрѣ и Богу, о твоей любви къ правдѣ и милосердію. Огъ мощей твоихъ вѣетъ благодатью мира и радостью любви. Благослови же насъ и возьми опять подъ свое попеченіе.

такъ какъ мы далеко ушли съ истиннаго пути, съ пути, которымъ ты шель, съ пути любви къ Богу и людямъ...

„Святителю отче Іоасафе, моли Бога о насъ!“—несется пѣніе клира; гудятъ колокола, сотни тысячъ рукъ поднимаются для крестнаго знаменія, море головъ склоняется передъ мощами, льются слезы и летятъ горячія мольбы.

Пришли. Опять западныя ворота монастыря. Входимъ во дворъ и въ храмъ. Мощи снимаютъ съ носилокъ. Вотъ гробъ поднесли къ ракъ, сняли съ нея верхній ободокъ и опустили въ нее гробъ, снова наложивъ ободокъ. Святитель возлегъ на новомъ славномъ мѣстѣ своего покоя. „Святителю Христову Іоасафу, преклоньше колѣна, помолимся“,—возгласилъ протодіаконъ, и всѣ молящіеся опустились на колѣна передъ гробницей новоявленнаго чудотворца, а митрополитъ прочелъ ему молитву.

Молебенъ окончился. Провозглашены многолѣтія. Великій князь и княгиня прикладываются къ мощамъ. Пресвященный Пятиримъ благословляетъ ихъ иконами Святителя...

Наконецъ, и стоящіе въ храмъ тѣснымъ кольцомъ окружаютъ раку. Прибывшіе священники, въ разныхъ облаченіяхъ (кто какое могъ достать), сейчасъ же вставъ около раки, начинаютъ первый молебенъ Святителю съ акаѣистомъ. Присутствующіе здѣсь поютъ сами. Мнѣ удалось стоять около самой раки. Іеромонахъ мѣняетъ пелены на мощахъ. Вотъ онъ снялъ покровы съ мощей и увезъ ихъ въ алтарь. Мощи Святителя остались открыты всѣ, кромѣ лица. Святитель лежалъ высокій ростомъ и худой. На немъ надѣто все бѣлое шелковое облаченіе. Бѣлый муаровый саккосъ и такой же омофоръ, отдѣланный золотымъ кружевнымъ позументомъ и такими же крестами, плотно облевали его станъ. На груди надѣты крестъ и панагія, на головѣ бѣлая глазетовая митра, шитая золотомъ. Руки плотно сложены на груди; онъ коричнево-сѣраго цвѣта, похожи на рѣзныя кипарисныя старинныя изображенія и хотя высохшія, но совершенно цѣлыя

Цѣлы не только кожа и кости, но и самыя мускулы, хотя и сухіе. Цѣлы все персты и ногти, такъ что получалось впечатлѣніе, будто эти руки изваяны или выточены художникомъ... Изъ-подъ подризника видны худыя ноги. Озѣ въ бѣлыхъ чулкахъ и красныхъ бархатныхъ туфляхъ...

Вотъ пришелъ іеромонахъ и сталъ закрывать св. мощи многими пеленами... Опять стало жалко. Почему, хотя бы только на этотъ единственныи торжественный день, не оставить открытыми св. мощи?—пусть убѣждаются невѣрующіе и сомнѣвающіеся въ нетлѣніи Святителя, пусть восторгаются вѣрующіе красотою безсмертія святыхъ,—ибо тѣла святыхъ есть жилище Св. Духа...

Одинъ за другимъ, тѣсясь, прикладывается народъ къ св. мощамъ. Сколько здѣсь смѣнилось лицъ, сколько излито думъ и молитвъ, сколько вылетѣло вздоховъ, пока только служили молебень! Молебень кончился... Въ послѣдній разъ прикладываюсь къ мощамъ Святителя и выхожу изъ собора. У дверей уже стоитъ огромный чередъ. За воротами сняты и конныя, и пѣшія войска.. но вся площадь полна народомъ...

Передъ отѣздомъ изъ квартиры иду посмотрѣть, гдѣ жили эти тысячи и сотни тысячъ деревенскаго люда. Недалеко отъ дома, гдѣ я помѣстился, были и столовыя... На большомъ пустырь построены навѣсы; въ нихъ работаютъ солдаты-кашевары и бабы. Послѣднія сидятъ и чистятъ картофель. Масса начищено и цѣлая груда шелухи. Весело идетъ паръ изъ котловъ. Здѣсь варятся щи и каша... Несется пріятный запахъ варева. Ярко горитъ огонь въ печи, подогрѣвая кубъ съ водою. Можво было подивиться чистотѣ этой кухни... На открытомъ воздухѣ, за длинными бѣлыми тесовыми столами, сидѣло множество деревенскаго люда. Было время чая. Изъ большихъ жестяныхъ чайниковъ наливали кипятокъ по кружкамъ... Всюду царило оживленіе и праздничное настроеніе.

На стѣнахъ построекъ и у входа въ этотъ дворъ были наклеены большіе бѣлые листы. Порція щей 3 коп.,—каши

3 коп.,—картофелю 3 коп., фунтъ хлѣба 3 коп. и т. д. и т. д. По улицамъ города проложены пожарные рукава, и сдѣланы краны для питья воды...

Шестой часъ вечера. Расплачиваюсь съ хозяйкой и выхожу на улицу. Всюду движеніе, всюду празднично ... нарядные люди или толпы деревенскаго люда... Прощаюсь съ Бѣлгородомъ и ѣду на вокзалъ.

У вокзала стоитъ полиція и конные жандармы. На вокзалѣ бездна народа—особенно въ третьемъ классѣ. Шумъ и толкотня страшные. Видно было, что вся прислуга и кондуктора выбились изъ силъ и потеряли голову. Носильщики отказывались брать билетъ. Узнаю, что поѣздъ пойдетъ только черезъ 3 часа и снова иду въ городъ посмотреть бараки. Разспрашиваю дорогу. Оказывается, довольно далеко, около городского кладбища... Иду по боковымъ улицамъ Бѣлгорода... Они даже не мощены. Какъ тутъ убого! Много маленькихъ хибарокъ подъ соломой. Что-же было здѣсь во времена св. Іоасафа?! Не здѣсь ли ходилъ онъ, тайно раздавая милостыню и разыскивая сиротъ и убогихъ?!.. Было уже шесть часовъ вечера. Въ церквахъ звонили ко всенощной... Вонъ тамъ, внизу, центръ Бѣлгорода, съ бѣлыми церквами и колокольнями; вонъ видно и монастырь, гдѣ почиваетъ Святитель... Колокольня монастыря опять иллюминирована и опять поднимается свѣтящимся столбомъ къ небу. Гулко несется звонъ въ вечернемъ сумракѣ, и дѣлается радостно по случаю великаго и святаго дня и какъ-то грустно покидать эти ликующія мѣста.

Вонъ вдали показались свѣтящіеся шары... Это—бараки съ керосино - калильными фонарями... Подхожу... Опять деревянные постройки и навѣсы; столовая и чайная ... а вотъ и большой деревянный сарай съ бѣлой вывѣской. Здѣсь земство продаетъ хлѣбъ по 3 коп. фунтъ... а далѣе, на лужкѣ, и бараки.—Это длинные сараи или вѣрнѣе просто высокія, длинныя, деревянные крыши на землѣ, съ небольшими стеклянными окнами около остроконеч-

ныхъ сводовъ этихъ крышъ. Они построены въ два ряда и тянутся довольно далеко... Тамъ, гдѣ спереди и сзади у этихъ крышъ образуется треугольникъ, это мѣсто забито досками, и устроена небольшая дверь, вышиною аршина въ два съ небольшимъ, завѣшанная парусиной... Между бараками и около нихъ ходитъ много народу.

Поднимаю одинъ пологъ и вхожу въ баракъ. Уже темно. Видно только, что все въ баракахъ копошится. На землѣ настланы доски. На аршинъ вверхъ отъ нихъ идетъ второй рядъ досокъ, потомъ, кажется, есть и третій. За темнотой уже не помню... И на всѣхъ этихъ доскахъ лежатъ кучи тѣлъ. Все копошатся сѣрые люди... здѣсь и съ больными, и съ дѣтьми.

Помню, на доскахъ на землѣ сидѣли бабы съ кучей ребятъ. Здѣсь были и грудные младенцы. Въ одномъ баракѣ даже стояла телѣжка, а въ ней лежалъ больной, у котораго руки и ноги были скорчены и сведены къ лицу.

Всѣхъ этихъ несчастныхъ долго еще не пустятъ въ обитель,—напрасно и идти туда,—и они сидятъ и ждутъ здѣсь въ баракахъ своей очереди... Въ одномъ баракѣ нѣсколько голосовъ тихо пѣли молитву...

Изъ бараковъ черезъ лужайку перехожу къ тому мѣсту, гдѣ раскинуты солдатскія палатки. Горитъ огонекъ, и кипитъ кубъ, выпуская струи пара... Ходятъ солдаты. „Поскольку же васъ въ этихъ палаткахъ?“—оказывается, по 30 чел. и болѣе. Прямо на землѣ постелены соломенные тюфяки... „Холодно вамъ, небось, спрашиваю, ночью?“— „Да это-то бы ничего, а вотъ какъ дождь, такъ парусина-то и промокнетъ, прямо весь мокрый лежишь...“

Сидшу обратно на вокзалъ. По улицамъ полиція. Насилу пропустили къ вокзалу. На вокзалъ, кажется, еще болѣе увеличилась толча. Въ проходѣ на платформу постланъ коверъ. Ждутъ отъѣзда Великаго Князя и Митрополита Московскаго. Въ числѣ публики появилось много мѣстныхъ гимназистокъ, въ зеленыхъ платьяхъ и

бѣлыхъ фартукахъ. У одной въ рукахъ букетъ. Съ ними классныя дамы. Очевидно, онѣ собрались провожать высокопоставленныхъ особъ.

Билетовъ не выдаютъ; говорятъ, что мѣста въ поѣздѣ всѣ заняты. Уже одинъ поѣздъ прошелъ. Нѣкоторые отправляются пѣшкомъ до ближней станціи, чтобы тамъ взять билеты. Однако, рублевка „на чай“ расположила въ мою пользу одного носильщика, и онъ, продежуривъ у кассы часа два съ лишнимъ, досталъ мнѣ билетъ. Уже было совсѣмъ темно, когда я простился съ Бѣлгородомъ въ необыкновенный день его свѣтлаго торжества.

Сергій Голощаповъ

Смоленская икона Божіей Матери Одигитріи въ юбилейные дни настоящаго года.

Въ предыдущихъ книжкахъ „Душеполезнаго Чтенія“ (іюнь, іюль—августъ и сентябрь) о. прот. П. Левашевымъ напечатано было „Историческое сказаніе о Смоленской иконѣ Божіей Матери Одигитріи, шествовавшей въ рядахъ русской арміи въ отечественную нашу войну 1812 года“. Со сказаніемъ этимъ, повѣствующимъ о происхожденіи иконы, ея пребываніи въ Смоленскѣ до 1812 г., соупутствіи нашимъ войскамъ въ этомъ году въ ихъ бояхъ съ непріателемъ (начиная съ Бородина), о возвращеніи св. иконы въ Смоленскъ и ея пребываніи въ немъ послѣ 1812 года до нашихъ дней, познакомиться въ настоящіе именно юбилейные дни отечественной войны конечно особенно было благовременно и поучительно; но не лишено, думаемъ, поучительнаго значенія хотъ вкратцѣ рассказать о томъ крестномъ ходѣ съ этою иконою отъ Смоленска до Бородинна, который какъ бы повторенъ былъ въ августъ текущаго года, когда именно и совершались главные юбилейныя торжества. Въ извѣстной части періодической печати, описывавшей гражданскую сторону этого торжества во всѣхъ подробностяхъ, о ходѣ этомъ не сказано было ни слова: но это нисколько, конечно, не умаляетъ значенія совершившагося факта и лишь еще цѣннѣе дѣлаетъ подвигъ устроителей и участниковъ торжества и благопотребнѣе описаніе его ¹⁾.

¹⁾ Описаніе этого крестнаго хода дано было въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ,“ издаваемыхъ при Св. Синодѣ, въ Смоленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, въ „Новомъ Времени“, въ Русскомъ Паломникѣ и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ.

Въ 1812-мъ году во время осады Смоленска, Надворотная Смоленская икона Божіей Матери была въ городѣ—въ обычномъ мѣстѣ ея пребыванія здѣсь—въ Надворотномъ храмѣ ея имени. Когда же рѣшено было оставить развалины города, первымъ движеніемъ генерала Ермолова было отдать приказаніе о выносѣ иконы. Это было 2-го августа подъ вечеръ, когда Невѣровскій началъ свое отступление отъ Краснаго. Въ точномъ соотвѣтствіи съ этимъ и теперь, въ это именно число, въ 5 часовъ вечера, громкій гулъ всѣхъ колоколовъ Смоленска возвѣстилъ о началѣ торжественнаго молебствія наканунѣ крестнаго хода въ Бородино. Въ Надворотной церкви, гдѣ находится икона, преосвященный Θεодосій, еп. Смоленскій, въ сослуженіи многочисленнаго градскаго духовенства, при громадномъ стеченіи народа, совершилъ торжественное молебствіе. 3-го утромъ изъ собора, около 11 часовъ, по крутой соборной горѣ, съ другой Смоленской же иконой Божіей Матери, которая именно и считается написанною евангелистомъ Лукою, внизъ къ Днѣпру спустился крестный ходъ. Навстрѣчу ему изъ небольшой Надворотной церкви, съ балкона которой Наполеонъ самъ наводилъ будто бы пушку по отступавшимъ русскимъ войскамъ, показалась громада народа и среди нея икона Богоматери, такъ называемая Надворотная, колыхаясь надъ моремъ обнаженныхъ головъ, въ своемъ высокомъ дубовомъ кіотѣ, украшенномъ гирляндами цвѣтовъ. Войска взяли на караулъ; послышалось церковное пѣніе, покрываемое звуками: коль славенъ. За иконой—все градское духовенство во главѣ съ архіереемъ. На границѣ города крестный ходъ встрѣченъ былъ духовенствомъ ближайшаго благочинія и крестьянами окрестныхъ деревень.

Градское духовенство со св. иконами и между ними съ соборной иконой Б. Матери и большая часть горожанъ, проводивъ Надворотную святыню свою, возвратились въ городъ, а тысячи людей выступили съ этою святынею, сопровождаемою духовенствомъ, хоругвями и нѣсколькими

иконами въ дальнѣйшій путь. Колоссальный кіотъ красного дерева, вѣсомъ съ иконою свыше 25 пудовъ, высоко поднималъ святыню предъ взорами богомольцевъ. Несли ее обычно не менѣе 30 человекъ. Путь лежалъ на Дорогобужъ, Вязьму, Гжатскъ и Бородино, всего на протяженіи 275 верстъ. Во всѣхъ селахъ, монастыряхъ и деревняхъ, лежащихъ на указанномъ пути, участники крестнаго хода останавливались то для молебствія, то для отдыха, то для ночлега. 9 Авг. св. икона была въ Дорогобужѣ, 13—15 въ Вязьмѣ, 16—въ селѣ Царевѣ—Займищѣ, гдѣ Барклай-де Толли предполагалъ дать Наполеону рѣшительное сраженіе, но былъ отговоренъ Багратиономъ; 17—19 въ Гжатскѣ, 20—въ Колочскомъ монастырѣ и, наконецъ, 25 Августа въ Бородинѣ.

Возглавляемое духовенствомъ, сопровождаемое хоругвями и иконами, шествіе это представляло изъ себя нѣчто дѣйствительно величественное и особенное. Народныя массы, слѣдовавшія за святынею, казались длинной и пестрой лентой, растянувшейся перѣдко на цѣлую версту. Въ этой небывалой процессіи виднѣлись и облаченные въ священныя одежды пастыри церкви, и многочисленные иноки и массы простого народа въ армякахъ, полукафтанахъ, поддевахъ, а женщины то въ бѣлыхъ, то въ ярко расшитыхъ сарафанахъ. Несмотря на спѣшную работу въ поляхъ, значительно убавившую количество участниковъ въ этомъ крестномъ ходу, шествіе было потрясающе торжественно и необыкновенно величественно по степени участія въ немъ народныхъ массъ. Всѣ падали ницъ предъ иконою, горячо молились и то со слезами радости отъ близости святыни, то со слезами надежды на помощь отъ нея—изливали свои чувства открыто, искренне и просто.

Было ясно, что совсѣмъ не оскудѣла еще простая и сердечная вѣра въ русскою душѣ, и что душа народная попрежнему чиста, проста и богоносна. Неумолкаемо несло къ небесамъ могучее и своеобразно-народное „Радуйся, Невѣсто неневѣстная“. Больные и скорбящіе ду-

хомъ благоговѣнно распростирались на землѣ подѣ святыней, чтобы удостоиться пронесенія ея надѣ собой. Это видимый знакъ покровя Пресвятой Богородицы, это ясное выраженіе смиреннаго благоговѣнья предѣ волею Всевышняго. Какъ могучая волна, масса народная все время текла за святыней; однѣ толпы, долго сопровождавшія святыню, смѣнялись вновь пристававшими для участія въ молитвенномъ подвигѣ и общенародномъ проявленіи самыхъ высокихъ человѣческихъ чувствъ, чувствъ религіозныхъ. Отъ села до села крестный ходъ сопровождался неумолкаемымъ краснымъ звономъ и непрерывнымъ гудѣніемъ колоколовъ. Мѣнялась погода, а народныя чувства оставались все тѣ же. Правда, солнечные дни замѣтно умножали число спутниковъ въ процессіи, но ни пасмурная погода, ни даже само ненастье, бывавшее въ нѣкоторыя дни, не въ силахъ были побороть или заглушить народный восторгъ.

Любовь народная поминутно придумывала все новые и новые пути своего выраженія. Икона вся была увѣшана холстомъ и полотнами, которые несли въ даръ „Царицѣ Небесной“ простыя поселянки. Взрослые и юноши, старые и малые собирали зелень и цвѣты и разбрасывали ихъ впереди шествія. Вѣнки за вѣнками, конечно, самые простые, изъ луговой живой зелени, изъ ржи, овса или жита, непрерывною вереницей возлагались на св. икону. Встрѣчались по мѣстамъ цѣлыя самодѣльные арки изъ сноповъ соломы и зелени. Города соперничали другъ съ другомъ въ убранствѣ и торжественныхъ встрѣчахъ святыни, а многочисленныя села и деревни не хотѣли отставать отъ городовъ. Въ Вязьмѣ торжество шествія усилено было участіемъ въ молебствіяхъ предѣ святынею преосвященнаго Владыки Христофора. Въ Гжатскѣ весь городъ расцвѣченъ былъ національными флагами. Гдѣ не было цвѣтовъ, тамъ посыпали путь пескомъ или просто расчищали. Въ теплые августовскіе вечера, подѣ лучи заходящаго солнца, молебствія служились нерѣдко прямо на полѣ,

подъ открытомъ небомъ. Ярko горѣвшія восковыя свѣчи сливались съ тихими лучами вечерней зари, а отъ нихъ жаромъ горѣла золотая риза Одигитріи, и разными огнями переливали драгоцѣнные камни на ней. А пастыри церкви все время неумолкаемо возносили къ престолу Всевышняго свои и народныя молитвы.

Горячи должны были быть чистыя народныя молитвы. паломниковъ. Вѣдь этотъ крестный ходъ наводилъ на воспоминанія, совсѣмъ особыя по своей силѣ и характеру! Вѣдь сто лѣтъ тому назадъ, по этому самому „смоленскому большаку“ шли бородинскіе герои и съ этою же самою Пречистою Одигитріей! Вотъ эти столѣтнія липы и роши, эти могучія и—увы—уже очень и очень состарѣвшіяся березовыя аллеи, что идутъ отъ одной барской усадьбы къ другой—о, сколько перевидали они сто лѣтъ тому назадъ и русскихъ, и французскихъ солдатъ!.. Вѣдь, это живые, хотя и безмолвные, свидѣтели и самоувѣреннаго шествія Наполеонова на Москву и его позорнаго бѣгства къ Березинѣ. Онѣ же видѣли и нашихъ русскихъ солдатиковъ, что шли сперва на защиту Москвы, а многіе быть можетъ и на вѣрную смерть подъ Бородинымъ, а потомъ—онѣ же видѣли, хотя можетъ быть уже и очень немногихъ, тѣхъ счастливецъ, что остались живыми послѣ Бородина и преслѣдовали Наполеона въ его бѣгствѣ изъ Москвы и Россіи. Только тогда, 100 лѣтъ назадъ, Одигитрія шествовала подъ раскаты пушекъ и ружей, а теперь подъ звучныя мелодіи умилительныхъ вальсовъ, задушевно исполняемыхъ звонкими голосами дѣвушекъ.

Въ такихъ святыхъ переживаніяхъ многіе прошли весь длинный путь отъ Смоленска до Бородина. Скоро пролетѣло для нихъ это трехнедѣльное шествіе. Вездѣ молитвы, вездѣ восторги и радости, вездѣ торжества при встрѣчахъ и проводахъ.

25 Августа незамѣтно подошли, наконецъ, и къ Бородину. Здѣсь, предъ этою самою святынею, сто лѣтъ назадъ

русскіе воины готовились къ знаменательному бою. Ее обносили по рядамъ воиновъ, предъ нею они падали ницъ, моля о помощи и защитѣ отъ врага. А теперь, сто лѣтъ спустя, святыню эту встрѣчали внуки и правнуки этихъ героевъ—такъ же и теперь, какъ и тогда, христіанское побѣдоносное воинство съ самимъ помазанникомъ Божіимъ Благочестивѣйшимъ Государемъ нашимъ во главѣ. Изъ крайней столицы подвигся Онъ—съ Августѣйшей Супругой Своей, Наслѣдникомъ Престола, Дочерьми и цѣлымъ сопомомъ Великихъ Князей. Торжественно и, по словамъ очевидцевъ, умирительно до слезъ было видѣть, какъ Государь Императоръ со всей Своей Августѣйшей Семейей и многочисленной блестящей свитой въ предшествіи первосвященника Московскаго, его викарихъ епископовъ и многочисленнаго собора духовенства съ хоругвями и иконами при звонѣ монастырскихъ колоколовъ вышелъ навстрѣчу крестному ходу и преклонилъ колѣна предъ образомъ Пречистой. Эта торжественная встрѣча происходила у Бородинскаго памятника, вечеромъ 25-го августа.

По совершеніи въ походной церкви Александра I-го надъ братской могилой многихъ десятковъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою, панихиды о нихъ, святая икона обнесена была вдоль фронта разставленныхъ на Бородинскомъ полѣ войскъ въ воспоминаніе такого же событія наканунѣ Бородинскаго боя; на ту же память Владыкой Митрополитомъ всѣ отдѣльныя части войскъ благословлены были копіями этой св. иконы. По обнесеніи св. иконы вдоль фронта, она внесена была въ соборный монастырскій храмъ, гдѣ совершено было затѣмъ всенощное бдѣніе.

Наутро, 26-го августа въ этомъ же храмѣ совершена была архіерейскимъ служеніемъ, въ присутствіи Ихъ Величествъ и всѣхъ Великихъ князей Божественная литургія, по окончаніи которой духовенство, во главѣ съ Митрополитомъ вышло изъ собора соединеннымъ крестнымъ ходомъ, при участіи хоругвей всѣхъ окрестныхъ

церквей, а также чудотворной иконы Царицы Небесной. На протяженіи полутора верстъ растянулся этотъ ходъ. Многотысячная толпа въ благоговѣйномъ молчаніи обнажила головы, едва звонъ колоколовъ возвѣстилъ начало хода. Государь Императоръ, Августѣйшія Дочери и Великіе Князья шли пѣшкомъ отъ монастыря до Бородинскаго памятника больше версты. Когда Ихъ Величество заняли мѣста у походной церкви, предъ Смоленской Иконою Божіей Матери совершенно было благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ по поводу избавленія Россіи отъ нашествія двадцати языковъ—то самое, которое совершается во всѣхъ храмахъ православной Россіи въ день Рождества Христова. Послѣ многолѣтія Ихъ Величествамъ и Царствующему Дому протодіаконъ возгласилъ „вѣчную память“ Императору Александру I и вождямъ, и воинамъ, павшимъ въ отечественную войну. Въ это время грянулъ салютъ изъ орудій батареи, расположенной на ближайшей горѣ. Со всѣхъ церквей доносился колокольный звонъ. Минута—чрезвычайно-торжественная, картина—красоты неописуемой. По окончаніи молебствія крестный ходъ возвратился въ монастырь.

Св. икона оставалась въ Спасо-Бородинскомъ монастырѣ до 28-го числа, когда отправлена была въ Смоленскъ. 29-го числа икона прибыла въ Смоленскъ, встрѣчена была здѣсь преосвященнымъ Θεодосіемъ и всѣмъ градскимъ духовенствомъ и съ крестнымъ ходомъ въ сопровожденіи многотысячной толпы смолянъ водворена въ Надворотномъ храмѣ Царицы Небесной—ея обычномъ мѣстопробываніи.

С. А. П.

Мысли Наполеона на о. св. Елены объ Иисусѣ Христѣ.

(Къ юбилею Отечественной войны).

Еще не закончился юбилейный годъ великой Отечественной войны, бывшей сто лѣтъ тому назадъ. Правда, французскій императоръ Наполеонъ I съ собранной имъ изъ разныхъ народовъ Европы шестисотъ-тысячной арміей уже въ юнѣ мѣсяцѣ вторгся въ предѣлы нашего Отечества, и главные ужасы сраженій были въ юлѣ и особенно въ августѣ, такъ что страшнымъ Бородинскимъ боемъ 26 августа закончилось, можно сказать, побѣдное шествіе Наполеона, какъ завоевателя; но только въ ноябрѣ мѣсяцѣ съ жалкими остатками своей арміи онъ переправился чрезъ Березину, пробывши въ Москвѣ съ 2 сентября по 11 октября, и въ этотъ-то только что истекшій мѣсяцъ, въ этомъ-то сердцѣ Россіи онъ запятналъ себя такими злодѣяніями, за которыя стыдно должно быть искреннимъ поборникамъ цивилизаціи, которыя въ ужасъ должны приводить весь христіанскій міръ и за которыя благочестивые предки наши назвали его антихристомъ: въ Москвѣ Наполеонъ съ своими сподвижниками не просто грабилъ, жегъ и разрушалъ вѣковые храмы, а и прямо псорилъ и безчестилъ ихъ, обращая ихъ въ склады для артиллерійскихъ снарядовъ и въ сараи для стоянки солдатскихъ лошадей, а святыя иконы и другія святыни употребляя для житейскихъ надобностей и даже просто на дрова...

Когда читаешь объ этомъ, когда вспоминаешь о такихъ дикихъ, варварскихъ поступкахъ, въ двери сознанія невольно стучится надоедливая мысль, назойливо жужжитъ тамъ, неотвязчиво требуя отвѣта. Мысль эта такова: какъ Наполеонъ относился къ христіанству? Признавалъ ли онъ за нимъ сверхъестественный характеръ? Видѣлъ ли онъ въ немъ дѣйствіе Божественнаго промысла? Или онъ, относясь къ христіанству враждебно, все это отрицалъ и въ христіанствѣ видѣлъ не что иное, какъ продуктъ чисто чловѣческаго творчества?

Такого рода мысли и вопросы, вполне естественные и въ другое время, въ настоящіе юбилейные дни, когда воспоминаніе объ этихъ злодѣянiяхъ враговъ нашего отечества стали общимъ достояніемъ и всѣми только что пережиты, съ особенною живостію могутъ и должны заинтересовать собою не только православныхъ христіанъ, а и всѣхъ тѣхъ, кто относится къ юбилейнымъ торжествамъ сознательно.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти злободневные вопросы мы и считаемъ полезнымъ предложить вниманію читателей соотвѣтствующую историческую справку, которая можетъ удовлетворить законное любопытство всѣхъ интересующихся вопросами религіи и исторiи.

* * *

Когда Наполеонъ былъ въ заточеніи на островѣ св. Елены, онъ сталъ заниматься метафизическими вопросами. Его интересовали вопросы религіи и философіи. Онъ охотно бесѣдовалъ на эту тему съ окружавшими его людьми, причемъ по временамъ высказывалъ такіе глубокомысленные взгляды, что бывшіе при немъ генералы Монтолонъ и Бертранъ сочли нужнымъ записать и тѣмъ увѣковѣчить философскія размышленія бывшаго императора.

Благодаря этимъ записямъ, мы и имѣемъ возможность ознакомиться съ разсужденіями Наполеона по вопросу о характерѣ и значеніи христіанства.

Наполеонъ говорилъ 1):

„Несомнѣнно, христіанство предлагаетъ нашему вѣрованію рядъ тайнъ, приказывая авторитетно вѣровать въ нихъ. Для пріемлемости ихъ оно не даетъ намъ никакихъ другихъ причинъ, кромѣ страшнаго слова: „Я есмь Богъ“, и несомнѣнно, христіанину необходимо вѣровать въ это изреченіе, потому что изъ него вытекаютъ всѣ остальные положенія христіанства. Но разъ только допустить божественный характеръ Христа, все христіанское вѣроученіе представляется съ алгебраическою опредѣленностью и ясностью, и нельзя не удивляться связи и единству, его проникающимъ.

„Основываясь на Библии, христіанское ученіе даетъ наилучшее объясненіе міровыхъ преданій: оно освѣщаетъ ихъ, и всѣ догматы соединяются съ этимъ преданіемъ, какъ неразрывныя звенья одной цѣпи.

„Ученіе Христа съ начала до конца таинственно, съ этимъ я согласенъ; но эта тайна соотвѣтствуетъ тѣмъ трудностямъ, которыя встрѣчаются въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Если не принять это ученіе, то міръ представляется загадкой; если же принять его, то оказывается достойное удивленія разрѣшеніе исторіи человѣка.

„Христіанство имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими религіями и философскими системами, что христіане не обманываютъ себя относительно сущности вещей. Ихъ нельзя упрекать въ остроумныхъ тонкостяхъ идеологовъ, которые стремятся разрѣшить великую задачу богословскихъ споровъ пустыми разсужденіями. Христіанство прямо и ясно говоритъ: „Никто не видѣлъ Бога кромѣ Того, Который отъ Бога; Богъ открылъ то, что Онъ

1) Это мнѣніе напечатано было въ одной австрійской газетѣ „Die Reform“ въ 1877 г. Его прочиталъ покойный нашъ извѣстный государственный дѣятель Ѳ. Г. Тернеръ, который записалъ въ свой дневникъ, а послѣ завѣсь въ свои „воспоминанія“, издачныя его сестрами поди заглавіемъ: „Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера“. С. Пб. 1911 г. т. 2, стр. 55 и пр.

быль и есть. Его откровеніе тайна: ни разсудокъ, ни разумъ не могутъ постичь ее. Но такъ какъ это изрекъ Богъ, то надо этому вѣрять—и это разумно.

„Евангеліе обладаетъ таинственною силою и теплотою, которыя охватываютъ умъ и увлекаютъ сердце. Если ближе вникнуть въ него, то ощущаешь нѣчто подобное, когда смотришь на небо. Евангеліе не книга, а живое существо, исполненное движенія и силы, которое увлекаетъ за собою все, что хотѣло бы противиться его распространенію. Вотъ оно здѣсь лежитъ у меня на столѣ—я не устаю читать его и читаю ежедневно съ тою же радостью. Христосъ не мѣняется, никогда не колеблется въ своемъ ученіи, и малѣйшее Его изреченіе носитъ на себѣ печать простоты и глубины, побѣждающихъ überwältigt какъ ученаго, такъ и неученаго, если только вникнуть въ него, хотя и съ малѣйшимъ вниманіемъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найти такого ряда прекрасныхъ мыслей и нравственныхъ правилъ, которыя дефилируютъ предъ читателемъ, какъ батальоны небесныхъ силъ—и вызываютъ въ насъ то же чувство, которое ощущаешь при взираніи на безграничную ширь неба, когда оно въ чудную лѣтнюю ночь освѣщается блескомъ свѣтилъ. Нашъ умъ не только увлеченъ чтеніемъ евангелія, но и подпадаетъ его влиянію. Вѣрующая душа никогда не будетъ въ опасности сгнуться, обладая этою книгой. Разъ, что евангеліе овладѣло нашимъ умомъ, оно захватываетъ и наше сердце. Богъ нашъ другъ, нашъ отецъ, и воистину Богъ. Душа, которая увлекается красотою евангелія, уже не принадлежитъ себѣ: Богъ завладѣлъ ею, Онъ направляетъ ея мысли и силы, она всецѣло предается Ему. Какое это доказательство божественности Христа! Обладая такою абсолютною властью, Онъ не имѣетъ другой цѣли—какъ духовное совершенствованіе каждой отдѣльной личности, чистоту совѣсти, единеніе съ истиной и святость души.

„Наконецъ, и это мой главный аргументъ: не было бы Бога на небѣ, еслибъ отдѣльный человѣкъ могъ соста-

вить такой грандіозный планъ и привести его въ исполненіе—т. е. привлечь къ себѣ высшій культъ и узурпировать имя Бога. Исусъ—единственная личность, которая посмѣла это сдѣлать. Онъ одинъ говоритъ открыто: Я есмь Богъ, Ich bin Gott, что однако отличается отъ утвержденія Я Богъ, Ich bin ein Gott (гуть, вѣроятно, имѣется въ виду разница между утверженіями: Я—божественнаго естества и Я—Богъ). Исторія не знаетъ другой личности, которая присвоила бы себѣ названіе Бога въ абсолютномъ смыслѣ. Къ обоготворенію Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ никто серьезно не относится. Магометъ и Конфуцій заявляли себя только агентами божества.

„Какимъ это образомъ могъ іудей, историческое существованіе котораго болѣе несомнѣнно доказано, чѣмъ существованіе всѣхъ его современниковъ, сынъ плотника, съ самаго начала могъ объявить себя Богомъ, Высшимъ Существомъ, Создателемъ всѣхъ существъ? Онъ присваиваетъ Себѣ всякое почитаніе и собственными руками создаетъ свой культъ. Удивляются завоеваніямъ Александра Македонскаго, а здѣсь мы видимъ Завоевателя, Который поглащаетъ въ Себѣ—все человѣчество. Какое это чудо! Человѣческая душа со всѣми ея способностями и силами становится принадлежностью существа Христова.

„И какимъ образомъ это совершается? Чудомъ, которое превышаетъ всѣ чудеса. Онъ требуетъ отъ человѣка любви, т. е. того, что на свѣтѣ труднѣе всего приобрѣсть... Правда, мы любимъ нашихъ дѣтей. Но почему? Потому что мы слѣдуемъ природному инстинкту, а сколько дѣтей не отвѣчаетъ родителямъ на любовь? Вы, генераль Бертранъ, несомнѣнно любите вашихъ дѣтей, а увѣрены въ томъ, что они васъ любятъ? Ни вашими благодѣяніями, ни естественному влеченію не удастся вселить въ вашихъ дѣтей такую любовь къ вамъ, какую Христосъ приноситъ Своему Богу..

„Христосъ глаголетъ, и всѣ поколѣнія присоединяются къ Нему. Связь, соединяющая ихъ со Христомъ, искрен-

нѣе и тѣснѣе связи крови. Это единеніе полнѣе довѣрія и сильнѣе всякаго другого. Онъ возжигаетъ пламя любви, которое гаситъ наше самолюбіе и превышаетъ всякую другую любовь. Какъ не видѣть въ этомъ чудо! Его воля—то Слово, которое создало міръ.

„Созидатели другихъ религій даже не имѣли и понятія о той мистической любви, которая составляетъ существо христіанства.

„Несомнѣнно, величайшее чудо Христа это—господство любви. Ему одному удалось возвысить сердца людей до Невидимаго, до принесенія въ жертву самаго времени (*Opfer der Zeit*)¹⁾ Тѣмъ, что Онъ осуществилъ эту жертву, Онъ одинъ создалъ эту связь между небомъ и землею. Всѣ, кто истинно вѣруетъ въ Него, ощущаютъ достойную удивленія сверхъестественную, непонятную для разума любовь, это превосходящее силы человѣка явленіе. Святой огонь, возженный на землѣ этимъ новымъ Прометеемъ, продолжаетъ существовать и сохраняетъ силу, которую не можетъ погасить время—этотъ великій гаситель. Это мнѣ доказываетъ вполнѣ Божество Иисуса.

„И я, Наполеонъ, преклоняюсь съ удивленіемъ предъ этимъ, тѣмъ болѣе, что я самъ стремился пріобрѣсть себѣ подобныхъ послѣдователей. Я воодушевлялъ многія тысячи людей, которія за меня шли на смерть. Но да предохранить меня Господь—допустить возможность сравненія этого энтузіазма солдатъ съ христіанскою любовью. Они настолько различны, какъ и ихъ побужденія. Слово, взгляды мои воодушевляли всѣхъ. Я обладалъ тайною той чарующей силы, которая возбуждаетъ духъ, но эту силу я никому не могъ передать. Я также не обладалъ тайной увѣковѣчить въ сердцахъ людей мое имя и любовь ко мнѣ. Теперь, когда я заключенъ на скалѣ св. Елены, кто еще будетъ за меня сражаться, куда дѣлись въ моемъ несчастіи мои придворные, кто обо мнѣ еще беспокоится въ Европѣ, кто мнѣ остался вѣрепъ, гдѣ мои

¹⁾ Т. е. пожертвованіемъ временемъ въ видахъ вѣчности.

друзья? Это вы, да еще два, три человекъ. Ваша вѣрность сдѣлаетъ васъ безсмертными, вы раздѣляете мою ссылку и утѣшаете меня.

„Наша судьба могла считаться блестящею, а что теперь осталось отъ озарявшаго меня блеска,—скоро меня и на землѣ уже не будетъ. Такова судьба великихъ людей, такова же была судьба Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ. Намъ забудутъ, имена завоевателей останутся только въ школьныхъ учебникахъ. Только что Людовикъ XIV скончался, какъ всѣ покинули его спальню; никто изъ его придворныхъ о немъ уже болѣе не заботился. Онъ уже пересталъ быть господиномъ, онъ сталъ трупомъ, и его ожидалъ уже гробъ, могила, и начиналось разложеніе...

„Еще немного, и та же участь постигнетъ и меня; умерщвленный Англіей я умираю прежде времени, и мои останки будутъ преданы землѣ. Вотъ участь, ожидающая великаго Наполеона. Какая пропасть отдѣляетъ мое бѣдственное положеніе (Elend) отъ вѣчнаго господства Христа, котораго повсюду въ мірѣ проповѣдуютъ, любятъ, на котораго молятся, и Который живетъ до сихъ поръ. Его смерть—развѣ это значитъ умереть?! Не значитъ ли это напротивъ—вѣчно жить!“¹⁾

Таково мнѣніе Наполеона о христіанствѣ и о Христѣ, высказанное имъ на о. св. Елены.

Конечно, оно можетъ быть значительно преувеличено или измѣнено въ мемуарахъ Бертрана, Монтолона и другихъ послѣдователей. Но въ сущности они несомнѣнны, потому что въ нихъ выразительно звучитъ высокоумѣрный эгоистическій голосъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они отличаются гранитной твердостью мысли и слога, которыми характеризуются самыя лучшія выраженія Наполеона. Кромѣ того,

¹⁾ Это мнѣніе Наполеона приведено между прочимъ и въ книгѣ д-ра Шаффа: „Иисусъ Христосъ—чудо исторіи“, изд. 3-е. 1896 г., стр. 189—195. Но здѣсь оно неполно и неточно. Но за то здѣсь указаны тѣ источники, откуда могла почерпнуть это мнѣніе австрійская газета. Это: „Robert-Antoine de Beauterne: Sentiment de Napoleon sur le Chistianisme... Парижъ. 1843 г. 3 олл.“

это мнѣніе нисколько не противорѣчитъ тѣмъ неоспоримымъ фактамъ, что Наполеонъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи объявилъ себя членомъ католической церкви, гдѣ, какъ это всѣмъ извѣстно, постоянно и настойчиво проводится ученіе о Божествѣ Иисуса Христа.

Если же Наполеонъ такъ высоко смотрѣлъ на христіанство и на его основателя—Христа, то какъ же тогда онъ могъ допустить во время своего пребыванія въ Москвѣ такія дикія и кощунственныя выходки въ христіанскихъ храмахъ?

Намъ кажется, что устранить кажущееся противорѣчіе въ данномъ случаѣ возможно, но только при одномъ условіи, именно: если мы такую глубокомысленную оцѣнку христіанства Наполеономъ отнесемъ ко времени заточенія его на островъ св. Елены.

Дѣйствительно, въ продолженіе всей своей жизни Наполеонъ такъ сильно былъ занятъ своими военными планами, что не имѣлъ свободной минуты серьезно подумать о религіозныхъ предметахъ, даже когда и случай представлялся къ тому. Въ виду этого онъ свободно могъ предаться такому кощунству, о которомъ повѣствуетъ намъ исторія. Тѣмъ болѣе, что онъ былъ католикомъ. А католики, какъ извѣстно, крайне нетерпимо и враждебно настроены по отношенію къ православной святынѣ.

Когда же Наполеонъ былъ сосланъ на островъ св. Елены, гдѣ свой досугъ онъ могъ заполнить только чтеніемъ священныхъ книгъ, у него, естественно, открылись глаза, и онъ серьезно и съ любовью сталъ заниматься религіозными вопросами. Думаемъ, и даже убѣждены, что въ этотъ періодъ онъ ни за что не допустилъ бы того, что къ своему стыду и даже позору допустилъ онъ въ Москвѣ. Невольно припоминается при этомъ то, что сказалъ св. ап. Павель о распявшихъ Господа Иисуса Христа іудеяхъ: *аще бы быша разумѣли, не быша Господа [славы] распяли* (1 Кор. 2, 8).

Законоучитель Одесской 2-й м. гимназій

Свящ. Ал. Введенскій.

Современная теософія и ея слабыя стороны.

(Продолженіе).

II.

Отъ общаго обзора внѣшнихъ теософическихъ основоположеній и задачъ перейдемъ къ разсмотрѣнію и внутренняго содержанія современной теософіи.

Теософія много говоритъ о Богѣ, божественности и божественномъ совершенствѣ. Отсюда естественнѣе всего поставить первымъ вопросомъ внутренняго ученія ея понятіе о Богѣ.

Мы уже знаемъ, что современная теософія не признаетъ Личнаго Бога. Знаемъ и то, что всѣ общечеловѣческія стремленія и обращенія къ Личному Богу она считаетъ бесполезными и учитъ людей въ самихъ себѣ видѣть предметъ божественнаго исканія и вѣчныхъ надеждъ. Что же говоритъ она о Богѣ и какой смыслъ влагаетъ въ это великое слово?

Теософія различаетъ Бога, какъ безконечное Бытіе, отъ раскрытія этого Бытія черезъ проявленнаго Бога, развивающаго и руководящаго Вселенной. Только лишь къ этому проявленному во Вселенной и тѣмъ самымъ ограничившему себя Богу и возможно примѣнить въ иныхъ случаяхъ выраженіе: „Личный Богъ“. Но чистая идея Бога, по ея мнѣнію, внѣ границъ какой бы то ни было личности. Онъ—во всемъ, и все—въ Немъ“ (Безантъ), и

дѣйствительно, Онъ есть все. О Немъ, о Безконечномъ, Абсолютномъ, Который есть все, мы можемъ сказать одно: „Онъ есть“. (Краткій очеркъ теософіи. Ч. Ледбитеръ. Калуга 1911 г. 26—7).

Теософія, такимъ образомъ, хочетъ сказать, что чистая идея Бога, Безконечное Бытіе, Абсолютное—сознанію людей совершенно недоступно, кромѣ того, что „Онъ есть“. Это высшій непроявленный Божественный принципъ, непознаваемый Божественный абстрактъ, Абсолютный Первоисточникъ, превышающій всякое человѣческое представленіе. (Безантъ. Древняя мудрость. 31).

Какимъ образомъ однако теософія можетъ знать о существованіи этого непознаваемаго Абсолюта, и почему представленіе, что „Онъ есть,“ не составляетъ превышенія всякаго человѣческаго представленія о Немъ, она не объясняетъ. Она просто въ этомъ случаѣ ссылается на только ей извѣстныхъ охранителей древней Мудрости и совершенно не устраняетъ того противорѣчія, какое уже съ первыхъ строкъ замѣчается въ ея понятіи о Богѣ.

Теософія считаетъ, что безконечное Бытіе не только не познаваемо и выше всякаго человѣческаго представленія о Немъ, но что знаніе о Немъ для земного человѣка бесполезно. По ея мнѣнію, для нуждъ нашей земной жизни и бесполезно подниматься выше того чудеснаго и славнаго проявленія Его—нѣсколько менѣе недоступнаго для нашего сознанія—той великой направляющей Силы или Божества нашей собственной солнечной системы, которую философы называютъ Логосомъ. (Ч. Ледбитеръ. Краткій очеркъ теософіи. 27). Съ этимъ Логосомъ мы и должны имѣть дѣло.

Онъ самъ ставитъ себѣ границы, добровольно очерчиваетъ область своего собственнаго бытія, являясь проявленнымъ Богомъ. (Безантъ. 30). И все, что когда-либо люди говорили о любви, мудрости, могуществѣ, терпѣніи и состраданіи Бога, объ Его всевѣдѣніи и вседѣйственности—все это лишь слабое понятіе о Логосѣ солнечной

системы. Но люди не должны дѣлать предметъ вѣры нѣго существованія. Они имѣютъ знаніе о Немъ, не въ смыслѣ непосредственнаго знанія о Немъ въ предѣлахъ чисто человѣческаго развитія, а въ смыслѣ неопровержимой очевидности Его воздѣйствія и Его промысла во всемъ. Неопровержимая очевидность Его открывается особенно при изученіи нами невидимыхъ міровъ, которые въ дѣйствительности составляютъ продолженіе нашего земного міра, и дѣлается абсолютной увѣренностью для каждаго ясно видящаго Его Могущее Существованіе. (Ледбитеръ, 28—29).

Немудрено догадаться, почему, по мнѣнію теософіи, бесполезно людямъ подниматься выше этого такъ называемаго Солнечнаго Логоса и почему не нужно дѣлать изъ него предметъ вѣры. Вѣру въ Бога теософія вообще изгоняетъ, такъ какъ она, вѣра—достояніе низшихъ ея религій. Эту вѣру теософія хочетъ замѣнить знаніемъ о Богѣ. Но такъ какъ сущность Божію теософія при всѣхъ своихъ самыхъ усовершенствованныхъ методахъ познанія не можетъ сдѣлать объектомъ своихъ экспериментовъ и совершенно бессильна въ этомъ, то она прямо отбрасываетъ высшее и, такъ сказать, трансцендентное знаніе о Богѣ. Волей—неволей она должна ограничить это высшее знаніе о Немъ абстрактной идеей Его Бытія. При гносеологическомъ способѣ воспріятія божества больше о немъ ничего нельзя и сказать,—потому, очевидно, оно и бесполезно для человѣка.

Но мы знаемъ, что область вѣры восполняетъ недостатки гносеологическаго познанія Бога. Въ дѣйствительности даже слабое, возможное для человѣка наибольшее приближеніе къ Богу перерождаетъ и вдохновляетъ человѣка (Видѣніе Исаи 6 гл. и видѣніе Ап. Павла. 2 Кор. 12, 1—5), а не то, что бесполезно.

Теософія, конечно, скажетъ, что она не только признаетъ это, но считаетъ, что всѣ человѣческія представленія о божествѣ составляютъ лишь слабое понятіе о чудномъ

и славномъ Логосѣ. Она даже особенно настойчиво говорить, что Логосъ болѣе и болѣе становится намъ очевиднымъ при изученіи жизни невидимыхъ міровъ.

Но, очевидно, это будетъ игра словами и синонимами. подъ которыми теософія разумѣетъ совершенно иное содержаніе. Логосъ философовъ и Логосъ Евангелія совершенно не то, что считаетъ за Логосъ нашей солнечной системы теософія.

Теософическій Логосъ—это выраженіе Бога во Вселенной. И все, что человѣкъ можетъ достигнуть при самыхъ наилучшихъ и болѣе и болѣе развивающихся методахъ ея познанія и изученія во всей ея гармоніи, красотѣ, силѣ и совершенствѣ,—все это и возможное въ этихъ предѣлахъ теософія и считаетъ за откровеніе Логоса. Ово вполне доступно ея гносеологическому методу, потому она и не считаетъ для нуждъ нашей земной жизни возможнымъ и полезнымъ всякое другое познаніе Бога. Но это и выражаетъ безсиліе и ограниченность ея такъ называемаго вселенскаго и универсальнаго знанія.

Эта мысль какъ-то невольно напрашивается при изученіи теософіи и набрасываетъ тѣнь на ея доктринальное построеніе. Она не оставляетъ изучающаго теософію даже и тогда, когда послѣдняя старается изобразить необъятность своего Логоса въ самыхъ высокихъ и глубокихъ выраженіяхъ.

Актomъ ограниченія сферы своей дѣятельности Логосъ набрасываетъ внѣшнее очертаніе своего творенія. Внутри этой границы проявленный міръ рождается, развивается и умираетъ. Матерія, образующая объективный міръ, есть эманация Логоса; ея силы и энергіи суть токи Его жизни; Онъ пребываетъ въ каждомъ атомѣ, все проникая, все держа и развивая, Онъ—Источникъ и Конецъ Вселенной, ея причина и ея цѣль, ея центръ и окружность.

Откровеніе Логоса или Самораскрытіе Его, по ученію теософіи, совершается въ трехъ Упостасяхъ. „Первый Логосъ—Корень Бытія; изъ Него исходитъ Второй, раскры-

вающій обѣ стороны бытія, первичную двойственность, образующую оба полюса природы, въ предѣлахъ которыхъ созидается вся ткань вселенной, Жизнь и Форма, Духъ и Матерія, положительное и отрицательное, активное и пассивное, Отецъ и Мать міровъ. Затѣмъ—Третій Логосъ, вселенскій Разумъ, въ которомъ все уже существуетъ въ идеяхъ, Онъ же—источникъ всего сушаго, родникъ образующихъ энергій, сокровищница, хранящая въ себѣ всѣ первообразы формъ, которыя въ теченіе міровой эволюціи должны появиться и выработаться въ низшихъ типахъ матеріи. Первообразы эти суть плоды предшествовавшихъ міровъ, и они же служатъ посѣвомъ для настоящаго міра“ (Безантъ. 31).

При этомъ теософія признаетъ матерію, какъ нѣчто живое и органически связанное съ духомъ. „Матерія есть форма, и нѣтъ формы, которая не служила бы выраженіемъ для жизни; духъ есть жизнь, и нѣтъ жизни, которая не была бы ограничена формой. Даже и Логосъ, верховный Владыка Жизни, проявляясь облекается во Вселенную, которая и служить для Него формой, и то же самое повторяется вездѣ, вплоть до мельчайшаго атома“ (Безантъ. 33).

Такимъ образомъ, Логосъ теософіи, съ которымъ только и полезно земному человѣку имѣть дѣло, постоянно ограничиваетъ себя формо-матеріей. И намъ думается, какъ бы убѣдительно ни считала его теософія „родникомъ образующихъ энергій“,—все же Онъ не въ силахъ влить въ людей вдохновеніе и энергію, если бы эти люди были высоко религіозны и порвали бы всякую связь съ своей индивидуальной вѣрой въ Бога. Въ предѣлахъ только теософическаго Логоса имъ стало бы чрезвычайно грустно, и вмѣсто живой силы въ себѣ они почувствовали бы безысходную тоску, тупое и боязливое направленіе мысли и воли.

Надо имѣть чудовищную смѣлость мысли и колоссальную волю, чтобы при всей многообразной и ежеминутной

измѣчивости Логоса, при всѣхъ его уловимыхъ и неуловимыхъ строеніяхъ, перестроеніяхъ и разрушеніяхъ, создать въ себѣ „абсолютную увѣренность“ въ Его божественную силу.

Идея Безконечнаго Бытія или Абсолюта едва ли что можетъ помочь здѣсь. Она можетъ мыслиться, но практическаго значенія въ жизни религіознаго человѣка не имѣетъ и до нея вообще, по мнѣнію теософін, бесполезно подниматься.

При этомъ надо замѣтить, что, при всемъ стремленіи теософін построить понятіе о Богѣ и божествѣ на строгомъ единствѣ, въ дѣйствительности въ ея гносеологіи божества остается недоумѣніе кажущейся дуалистичности его, а можетъ быть даже и дѣйствительной. Съ одной стороны—Безконечное бытіе, съ другой—самораскрывающійся, проявленный Логосъ. Хотя послѣдній происходитъ изъ глубины единаго Безконечнаго бытія, тѣмъ не менѣе въ земныхъ условіяхъ нашего бытія Логосъ имѣетъ, можно сказать, въ теософін единственно самодовлѣющее значеніе.

Да и въ Логосѣ постоянно сквозитъ чередующаяся двойственность. Въ лонѣ Его теософія видитъ „Жизнь и Форму, Духъ и Матерію, положительное и отрицательное, активное и пассивное, Отецъ и Мать міровъ“.

Для теософін это не есть только методъ метафизическаго объясненія дѣятельности Логоса. Эту двойственность въ Логосѣ она преднамѣренно усматриваетъ и на ней стремится создать сложную и запутанную концепцію преемственности и страшной множественности міровъ.

Очевидно, теософическое понятіе о Богѣ и божествѣ очень рискованно называть „идеалистическимъ монизмомъ“, какъ любитъ называть его предсѣдательница Россійскаго Теософическаго Общества, А. А. Каменская. (Теософія и богостроительство. 6).

Въ существѣ своемъ оно есть пантеизмъ. Теософія и сама такъ понимаетъ его, но считаетъ духовнымъ пантеизмомъ. Въ теоріи это и можетъ казаться, но въ дѣй-

ствительности и на практикѣ это понятіе божества можетъ близко соприкасаться съ матеріалистическимъ пантеизмомъ. Логосъ вѣдь не иначе можетъ проявлять себя, какъ только черезъ форму, которой служитъ для него Вселенная, а форма и есть Матерія. Это слова самой Безантъ (Древняя Мудрость. 33).

Однако теософія усиленно отдѣляетъ себя отъ матеріалистическаго пантеизма и, чтобы не обидѣть ее, мы не будемъ особенно настаивать на этомъ нашемъ послѣднемъ утвержденіи по поводу названной выше ея соприкосновенности. Но мы будемъ настаивать, что выводы по поводу этой соприкосновенности вполнѣ возможны и очень часто не въ пользу теософіи, хотя она, можетъ быть, и не имѣетъ ихъ въ виду въ конечномъ итогѣ.

Это обстоятельство можно объяснить тѣмъ, что теософія въ свой такъ называемый универсальный синтезъ стремится воплотить все ей нужное и важное, чтобы потомъ какъ-нибудь прилести къ своей системѣ всѣ выводы религіозныхъ и научныхъ системъ. Въ итогѣ получается доктрина, сшитая живыми нитками, а выводы часто получаются не въ пользу теософіи и являются какъ бы наказаніемъ за разнузданную произвольность теософическаго синтеза.

Намъ много придется говорить объ этой произвольности въ разсмотрѣніи и другихъ вопросовъ внутренняго содержанія теософіи. Въ данномъ же случаѣ эта произвольность и вмѣстѣ фантастичность выступаетъ въ теоріи трехъ Упостасей Самораскрытія Логоса.

Теорія трехъ Упостасей соткана теософіей въ параллель и противовѣсь христіанству, съ которымъ она, конечно, не можетъ и не въ силахъ не считаться. И мы уже знаемъ изъ словъ А. Безантъ, въ чемъ состоитъ это крайне фантастическое Самораскрытіе Логоса въ трехъ Упостасяхъ.

Теософія говоритъ, что Логосъ нашей солнечной системы съ незапамятныхъ временъ троиченъ и единъ и приписываетъ это ученіе всѣмъ религіямъ, даже и маго-

метанской. Произвольность такого приписыванія очевидна сама собой, ибо далеко не всѣ религіи признавали единство и троичность божества. Даже родственная христіанству официальная іудейская религія упорно боролась и борется противъ троичности Упостасей въ единомъ божествѣ. А объ магометанствѣ нечего и говорить.

Само собою понятно, что между христіанскимъ ученіемъ о Троичности Лиць Пресвятой Троицы и теософическимъ Самораскрытіемъ Логоса въ трехъ Упостасяхъ нѣтъ совершенно ничего общаго. Параллель тутъ вышла ужасно грубая и невозможная. Но на основаніи ея теософія считаетъ, что она способна поглотить въ себѣ христіанство, а его высочайшій догматъ о Троичности считаетъ менѣе понятнымъ, чѣмъ теософическій Троичный Логосъ, бросающій якобы яркій свѣтъ на познаніе истины (Ледбитеръ. 29).

Однако, очевидно для теософіи требуется санкція христіанства, если пишутся теософами статьи съ доказательствомъ, конечно, крайне произвольнымъ, о непротиворѣчии теософіи христіанству (Вопросы Теософіи. В. 1. 149 стр.). Все нужно зафальшивить и затушевать, чтобы не было яркаго противорѣчія и чтобы не смущалась пугливая совѣсть неустойчивыхъ и колеблющихся теософовъ.

Санкція и согласіе христіанства въ этомъ случаѣ нужны теософіи для поддержанія авторитета этой крайне произвольной, фантастической и запутанной, если не сказать еще—темной и непонятной—теоріи Самораскрытія Логоса въ трехъ Упостасяхъ.

Чего-чего нѣтъ въ этомъ Логосѣ тріенпостаснаго Самораскрытія. Тутъ—и монизмъ, и пантеизмъ, и дуализмъ, и чистая Идея, и Духъ, и Матерія, и вселенскій Разумъ. Тутъ всѣ виды и формы противоположностей и различій. Становится чрезвычайно любопытно знать, какъ въ головахъ теософовъ можетъ умѣщаться это чудовищно-эक्лектическое ученіе о Логосѣ, производимое черезъ призму трехъ какихъ-то ненужныхъ и ужасно-фантастичныхъ Упостасей.

Это учение о Логосѣ было бы еще понятно, если бы теософія представляла его, какъ своеобразный метафизическій синтезъ обоснованія вещей, ихъ бытія и крайняго смысла ихъ измѣнчивости и множественности. Но теософія хочетъ видѣть въ своемъ Логосѣ реальное и потенциальное бытіе всѣхъ міровъ и вещей и притомъ при условіи взаимоисключающихъ и другъ другу противорѣчающихъ величинъ и разностей, такъ что учение ея о Самораскрытіи Логоса въ трехъ Упостасяхъ является чрезвычайно страннымъ и чрезвычайно необъяснительнымъ.

И вообще нужно сказать, что гносеологическая попытка современной теософіи замѣнить человѣчеству Личнаго Бога своимъ Логосомъ окончилась жалкими и мало что значущими словами.

Но теософія недаромъ видитъ въ своемъ Логосѣ реальное и потенциальное бытіе всѣхъ міровъ и вещей. На немъ она стремится построить и другія основоположенія своего ученія, которыя въ силу своей существенной связи съ нимъ являются не менѣ проблематичными.

Изъ ученія о Самораскрытіи Логоса вытекаетъ и теософическое понятіе о добрѣ и злѣ.

Если Логосъ содержитъ въ себѣ „первичную двойственность“, „положительное и отрицательное“, если Онъ хранитъ въ себѣ „всѣ первообразы формъ, которыя въ теченіи міровой эволюціи должны появиться и выработаться въ низшихъ типахъ матеріи“, если, наконецъ, Вселенная есть наилучшая и абсолютная совершенная форма проявленія, то добро и зло въ мірѣ являются чрезвычайно условными синонимами. Подъ понятіями добра и зла съ теософической точки зрѣнія разумѣются только различныя стадіи развитія всѣхъ формъ и выраженій Логоса во Вселенной отъ высшихъ къ низшимъ и обратно. Добро и зло понятія относительныя. Въ одномъ отношеніи добро можетъ казаться добромъ, въ другомъ—зломъ. Равнымъ образомъ и зло въ различныхъ отношеніяхъ можетъ быть добромъ.

Добро и зло—рядъ противоположностей и разнообразно-

стей человѣческихъ отношеній. Что ближе къ началу Логоса, то—добро; что дальше отъ него, то—зло. Что содѣйствуетъ познанію Логоса, слянію съ Нимъ, выясненію Истины въ Немъ, то—добро. Напротивъ, что задерживаетъ стремленіе къ Нему и познаніе Истины, то и зло. А въ дѣйствительности вѣтъ ни зла, ни добра; существуютъ же только безконечныя вибраціи положительнаго и отрицательнаго, сливающіяся въ конечномъ итогѣ въ единое добро. Все—добро,—надо только умѣть понимать его и разумно стремитъ видѣть во всемъ высшую цѣль и неуклонно и неумоимо осуществлять ее.

По ученію теософін, не смотря на видимости, все разумно направлено къ добру; всѣ событія, какъ бы нежелательны они ни казались для насъ, въ дѣйствительности представляютъ изъ себя именно то, что нужно; все окружающее насъ направлено не къ тому, чтобы мѣшать, а чтобы помогать намъ, если мы сумѣемъ вѣрно разобраться въ значеніи этого окружающаго“ (Ледбитеръ. 19).

Съ высшей теософической точки зрѣнія, всюду царитъ ненарушимый миръ, и „знаніе истинной сути вещей“ обнаруживаетъ, что „встрѣчное теченіе зла, которое—казалось—готово одолѣть потокъ прогресса, на самомъ дѣлѣ является лишь легкимъ волненіемъ поверхности, ничтожными водоворотами, которые—въ наблюдаемой точкѣ—производятъ впечатлѣніе обратнаго движенія воды“ (Ледбитеръ. 31—32).

Взглядъ теософій на добро и зло въ исторіи человѣческой мысли не новый и едва-ли онъ кого можетъ удовлетворить въ конечномъ итогѣ, особенно изъ людей религиозно-настроенныхъ. Корни этого взгляда—въ оптимистическихъ теоріяхъ зла, главнѣйшимъ образомъ,—въ интеллектуалистической теоріи, основывающейся на эволюціи развитія вещей. Никого не убѣдили эти теоріи, что зла нѣтъ на землѣ, что въ мірѣ все благополучно и спокойно идетъ къ добру.

И какимъ злораднымъ диссонансомъ звучатъ громы на

Балканахъ, и струятся ручьи человѣческой крови, когда мы читаемъ, что въ высшемъ уровнѣ теософическаго знанія истины царитъ ненарушимый миръ. Долго еще надо убѣждать и просвѣщать человѣчество, чтобы оно рѣшительно отказалось считать войну и пролитіе крови зломъ. Конечно, и сама теософія смотритъ на войну и пролитіе братской крови, какъ на зло,—это вѣрно. Но по ея теоріи, и война, и пролитіе крови „разумно направлено къ добру“, ибо „всѣ нежелательныя событія“ въ дѣйствительности содѣйствуютъ божественному плану Логоса. Какъ будто Логосъ не можетъ и не въ силахъ миновать этой ужасной необходимости осуществленія своего божественнаго плана.

Не будемъ однако настаивать только на этихъ выводахъ, которые всегда оказываются какимъ-то рокомъ для теософіи. Разберемся во взглядахъ ея на добро и зло по существу.

У теософіи въ этомъ случаѣ есть и вѣрная мысль, общая съ оптимистическими теоріями о злѣ. Она состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ нашемъ состояніи зло иногда можетъ быть условіемъ добра, и что иногда „нѣтъ худа безъ добра“.

Но развѣ это говорить о томъ, что зло всегда является безусловнымъ и необходимымъ условіемъ добра? Если же оно является именно таковымъ, то не уничтожаетъ ли тѣмъ самымъ теософія всякое различіе между добромъ и зломъ, даже синонимическое? Едва ли въ такомъ случаѣ она можетъ говорить о различіи положительнаго и отрицательнаго, активнаго и пассивнаго, о желательныхъ и нежелательныхъ событіяхъ въ Логосѣ. Тогда можно ли даже ставить различіе между Богомъ, какъ Безконечнымъ Бытіемъ, и раскрытіемъ этого Бытія чрезъ проявленнаго Логоса.

Все—разумно добро и все направлено къ божественному плану. Все одинъ сплошной и бурный потокъ прогресса. И однако, зло все больше и больше растетъ на землѣ, не-

смотря на всѣ многообразные пути и методы къ истинѣ, несмотря на огромное развитіе человѣчества. А теософія, обладающая всѣмъ наилучшимъ достояніемъ наукъ и религій, иногда не въ силахъ даже побѣдить сепаративныхъ чувствъ Финляндской секціи Теософическаго Общества въ отношеніи ея Россійской секціи.

Въ дѣйствительности, сколько борьбы и труда затрачено человѣчествомъ на уничтоженіе зла! Всѣ религіи своимъ высшимъ идеаломъ ставили и ставятъ уничтоженіе зла. Всѣ философскія системы пытались разрѣшить исконную проблему добра и зла. И не можетъ быть, чтобы въ этомъ колоссальномъ опытѣ познанія добра и зла всего человѣчества теософія увидѣла только фикцію зла.

Въ дѣйствительности, несмотря на свои храбрые оптимистическіе взгляды на зло, какъ на то или другое разумное условіе добра и божественнаго плана Логоса, теософія остро чувствуетъ всю громадную силу зла и его постоянную опасность. „Разыскивай пути“, говоритъ Блаватская въ „Голосѣ Безмолвія“. „Ранѣе, чѣмъ сдѣлаешь первый шагъ, научись различать истинное отъ неистиннаго, переходящее отъ пребывающаго“... „закали свою душу противъ обольщеній своей самости“... (Голосъ Безмолвія. Калуга. 1908 г. 32... 57 стр.).

Вся дисциплина теософіи, всѣ ея рѣчи объ эволюціи, о воплощеніяхъ и перевоплощеніяхъ, о приближеніи къ Логосу и Истинѣ,—все это разнообразные методы борьбы съ дѣйствительнымъ, а не кажущимся только зломъ. И пусть она борется. Чѣмъ больше борьбы съ нимъ, тѣмъ лучше.

Но эта борьба будетъ совершенно ненужной и бесполезной, если она будетъ учить своихъ членовъ и вообще людей называть зло не своимъ настоящимъ именемъ, а видомъ или условіемъ добра. Врагъ чѣмъ явнѣй и видѣе, тѣмъ онъ слабѣе и тѣмъ легче бороться съ нимъ. Иначе легко не замѣтить его или ошибиться и принять его за добро, и тогда уже несравненно труднѣе бороться съ нимъ и побѣдить его.

Съ другой стороны, при теософическомъ взглядѣ на зло легко можетъ возникать мысль, что все позволено, и что всѣ средства хороши и одинаково разумны. Принципъ зла станетъ поглощающимъ началомъ человѣческой дѣятельности. Вся дѣятельность добра пойдетъ на смарку. Уничтожится всякое чутье правды, заростутъ и заглохнутъ всѣ пути къ истинѣ. И можетъ случиться, что „потокъ прогресса“ будетъ, выражаясь языкомъ теософовъ, „обратнымъ движеніемъ воды“... Едва ли это можетъ быть утѣшительнымъ для теософіи и желательной наградою всѣхъ ея усилій на пути къ добру.

Но для теософіи это предостереженіе имѣло бы убѣдительную силу, если бы она не имѣла надежды на то, что человѣкъ, какъ бы далеко ни стоялъ и ни ушелъ отъ добра, правды и истины, какъ бы онъ ни былъ золь, низокъ и мерзостень,—рано или поздно сдѣлается не только въ высокой степени добрымъ и хорошимъ, но и несомнѣнно станетъ на уровень Божественности.

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ теософическому ученію о божественности человѣческой природы по существу и несомнѣнномъ обожествленіи ея въ теченіе безконечнаго періода времени и міровъ. И намъ необходимо остановиться на этой весьма важной „истинѣ“ теософіи и выяснить, хотя бы въ общихъ чертахъ, весь ея чудовищный гиперболизмъ.

Изъ Самораскрытія все одного и того же теософическаго Логоса, облекающагося во Вселенную, вытекаетъ, что Богъ въ насъ, также какъ и внѣ насъ, и что, слѣдовательно, человѣкъ по существу своему божествененъ.

„Человѣкъ, говоритъ Безантъ, есть отраженіе проявленнаго Бога и потому въ основѣ своей троиченъ; его истинное и реальное я вѣчно и едино съ Я вселенной“ (Древняя Мудрость. 4).

Истинный человѣкъ, говоритъ Ледбитеръ, „представляетъ собою эманацию Логоса, искру Божественнаго огня. Духъ, заключенный внутри человѣка, по сути своей единъ

съ Богомъ, и этотъ Духъ облекается въ его душу какъ въ покровъ; въ покровъ, который заключаетъ его, индивидуализируетъ и, для нашего ограниченнаго вѣдѣнія, отдѣляетъ его на время отъ остальной божественной жизни“ (44—45).

„Человѣкъ безсмертенъ. Слава и величіе его будущаго не имѣетъ предѣловъ. Истинный человѣкъ—это душа, тѣло же его—лишь проводникъ души. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ разсматривать все съ точки зрѣнія души, и каждый разъ, когда въ немъ поднимается внутренній разладъ, онъ долженъ отождествлять себя съ высшей частью своего существа, а не съ низшей“.

„Человѣкъ имѣетъ позади себя огромную эволюцію, изученіе которой въ высшей степени поучительно. И онъ имѣетъ впереди себя свѣтлую эволюцію, изученіе которой еще болѣе поучительно и еще болѣе интересно“. И „абсолютно вѣрно то, что человѣческая душа должна достигнуть предназначенной ей цѣли, какъ бы велико ни казалось ея отклоненіе отъ пути эволюціи“ (Ледбитеръ. 18. 19, 20, 21).

Эволюція человѣка совершается путемъ многочисленныхъ воплощеній; къ воплощенію его тянутъ желанія, освобождается же онъ отъ необходимости воплощенія путемъ знанія и самопожертвованія, становясь божественнымъ въ дѣятельной силѣ, какъ онъ былъ всегда божествененъ въ скрытомъ состояніи“ (Древняя Мудрость. 4).

Таковы существенные выводы и вождельныя надежды теософіи на божественность человѣка.

Мы постарались въ этомъ случаѣ дать мѣсто самимъ теософамъ очертить въ главныхъ и наиболѣе выпуклыхъ чертахъ всю характерность божественности человѣка. Дѣйствительно, ярко и красиво говорится о человѣкѣ. Безконечныя божественныя перспективы ожидаютъ его. Громадная и свѣтлая эволюція позади и впереди обезпечиваютъ безконечный, тонкій и сложный путь его божественнаго шествія.

Послѣ этого, зачѣмъ ему всю свою вѣковую исторію простирать руки къ какому-то Личному Богу и въ честь Его проливать святую жертвенную кровь?! Зачѣмъ ему и беспокоиться о путяхъ любви, правды и истины, если чудный механизмъ его земнаго бытія рано или поздно приведетъ его на уровень Божественности?

И какъ поздно узнало человѣчество эту „абсолютную“ увѣренность въ неизмѣнномъ и безусловномъ движеніи своемъ въ лоно божественности! Вѣдь ему всю вѣковую исторію его твердили и всѣми мѣрами опыта всѣхъ религій увѣряли, что оно, хотя и близко, и родственно божеству по своему духу, но на вѣки вѣчные лишится близости и участія въ божественной жизни, если своими подвигами и трудами всей жизни не заслужитъ этого. И не даромъ твердили.

Несмотря на огромную эволюцію, о которой говорятъ теософы, человѣчество едва-ли повѣритъ въ свой чудный механизмъ, постоянно подвергающійся всевозможнымъ поломкамъ и разрушеніямъ, и необходимо, и неизмѣнно созидающійся свой золотой вѣкъ. Изъ самой глубокой и сѣдой дали и старины вѣковъ оно слышитъ обманчивое обѣщаніе: будешь богомъ, знающимъ добро и зло. Давно оно знаетъ и рѣчи о человѣко-богѣ и человѣко-божествѣ. И все же опытомъ своей всей жизни оно не можетъ отказаться отъ мысли о своемъ ничтожествѣ и безсиліи. Искони вѣковъ оно жаждало Богообщенія и Боговоплощенія и въ своихъ святыхъ жертвахъ всегда выражало горячую вѣру и надежду на это. Устами лучшихъ мудрецовъ древности: Сократа, Платона и др. оно всегда заявляло о необходимости Божественной помощи на землѣ и нашло въ христіанствѣ самое высшее и лучшее воплощеніе этихъ своихъ мыслей и чаяній.

Пусть, однако, теософія обѣщаетъ необходимость божественности и обожествленія. Но увѣрена ли она въ томъ, что въ необходимости и безусловности человѣческаго обожествленія заключается дѣйствительное

благо? Въдѣ по существу въ необходимости и безусловности заключаются золотыя цѣпи детерминизма, и уничтожается дорогая человѣчеству свобода исканія и произволенія. Эту свободу оно цѣнитъ выше всего и ни на что не промѣняетъ, ибо она божественнаго духа и самый прекрасный даръ человѣческой природѣ отъ Бога. И дѣйствительнаго блага не было бы у человѣчества, если бы у него отнять былъ этотъ даръ, а въ замѣнъ его Творецъ далъ бы ему необходимость приходить въ божественное состояніе. При этомъ можно ли допустить, что Творецъ, окруживъ человѣчество миражемъ и иллюзіей свободы, въ дѣйствительности опуталъ его тяжелыми и мучительными цѣпями необходимаго обожествленія. Гораздо естественнѣе, проще и болѣе согласно съ высочайшею божественною чистотою и нравственностью создать человѣка прямо высочайшимъ и божественнымъ, чѣмъ подвергать его безконечной эволюціи созданія и пересозданія для приведенія въ божественное состояніе.

Если же иначе невозможно привести человѣка въ это состояніе, если ограничительное состояніе составляетъ необходимый моментъ въ человѣческой природѣ, если огромная эволюція позади человѣчества въ своихъ результатахъ слишкомъ ничтожна и предполагаетъ еще впереди свѣтлую эволюцію безкончнаго уничтоженія всѣхъ ограниченностей и несовершенствъ въ человѣческой природѣ, то очень ясно, что божественность человѣческой природы и будущая ея обожествленность въ дѣйствительности очень условна. Ограничительность и несовершенство человѣка слишкомъ природныя свойства, чтобы при неискоренимомъ въ цѣлые вѣка наличіи ихъ можно было говорить о божественности и обожествленности человѣка.

Подъ божественностью и обожествленностью мы на нашемъ человѣческомъ языкѣ понимаемъ особенную и чудную неизреченность и вѣдѣмость (2 Кор. 12, 2—4), неизобразимую и непредставимую въ земныхъ условіяхъ человѣческой жизни. Подъ аспектомъ этой божественно-

сти намъ кажутся странными и непонятными всё самыя подробныя и сложныя теософическія описанія божественныхъ восхожденій и перспективъ человѣка въ будущемъ. На нашемъ обыкновенномъ языкѣ можно только говорить о приближеніи къ Богу и возможномъ участіи въ божественной жизни—и то не въ природно-человѣческомъ и естественномъ состояніи, а въ духовно-нравственномъ. О раннемъ или позднемъ восхожденіи на уровень Божества здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Отсюда очевидно и то, что теософія говоритъ и разсуждаетъ о божественности, такъ сказать, изреченной и представимой, такой божественности, надъ которой слѣдуетъ поставить большой вопросительный знакъ. Къ этой божественности неприложимы тѣ атрибуты Божества, которыми мы привыкли окружать Его. Божественность теософіи условная, формирующаяся, природно-человѣческая. Въ этомъ отношеніи человѣкъ, если и можетъ быть божествененъ, то отъ этого онъ больше, пожалуй, теряетъ, чѣмъ выигрываетъ.

P.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Духъ митрополита Платона *).

„Онъ былъ къ хозяйству весьма склоненъ и особливую имѣлъ охоту къ строеніямъ“, пишетъ о себѣ митрополитъ Платонъ въ своей автобіографіи. Эту склонность къ хозяйственной дѣятельности Платонъ, по его собственнымъ словамъ, наслѣдовалъ отъ своей матери Татіаны, которая „была домостроительная хозяйка и щадила малое дома содержаніе, чтобъ ничего не издержать на что-либо излишнее“. Домостроительство, склонность къ хозяйству составляетъ типичную черту великорусскаго народнаго характера, и въ митрополитѣ Платонѣ эта народная черта обнаружилась въ молодыхъ еще годахъ, въ гармоническомъ соединеніи съ его великими духовными дарованіями. Блестящія дарованія Платона и въ особенности его проповѣднической талантъ рано доставили ему высокое служебное положеніе и открыли ему путь къ широкой дѣятельности. Въ 1763 году, 26 лѣтъ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ къ Высочайшему Двору, назначенъ законоучителемъ Наслѣдника Престола Павла Петровича и придворнымъ проповѣдникомъ, а на 30-мъ году жизни опредѣленъ былъ архимандритомъ Троицкой Сергіевой лавры.

Занятый исполненіемъ высокихъ и отвѣтственныхъ обязанностей, трудными и новыми отношеніями къ окружающимъ лицамъ Платонъ находилъ время заниматься хозяйственными дѣлами. Занимаясь обученіемъ Великаго Князя, Платонъ, по его словамъ, „къ тому занимался дѣлами, до монастыря и до семинаріи принадлежащими,

*) Продолженіе. См. № 10 „Душ. Чт.“

стараясь и монашествующихъ содержать въ порядкѣ, и училище въ лучшее привести благоустройство, и во всемъ сохранить доброе хозяйство“. Вскорѣ по производствѣ въ архимандрита императрица пожаловала Платону значительную сумму, и это дало ему возможность заняться любимымъ дѣломъ—строеніемъ. „Проходя при Дворѣ свою обыкновенную въ обученіи Государя Наслѣдника и въ сказываніи проповѣдей должность, пишетъ Платонъ въ своей автобіографіи, между тѣмъ упражнялся въ отстройкѣ каменныхъ на подворьѣ палатъ“. Въ первый свой пріѣздъ въ лавру въ санѣ архимандрита Платонъ входилъ подробно въ хозяйственное по лаврѣ и семинаріи распоряженіе.

Широкая хозяйственная дѣятельность Платона начинается съ возведенія его на Московскую кафедру. Эта дѣятельность занимаетъ видное мѣсто въ исторіи славнаго 37-лѣтняго архипастырскаго служенія митрополита Платона въ первопрестольной столицѣ. Самъ Платонъ въ своей автобіографіи перечисляетъ свои хозяйственныя дѣла, какъ важныя среди другихъ архипастырскихъ трудовъ и занятій. Въ Москвѣ и въ особенности въ Троицкой Сергіевой лаврѣ, священно-архимандритомъ которой Платонъ оставался до своей кончины (11 ноября 1812 г.), хранится много замѣчательныхъ памятниковъ его хозяйственной дѣятельности. Въ лаврѣ мы найдемъ такіе памятники, въ которыхъ созидательный духъ великаго іерарха имѣлъ въ виду увѣковѣчить достопамятныя событія лавры, и такіе, которыми его благочестивое чувство желало благоустроить и украсить историческія церкви лавры и ихъ святыни.

Хозяйственная дѣятельность митрополита Платона характеризуется тѣмъ, что въ мелкія подробности чисто практической дѣятельности онъ вносилъ всю душу, и эта дѣятельность являлась выраженіемъ творческой мысли ¹⁾. Къ постройкѣ Виваніи Платонъ приступилъ, когда ста-

¹⁾ О хозяйственной дѣятельности м. Платона см. Душеполезное Чтеніе 1899 г. и 1900 г.

рость и недуги ослабили его тѣлесныя силы, но въ своей строительно-хозяйственной дѣятельности онъ проявилъ замѣчательную юность духа. Когда въ 1783 г. на берегу Вяльцевскихъ прудовъ началось строеніе церкви и монастыря, митрополитъ Платонъ, проживая въ Москвѣ, внимательно слѣдилъ за постройками Виѳанскими, тщательно просматривая представляемые ему рапорты и донесенія о постройкѣ. Въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ митрополита Платона сказывается одна изъ характерныхъ особенностей его хозяйственной дѣятельности—бережливость. На рапортѣ лаврскаго казначея Іоанникія и ризничаго Никанора февраля 1784 года о работахъ, какія нужно произвести въ построенной Виѳанской церкви и объ устройствѣ колокольни надъ монастырскими воротами, Платонъ написалъ: „Подрядить какъ можно выгоднѣе, а колокольную теперь отмѣнить, а сдѣлать поменьше и поискуснѣе, представить планъ и фасадъ, а ворота сдѣлать какъ опробовано, т. е. такъ, чтобы можно было поддѣлать колокольную, когда разсуждено будетъ“.

На донесеніе лаврскаго казначея марта 25 1785 года о томъ, что за кладку нижняго этажа для покоевъ митрополита подрядчикъ проситъ 400 р. и за вырытіе ямы для погребѣ 5 р., митрополитъ написалъ: „болѣе 200 давать не слѣдуетъ, ибо кирпичѣ не надлежало, чтобы болѣе 7000 пошло; фундаментъ не глубже аршина, тески бѣлаго камня не имѣть быть, кромѣ цокольной, а карнизы могутъ быть кирпичные; погребѣ своими вырыть“.

На донесеніи о необходимости свести мусоръ и щебень около церкви и нововыстроенныхъ покоевъ на быкъ къ Ершовской плотинѣ и употребить на это 25 рублей, Платонъ пишетъ: „Ежели сіе своими исправить не можно, то поступить посему, съ тѣмъ, чтобы гужомъ и землю около церкви и новыхъ покоевъ перевести къ пруду, что близъ церкви, окладывая оною землю берега пруда порядочно“.

Лѣтомъ Платонъ пріѣзжалъ осматривать возводимыя въ Виѳаніи постройки, и его внимательный хозяйскій взоръ

усматривалъ малѣйшія неисправности и недодѣлки въ произведенныхъ работахъ. Въ дѣлахъ лаврскаго архива за 1786 годъ сохранилось весьма интересное собственноручное предписаніе Платона, „что нужно въ Виѣвѣнѣ исправить, характеризующее его какъ художника-строителя.

- 1) Шкафъ для книгъ пристроить и замокъ съ петельками припривить.
- 2) Лещадью (полъ) настлатъ, какъ говорено.
- 3) Ворота раскрасить; да и по стѣнамъ внутри воротъ и по своду раскрасить же, а именно: надъ воротами въ выкружкѣ образъ Преображенія, а самыя ворота раскрасить съ лица, отличивъ дорожники и другія штуки по разсужденію живописца, а сзади, то-есть въ монастырѣ, просто краскою безъ отлички. Стѣны же и своды раскрасить разными круговыми пѣвтами, такъ, какъ бываетъ на воротахъ у старинныхъ церквей.
- 4) Но самыя ворота вставлены не въ томъ мѣстѣ: надлежитъ ихъ перенести въ середину, гдѣ для нихъ есть и мѣсто впадиною.
- 5) Монастырь выровнять, но не по ватерпасу: ибо сего много будетъ: а только сгладить, чтобы нигдѣ шероховатаго и возвышеннаго слишкомъ не было: а пологость, что передъ церковью, оставить для стоку воды изъ монастыря; и другую трубу близъ Феодоритовой келіи сдѣлать.
- 6) Около монастыря сторону, что къ плотинѣ, выровнять, чтобы было сколько возможно ровнѣе, хотя и не по ватерпасу.
- 7) Также и около стѣны монастырской землю разравнять, и выровненную площадь, насадя стѣною березами, вычистить.
- 8) А въ линіяхъ березовыхъ землю выровнять и пескомъ поглубже усыпать, а вѣтки низкія подрѣзать.
- 9) Щебень, что у воротъ, очистить и имъ засыпать лощину, что передъ проѣздомъ къ монастырю.
- 10) Сарайчикъ, гдѣ была известъ, разобрать и употребить на дрова.
- 11) Избу (гдѣ жилъ сторожъ) перенести, гдѣ я назначилъ, и сдѣлать печь и огородить плетнемъ дворикъ сажень на 12, чтобы можно жить.
- 12) Въ избу на конюшню перевести штатнаго служителя и съ семьєю, чтобы онъ тамъ жилъ, а выгоды ему тѣ 1) что хотя ходить ему въ лавру

къ работѣ, но одинъ день въ недѣлю оставить ему за его ходьбу. 2) На первый случай сверхъ жалованія выдавать ему съ семьей по 3 р. въ годъ отъ меня. То же и тому, кто въ перенесенной избѣ жить будетъ. И все то, кромѣ раскрашиванія, сдѣлать наемными людьми, чтобы все было готово къ 1 августа. А за раскрашиваніе будетъ плата, и сумму употреблять мою. Берегъ у нововыкопаннаго пруда выстлатъ дерномъ и провести трубу въ прудъ изъ монастыря“.

Въ 1786 году послѣдовало освященіе въ Виѳаніи церкви, замѣчательнаго памятника художественно-строительной дѣятельности митрополита Платона. Усердные исполнители геніальнаго плана митрополита: намѣстникъ лавры іеромонахъ Мельхиседекъ, казначей іеромонахъ Іоанникій, ризничій іеромонахъ Никаноръ получили награды. Внимательный хозяинъ не забылъ и мастеровыхъ, трудившихся при построеніи Виѳаніи. Живописцамъ дано было 8 р., разнымъ мастерамъ 3 р., монаху Герману за присмотръ построенія 12 р.

Въ день освященія, 6-го августа 1786 г., храма Преображенія собравшійся на торжество народъ получилъ не только духовное утоленіе, но и тѣлесное: его угощали калачами и полпивомъ, на что израсходовано было 10 р. 70 к. Построенный митрополитомъ Платономъ въ Виѳаніи храмъ, называемый тамъ корабликомъ, необычайно оригинальной архитектуры, остался типичнымъ выраженіемъ широты его христіанскаго пониманія, глубины благочестиваго духа и тонкаго художественнаго вкуса.

Овальной формы церковь Преображенія изображаетъ собою корабль, выражая мысль о церкви, какъ корабль, плавающемъ въ безграничномъ морѣ жизни и спасающемъ людей отъ грѣховнаго потопленія. Гора внутри храма, замѣняющая собою обычный иконостасъ, представляетъ собою подражаніе природѣ, которую любилъ Платонъ, видя въ ней „вездѣ слѣды и знаменія любви Божіей къ намъ“. Гора, искусно сдѣланная скульптуромъ

митрополитъ Платонъ писалъ: „Богочтеніе есть одно токмо внутреннее, ибо внѣшнее или наружное безъ внутренняго не такъ есть Богочтеніе, какъ богомерзкое лицемѣрство; но когда внутреннее Богочтеніе чрезъ наружные оказываетъ себя знаки, называется внѣшнее. Внутреннее можетъ быть безъ внѣшняго: но не можетъ быть внѣшнее безъ внутренняго. При внутреннемъ Богочтеніи не должно пренебрегать и внѣшняго. Ибо кромѣ того, что невозможно, чтобъ внутренняя горячесть духа чрезъ внѣшніе наружные знаки себя не оказала, какъ напр.: почти нельзя, чтобы отъ крѣпкаго сокрушенія сердца не потекли слезы, или не открылося бы воздыханіе: кромѣ сего, говорю, наружные благочестиваго почитанія знаки многополезны быть могутъ къ возбужденію другихъ: а наипаче, когда Богочтеніе отправляется въ собраніи общемъ. О внутреннемъ Богочтеніи Спаситель нашъ такъ говоритъ: Іоан. 4, 24. Духъ есть Богъ: и иже кланяется ему духомъ и истиною достойтъ кланяться“.

Прот. А. Блжлевъ.

(Окончаніе будетъ).

Дѣло и доля проповѣдника по жизни Московскаго Митрополита Платона.

Трудно дѣло, тяжелъ путь, и не легка доля проповѣдника истины Христовой. Мѣръ любитъ свое мѣрское, земное. Небесному, премѣрному неохотно отдаетъ онъ себя, свое время, свою душу. Болѣе того, онъ противится небесному, закрываетъ отъ небснаго слухъ свой и часто даже негодуетъ на тѣхъ, кто мыслью о небесномъ нарушаетъ или смущаетъ мѣрское, земное самодовольство. Силы тьмы вѣчно воюютъ противъ свѣта. Поэтому у проповѣдника отовсюду множество смущеній и много опасности—утратить духовное равновѣсіе.—Въ такіе моменты рядовыя силы, естественно, обращаютъ взоръ къ болѣе сильнымъ людямъ. У нихъ ищутъ указаній и совѣтовъ. Въ ихъ мощныхъ словахъ и дѣлахъ черпаютъ вдохновеніе,—ими восполняютъ запасъ энергій,—здѣсь ищутъ подкрѣпленія.

И нашъ взоръ останавливается на „великомъ витіи“, митрополитѣ Московскомъ Платонѣ, въ жизни котораго такъ много выпуклыхъ моментовъ, которые ярко живописуютъ дѣло и долю проповѣдника.

Проповѣдникъ всегда на глазахъ людей. И если онъ стремится быть на высотѣ своего положенія, о немъ говорятъ, слово его подробно разбираютъ,—всякое выступленіе его подвергаютъ критикѣ. Слову проповѣдника дается съ разныхъ сторонъ и подъ разными углами зрѣнія—

многогранная оцѣнка по силѣ мысли, по глубинѣ чувства, по характеру языка и по приѣмамъ произношенія.—Усердному работнику и дѣятельному проповѣднику нерѣдко выпадаетъ славная доля: его слушаютъ,—слова его ждутъ, имъ интересуются. Это—лучшія минуты и высшая награда за труды.

Митрополитъ Платонъ много видѣлъ такихъ утѣхъ.—„Греко-Россійская церковь имѣетъ проповѣдника, по имени Платона, такія сочиняющаго проповѣди, какихъ не постыдился бы признать своими и греческій Платонъ“. Такъ писалъ противникъ вѣры Христовой Вольтеръ.—И дѣйствительно, митрополитъ Платонъ былъ знаменитый витія, съ апостольской ревностью противоборствовавшей нечестію, вольнодумству и суевѣрію,—съ апостольской ревностью преданный дѣлу слова,—и имѣлъ громадный успѣхъ. Словомъ его восхищались, отъ него умилялись и вельможные, и простые. Неоднократно послѣ выслушанія бесѣдъ церковныхъ, произносимыхъ Платономъ, Императрица Екатерина говорила: удивительный даръ слова имѣетъ онъ!.. А однажды, въ день рожденія наследника престола, Великаго Князя Павла, отъ проповѣди законоучителя (тогда еще іеромонаха Платона) растрогалась до слезъ. И послѣ говорила: о. Платонъ дѣлаетъ изъ насъ, что хочеть,—захочеть онъ, чтобы мы плакали,—мы плачемъ!

Но такой удѣлъ не всѣмъ. Да и тѣмъ, кому выпадаетъ овъ на долю, дается дорогой цѣной.

Восхищаются люди, преклоняются и удивляются „дару“. Но даръ, полученный отъ Раздаятеля даровъ, требуетъ ухода за собой, требуетъ энергичныхъ усилій и стараній—развить, укрѣпить и усовершенствовать силы, данныя природою,—умѣть раскрыть ихъ въ жизнедѣятельности, проявить ихъ не только въ себѣ и для себя, но и для другихъ и въ другихъ.—Митрополитъ Платонъ въ этой области и былъ образцомъ. Онъ бережно хранилъ и усердно работалъ надъ природнымъ даромъ, совершенствуя его,—и съ

отмѣнной энергіей этимъ даромъ служилъ цвѣлямъ правды и любви евангельской.

Какъ же достигъ м. Платонъ силы въ словѣ?—Путь достиженія не новъ: это неусыпный трудъ.

Съ азбуки, часослова и псалтиря началъ Платонъ. (Тогда онъ былъ Петръ Левшинъ). Понятливымъ онъ былъ ученикомъ и скоро все запоминалъ,—но въ изученіи наукъ проявлялъ такое стараніе, что съ перваго же шага всѣхъ удивлялъ. Онъ не дожидался приказаній, а предупреждалъ ихъ. Ему не нужны были требованія, а довольно было намекъ, и особенно ласковаго. Такъ и самъ онъ говорить о себѣ: „Успѣвалъ я не столько отъ строгости отца, сколько отъ ласки матери“. Школа въ то время была трудная, а особенно для бѣдныхъ, къ разряду которыхъ и принадлежалъ Петръ Левшинъ. Въ училище ходилъ онъ съ грошемъ на обѣдъ; новые коты надѣвалъ онъ только близъ Академіи, а всю дорогу шелъ обычно босикомъ и коты несъ въ рукахъ, чтобы ихъ сберечь дольше и не истоптать. Несмотря на тяготу бѣдности, юноша не остывалъ въ своемъ стремленіи къ наукѣ. Не довольствовался онъ тѣмъ, чему учили всѣхъ,—онъ искалъ возможности изучать какъ можно болѣе. Любовь къ знанію была удивительная. Самоучкой, напр., изучилъ онъ греческій языкъ, списавъ предварительно своей рукою всю грамматику и срисовавъ греческія буквы. И со временемъ настолько освоился съ языкомъ, что въ греческомъ подлинникѣ читалъ бесѣды Св. Златоуста.—Все, что можно было достать въ тогдашнихъ библіотекахъ, онъ читалъ и перечитывалъ съ наслажденіемъ. „Знаніе, знаніе нужно“!, обычно говорилъ онъ, когда хотѣли нѣсколько охладить его рвеніе. Здѣсь нельзя не отмѣтить, что при стремленіи къ знанію рано сказались въ Платонѣ тяготѣніе и любовь къ ораторскому искусству. Зачитывался, напр., онъ еще на ученической скамьѣ бесѣдами Златоуста и въ умиленіи отъ нихъ говорилъ: „Для одного этого Святителя можно не жалѣть времени и трудовъ, чтобы учиться греческому

языку!—Разсказываютъ еще, что мать его случайно на рынкѣ купила для него книги Цицерона и Квинта Курція, совершенно не понимая, что это за книги. Сынъ, взглянувъ на книги, пришелъ въ восторгъ. Этотъ восторгъ увеличился въ юношѣ при самомъ чтеніи до высочайшей степени. Римскій краснорѣчивый мудрецъ и велерѣчивый бытописатель такъ увлекли его своимъ слогомъ, что онъ вытвердилъ ихъ на память... Съ такимъ стараніемъ готовился юноша къ жизни и дѣятельности самостоятельной.

Книжное знаніе, школьные труды и труды по самообразованію не пропали даромъ. Знаніе и знакомство съ искусниками слова вскорѣ же очень понадобились ему. Двадцати лѣтъ Петръ Левшинъ, какъ выдающійся ученикъ, сдѣлался учителемъ пѣтики въ Академіи и съ этимъ вмѣстѣ вступилъ на поприще проповѣдничества: въ академической церкви заведены были бесѣды церковныя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. „Съ вѣщными и внутренними средствами витіи выступилъ на это дѣло П. Левшинъ. Проповѣдывалъ и научалъ онъ съ жаромъ юноши и съ твердостью мужа, и, что особенно важно, съ чистотѣ и полнотѣ духа, проникнутаго высокими истинами Евангелія. И скоро сумѣлъ онъ заслужить не только всеобщую любовь, но даже удивленіе. Второй Златоустъ! Московскій апостоль!—вотъ какъ слушатели отзывались о немъ.“—Начавъ учить другихъ, самъ онъ учиться не переставалъ. Живое, находчивое и сильное слово его—при его глубокомъ знаніи—открыло ему двери ко Двору. Платонъ былъ назначенъ законоучителемъ Наслѣдника престола. Дворъ для Платона былъ новымъ училищемъ, гдѣ онъ почерпнулъ важныя для проповѣдника знанія свѣта и людей. Тамъ же онъ окруженъ былъ разными людьми съ хорошимъ образованіемъ и особенно учеными иностранцами. Къ законоучителю собирались по вечерамъ греки, сербы, далматы, французы, нѣмцы, англичане, и др. Это дало возможность дополнить недостатки школьнаго обученія своего и воспитанія и коротко познако-

миться съ языкомъ знаменитыхъ ораторовъ: Фенелона, Бурдалу, Боссюэ, Массильова и др. Изученіе произведеній образцовыхъ художниковъ слова отнимало много времени, но расширяло кругозоръ проповѣдника и дѣлало образованіе его всестороннимъ.

Такимъ образомъ, путь проповѣдника—путь напряженнѣйшей работы надъ собою. И это для сильныхъ и мощныхъ отъ природы. Какъ-же тяготиться и сѣтовать на тяготу труда обыкновеннымъ и рядовымъ силамъ! Какъ можно застыть въ самодовольномъ покоѣ и „спать до вольно“, когда „долгъ слова“ взываетъ о трудѣ!

Что говоритъ намъ характеръ и направленіе слова Платона?

Словомъ своимъ м. Платонъ считалъ долгомъ отмѣчать всё явленія жизни общественной, политической, и личной жизни христіанина. Его слово было голосомъ жизни, было свѣтомъ жизни и совѣстью жизни. Далекое отъ схоластической сухости, исполняемое жизненныхъ интересовъ слово всегда трогаетъ въ человѣкѣ самый чувствительный нервъ,—выводитъ душу изъ тьмы и тяготы житейскихъ низинъ въ область евангельскаго свѣта и заставляетъ оцѣнивать явленія и вещи не по мелочнымъ эгоистическимъ расчетамъ, а по строгимъ требованіямъ Вѣчной Истины. Христіански-настроенная душа невольно льнетъ къ такому слову и довѣрчиво раскрываетъ для него слухъ свой. Прибавьте сюда находчивость, изящество и продуманность ораторскихъ приемовъ,—и живое слово дѣлается захватывающимъ. Такимъ именно большею частью и было слово Платона.—Какъ примѣръ можно указать рѣчь 29 августа 1772 года по случаю побѣды русскаго флота надъ турецкимъ. Произнося рѣчь въ вѣчную память Императора Петра I, Платонъ вдругъ сходитъ съ амвона, подходит къ гробницѣ Императора, беретъ за уголь покровъ гробничный и, поднимая его, вдохновенно возглашаетъ: „Встань теперь, великій Монархъ! Встань и

посмотри на изобрѣтеніе твое; оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Встань и насладись плодами трудовъ твоихъ"! Смѣлое и необыкновенное ораторское движеніе поразило слушателей и многихъ заставило содрогнуться. Наслѣдникъ престола Павелъ Петровичъ, тогда еще юноша, при словахъ Платона страшно испугался, какъ послѣ о томъ самъ говорилъ: такъ живо представилось ему, что „дѣдушка встанетъ".—Вольтеръ, которому рѣчь была отпривалена Императрицей, писалъ: Эга рѣчь, по моему мнѣнію, знаменитѣйшій на свѣтѣ памятникъ.

И не одна была такая рѣчь. По мысли, по искусству изложенія и произнесенія и каждая рѣчь Платона по тому времени была исключительной. Всесторонне-образованный, съ широкимъ кругозоромъ, проповѣдникъ тщательно разбиралъ передъ народомъ обязанности челоуѣка къ Церкви и къ государству. Какъ радѣтель блага народнаго, онъ зорко проникалъ въ нужды народныя и запросы духа народнаго,—и въ рѣчахъ своихъ часто касался предметовъ общественнаго благоустройства, то убѣждая исполнять приказываемое какъ полезное въ настоящемъ, то разъясняя значеніе правительственныхъ распоряженій для будущаго. Будучи искреннимъ патриотомъ, Платонъ не находилъ возможнымъ молчать при выдающихся происшествіяхъ того времени и ознаменовывалъ ихъ торжественнымъ словомъ; „въ нихъ—лѣтопись его сердца".—До него „весьма немногіе изъ отечественныхъ проповѣдниковъ умѣли съ такимъ достоинствомъ и пользою разсуждать о важнѣйшихъ правилахъ жизни и объ отношеніи ихъ къ религіи". И это дѣло не легкое. Лишь только становится проповѣдникъ на почву вопросовъ общественной жизни, онъ неминуемо въ своихъ сужденіяхъ касается дѣйствующихъ лицъ... И немногимъ дается способность говорить въ такихъ условіяхъ такъ, чтобы не оскорбить никого, а правду выяснить,—никого не раздражить, а скорѣе всѣхъ умиротворить. Здѣсь требуется много ума, смѣливости и

прозорливости,—и громадную силу воли надо имѣть, чтобы умѣть стоять и страдать за правду.—Все это и видимъ въ лицѣ м. Платона. Сострадательный къ человѣку, безпощаденъ былъ онъ къ пороку, преслѣдуя его и при царскомъ дворѣ, и въ глухихъ углахъ своей паствы. Во всемъ онъ дѣйствовалъ смѣло, прямо и рѣшительно. Не поддавался онъ подъ вкусы окружающихъ по примѣру двоедушныхъ, но святою правдою, искренностью, безыскусственной простотою и прямою дѣлалъ себя и полезнымъ, и любезнымъ. „Когда какія онъ проходилъ должности, не онъ мѣстомъ, а мѣсто имъ украшалось. Отъ наружности до внутренности, отъ простѣйшихъ до высочайшихъ талантовъ, все въ немъ было образцовое. На священной кафедрѣ вѣщаль онъ божественно, въ домашней бесѣдѣ говорилъ ангельски,—поражалъ онъ всенародно пороки въ грозныхъ словахъ, но съ такою силою истины, любви и благочестія, что каждое слово рѣзко запечатлѣвалось въ душѣ и пускало корни глубокаго размышленія. При этомъ самый взоръ его былъ часто назидательнѣе длинныхъ поученій. Великій духъ проповѣдника не способенъ былъ пресмыкаться,—ласкательство сильнымъ земли, потворство предразсудкамъ, своекорыстіе и личные счеты были ниже высокой души его. Въ слухъ всей вселенной вѣщаль онъ строгія истины могучимъ міра и умѣлъ усмирять закоренѣлыя въ заблужденіи и буйныя сердца“. (Изъ надгр. сл. арх. Евгенія). Прямота волновала, тревожила иной разъ слушателей, но любовь и истина, которыми дышало слово, дѣлали рѣчь сильной, убѣдительною, неотразимой.

Однажды Платонъ говорилъ проповѣдь въ придворной церкви о милосердіи и сильно вооружался противъ тѣхъ, которые тратятъ деньги на роскошь и пустыя забавы, а бѣдныхъ оставляютъ безъ помощи. Императрица была въ храмѣ и видимо встревожена была проповѣдью. Дома окружавшимъ ея она говорила: О. Платонъ былъ сердитъ сегодня!—Такъ отнеслись къ рѣчи и многіе, а иные даже съ обидою. Но были и иные. Одинъ изъ вельможъ,

признавая слово смѣлымъ, пораженъ былъ правдивостью его и откровенно возразилъ Императрицѣ. „Проповѣдникъ при Дворѣ, сказалъ онъ, всегда покажется сердитымъ, когда прямо будетъ говорить правду“..—И Императрица съ этимъ вполне согласилась. Смѣлый, твердый и рѣшительный въ назиданіи съ церковнаго амвона,—твердъ, смѣлъ и рѣшительнень былъ Платонъ и всегда въ своемъ словѣ. Во время коронаванія муропомазаннй Императоръ Павелъ I хотѣлъ вступить черезъ Царскія врата къ престолу для принятія Св. Тайнъ, имѣя при себѣ шпагу. М. Платонъ остановилъ его слѣдующими словами: Здѣсь приносится безкровная Жертва: отыми, благочестивый Государь, мечъ отъ бедра твоего!—Императоръ повиновался.—Прямота и искренность, истина и справедливость дѣлали слово Платона изъ суроваго мягкимъ, изъ строгаго ласковымъ. Эту особенность слова и характера Платона отмѣчаетъ одинъ иностранецъ въ своихъ путевыхъ запискахъ: „Слова его были не дерзновенны, не безразсудны,—но они были бы дерзновенны и безразсудны въ устахъ всякаго другого“. (Ладусеть).—Такимъ образомъ въ умномъ и сердечномъ словѣ „Московскаго витія“, несмотря на его прямоту и смѣлость, милость и истина встрѣтились, правда и миръ облобызались...

Вотъ куда, мой товарищъ-проповѣдникъ, спѣшить нужно намъ!..

*

Все сказанное касается болѣе внѣшности выступленій проповѣдника. Какимъ должно быть внутреннее настроеніе его и отношеніе его къ слову по мысли м. Платона?

Служеніе слову почиталъ м. Платонъ великимъ дѣломъ и непремѣннымъ долгомъ. Въ 1807 году, оканчивая 20-й томъ проповѣдей своихъ, онъ въ послѣднемъ словѣ своемъ какъ-бы подводитъ итогъ своей работѣ и говоритъ: По Промыслу Вышняго я уже достигъ предѣла жизни. Настыреначальникъ Христось благоволилъ пятьдесятъ лѣтъ употреблять меня орудіемъ проповѣданія истины Его.

О, когда-бы сѣмя его было не бесплодно!.. Я садилъ, Аполлосъ напоить, а Богъ да возраститъ...—Работалъ проповѣдникъ ради Бога, ради славы имени Его,—и высшею радостью его была не слава мірская, не шумъ хвалебный, со всѣхъ сторонъ доносившійся до него, а ожиданіе плода доброй жизни въ насомыхъ, торжество истины, искорененіе суевѣрій и пороковъ. А о себѣ, когда его хвалили и когда ругали, твердилъ одно: Услышу, что речеть о мнѣ Господь!—Или еще: Не ищу славы моей, но славы Пославшаго.—Этимъ опредѣлялось отношеніе его къ слову.

„Признаюсь, пишетъ онъ о себѣ, объ испещренномъ слогѣ я вѣкогда не заботился. Такой, словами играющій слогъ для свѣтскихъ сочиненій можетъ быть пристоеенъ и нуженъ, но на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ Вѣчная Истина, почитаю его излишнимъ. Притомъ церковный проповѣдникъ долженъ бесѣдовать съ людьми различнаго состоянія и пониманія, а потому необходимость требуетъ, чтобы духовная бесѣда была всякому удобопонятна. Удалялъ я, сколько было возможно, подозрѣвіе въ томъ, что проповѣдникъ болѣе ищетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчіе, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ людей. Все вниманіе и стараніе обращалъ я на то, чтобы въ словѣ моемъ ничего не было невразумительнаго, сомнительнаго, чтобы доказательства на каждое положеніе были убѣдительныя, неоспоримыя. Если слово съ такимъ духомъ написано и произнесено, оно можетъ подѣйствовать на сердце слушателя и послужить пользѣ его болѣе того слова, которое надымается одною пестротою разнородныхъ выраженій и только производитъ громкій шумъ словъ, немѣющихъ ни силы, ни духа“.—Въ слогѣ Платона и замѣтна мудрая середина между высокимъ и простымъ. „Онъ былъ высокъ безъ напыщенности и трогателенъ безъ притворства“.

А чтобы проповѣдь дышала духомъ и силой, самому

проповѣднику имѣть надо ихъ.—Это и явилъ м. Платонъ въ своемъ примѣрѣ.

Сердечный, отзывчивый и искренній м. Платонъ былъ весь, какъ пламень горящій. Огонь вѣры, пламень чистоты сердца и искренняго всеѣмъ благожеланія—вотъ средства, дававшія проповѣднику силу и значеніе. Когда Платона спрашивали о томъ, что болѣе всего необходимо проповѣднику, онъ отвѣчалъ: Школа Христова. Требованіе это подробно изложено имъ въ „Богословіи“. Тамъ онъ между прочимъ пишетъ: „Разныя системы богословскія, преподаваемыя въ школахъ, отзываются мудрованіемъ человѣческимъ, а богословіе Христово, по слову апостола, состоитъ не въ мудрости человѣческой, а въ явленіи духа и силы. Школьное ученіе не полно, если умъ не преданъ въ послушаніе вѣрѣ, если премудрость, какъ сказалъ Симеонъ-Юродивый, происходитъ не отъ Бога, а отъ одного ученія и многого книгъ чтенія“. Поэтому м. Платонъ къ кончалымъ богословамъ часто обращался съ вопросомъ: Вотъ вы прошли всѣ школы, Христову-то школу прошли вы?—То же внушалъ митрополитъ и учителямъ: „Ученіе, чтобы оно было дѣйствительно, не столько зависитъ отъ остроумія и краснорѣчія, сколько отъ чистоты и непорочности сердца учителей“.—Итакъ, служитель „слова“ служи ради Бога, служи отъ всего сердца истиной и чистотой.

Великій завѣтъ! И пусть дойдетъ онъ, коснется и огненными буквами вѣржегся въ сердца тѣхъ, кому святительское рукоположеніе назначило апостольскій трудъ: Идите, научите...

Какъ ни труденъ указанный путь, все-же это—свѣтлая сторона жизни и дѣятельности проповѣдника. Здѣсь видимъ путь труженика, работающаго надъ личнымъ самоусовершенствованіемъ, стремящагося стать на высотѣ положенія, требуемаго самымъ дѣломъ великимъ и святымъ. Такой трудъ, обогащая душу духовными дарами,

перестаетъ быть трудомъ тягостнымъ, утомительнымъ и изнурительнымъ,—онъ дѣлается сознательнымъ долгомъ, онъ наполняетъ жизнь, даетъ внутреннее удовлетвореніе и покой.—Но есть иная сторона. Проповѣдника, прямого и честнаго, неминуемо преслѣдуетъ зависть, клеветы и недоброжелательство. Это—страшная язва, налагаемая на душу человѣка совнѣ,—это—тотъ пакостникъ плоти, на который жаловался Апостоль.

Еще дѣлая первые шаги службы въ Академіи, испыталь Платонъ острые когти зависти и клеветы. Завистники, видя успѣхи проповѣди Платона, стали разглашать, что онъ учитъ противно вѣрѣ православной, а потому подлежитъ примѣрному наказанію и во всякомъ случаѣ изгнанію изъ Академіи... Вотъ онъ старый, испытанный способъ низенькихъ, слабенькихъ, пошленькихъ душъ—избавиться отъ соперниковъ!.. — Противъ проповѣдника пущенная клевета быстро покатила и, переходя изъ усть въ уста, дѣлала свое отвратительное дѣло: обливала грязью честнаго человѣка, подрывала довѣріе къ нему, надламывала молодую силу, смущала юное еще и горячее сердце и поверхъ всего... грозила... Противъ Платона вооруженъ былъ даже преосвященный Амвросій Камевскій.—Поручено было ректору Академіи внимательно изслѣдовать проповѣди Платона и вмѣстѣ съ тѣмъ заодно разсмотрѣть составленный имъ катихизисъ.—Разсмотрѣніе произведеній Платона не дало желательныхъ завистникамъ результатовъ: предосудительнаго въ нихъ ничего не оказалось.

Горько переносить незаслуженную обиду, тяжело мириться съ клеветой,—но Платонъ пережилъ это первое испытаніе и увидѣлъ, что все, что посылаетъ Богъ, все къ лучшему. Клеветническіе навѣты скоро стали извѣстны въ публикѣ, и очень многіе открыто выступили въ защиту проповѣдника,—а другіе спѣшили выразить ему свое сочувствіе и порицаніе врагамъ—завистникамъ. Зависть и клевета были пристыжены и увижены,—а имя

проповѣдника сдѣлалось еще болѣе поцулярнымъ: привязанность и уваженіе къ гонимому стали крѣпче, и тѣ, которые были доселѣ равнодушны къ нему, теперь спѣшили подойти къ нему ближе и дѣлались всегдашними его слушателями и почитателями.

Наговоры и клевета преслѣдовали Платона всю жизнь. Въ своихъ запискахъ онъ неоднократно жалуется, что приходится „много терпѣть искушеній отъ клеветническихъ языковъ не только стороннихъ, но и собратій своихъ“. Клевету распускали всюду: пускали ее въ народъ какъ молву,—ее несли во дворецъ, какъ доносъ. Послѣднее открылъ митрополиту Платону самъ императоръ Павелъ I.—Въ 1797 году произошла вспышка гнѣва въ Государѣ противъ митрополита по разнымъ негласнымъ доносамъ. Государь гнѣвался на митрополита и ждалъ случая провѣрить слухи, чтобы открыто дѣйствовать противъ митрополита. Случай представился. Въ бытность свою въ Москвѣ Государь отправился въ Сергіеву Лавру. Неожиданно для свиты вдругъ выражаетъ Государь желаніе быть въ Виѣanii и немедленно туда отправляется. Осмотрѣлъ здѣсь все подробно и съ особенной внимательностью разсматривалъ покои митрополита; ни одной мелочи не опустилъ изъ вида, все пересмотрѣлъ. Все время былъ угрюмъ и мраченъ: видимо, чѣмъ-то встревоженъ и обезпокоенъ. И только къ концу осмотра сталъ входить въ себя и разговаривать. И лицо начало проясняться до улыбки. Митрополитъ все это видѣлъ и недоумѣвалъ... Что-же было съ Государемъ?—Онъ не нашель того, что думалъ найти и чего не хотѣлъ находить. Объ этомъ повѣдалъ Государь митрополиту за трапезой, которую раздѣлили онъ съ Платономъ послѣ осмотра монастыря. Здѣсь въ искренней бесѣдѣ Государь открылъ митрополиту „клеветническіе наговоры о Виѣanii, гдѣ будто-бы въ митрополичьихъ покояхъ письмами его (Государя) оклеены стѣны“, и сознался, что онъ очень радъ лично увѣриться въ несправедливости навѣтниковъ.

Зависть и недоброжелательство готовы всегда и всему дать превратное толкованіе. Такъ, напр., м. Платонъ говорилъ рѣчь при коронаваніи императора Александра I. Одни этимъ словомъ восхищались,—другіе предсказывали проповѣднику неудовольствіе Государя за смѣлость высказанныхъ мыслей. „Какъ можно, говорили эти, напоминать царю о человѣчествѣ въ нагой простотѣ, безъ всякаго отличія порожденіи и происхожденіи! Какъ можно предвѣщать, что вокругъ престола будутъ пресмыкаться ласкательство, клевета и пронырство? Какъ можно въ присутствіи двухъ императрицъ предсказывать, что появится роскошь со всѣми видами нечистоты къ соблазну и нарушенію святости супружества?“—Эти смѣлыя слова, исполненныя глубокой правды, недоброжелатели спѣшили перетолковать, подмѣнить дѣйствительный смыслъ ихъ, исказить ихъ и представить неумѣстными, обидными и оскорбительными для особы Государя. Говоръ шель сильный. И становился онъ грознымъ, когда слово митрополита потребовали во дворецъ. Смутился и обезпокоился старецъ—митрополитъ. И въ одномъ только находилъ утѣшеніе: въ сознаніи своей правоты. Онъ говорилъ: Я желалъ блага Царю и говорилъ чистую правду,—въ остальномъ пусть будетъ воля Божья!—И всегда, когда архипастырь видѣлъ ополченіе на себя злобы и дерзкое поирваніе справедливости, онъ повторялъ любимое имъ священное слово: Если Господь за насъ, то кто противъ насъ?—Такое преданіе себя волѣ Божіей всегда успокаивало его. И много разъ видѣлъ онъ, какъ были посрамлены клеветники, какъ разсѣивались всѣ хитрости ихъ. И въ данномъ случаѣ хитрость враговъ не удалась. Рѣчь митрополита вторично была прочитана для большаго закрѣпленія въ памяти того, что въ ней высказано. И авторъ ея былъ награжденъ золотымъ крестомъ, усыпаннымъ алмазами. Принимая этотъ крестъ, митрополитъ сказалъ окружающимъ: „Видите, люди — съ лихостью, а Богъ и Государь—съ милостью!“

Испытавъ много видовъ „лихости“ людскоѣ, святитель Платонъ въ словѣ 1803 года въ ободреніе и для вдохновенія соработниковъ своихъ говорить: Добрый пастырь горитъ огнемъ ревности о славѣ Божіей, и все, даже самую жизнь, за мало поставляетъ, только-бы обличить и посрамить дерзкое и преступное!

Итакъ, сознаніе величія пастырскаго долга, сознаніе силы истины и правды и всецѣлая преданность себя волѣ Пославшаго—вотъ для пастыря-проповѣдника основаніе смѣлости и прямоты, источникъ вдохновенья и силы.

Сто лѣтъ тому назадъ при гробѣ митрополита Платона въ одной изъ рѣчей было сказано: „Душа великая! Не престои носиться надъ нами и вдыхать въ сердца наши твои небесныя чувства!“

Эготъ молитвенный призывъ—въ наши дни оскудѣніи силы духовной и преподобія—становится еще нужнѣе и еще дороже.

Вдохни, великая душа, въ сердца наши твои небесныя чувства!

Свящ. Н. Орловъ.

ВѢРНЫЙ ПУТЬ.

(Разсказъ).

— „Сядь Владиміра нѣтъ!“—сказала Марія Андреевна, садясь за столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ.

Слова ея относились къ мужу, который входилъ въ это время въ столовую.

— „Да“,—сказалъ онъ:—„а утромъ привезутъ въ безчувственномъ состояніи, и такъ каждый день!“—прибавилъ онъ, нахмутивъ брови и принимая чашку изъ рукъ жены.

— „Не давай ему денегъ, Миша!“—сказала Марія Андреевна.

— „Что-же изъ этого будетъ?“—сурово прервалъ ее мужъ,—„ты-же помнишь, въ прошломъ году, когда я ему не давалъ денегъ въ продолженіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, то, въ концѣ концовъ, ко мнѣ явился жидокъ-ростовщикъ съ векселемъ Владиміра, и пришлось платить почти вдвое. Кромѣ того, я не хочу, чтобы мой сынъ имѣлъ какія-либо дѣла съ ростовщиками, это уже послѣднее дѣло“.

— „Что-же ты думаешь дѣлать?“—спросила Марія Андреевна взволнованно.

— „Ничего. Ни говорить, ни, тѣмъ болѣе, запрещать ему нѣтъ никакого смысла: все равно онъ не послушается. Если у него нѣтъ настолько разума и порядочности, чтобы понять все безобразіе его образа жизни, то ничего не поможетъ. Единственно что осталось намъ,—это ждать. Или онъ перебѣсится, или влюбится и женится, или наконецъ допьется до какойнибудь болѣзни и тогда опомнится“,—сказалъ Михаилъ Лаврентьевичъ.

Скучно и тоскливо было въ этомъ богатомъ домѣ.

Дорогая обстановка и спокойствіе, царившія въ немъ должны-бы были свидѣтельствовать о довольной и счастливой жизни его обитателей, но не такъ-то было на самомъ дѣлѣ.

Бертышovy всегда были удручены и озабочены. Ихъ единственный сынъ Владиміръ всѣ ночи проводилъ въ кутежѣ и игрѣ въ карты. Каждый, почти, день къ вечеру онъ исчезалъ, и часовъ въ пять или шесть утра его привозили пьянаго до потери сознанія.

Случалось, что онъ пропадалъ на нѣсколько дней и послѣ долгихъ поисковъ родителей оказывался въ какомъ-нибудь притонѣ.

Въ столовой было тихо.

Михаилъ Лаврентьевичъ, молча, ходилъ по комнатамъ, а Марья Андреевна, облокотившись на руку, думала тяжелую думу, украдкой вытирая слезы, катившіяся изъ ея глазъ.

Проснувшись часа въ четыре дня, послѣ бурной ночи, Владиміръ Бертышовъ потянулся и медленно сталъ одѣваться. Его лицо было блѣдно и одутловато, большіе сѣрые глаза мутны, черные кудрявые волосы всклокочены.

Постоявъ нѣкоторое время въ задумчивости, онъ пошелъ къ отцу.

Увидавъ входившаго сына, Михаилъ Лаврентьевичъ отложилъ газету, которую читалъ; лицо его стало мрачно.

— „Папа, дай мнѣ денегъ“,—обратился къ нему молодой человекъ.

Отецъ, молча, смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ:

— „Скажи мнѣ, Владиміръ, тебѣ нравится твоя жизнь?“

— „Нѣтъ“,—отвѣтилъ не задумываясь сынъ.

— „Нѣтъ? такъ для чего-же ты такъ ее проводишь?“—

— „А какъ-же мнѣ жить, отецъ, чтобы не было скучно, и незамѣтно шло время? Мнѣ все такъ надоѣло, что я даже не знаю, чѣмъ-бы я могъ заниматься и интересоваться. Игра въ карты даетъ мнѣ сильныя ощущенія,

вино опьяняетъ, заставляетъ забывать время, притупляетъ чувства и желанія“,—сказалъ молодой Бертышовъ, устало опускаясь въ кресло.

— „А духовная жизнь?“—спросилъ отецъ.

— „Духовная жизнь?“—повторилъ задумчиво Владимиръ, — „какая-же? развѣ есть такая, которая наполнила-бы ту пустоту, которую я чувствую въ себѣ и вокругъ себя“?!—

— „Ты учишься въ университетѣ,—будь докторомъ, помогай человѣчеству, и сознание, что ты нуженъ и приносишь пользу, дастъ тебѣ ту духовную жизнь, которая наполнить для тебя все“,—сказалъ Михаилъ Лаврентьевичъ, подходя къ сыну.

— „Я не способенъ на самопожертвованіе, папа“,—сказалъ молодой человѣкъ, вставая.

Уходя изъ комнаты, онъ сказалъ отцу.

— „Сегодня я уѣзжаю съ Меркульевымъ въ его имѣніе: раньше трехъ дней я не вернусь“.

Поѣздъ медленно подкатилъ къ К—ой станціи.

Изъ вагона перваго класса вышло шумное общество молодыхъ людей и нѣсколько дамъ въ крикливыхъ туалетахъ и размѣстилось въ ожидавшихъ ихъ экипажахъ, запряженныхъ тройками лошадей.

Великолѣпныя лошади подхватили съ мѣста крупной рысью, бубенчики зазвенѣли, а кучера, зная вкусъ своихъ ѣздоковъ, гиканьемъ и свистомъ ускоряли бѣгъ несшихся лошадей, бросавшихъ копытами во всѣ стороны комья еще не просохшей, весенней земли.

Чистый прозрачный воздухъ, напоенный запахомъ молодой травки, покрывавшей бархатнымъ ковромъ поля, и свѣжей листвы, покрывавшей деревья, кружилъ голову.

— „Какой ароматъ“,—сказалъ Бертышовъ, вдыхая чистый воздухъ полей, и прибавилъ, показывая на блеснувшіе вдаль золотые кресты, — „что это, монастырь какой-нибудь?“

— „Ан—ая пустынь“,—отвѣтилъ Меркульевъ,— „мое имѣніе почти совсѣмъ соприкасается съ монастырскимъ лѣсомъ“.

Спустя полчаса, тройки остановились у подъезда большого барскаго дома съ колоннами.

Присланные Меркульевымъ наканунѣ лакеи изъ Москвы выскочили на подъездъ высаживать гостей.

*

Было часовъ шесть утра.

Послѣ ночной попойки въ саду, въ домѣ было тихо. Но вотъ стукнула дверь, и на террасу вышелъ Бартышовъ.

Въ эту ночь, противъ своего обыкновенія, онъ пилъ мало, и проспавъ часъ или два, всталъ и вышелъ изъ дома.

Облокотившись на балюстраду, Владиміръ задумчиво смотрѣлъ въ садъ.

Голова его слегка кружилась, и онъ чувствовалъ себя усталымъ.

Вдругъ онъ услыхалъ звонъ, который, разрѣвая чистый утренній воздухъ, разносился по окрестности.

— „Монахи молятся“, подумалъ Бартышовъ. — „Желалъ бы я посмотрѣть на этихъ добровольныхъ затворниковъ и узнать, дѣйствительно-ли они довольны своей жизнью, или только даровой хлѣбъ и бездѣльничанье заставляютъ ихъ переносить свое заточеніе“.

Спустившись съ террасы и пройдя садъ, онъ вышелъ за калитку.

Передъ нимъ разстиралось небольшое поле, въ концѣ котораго начинался лѣсъ.

Перейдя поле, Бартышовъ вошелъ въ этотъ лѣсъ. Надъ головой его шумѣли верхушки деревьевъ, въ вѣтвяхъ которыхъ шуршали птички, встрѣчая звонкой пѣсней румяное весеннее утро.

Бартышовъ шелъ и все углублялся въ лѣсъ.

Наконецъ вдали показался просвѣтъ, и вскорѣ передъ глазами молодого человѣка раскинулась святая обитель, окруженная бѣлой стѣной, за которой виднѣлись монастырскія кельи и два храма.

Подойдя къ воротамъ, Бертышовъ постучалъ въ нихъ. Монахъ-привратникъ открылъ калитку и впустилъ его. Войдя въ храмъ, Владиміръ всталъ въ сторонѣ и оглядѣлся.

Кругомъ стояли только черныя фигуры монаховъ съ четками въ рукахъ.

Они даже не замѣтили Бертышова, который въ свою очередь съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ.

Ихъ кроткія спокойныя лица заставили его задуматься. Значить, эти отречшіеся отъ всего міра люди, дѣйствительно, нашли въ своемъ уединеніи то, что дѣлаетъ ихъ счастливыми и довольными.

Обѣдня кончилась, и Владиміръ вышелъ изъ храма. Посѣтивъ отца игумена и выпивъ молока съ теплымъ монастырскимъ хлѣбомъ, Бертышовъ вышелъ за монастырскія стѣны и пошелъ по тропинкѣ, обѣжавшей въ чашу лѣса. Чѣмъ больше углублялся въ него Владиміръ, тѣмъ труднѣе становилась дорога. Густые кусты сплетались между собой и преграждали путь; низкія вѣтви деревьевъ задѣвали за голову и хлестали по лицу,—видно было, что здѣсь не часто ходили.

Наконецъ Владиміръ вышелъ на небольшую прогалину, окруженную вѣковыми соснами. Маленькій домикъ въ одно окошечко пріютился въ этомъ лѣсномъ уголкѣ.

Двѣ дикія яблони охраняли хижину, а густые кусты малины почти совсѣмъ скрывали ее отъ глазъ.

Бертышовъ сталъ пробираться къ домику, желая посмотреть, кто въ немъ живетъ, но въ это время дверь отворилась, и показался старецъ въ монашескомъ одѣяніи, съ посохомъ въ рукѣ. Увидѣвъ незнакомаго человѣка, онъ остановился и посмотрѣлъ на подходившаго къ нему Бертышова.

— Кто ты, сынъ мой, и что тебѣ надо? спросилъ его монахъ.

— Я былъ въ монастырѣ, отецъ мой, а потомъ пошелъ по тропинкѣ и нечаянно забрелъ сюда, отвѣтилъ ему Владиміръ, смотря, не отрываясь, на монаха.

Лицо старца, окруженное бѣлыми, какъ луны, волосами, было спокойно и кротко. Большіе глаза смотрѣли привѣтливо и свѣтились какимъ-то особеннымъ, внутреннимъ свѣтомъ. Отецъ Веніаминъ, такъ звали старца, былъ однимъ изъ самыхъ старшихъ монаховъ обители. Отличаясь большимъ умомъ, онъ пользовался глубокимъ и благоговѣйнымъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей, которые обращались къ нему за совѣтами.

Старецъ пристально смотрѣлъ на Бертышова, который почувствовалъ къ монаху большую симпатію и, въ то-же время, смущеніе отъ его пронизательнаго взгляда.

Благослови тебя, Господь, сынъ мой! тихо проговорилъ старецъ. Несчастный сынъ мой! сказалъ онъ еще тише, положивъ руку на плечо Владимира.

Молодой человѣкъ невольно вздрогнулъ,—столько жалости и состраданія было въ голосѣ монаха. И дѣйствительно, Бертышовъ вдругъ почувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Вся разгульная жизнь его представилась ему во всей своей безобразной наготѣ.

Горе родителей и ихъ отчаяніе при видѣ гибели сына такъ ярко представились ему, что сердце его сжалось и, припавъ къ рукѣ о. Веніамина, онъ рассказалъ ему свою жизнь.

— „Побесѣдуемъ, сынъ мой,“ — сказалъ старецъ, садясь на приступочкѣ и усаживая рядомъ съ собою Владимира.

— „Вы живете жизнью тѣла, а не жизнью духа, а между тѣмъ Господь, создавъ насъ, далъ намъ и душу. Жизнь тѣла, извѣдавъ все, притупляется, и тогда-то настаетъ то чувство пустоты, о которомъ ты говоришь, сынъ мой. Жизнь духа вѣчна и безгранична. Скажи мнѣ, сынъ мой, гдѣ же ты найдешь больше счастья и блаженства, какъ не въ общеніи съ Тѣмъ, Кто далъ намъ душу отъ Духа Своего? Я родился въ дворянской богатой семьѣ. Образование получилъ прекрасное и еще молодымъ человѣкомъ

занималъ хорошую должность. Трудъ мой мнѣ казался скучнымъ и тяжелымъ, деньги, которыя я за него получалъ, были мнѣ не нужны, такъ какъ я былъ богатъ и, благодаря этому, бросалъ ихъ на непозволительныя вещи. Доволенъ я не былъ никогда: или скучалъ, или безгранично веселился. Люди, живущіе въ міру, всегда недовольны.

Одни, имѣя слишкомъ мало, приходятъ въ отчаяніе, озлобляются и завидуютъ тѣмъ, кто имѣетъ больше; тотъ, кто не бѣденъ и не богатъ, желаетъ еще большаго; богатый пресыщается, развращается, дѣлается безсердечнымъ и часто скупымъ. Довольныхъ нѣтъ среди тѣхъ, кто живетъ своими тѣлесными потребностями и желаніями. И вотъ случайно я встрѣтилъ человѣка, который открылъ мнѣ глаза на мою жизнь и указалъ мнѣ жизнь другую. Я ушелъ въ монастырь и сорокъ лѣтъ уже живу въ обители. Господь мой, Богъ мой всегда со мною; я чувствую Его ежеминутно всюду и вездѣ,—и въ яркомъ солнцѣ, и въ голубыхъ небесахъ, въ благоухающихъ цвѣтахъ, въ блестящей рѣкѣ, въ зелени лѣсовъ, въ теплѣ и холодѣ, во днѣ и ночи. Глаза мои не наглядятся на Его дѣла и творенія, слухъ мой внимаетъ хваламъ Творцу, звучащимъ въ пѣсняхъ птицъ, въ шелестѣ травы, въ журчаніи ручья, въ шумѣ лѣса. Пищей мнѣ служатъ дикія яблони, лѣсные ягоды, пища, достаточная для поддержки силъ тѣлесныхъ,—для души же моей пищу я нахожу въ молитвѣ и служеніи Творцу“, сказалъ о. Веніаминъ.

Владиміръ сидѣлъ молча. Онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его становилось тепло и радостно. Долго еще онъ говорилъ со старцемъ и только къ вечеру вернулся въ усадьбу Меркульева.

Спустя недѣлю, Бертышовъ постригся въ монахи въ Е.... обитель и сдѣлался усерднымъ ученикомъ о. Веніамина.

В. Кузнецова.

Послѣ посѣщенія Пріюта во имя Царицы Небесной.

Пріютъ этотъ, находящійся въ Москвѣ, одинъ изъ пяти, устроенныхъ въ разныхъ городахъ (С.-Петербургѣ, Ревелѣ, Курскѣ, Вяткѣ и Москвѣ) Братствомъ во имя Царицы небесной для призрѣнія дѣтей—слабоумныхъ, припадочныхъ и калѣкъ. Самое Братство, состоящее подъ предѣтельствомъ графини О. Д. Апраксиной, основалось подъ покровомъ Царицы небесной въ Петербургѣ въ 1904 году, сосредоточившись вокругъ чудотворной иконы Ея, именуемой всѣхъ скорбящихъ Радостію, послѣ извѣстнаго чуда съ „копѣчками“. Московское отдѣленіе пріюта, открытое въ 1905 году, сначала помѣщалось въ наемномъ домѣ, съ 1908 года—въ собственномъ на Полянкѣ, а въ текущемъ году, когда вслѣдствіе возрастающаго прилива дѣтей и это помѣщеніе оказалось тѣсно, Братство на Зубовскомъ бульварѣ выстроило новый—большой и прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ домъ, куда и переведены всѣ дѣти.

13 октября состоялось освященіе устроенной въ пріютѣ церкви во имя Божіей Матери—всѣхъ скорбящихъ Радости.

Благодаря неустанной дѣятельности завѣдующей Московскимъ отдѣленіемъ пріюта съ самаго начала его, инокини Ангелины, а также заботамъ и помощи Н. А. Цвѣткова и пожертвованіямъ другихъ лицъ, Московскій Пріютъ призрѣваетъ теперь 100 человекъ, облегчая этимъ положеніе какъ самихъ несчастныхъ дѣтей, такъ и родителей

ихъ; съ 1910 года приютъ имѣеть даже лѣтнюю колонію у Рублевской водокачки.

Приютъ устроенъ на средства жертвователей; на эти же средства онъ и существуетъ. Изъ числа жертвователей можемъ назвать И. А. Колесникова (50.000 р.), Ю. М. Корзинкину (земля для колоніи и 40.000 р.), Н. Т. Сокологорскую (земля для новаго дома и 6.500 р.) и неизвѣстнаго, пожертвовавшаго 30.000 р., безъ которыхъ невозможно было окончить постройку новаго дома. Изъ лицъ, помогающихъ своимъ трудомъ, не можемъ не упомянуть графинь Е. М. и А. М. Ланскихъ, взявшихъ на себя секретарскія обязанности, и врача В. А. Гиляровскаго, много трудящагося для больныхъ дѣтей. Стоитъ не только взглянуть на этихъ дѣтей, а и подумать объ ихъ страданіяхъ, чтобы судить, какой высокой нравственной цѣнности всѣ эти жертвы, труды и заботы, и какой поэтому благодарности заслуживаютъ дѣятели этого Приюта и Братства во имя Царицы Небесной вообще; но объ этомъ подробнее послѣ, а теперь. . .

Мы всѣ, кто предъ Божьимъ всевидящимъ окомъ

Виновны въ безумствѣ страстей,

Пойдемъ,—поглядимъ въ размышленьи глубокомъ

На муки безумныхъ дѣтей!

И страшно намъ станетъ, но въ мукѣ смертельной

Мы вспомнимъ средь ужасовъ тьмы,

Что въ свѣтлаго Духа Любви безпредѣльной

Всѣ свѣтлые вѣрятъ умы.

И свѣтлое чувство любви, состраданья

Угасить геенну страстей...

Пойдемъ,—облегчимъ хоть немного страданья

Невинныхъ и жалкихъ дѣтей!

Н. П.

PRO MEMORIA.

Счастливцевъ, кто помогъ достойнымъ подаянья,
Кто слезы осушалъ и облегчалъ страданья!
☉ Пусть память этихъ дней въ душѣ не угасаетъ:
Съ тобою, можетъ быть, Господь ихъ вспоминаетъ.

Спѣши благотворить, старайся помогать,
Поторопись хоть грошъ несчастному подать
И помни, чтобъ къ себѣ не чувствовать укора:
Въ дѣлахъ, что поважнѣй, то хорошо, что скоро.

В. К. Недзвецкій.

ТЕРПѢНІЕ (Іак. 1, 4).

Если мучить пилигримовъ
Вѣтеръ осенью холодной,
Бьетъ пескомъ неотразимо
Караванъ въ степи безплодной,
Помни: это тѣ же силы,
Что весной благоуханной,
Какъ попутный вѣтеръ, милы,
Въ край далекій и желанный.
Добрый Духъ и ангелъ кары
Оба служатъ волѣ Бога.
Потерпи, пройдутъ удары—
Красныхъ дней у Бога много.

В. Недзвецкій.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Прот. П. Шумова. Сборникъ общепонятныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Для чтенія за богослуженіемъ и вчѣ богослуженія (числомъ 85). Выпускъ пятый. Москва, 1912 г. 322 стр. Ц. 1 р.

Давнымъ читателямъ „Душенполезнаго Чтенія“ имя досточтимаго о. Прот. П. С. Шумова, какъ проповѣдника, хорошо, конечно, извѣстно. Въ прежнее время, въ годы редакторства основателя журнала, покойнаго еп. Виссаріона (тогда еще прот. В. П. Нечаева), проповѣди о. прот. Шумова часто появлялись на страницахъ нашего журнала; преосвященному Виссаріону—его ободрительному и руководственному отношенію къ сравнительно молодому тогда проповѣднику онъ самъ считаетъ себя обязаннымъ не только выступленіемъ своимъ въ печати, а и тѣмъ, что, по его совѣту, печатныя проповѣдническія произведенія о. Шумова въ главной своей массѣ суть краткія общедоступныя поученія, въ основоположительныхъ частяхъ своихъ взятая изъ житій святыхъ угодниковъ Божіихъ. Когда же потомъ вслѣдствіе все болѣе и болѣе развивавшейся литературной дѣятельности о. пр. Шумова рамки журнала не могли вмѣщать въ себѣ всего, что выходило изъ-подъ пера его, онъ сталъ печатать свои проповѣдническіе труды отдѣльными изданіями, въ видѣ отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ, каждый изъ которыхъ заключалъ въ себѣ отъ 70 до 100 и болѣе поученій, подъ заглавіемъ: „Для чтенія въ храмѣ, въ семьѣ и въ школѣ. Уроки изъ жизни святыхъ“. Такихъ выпусковъ вышло восемь. Послѣ этого о. Прот. сталъ издавать такіе же выпуски, заключаю-

щіє въ себѣ кромѣ уроковъ изъ жизни святыхъ объясненіе воскресныхъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній, подъ заглавіемъ: *Сборникъ общепонятныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни для чтенія за богослуженіемъ и въ богослуженіи*. Въ настоящее время вышелъ уже пятый выпускъ такихъ поученій.

Какъ и всѣ прежніе труды о. прот. П. С. Шумова, и настоящій трудъ отличается обычными для него и весьма высокими достоинствами. Первое изъ нихъ—необыкновенная простота мысли, облеченной въ чисто художественную и вполне достоинствамъ мыслей соответствующую внѣшнюю литературную форму. Мысли проповѣдника всегда не только ясны и послѣдовательны, а и живы; образности рѣчи автора способствуетъ особенно то, что авторъ постоянно иллюстрируетъ ее живыми примѣрами. Вторымъ достоинствомъ проповѣдническихъ трудовъ о. прот. Шумова является та задушевная сердечность, которая чувствуется въ каждой строкѣ его поученій и которая, легко передаваясь читателю, дѣйствуетъ на его душу такъ успокоительно и мягко. Въ тонѣ рѣчей о. прот. П. С. Шумова такъ и слышится нѣжный голосъ любящаго своихъ духовныхъ чадъ отца, а не суровое вразумленіе обличителя. Конечно, и отцу нерѣдко приходится говорить своимъ чадамъ со властью. Но и въ этихъ властныхъ отцовскихъ указаніяхъ дѣтямъ всегда слышны бываютъ нѣжныя нотки его обычно любящаго сердца. „Братіе... четыре дня недѣли (поста) у насъ прошли даромъ, проведемъ, какъ слѣдуетъ, хотя пятый день; въ этотъ послѣдній день займемся собою какъ должно, заставимъ себя пролить слезы умиленія о грѣхахъ своихъ“ (49 стр.). Вотъ обычный тонъ чисто отеческихъ увѣщаній нашего достопочтеннаго проповѣдника. Мягкій характеръ проповѣдническихъ вразумленій не покидаетъ автора даже въ такихъ поученіяхъ, какъ поученіе „о евангелии Толстого“ (240.—243 стр.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ отечески умилительный тонъ дышетъ прямо какою-то вдохновенностію. Вотъ напр., какія

строки читаемъ мы въ словѣ на недѣлю Ваиѣ (стр. 69—72) „Идетъ, братіе, и къ намъ Дорогой Спаситель нашъ, идетъ ко всѣмъ... Идетъ къ вамъ, которые живете въ радости и довольствѣ... чтобы полнѣе были ваши радости... Идетъ и къ тебѣ, человѣкъ, удрученный нуждою. Со Христомъ и въ бѣдности хорошо... потому что Онъ и Самъ терпѣль... Идетъ и къ тебѣ, скорбящая душа, къ тебѣ, которая день и ночь слезы проливаетъ отъ скорби своей... Идетъ и къ тебѣ, который такъ мало думаетъ о Немъ... встрѣтъ и прими Его. Идетъ онъ и къ вамъ, которые отказались отъ посященія храма Его... Обратитесь же и подите къ Нему. Идетъ Спаситель. Встрѣтимъ Его... съ радостью... съ пѣснями духовными... да никто изъ насъ не останется безъ Христа“. Въмѣстѣ съ вдохновенностію изложенія какая глубина и полнота содержанія! И эта содержательность есть третье существенное достоинство поученій о. Шумова. Каждое поученіе—это цѣлый маленькій мірокъ со своимъ особымъ теченіемъ мыслей и разнообразнымъ характеромъ ихъ. У автора, видимо, неисчерпаемый источникъ проповѣдническаго вдохновенія. Темы одна другой жизненнѣе; раскрытіе ихъ въ поученіяхъ одно увлекательнѣе другого. И съ какою естественностію ведется это раскрытіе темы! Читателю кажется, будто все излагаемое авторомъ давно извѣстно и знакомо; но это извѣстное и знакомое такъ умѣло подбирается къ данной темѣ и такъ искусно сближается какъ съ главнымъ предметомъ ея, такъ и со всѣми составными частями ея, что невольно получается впечатлѣніе и свѣжести мысли, и новизны въ ея раскрытіи, и глубины ея пониманія.

Оттого съ одинаково-неослабнымъ интересомъ и читаются обычно всѣ поученія прот. П. С. Шумова. Они всѣ хороши, и въ нихъ всегда и все хорошо.

Невольно задаешься вопросомъ: гдѣ же источникъ этого святаго вдохновенія, когда и подъ какимъ благодатнымъ вліяніемъ зарождался, развивался и созрѣвалъ такой исключительный проповѣдническій даръ? Какъ будто въ

прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ въ самомъ концѣ настоящаго сборника присоединено „воспоминаніе о святителѣ Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ“. Изъ этого коротенькаго, но также чрезвычайно задушевно и съ чувствомъ глубокаго умиленія передъ памятью знаменитаго святителя изложеннаго воспоминанія явственнно открывается, какъ зародился и подъ какимъ благословеніемъ развился высокій проповѣдническій даръ досточтимаго о. протоіерея. Онъ зародился именно въ святительство достославнаго митр. Филарета, подъ его непосредственнымъ контролемъ развивался, отъ его мудрости читался и при его святительскомъ благословеніи укрѣплялся и возрасталъ. О. прот. П. С. Шумовъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ Господь судилъ ему въ свое время вѣдствовать предъ мудрымъ Моск. архипастыремъ еще въ санѣ діакона и просить Владыку о санѣ священническомъ, какъ святитель Филаретъ внимательно и строго испытывалъ его со стороны проповѣдничества, какъ заставлялъ читать предъ собою первые проповѣдническіе опыты его, о. Шумова, какія дѣлалъ указанія, замѣчанія и общіе совѣты. Среди этихъ указаній сообщено въ воспоминаніяхъ между прочими одно особенно примѣчательное: „*каждое слово говори, предварительно строго обдумавши*“. Вотъ, думается, гдѣ одинъ изъ главныхъ секретовъ столь блестящаго расцвѣта проповѣдническаго дарованія о. прот. П. С. Шумова. Ему, видимо, слишкомъ глубоко, въ самыя внутренніе тайники его сердца и души запали эти мудрыя слова мудрѣйшаго изъ святителей Божіихъ. Всякое слово говорить, предварительно *строго обдумавши* — какое казалось бы *простое*, а на дѣлѣ неохотнѣе всего людьми исполняемое правило! Досточтимый о. прот. П. С. Шумовъ, видимо, не мало прилагалъ въ свое время труда и стараній для того, чтобы со всею строгостью исполнять это мудрое проповѣдническое правило. И вотъ результаты этихъ стараній: пять одинъ другого лучше общихъ сборниковъ поученій и нѣльй рядъ

другихъ проповѣдническихъ трудовъ и изданій. И всѣ эти изданія—суть плоды весьма продолжительныхъ, а главное „*строго обдуманыхъ*“ *предварительныхъ* стараній о. проповѣдника. Да хранить же Всевышній ревностнаго хранителя и исполнителя мудраго святительскаго правила еще на многіе, многіе годы, ради пользы церкви Христовой, во славу святаго Имени Божія, а всѣмъ православному—въ душеспасительное назиданіе.

Свящ. А. П.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“

въ 1913 году.

(Пятьдесятъ четвертый годъ изданія).

Основанный 53 года тому назадъ въ Вазѣ почившимъ Преосвященнѣйшимъ **Виссаріономъ**, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ, въ соучастіи съ Высокопреосвященнымъ **Амвросіемъ**, Архіепископомъ Харьковскимъ, журналъ „Душеполезное Чтеніе“ поставилъ своею задачею—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и повѣрнаго духовнаго чтенія“. Такъ определена была эта задача приснопамятнымъ святителемъ **Филаретомъ**, Митрополитомъ Московскимъ, въ его донесеніи св. Синоду объ изданіи журнала.

Для достиженія этой цѣли въ составъ журнала съ самаго начала его существованія входили: 1) Труды, относящіяся къ изученію свящ. Писанія. 2) Статьи въручительнаго и правочительнаго содержанія съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и уставомъ православной церкви. 3) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и др. авторитетныхъ памятниковъ. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному богослуженію. 6) Общеповѣстное и духовно поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ и 9) разныя извѣстія и замѣтки.

По кончинѣ Митрополита **Филарета** (1867 г.) къ этимъ отдѣламъ присоединился новый, посвященный имѣющимъ руководственное значеніе для пастырей и мірянъ резолюціямъ, мнѣніямъ, донесеніямъ и письмамъ этого богомудраго Святителя. Когда же на мѣсто Преосвященнаго **Виссаріона** редакторомъ журнала сталъ протоіерей **Д. Ѳ. Касицынъ**, много лѣтъ предъ тѣмъ бывшій профессоромъ Моск. Дух. Академіи по кафедрѣ истории западныхъ исповѣданій, въ „Душеполезномъ Чтеніи“ стали помѣщаться свѣдѣнія объ этихъ исповѣданіяхъ съ разборомъ ихъ ученія и обрядовъ, и особенное вниманіе обращено было на ознакомленіе читателей съ письмами въ Вазѣ почившихъ въ эти годы оптинскаго „старца“ іеросхимонаха **о. Амвросія** и преосвященнаго **Феофана** Вышинскаго затворника, при жизни своей напечатавшаго въ „Душеполезномъ Чтеніи“ почти всѣ свои толкованія посланій **Св. Ап. Павла**. Редакція вполне справедливо полагала, что „жизнь, письма и статьи“ этихъ свѣтильниковъ русской Церкви послѣдняго времени „представляютъ вполне авторитетное и самое удобоповѣстное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи, чтеніе не праздно и тщетное, а отвѣчающее на самыя насущныя и жизненныя вопросы и на всевозможные случаи“. Журналъ „никогда не слѣдуя рабски духу времени“ и подвергая „критикѣ“—разбору и опроверженію разныя отрицательныя ученія съ православной-церковной точки зрѣнія,—всегда оставался неизмѣнно върнымъ своей основной задачѣ и вполне сохранилъ свой духовный обликъ, которымъ отличается онъ отъ многихъ другихъ духовныхъ журналовъ.

Схвѣмъ думать, что въ этой именно неизмѣнной вѣрности журнала своей первоначальной задачѣ, въ строго-православной церковности его направленія и въ его общеповѣстной закладѣ заключается причина того сочувствія къ нему читателей, благодаря которому журналъ, имѣя главами своими подписчиками духовенство и многихъ изъ свѣтскихъ образованныхъ русскихъ людей церковнаго направленія, хорошо извѣстенъ и за границей,—даже въ далекой отъ насъ Америкѣ, Китаѣ и Японіи.

Въ наступающемъ 1913-мъ году „Душеполезное Чтеніе“ съ Божіей помощью будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался онъ съ начала его существованія въ теченіе пятидесяти трехъ лѣтъ. Служить духовнымъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и потребностямъ времени, отзываясь на нихъ общедоступнымъ слогомъ въ строго-православномъ духѣ и направленіи и въ характерѣ веденія дѣла слѣдуя за вѣтамъ и руководственнымъ указаніямъ и примѣру основателей журнала и его старѣйшихъ редакторовъ—таковы задачи, которыя ставитъ себѣ редакция и въ будущемъ въ подборѣ статей, подлежащихъ входить въ указанный выше составъ журнала.

Нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответствующими рисунками.

Идя навстрѣчу духовной любознательности читателей, въ концѣ каждой книжки журнала будемъ помѣщать библиографію и указаніе вновь выходящихъ книгъ и статей религіозно-нравственнаго содержанія.

ВЪ ВИДѢ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ БУДУТЪ ДАНЫ:

1) Доселѣ хранившійся въ рукописи капитальный трудъ извѣстнаго канониста православной церкви, **Высокопреосвященнаго Алексія, Архіепископа Литовскаго:**

О православной церкви и ея управленіи.

Насущный современный интересъ этого вопроса и имя автора, бывшаго Профессора Московск. Дух. Академіи, въ 70-хъ годахъ прошл. столѣтія принимавшаго большое участіе въ духовно-судебной реформѣ, достаточны, думаемъ, говорить о высокой цѣнности этого приложенія.

2) Продолженіе давняго въ 1912-мъ году сочиненія Аббата Гетте:

„Исторія іезуитскаго ордена“.

3) Сочиненіе извѣстнаго ученаго аптударьяниста, доктора зоологіи, **А. А. Тихомирова** подъ заглавіемъ:

„Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ“.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 г. за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежем. дух. жур. „Душеполезное Чтеніе“—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна за годовое изданіе журнала со всѣми его приложеніями 3 р. 50 к. безъ пересылки, 4 р. съ пересылкой За границу—5 рублей.

Адресъ: *Москва*, редакція „Душеполезное Чтеніе“ при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ профессоръ Богословія въ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая, Протоіерей *Іоаннъ Соловьевъ*.

Издательница *Ольга Касицына*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

- I. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИНЪ. (Наъ дневника инюка). А. I. 319—324
- II. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГО-РОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. **Василія, Епископа Можайскаго** 325—340
- III. СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ—СТРАДАЛЕЦЪ И ДРУГЪ СТРАЖДУЩИХЪ. (Съ рисунками). **Трифона, Епископа Дмитровскаго**. 341—364
- IV. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ: „О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ѲОМЫ КЕМПІЙСКАГО. Книга четвертая. **Прот. Александра Смирнополо, Настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Брюссель**. 365—374
- V. СВЯТЫЕ ДНИ ВЪ Г. БѢЛГОРОДѢ. (Впечатлѣнія очевидца при открытіи мощей святаго Іоасафа). **Сергѣя Голощанова** 375—386
- VI. СМОЛЕНСКАЯ ИКОНА БОЖІЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ ВЪ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ НАСТОЯЩАГО ГОДА. С. А. П. 387—393
- VII. МЫСЛИ НАПОЛЕОНА НА О. СВ. ЕЛЕНЫ ОБЪ ІИСУСѢ ХРИСТѢ. (Къ юбилею Отечественной войны). **Законоучителя Одесской 2-й м. гимназій Свящ. Ал. Введенскаго**. 394—401
- VIII. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОСОФІЯ И ЕЯ СЛАБЫЯ СТОРОНЫ. Р. 402—418
- IX. ДУХЪ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Къ столѣтію со дня его кончины. 11 Ноября 1912 г. **Прот. А. Бѣляева**. . . 419—426
- X. ДѢЛО И ДОЛЯ ПРОПОВѢДНИКА ПО ЖИЗНИ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Свящ. **Н. Орлова**. . . 427—440
- XI. ВѢРНЫЙ ПУТЬ. (Разсказъ). **В. Кузнецовой**. 441—447
- XII. ПОСЛѢ ПОСѢЩЕНІЯ ПРИОТА ВО ИМЯ ЦАРИЦЫ НЕБЕСНОЙ. **Н. П.** 448—449
- XIII. PRO MEMORIA. (Стихотвореніе). **В. К. Недзвецкаго** . . 450—450
- XIV. ТЕРПѢНІЕ. (Іак. 1, 4). Стихотвореніе. **Его же**. 451—451
- XV. БИБЛІОГРАФІЯ. Свящ. **А. П.** 452—456
- ОБЪЯВЛЕНІЕ.

При этомъ номерѣ рассылаются почтовые переводы.

Отъ Московскаго Духовно - Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 4 дня 1912 г.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннь Соловьевъ*.

„Поклонение настырей.“

Съ картины художника В. Д. Фаргусова.

Человѣчество Христа Спасителя

и Его значеніе въ нашей духовной жизни ¹⁾).

Дытшнимъ Евангельскимъ чтеніемъ, братіе, св. Церковь утверждаетъ въ нашемъ сознаніи истину человѣчества Христа Божечеловѣка. Предвѣчный Сынъ Божій является вмѣстѣ съ тѣмъ „Сыномъ Давидовымъ, Сыномъ Авраамовымъ“ (Мѣ. I, 1). Онъ имѣетъ цѣлый рядъ предковъ по плоти, принадлежитъ по рожденію къ извѣстному народу. Не только въ происхожденіи Своемъ по человѣчеству, но и въ жизни на землѣ Онъ является истиннымъ человѣкомъ, во всемъ подобнымъ намъ, по слову Апостола, кромѣ грѣха (Евр. II, 17). Онъ, какъ человѣкъ, явилъ въ Своемъ Лицѣ образъ истиннаго, идеальнаго человѣка, какимъ долженъ быть послѣдній по промыслительному предначертанію Божію, открылъ намъ всю правду о человѣкѣ; точно такъ же, какъ, будучи Богомъ и явившись во плоти, открылъ людямъ всю правду, всю истину о Богѣ, къ которой робко приближалась и не въ силахъ была обнять всю ее—мысль человѣческая до Христа. Вотъ почему Ликъ Христовъ на вѣчныя времена останется для вѣрующихъ и даже для невѣрующихъ,—для послѣднихъ, можетъ быть, и не всегда сознательно,—высочайшимъ идеаломъ нравственнаго совершенства; въ Немъ совѣсть каждаго постоянно будетъ находить для себя отвѣтъ, въ чемъ истина и правда человѣческой жизни. „Воистину на землѣ мы какъ бы блуждаемъ, говорилъ

¹⁾ Слово въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ.

одинъ старецъ, и не было бы драгоценнаго Христова образа предъ нами, погибли бы мы и заблудились совсѣмъ, какъ родъ человѣческой предъ потопомъ“ (Зосима у Достоевскаго). Только въ истинѣ *человѣчества* Христа становится понятною намъ тайна Его страданія за насъ, какъ въ истинѣ Божества Его открывается намъ тайна возрожденія человѣка. Онъ воспринялъ въ Свою безгрѣшную душу грѣхи людскіе, какъ Свои грѣхи, какъ грѣхи Своей совѣсти; Его страданія, Его крестная скорбь есть прежде всего скорбь о содѣянной *человѣчествомъ* безднѣ зла, которую сдѣлалъ Онъ мукой Своей совѣсти. И это возможно было потому, что Онъ объединилъ Себя съ нами въ Своемъ воплощеніи, „пріобщился пріскрепивъ нашей плоти и крови“ (Евр. II, 14). Онъ могъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ (Евр. IV, 15) потому, что не стыдился называть насъ Своими братьями (Евр. II, 11).

Только въ этой истинѣ *человѣчества* Христа можетъ находить для себя разрѣшеніе и тотъ огромной важности вопросъ, который особенно остро поставленъ теперь предъ современнымъ сознаниемъ. Мы разумѣемъ вопросъ объ отношеніи христіанства къ культурѣ,—ко всему тому, что имѣетъ цѣлью улучшеніе внѣшняго благополучія *человѣчества*. Почти общепринятымъ или во всякомъ случаѣ довольно распространеннымъ въ извѣстной средѣ является мнѣніе, что христіанство, Христова церковь, принципиально враждебна всему тому, что входитъ въ понятіе культуры и что вмѣстѣ съ тѣмъ такъ дорого *человѣчеству*, какъ добытое его вѣковыми усиліями. Это многихъ, слабыхъ духомъ, безвозвратно отторгаетъ отъ церкви Христовой, а въ души искреннія, жаждущія единой, всецѣлой истины,—вводитъ мучительное развоеніе. Великіе скептики во всемъ, что соприкасается съ областью религіи, мы,—нужно признаться въ этомъ,—не всегда даемъ мѣсто этому, несомнѣнно благотворному, началу сомнѣнія при обсужденіи того, на чемъ находимъ клеймо общепринятаго въ окружающей насъ средѣ мнѣнія. Между

тѣмъ въ данномъ случаѣ—это начало, безпристрастно до конца проведенное, позволило бы намъ притти къ мысли, что въ основѣ указаннаго мнѣнія лежитъ какое то роковое недоразумѣніе, которое растетъ и крѣпнеть, можетъ быть, только въ силу преднамѣреннаго желанія—свергнуть „иго Христова“, благое и легкое для ищущихъ спасенія, тяжелое и ненавистное для грѣховнаго самоутвержденія.

Христіанство исключаетъ внѣшнюю культуру.. Подлинное ли христіанство берется здѣсь? Вѣдь единая Христова истина на протяженіи девятнадцати вѣковъ многообразно преломлялась въ сознаниіи людей, и естественно, что въ этомъ субъективномъ преломленіи получала часто одностороннюю и несоотвѣтствующую его духу окраску. Здѣсь мы видимъ и формы крайняго спиритуализма, дѣйствительно въ принципѣ отрицавшаго все плотское, а слѣдовательно—и культуру; это—тѣнь древняго докетизма, учившаго о призрачности человѣческой природы Христа, или монофизитства, проповѣдовавшаго о раствореніи человѣческаго естества Христова въ Его Божественной Личности. Здѣсь мы видимъ и средневѣковой инквизиціонный клерикализмъ, ошибочно принимаемый за Церковь Христову. Здѣсь были и покушенія совершенно „обміршить“ дѣло Христова и попытки построить христіанство безъ Христа. Но нѣтъ у насъ „иного основанія“, какъ говоритъ Апостоль, кромѣ положеннаго“, каковымъ является Христось. Всмотримся же пристальнѣе въ этотъ богочеловѣческой Ликъ Христовъ. Здѣсь не замѣтимъ мы и тѣни осужденія человѣка, какъ человѣка, въ его человѣческихъ нуждахъ и потребностяхъ, да и не можетъ быть осужденія со стороны Того, Кто Самъ воспринялъ въ Свою божественную природу человѣческое естество, чтобы явить намъ образъ совершеннаго человѣка; Кто Самъ, какъ человѣкъ, подчиненъ былъ общей всѣмъ намъ долѣ, всѣмъ невгодамъ нашего существованія; Кто Самъ, „подобно намъ, искушенъ былъ во всемъ, кромѣ грѣха, чтобы помочь искушаемымъ“ (Евр. IV, 15; II, 18). Здѣсь не осу-

жденіе человѣка въ его человѣчествѣ; здѣсь только скорбь, сострадательная скорбь о томъ, что извнѣ проникло въ природу человѣческую,—скорбь о грѣхѣ, грѣховности человѣческой. Не „человѣческое“ отрицаетъ Евангеліе, а самодовлѣмость человѣческую, исключаящую начало, высшее человѣческаго,—осуждаетъ тотъ древній навѣтъ: „будете, какъ боги“, который, къ сожалѣнію, осуществляется новѣйшей гуманистической культурой въ ея напряженномъ стремленіи замѣнить Богочеловѣчество—человѣкобожествомъ. Истинное христіанство не зазираетъ культуры, а стремится только опредѣлить ея мѣсто, ея истинное значеніе въ жизни человѣка; оно утверждаетъ условность культуры, рассматривая ее и ея поступательное движеніе какъ среду и необходимое условіе для раскрытія безконечной, божественной красоты человѣческаго духа. Только въ этомъ послѣднемъ оно видитъ окончательную безусловную цѣль жизни человѣка. Въ молитвѣ всего христіанскаго міра, которой научилъ насъ Самъ Спаситель, мы просимъ не только о наступленіи царства Божія, но и о „хлѣбѣ насущномъ“. „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“... Не исключилъ Христосъ изъ обихода земной нашей жизни заботы о „хлѣбѣ насущномъ“; Онъ освятилъ эту заботу, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ словахъ „днесь“ и „насущный“ положилъ ей границу, предѣлъ; указалъ въ этихъ словахъ на должное и истинное наше положеніе относительно потребностей тѣлесной природы. И мы вѣруемъ, что благословляетъ Христосъ и подвигъ Марѳы, служеніе наше земнымъ потребностямъ и нуждамъ, если только этотъ подвигъ не стремится исключить совсѣмъ, безъ остатка, стремленія Маріи, жажду души человѣческой усвоить правду Христову.

Итакъ, исповѣдуя Божество Христа, не будемъ опасаться останавливаться мыслью и на тайнѣ Его человѣчества потому только, что многіе, какъ мы знаемъ, останавливаясь на Его человѣчествѣ, рѣшались отрицать Его Божество. Будемъ помнить, что по ученію слова Божія

Христось не былъ бы Искупителемъ нашимъ только въ Своемъ Божествѣ, какъ Онъ не былъ бы имъ и въ Своемъ человѣчествѣ. И христіанство, какъ говоритъ одинъ мыслитель (Друммондъ), „преуспѣвало не только потому, что оно было божественно, но и потому, что оно въ высшей степени *человѣчно*“. Не думайте, что всѣ отрицающіе Божество Христа приходятъ къ этому отрицанію потому, что останавливаются мыслью на Его человѣчествѣ; нѣтъ, потому они и останавливаются мыслью на Его человѣчествѣ, что заранѣе отрицають Его Божество. А кто съ „чистымъ сердцемъ“ остановится на Его человѣчествѣ, тотъ „увидитъ Бога“ и въ Его человѣчествѣ, ибо въ Немъ, какъ человѣкѣ, „обитала вся полнота Божества тѣлесно“ (Клос. II, 9). И вотъ что поучительно въ данномъ случаѣ. Чувствуется, что эта „полнота Божества“ какъ бы препобѣждаетъ и разумъ отрицателей и, помимо ихъ воли, исторгаетъ изъ сердца ихъ такія слова, такія признанія, которыя близки къ исповѣданію Христа Богомъ. „Между сынами человѣческими не рождалось никого болѣе великаго, чѣмъ Иисусъ... Что бы ни случилось въ будущемъ, никто не превзойдетъ Иисуса, почтеніе къ Нему будетъ непрерывно“... Я привелъ здѣсь слова великаго отрицателя (Ренана). „Христось выше всего прошлаго и не будетъ даже превзойденъ будущимъ“... Развѣ здѣсь въ такомъ опредѣленіи Личности Христа, не чувствуется смутнаго признанія, что этотъ будто бы человѣкъ—вовсе не человѣкъ, что такой человѣкъ не могъ быть порожденіемъ грѣшнаго человѣчества, что этотъ человѣкъ „Господь съ неба“ (1 Кор. XV, 47). Повторяется древняя исторія Валаама, вмѣсто словъ проклятія изрекавшаго слова благословенія. Такъ Господь Богъ, не стѣсняя свободы людей, ведетъ часто ихъ къ Себѣ и путемъ отрицанія. Глубока премудрость Твоя, Господи, и неизслѣдимы пути Твои! Аминь.

Священникъ І. Артоболевскій.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника ивока).

Если ты боленъ, не скорби о горечи *лѣкарства*, а о горечи *болѣзни*, требующей такихъ лѣкарствъ. Такъ тужи и не о скорбяхъ, а о грѣхахъ, ихъ порождающихъ и для излѣченія ихъ необходимо требующихся. Безъ грѣха и грѣховности человѣка не бываетъ скорби, не бываетъ и скорби—безъ уврачеванія того или другого, породившаго скорбь, грѣха или и всей вообще грѣховности человѣка. Гдѣ скорбь, тамъ былъ непременно или есть какой-либо грѣхъ, но вмѣстѣ—это и уврачеваніе его.

* * *

Легко крыть чужія кровли, критиковать другихъ и учить ихъ, но лучше намъ самимъ побольше заняться собою, свое поле воздѣлывать, часто полное волчцевъ и терній. Будь благополученъ во всемъ своемъ, это—вѣрнѣйшее средство повліять и на другихъ и послужить и ихъ благополучію.

*

Господи! прости мнѣ мою недостойную жизнь, мои грязныя помышленія, мои безстыдства и сумасбродства. Помоги мнѣ—Твоимъ Святѣйшимъ именемъ заполнить опустѣвшую мою душу и изгнать изъ нея и искоренить всѣ скверныя движенія, влекуція къ сквернымъ дѣяніямъ.

* * *

Съ дерзновеніемъ молись о прошеніи грѣховъ. Господь *отечески* отнесется къ тебѣ, какъ Самъ научилъ взывать къ Нему *сыновне*: „*Отче нашъ*“. Вѣдь это Его дивныя об-

разы—блуднаго сына, погибшей драхмы, заблудшей овцы. Какая любовь! Какое всепрощеніе! Какое усердіе—взыскать и спасти, обласкать и утѣшить заблудшаго!

* * *

Все ученики говорили, что умрутъ со Иисусомъ и не отвергнутся Его. Хотя это и не исполнилось при страданіяхъ Господа, все же вельзя не видѣть, какъ ученики любили своего Учителя, давая такія завѣренія, впоследствии осуществленныя и запечатлѣнныя дѣйствительною страдальческою смертію каждаго за Христа.

* * *

Вспомни вечеръ жизни твоей. Вспомни ея послѣднія минуты на исходѣ. День... часъ... минута... и—все кончено. И прахъ сокровается подъ землю въ добычу тлѣнію и червеи. О, Господи! Душу мою тогда пощади и помяни во царствіи Твоемъ. Прими съ миромъ. Не отвергни, не погуби. Не дай въ добычу врагу.

*

Кто есть Иисусъ? Простой человѣкъ? Учитель? Пророкъ? Многіе говорятъ, думаютъ и проповѣдуютъ, что Его ученики, да почитатели и почитательницы выдали Его за Бога. Какое безуміе! Смотрите, какъ Самъ Иисусъ говоритъ о Себѣ, въ обстановкѣ уничижительной, когда—кажется—менѣе всего человѣку свойственно обольщаться: „Азъ есмь Сынъ Благословеннаго“ (Марк. 14, 61—62). „Узрите небо отяерсто...“ И Иудеи распяли Его за то, что Онъ „Себѣ Сына Божія сотвори...“ Такъ вотъ кто—Иисусъ, запечатлѣвшій истину Своего Божества Своею побѣдоносною смертію.

* * *

Отъ друзей, хвалящихъ насъ, мы узнаемъ только о добродѣтеляхъ и о достоинствахъ нашихъ, и лишь отъ враговъ или совершенно безпристрастныхъ людей услышимъ о недостаткахъ, и это послужитъ къ исправленію ихъ. Игакъ, привикай слухомъ своимъ болѣе къ рѣчамъ

враговъ, нежели друзей, да не вознесешья мыслию и не падешь искушеніемъ.

* * *

Слава, Господи, святому воскресенію Твоему! Сколько умиленія въ этихъ словахъ! Безъ конца бы ихъ повторялъ, упоеваясь сокровеннымъ въ нихъ блаженствомъ и неземною сладостію. Истинно здѣсь вѣетъ жизнью небесною, исходатайствованною намъ воскресеніемъ Распятаго Господа нашего.

* * *

Господь—всеобъемлющая любовь и незнающее границъ милосердіе. Милостивъ къ праведнымъ, утѣшая ихъ, милостивъ и къ грѣшнымъ, терпя и взыскаю ихъ. Милостивъ къ счастливымъ, давая имъ и оберегая ихъ счастье, милостивъ и къ несчастнымъ, избавляя ихъ отъ большихъ несчастій или же давая силы къ терпѣнію и перенесенію скорби и обращая ее намъ во спасеніе.

* * *

„Нѣсть, иже укрыется теплоты Его...“ Никто не сокрытъ отъ теплоты Господней. Свѣтя праведнымъ и неправеднымъ, безъ различія свѣтитъ всѣмъ и благодатію Своею. И не Его вина, что благодатная теплота Его не производитъ спасительнаго, одинаковаго для всѣхъ, дѣйствія. Такъ и въ жаркую погоду хранится ледъ. Тщательно укрытый отъ теплоты въ темные подвалы и другія искусственныя загражденія отъ палящихъ лучей солнца.

* * *

Наша нечистота можетъ находиться въ насъ не срастворясь съ нами, не проникая далеко вглубь нашего существа. Тогда она легко можетъ быть истреблена молитвою и ежедневнымъ покаяніемъ. Но можетъ статься, что она глубоко срастворится съ нами, проникнетъ глубоко. такъ сказать, въ поры нашего существа, и тогда—лишь всеисцѣляющее слово Господа, иногда не безъ лѣкарствъ горькихъ—скорбей.—можетъ оживить васъ, исцѣлить, оздоровить, истребить нашу нечистоту, не повреждая вмѣ-

стѣ съ нею и наше существо,—исторгая плевелы, не всторгнутъ и пшеницу.

* * *

Есть въ природѣ вещество съ удивительнымъ свойствомъ поддерживать всякую жизнь. Потухающая искра, при соприкосновеніи съ этимъ веществомъ, вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ. жизнь продляется и иногда возвращается снова надолго. Это вещество—кислородъ. Нѣчто подобное ему въ духовной жизни—благодать Божія. Гдѣ только дхнеть, тамъ все оживаетъ и процвѣтаетъ, умирающее снова возвращается къ жизни, потухающее воспламеняется, перестающее плодоносить приноситъ плодъ сторицею.

* * *

Религіозность и религіозное настроеніе—это ощущеніе небесной жизни въ условіяхъ земного существованія. Это дыханіе неба на землѣ, лучи небснаго свѣта въ земныхъ хижинахъ нашихъ тѣлъ. Какъ хижина просвѣщается, оживляется солнечнымъ свѣтомъ, такъ наше тѣло, эта земная наша хижина, чтобы жить и дѣйствовать сообразно своему назначенію, просвѣщается небеснымъ свѣтомъ—влеченіемъ души къ Богу и Божиимъ ствѣтомъ на это влеченіе.

* * *

Есть чувство и жажда и потребность *духовнаго* равенства, которое никакъ не унизитъ себя съ матеріалистическими вождельніями современныхъ социалистовъ: это—отшельники и истинные подвижники, довольствующіеся немногимъ. Къ чему имъ богатство міроѣдовъ? Озолоти ихъ, они не пойдутъ за этимъ изъ своихъ пещеръ. Вотъ истинный социализмъ, считающій истинно братьями всѣхъ людей, и даже болѣе того: молясь за всѣхъ, какъ братьевъ своихъ, и любя ихъ, отшельники вмѣняютъ себя въ послѣднихъ изъ людей, готовые не только не на превосходство или равенство съ остальными, а смиренно искренно считающіе себя недостойнѣе всѣхъ другихъ.

* * *

Отчего мрутъ люди въ голодныхъ мѣстностяхъ? Не отъ голода, а отъ безсердечія человѣческаго. Хлѣба тамъ сколько угодно, но онъ только для богатыхъ и имѣющихъ, на что купить его. Горе же этимъ богатымъ, если они не подѣлятся въ столь трудныя минуты съ несчастными, впавшими въ нужду не по винѣ своей. Гнѣвъ Божій, выразившійся на нашу родину рядомъ голодныхъ лѣтъ, должны понести всѣ сыны родины, а ваипаче постигнутыхъ гнѣвомъ мѣстностей.

Называя себя христіанами, многіе изъ насъ и не начинали даже быть ими. „Еще вы плотстѣи есте“... пишетъ святыи Апостоль Павелъ такимъ христіанамъ. Еще вы—плоть и призракъ, тогда какъ истинное христіанство—духъ и истина. Христіанинъ въ истинномъ смыслѣ слова—человѣкъ безупречный во всѣхъ отношеніяхъ—идеально вѣрующій, идеально нравственный, честный. Боголюбивый, любящій ближняго до готовности положить душу свою, непрестанно молящійся, свободный—скорый и успѣшный на всякое добро, косень и тугъ на всякое зло, отсѣкая даже самый помысль о немъ. Вотъ кто христіанинъ, а всѣ не таковые—лишь пародія на христіанина, суррогатъ его, поддѣлка болѣе или менѣе грубая и фальшивая, выдаваемая нами за чистую монету—съ вѣдома и участія нашего. Всѣ мы—грубѣйшіе фальшивомонетчики въ очахъ правды Божіей.

*

Въ случаяхъ, когда не успѣваешь долго помолиться, пади на колѣни и кратко скажи: „Господи! Прими порывъ сей въ похваленіе и благодареніе мое Тебѣ и услышаніе меня недостойнаго, и въ умиловленіе Твое о моемъ небреженіи“... Или еще какъ либо въ этомъ родѣ, только именно надо сдѣлать это порывисто, съ жаромъ увлеченія, съ чувствомъ человѣка, хотя и спѣшащаго, но могущаго сладко, хотя одинъ мигъ, но за то весь безъ остатка—отдать Господу. Вѣдь дѣло вовсе не въ продол-

жительности молитвы, а въ ея пламенности, а это не можетъ продолжаться долго даже и у совершенныхъ Боголюбцевъ.

*

Интересъ земной жизни далеко не исчерпывается ея временными пріятностями и благами, изъ-за лишенія коихъ люди такъ часто безумно рѣшаются даже на самоубійство. Человѣкъ еще много можетъ сдѣлать и испытать въ области духовной, служа Богу и ближнему въ мѣру силъ и дарованій своихъ.

* * *

*

Можно горѣть и медленнымъ молитвеннымъ огнемъ, какъ сырое полѣно, долго и съ задержками. Но—можно и сразу вспыхнуть и сгорѣть въ молитвенномъ порывѣ, какъ порохъ. И думается: цѣль будетъ достигнута одинаково, если медлительность въ первомъ случаѣ не означать нерадѣнія, и скорость во второмъ—нерящества и намѣренія поскорѣе отдѣлаться отъ скучной обязанности,

Отдыхай, пока нѣтъ у тебя скорби. Но не забывай и о грядущихъ, ибо не замедлятъ онѣ, и горе тебѣ сугубое, если онѣ застанутъ тебя неготовымъ. Какъ жизнь наша должна быть приготовленіемъ къ смерти, такъ покой и тишина являются приготовленіемъ къ скорби, не оставляющей человѣка до самыхъ дверей Царства небснаго. „Многими скорбями подобаетъ внити въ Царствіе небсное“. Скорби—дверь въ Царство небсное. Какъ въ домъ не попадешь помимо дверей, такъ и въ царство небсное—помимо скорбей.

* * *

Терпи скорби: это — цвѣты вѣнца небснаго, яблоки древа райскаго, горькія только на вкусъ, но цѣлебныя и благодѣтельныя для души и сердца. Терпи. Это терпѣніе не меньше мученической и подвижнической любви ко Христу, не меньше молитвы, страданія за Христа, поста,

угожденія Ему всѣми вилами другихъ добродѣтелей, въ основѣ своей имѣющихъ то же терпѣніе.

* * *

„Горе непразднымъ и доящимъ въ твоя дѣти...“ „Блаженны утробы, которыя не родили, и сосцы, которыя не питали...“ Такое время предвѣщается Господомъ на смѣну того времени, когда считалось тягчайшимъ несчастіемъ—бездѣтность и неплодство, и величайшимъ счастіемъ—материнство. Начало этого другого времени—поистинѣ *наше* время. Уже и теперь—сколько отцевъ и матерей готовы согласиться, что ихъ постигло это ужасное Спасителево „горе“. И сколько дѣвъ и ювошей дѣвствующихъ должны усвоить къ сердцу возвѣщаемое Имъ блаженство, заслуживающее предпочтенія предъ тѣмъ, что все болѣе и болѣе перестаетъ быть имъ.

* * *

Бѣгай искушенія, хотя бы ты и чувствовалъ силу побѣдить его. Врагъ не преминетъ въ случаѣ побѣды твоей опозилить ее, ослабить, отомстить, излить ядъ злобы своей другими способами, коихъ у него неистощимые запасы: клевета, смущеніе, жалѣніе, возношеніе, самомнѣніе, кичливость, высокоуміе и т. п.

* * *

Царице Небесная! О, сколь Ты мудрая изобрѣтательница случаевъ явленія вамъ Твоей помощи, милости и силы! „Узначай: Я буду въ голубыхъ лентахъ!...“ Такъ предупредила Она одного благочестиваго пастыря, спѣшившаго на освященіе одного изъ Сибирскихъ храмовъ. И—узнана была Таковою въ мѣстномъ образѣ новаго храма.

* * *

Замѣчательно мудрымъ путемъ ведетъ Св. Церковь чадъ своихъ къ встрѣчѣ Господа раждающагося: постъ какъ бы во образъ того сумрачнаго времени до Христа, пѣснь „Христосъ раждается“ съ праздника Введенія Божіей Матери во храмъ... Самый этотъ праздникъ Божіей Матери, явленіемъ Своимъ во храмъ предвозвѣстившей всѣмъ

Христа; воспоминанія памяти ряда святыхъ пророковъ, предвозвѣщавшихъ пришествіе Господа ветхозавѣтному міру—св. Наума (1 Дек.), Аввакума (2-го), Софоніи (3-го), Аггея (16 го), Данила съ 3-мя его друзьями (17-го Дек.); наконецъ, два особо торжественныхъ празднованія памяти всѣхъ свв. Праотцевъ и Отцевъ, подготовившихъ пришествіе Христово міру своею вѣрою и жизнію. Вкратцѣ развертывается предъ нами и какъ бы переживается вновь вся та сѣдая древность и, какъ пышный цвѣтъ, вдругъ исторгается изъ нея свѣтлѣйшій день Рождества Христова—во всемъ его величїи, поэзіи, красотѣ, силѣ, благодѣтельности и утѣшительности для души.

* *

Не всегда радость и не всегда—скорбь. Во время радости готовься къ скорби. И во время скорби иди къ радости. Какъ день и ночь, смѣняются онѣ въ жизни человѣка, давая отдыхъ одна другой своею смѣною, разнообразя жизнь содержаніемъ, назиданіемъ и средствами спасенія.

* *

Слава Тебѣ, Господи, и еще за годъ убогой жизни моей, еще годъ Твоего милостиваго долготерпѣнія и пожеланія моей бесплодной смоковницы, не понесетъ ли плода добраго въ грядущее лѣто.

* *

Думая о смерти, мы сейчасъ же начинаемъ жалѣть жизни. А когда наступитъ смерть, и Господь сподобитъ насъ Царствія Своего (о, если бы!), будемъ жалѣть, что много жалѣли о землѣ и мало—о небѣ. Не землю бойся, человѣкъ, потерять, а небо, небо!

*

Не сонзвояй искушенію и скверному помыслу, и будешь чистъ отъ нихъ, если они пришли помимо твоего желанія и старанія. Иначе, ты повиненъ суду и очищенію слезами покаянія и за то самое, что обуреваешься этими помыслами, которые приходятъ чаще по нашему зову, и

за услажденіе ими. Сѣи пшеницу, и вырастетъ пшеница, а если выросли плевелы, значить они и посѣяны.

Грѣхъ—насиліе надо мною дѣвольское. Въ глубинахъ своей души я не хочу его, онъ противенъ мнѣ. Если онъ или даже помысль только его услаждаетъ меня, то и это—насиліе надо мною твоё, окаянный демонъ. Истинная сладость душъ нашихъ—Господь, а не ты, тварь проклятая, окаянная, Его отвергшаяся!

*

Не первый и не послѣдній и не одинъ разъ простоналъ я сегодня стономъ безпомощности, негодности, неправоты и неудовлетворительности многихъ моихъ поступковъ и образа дѣйствій. Господи! Услыши стenanіе мое! Прими рыданіе мое! Яви Твою помощь, утѣшеніе, исцѣленіе, исправленіе меня отъ недостатковъ моихъ.

Отчего это—рядомъ съ мыслию и ощущеніемъ близости Господа—такая тягота душевная, мракъ, чувство безпомощности, крайняго убожества и негодности? Какъ возможно такое сосѣдство, и въ чемъ оно можетъ имѣть свое оправданіе? Господь попускаетъ намъ тяготу душевную въ сосѣдствѣ съ Своею близостію за нерадѣніе къ этой близости, за недостаточную чистку и подготовку души и жизни нашей къ ней,—попускаетъ для того, чтобы мы очнулись, взыскали Его съ новыми усиліями, новою ревностію.

Когда вы чувствуете себя одинокимъ, то—вотъ вамъ и пустынька. Вы и пустынный, готовый для подвиговъ пустынныхъ. Сѣи крестъ всѣхъ насъ и нашъ путь. У Господа было 12 друзей, и всѣ Его на семь пути оставили, а одинъ даже съ предательствомъ. Не тоскуйте, что оставляютъ и васъ не только люди, но и Самъ Господь, вѣкъгда такъ же оставленный Отцемъ Небеснымъ и это для пользы нашей, чтобы всѣмъ сердцемъ воззвали: „*Боже*

мой! вскую оставилъ мя еси? и всѣмъ сердцемъ услышали и приняла Его глаголющаго: „се Азъ съ вами есмь!..“ „Радости вашае никтоже возьмрътъ отъ васъ!“

* *

Многимъ не помогло плотское родство со Христомъ, и они погибли. Такъ погибнуть можемъ и мы, не смотря на свое столь близкое родство со Христомъ духовное. И „по хлѣбъ“ Христовомъ сатана умѣлъ войти въ Іуду и погубить его. Убоимся сего грознаго примѣра.

Важное доказательство приснодѣвства Богородицы: Она поручается *Богослову* при Крестѣ. Сего не сдѣлалъ бы, конечно, Спаситель, если бы у Нея были другія истинныя дѣти, которыя могли предъявить свои преимущественнѣйшія права лелѣять Ее, какъ свою родную мать.

*

Младенецъ Господь приходитъ въ видѣ агнца, во яслехъ безсловесныхъ, чтобы дать Себя въ пищу намъ, ставшимъ безсловесными по жизни своей. Приходитъ для обповленія нашего. Поможемъ Ему въ этомъ нашимъ усиліемъ, ибо одинъ Онъ, безъ насъ, этого сдѣлать не можетъ, не хотя оставлять насъ безсловесными, но желая нашего свободнаго, сознательнаго, разумнаго служенія и послѣдованія Себѣ.

„*Возсіяетъ звѣзда отъ Іакова...*“ пророчествовалъ древле пророкъ... И вотъ—звѣзда! Далекіе волхвы, приведенные ею въ Іерусалимъ! Иродъ, смутившійся ихъ вопросомъ, переполошившимъ всѣхъ: „*гдѣ родившійся Царь Іудейскій?*“ Хитрость Ирода, обманутость его, гнѣвъ—какъ это все исторично, естественно, безыскусственно, правдоподобно и несомнѣнно. Такъ и переносишься въ тѣ отдаленныя времена, когда разыгралась эта безпримѣрная драма первыхъ дней жизни необычнаго Младенца во яслехъ.

* * *

Конецъ года—конецъ жизни... День за днемъ близится конецъ. Жалѣть ли утекающихъ безъ возврата дней? Боятся ли грядущихъ? Милостивъ Господь! Велѣлъ всю надежду возлагать на Него: Онъ и помилуеъ меня, и сподобитъ лучшихъ дней жизни будущей, безконечной.

А. I.

Жизнь Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и Приснодѣвы Маріи.

Душеспасительныя бесѣды.

БЕСѢДА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отрокъ Иисусъ въ храмѣ Іерусалимскомъ.

По возвращеніи изъ Египта праведный Іосифъ съ Пресвятою Дѣвою Маріей поселились въ Назаретъ. „Младенецъ Иисусъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, исполняясь премудрости; и благодать Божія была на Немъ“, записалъ Евангелистъ Лука. Спаситель нашъ имѣетъ два естества: Божеское и человѣческое. Последнее состоитъ изъ души и тѣла. Человѣческое естество въ Немъ подлежало тѣмъ же законамъ развитія, какіе имѣютъ свое дѣйствіе на каждаго человѣка. Иисусъ возрасталъ тѣломъ, развился и духомъ. Грѣха только не сотворилъ Онъ ни одного. Но грѣхъ вѣдь не относится къ свойствамъ природы человѣческой: онъ привнесенъ въ нее со стороны.

Изъ дѣтскихъ лѣтъ Спасителя болѣе ничего неизвѣстно до двѣнадцатилѣтняго Его возраста. Нѣтъ особенностей и въ отношеніяхъ къ Младенцу Его Пречистой Матери. Если Спаситель по человѣчеству подчинился законамъ природы, то и Пресвятая Матерь Его удовлетворяла въ Немъ всѣмъ запросамъ этого естества. Она питала, одѣвала Его и проявляла всѣ материнскія заботы о Немъ. Но вотъ Младенецъ Иисусъ достигъ двѣнадцатилѣтняго возраста. Все въ Немъ развивалось правильно. Съ этого

года возраста Онъ уже причисленъ къ „дѣтямъ закона“. Это значило, что Онъ пріобрѣлъ уже право ходить въ Іерусалимъ для поклоненія Господу Богу въ храмъ. Но законъ только это позволялъ, но не повелѣвалъ. Посему Отрока Іисуса можно было и оставить дома, когда праведный Іосифъ направлялся въ Іерусалимъ въ силу положительнаго повелѣнія. Законъ не обязывалъ и Дѣву Марію сопутствовать Іосифу. Но рядомъ съ писаннымъ закономъ уживался народный обычай, въ силу котораго и Отрокъ Іисусъ, и Дѣва Марія должны были сопровождать праведнаго Іосифа. Пречистая любила Іерусалимъ съ Его храмомъ Господу Богу истинному. Тамъ Она провела годы Своего младенчества и отрочества. Въ храмъ Она имѣла духовное общеніе съ небожителями. Душа Ея горѣла любовью къ мѣсту особеннаго благодатнаго присутствія Господа Бога. Посему-то „каждый годъ родители Его (Іисуса) ходили въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи“ (Лук. II, 41). И въ тотъ самый годъ, когда Отроку Іисусу уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ, „пришли они также по обычаю въ Іерусалимъ на праздникъ“. Несомнѣнно, путешествіе въ Іерусалимъ на этотъ разъ для Дѣвы Маріи представляло особенность. Сынъ Ея впервые приходитъ въ Іерусалимъ предстать предъ лицомъ Господа. Она вѣдь, какъ любящая Мать и раба Господня, всю Свою радость и счастье поставила въ зависимость отъ благополучія Ея Сына и Господа.

Несомнѣнно, путешествіе изъ Назарета въ Іерусалимъ было очень пріятнымъ. Изъ городовъ и селеній Галилеи много іудеевъ направлялось туда за-Іорданскимъ путемъ. Обыкновенно, путешественники переполнялись восторженными религіозными чувствами. Наружно это выражали въ благочестивыхъ бесѣдахъ и пѣвнн псалмовъ. Шли обыкновенно группами. Отроки ютились вмѣстѣ. Вѣроятно, и Отрокъ Іисусъ былъ въ сообществѣ однолѣтковъ. Уже близъ Іерусалима Онъ нашелъ Своихъ и съ ними вошелъ въ Іерусалимъ. Цѣлыхъ восемь дней продолжалось праздничное торжество. И во всѣ эти дни святое семейство пребы-

вало въ Іерусалимѣ, исполняя съ великимъ усердіемъ все, что требовалось закономъ. Но вотъ праздникъ окончился. Богомольцы двигаются въ разныя стороны. Шли Іосифъ съ Дѣвою Маріей. Предполагая, что Сычъ, Огрокъ Іисусъ, идетъ съ друзьями немного впереди, они спокойно двигались по пути къ Іерихону. Первая остановка была на небольшомъ разстояніи отъ Іерусалима. День клонился къ вечеру. Отрока Іисуса не оказалось въ средѣ земляковъ и сверстниковъ. Родительница Его обезпокоилась: Она рѣшилась возвратиться въ Іерусалимъ. Іосифъ сопровождалъ ее. Прошла ночь. Цѣлый день, слѣдовавшій за ночью, употребленъ былъ на поиски. Гдѣ-же Огрокъ? Евангелистъ Лука, благовѣствуя объ этомъ, кратко замѣчаетъ: „когда, по окончаніи дней праздника, возвращались, остался Отрокъ Іисусъ въ Іерусалимѣ; и не замѣтили того Іосифъ и Матерь Его, но думали, что Онъ идетъ съ другими. Прошедши же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми. И не нашедши Его, возвратились въ Іерусалимъ, ища Его. Чрезъ три дня нашли Его“. Гдѣ-же нашли только на третій день? Въ храмъ, въ одномъ изъ дворовъ его, въ притворъ или какой нибудь крытой галлерей. Что Онъ тутъ дѣлалъ? Бесѣдовалъ съ книжниками, спрашивалъ ихъ и отвѣты давалъ на вопросы. Конечно, и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы Спаситель уже вступалъ теперь въ споры и обличалъ книжниковъ. Какъ предписывалось юношамъ, Онъ почтительно позволялъ Себѣ спрашивать книжниковъ и давать отвѣты на вопросы ихъ. Какое же впечатлѣніе было отъ бесѣды Отрока съ учеными мужами? „Всѣ, слушавшіе Его, дивились разуму и отвѣтамъ Его“. Дивились всѣ тому, что столь малолѣтній Огрокъ, неизвѣстно учившійся ли гдѣ, поражалъ ихъ Своимъ умомъ, знаніемъ и находчивостію. Немалое удивленіе возникло и у Пресвятой Дѣвы Маріи, когда Она увидала своего Сына посредѣ книжниковъ, внимательно слушающихъ Его. Она позволила Себѣ спросить Отрока, какъ спрашиваютъ любящія матери. Въ вопросѣ Ея выражается и радость, и

недоумѣніе, но вѣтъ горькаго упрека. „Чадю! что Ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ, отецъ Твой и Я съ великою скорбію искали Тебя“. Точно, радость все заглушала. Нѣтъ и тѣни огорченія. Да и могло ли быть оно? Вѣдь Пресвятая Дѣва знала, Кто Ея Сынъ. Богъ, Второе лицо Святыя Троицы, воплотившійся для спасенія рода человѣческаго. Надъ Нимъ и по человѣчеству была десница Господня, Его хранящая отъ бѣдъ. Значить, никакое зло не можетъ и коснуться Его. Но все же материнская любовь проявила себя. Отсюда и старательное исканіе и скорбь. Отсюда и вопросъ, обращенный къ Огроку Иисусу, въ которомъ слышится и недоумѣніе, какъ это Онъ не пожалѣлъ родителей. Мнимый отецъ Его Іосифъ и Мать со скорбію вѣдь искали свое Дитя. Что-же сказалъ имъ въ отвѣтъ Отрокъ Иисусъ? Онъ сказалъ имъ: „зачѣмъ было вамъ искать Меня? или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?“ Съ любовію къ Матери Отрокъ разъясняетъ, что и не нужно было искать Его въ другихъ мѣстахъ кромѣ храма. Сей храмъ принадлежитъ Отцу, Богу истинному и Ему посвященъ, единый во всемъ мірѣ. Сынъ Бога Отца долженъ и пребывать въ томъ, что принадлежитъ Отцу. Матерь и мнимый отецъ, старецъ Іосифъ, уже знали, Кто Сынъ ихъ. Слѣдовательно, и не должны бы ходить для розыска тамъ, гдѣ Сынъ по человѣчеству не можетъ и пребывать. А заниматься Онъ долженъ тѣмъ, на что отъ Отца Своего посланъ, т. е. учить людей вѣрѣ истинной и правиламъ благочестія, и прочими дѣлами, относящимся къ спасенію людей. И такъ, Онъ, Отрокъ Иисусъ поступилъ правильно и никакого оскорбленія не нанеся Своимъ родителямъ. Они только по недоразумѣнію искали Его, не догадавшись съ перваго же раза направиться въ храмъ, посвященный истинному Богу. Здѣсь теперь задержался Онъ, пребывая въ домѣ Своего Отца, Котораго Онъ—Единородный Сынъ.

Прикровенная рѣчь Отрока Иисуса не совсѣмъ была удобопонятна. Не уразумѣли ея и родители Его—„они не

поняли сказанныхъ Имъ словъ“. Но „Матерь Его сохраняла всѣ слова сіи въ сердце своемъ“. Сохранила Она и нѣкоторыя другія слова, потому что Сынъ Ея „пошелъ съ ними (изъ Іерусалима) и пришелъ въ Назаретъ; и былъ въ повиновеніи у нихъ; преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ“.

Любовь Пресвятой Дѣвы Маріи къ праздникамъ Господнимъ видна изъ того, что Она каждый годъ сопровождала Іосифу въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи. Законъ совсѣмъ не обязывалъ Ея къ этому. И лишь только Спасителю нашему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, какъ Она и Его ведетъ на поклоненіе Господу Богу въ іерусалимскій храмъ. Примѣръ Богоматери даетъ намъ поводъ завести рѣчь о праздникахъ именно съ той стороны, какъ должно намъ проводить ихъ. Самъ Господь Богъ чрезъ пророка Своего Моисея благоволилъ начертать на каменныхъ скрижаляхъ среди другихъ заповѣдей и сію, поистивѣ великую: *помни день субботній, еже святити его...* Изъ святого Евангелія мы узнаемъ, что іудеи помнили заповѣдь о субботѣ, но покой субботній понимали по своему, по преданію старцевъ. Не разъ одинъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ обличалъ ихъ въ непониманіи духа заповѣди и исправлялъ іудейскія погрѣшительныя мнѣнія. Но мнимые ревнители Моисеева закона не вразумлялись. Грѣшили они и не сознавали грѣха, да и сознавать не хотѣли. А мы съ вами не грѣшимъ ли противъ этой великой Божіей заповѣди? Вѣдь и намъ должно помнить заповѣдь о субботнемъ днѣ *еже святити его*. Конечно, со времени воскресенія Господа Іисуса Христа священнымъ для христіанъ днемъ стала не суббота, а первый день недѣли, т. е. воскресный. Христосъ воскресъ, и совершилось дѣло нашего спасенія. Чго можетъ быть радостнѣе воспоминанія събъ этомъ? Посему то въ день недѣльный, т. е. воскресный, мы поемъ и веселимся божественнѣ. Суббота въ ветхомъ завѣтѣ праздновалась въ память окончанія творенія Богомъ міра. Христіане празд-

нують въ первый день недѣли, вспоминая о своемъ спасеніи, совершенномъ Воскресшимъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.

Святая Церковь заповѣдуетъ намъ праздновать также и нѣкоторые нарочитые дни, посвященные воспоминанію священныхъ событій изъ земной жизни Господа Иисуса Христа, Пречистой Его Матери, Пресвятой Дѣвы Маріи и святыхъ ангеловъ и угодниковъ Божіихъ. Всѣ таковыя дни именуется праздниками Божіими. Самое это наименованіе показываетъ, что они должны быть свободными отъ дѣлъ житейскихъ, на которыя Господь назначилъ намъ дни будничныя. Члѣда Церкви Христовой проводятъ ихъ праздно, конечно, только отъ дѣлъ, коими заняты были въ будничныя дни. Но да сохранить насъ Господь отъ фарисейскаго настроенія. Подъ праздничнымъ покоемъ и свободою отъ житейскихъ занятій не должно представлять полноты праздности и свободы отъ всякихъ дѣлъ. Иначе для чего же Господь повелѣлъ святить эти дни? И что это значитъ святить?

Грѣшить тотъ, кто не помнитъ дня праздничнаго, т. е. не отличаетъ его ничѣмъ отъ дней будничныхъ. Не менѣе согрѣшаетъ и тотъ, кто не святить дней праздничныхъ. А святить-то и означаетъ именно: свято проводить ихъ, заниматься святыми и богоугодными дѣлами. Изъ таковыхъ дѣлъ первое есть и самое главное—это обязанность посѣщать установленное Церковью общественное богослуженіе. Никто безъ важныхъ причинъ, какъ на примѣръ—болѣзни, не долженъ освобождать себя отъ исполненія этой великой обязанности. Вотъ раздается благовѣсть къ утрени, или, гдѣ принято, ко всеошной. Недаромъ вѣдь въ праздничныя дни и звонятъ-то въ большой колоколъ. Этимъ какъ будто желаютъ намъ отѣвнть, что православныя христіане приглашаются въ храмъ на великое духовное торжество. И сами православныя христіане сердцемъ это чувствуютъ. Заслышавъ благовѣсть, они благоговѣнно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, ука-

зую этимъ на свою радость. И мѣдь звенящая напоми-
наетъ о желаніи сердца ихъ быть въ домъ Божіемъ. Уже,
конечно, и ты, православный христіанинъ, не заставишь
долго ожидать тебя въ церкви. Спѣши въ храмъ, когда
заслышалъ уже праздничный призывъ въ него. Со стра-
хомъ Божіимъ и благоговѣніемъ войди въ храмъ Божій.
О входящихъ съ такимъ настроеніемъ особенно молится
святая Церковь. Сгавъ на мѣсто, сотвори поклоны предъ
честными иконами. Въ мирѣ со всѣми ты долженъ быть,
когда собираешься въ храмъ къ богослуженію. Такъ съ
поклономъ-то попроси прощенія у всѣхъ, кого могъ оби-
дѣть, да самъ непременно прости всѣмъ, обидѣвшимъ
тебя чѣмъ-нибудь, да отъ сердца прости, искренно. За
трудовую копейку купи восковую свѣчу. Это будетъ жерт-
вой Богу отъ твоихъ трудовъ. Недаромъ вѣдь въ храмахъ
ставятъ предъ иконами восковыя свѣчи. Чистый и мяг-
кій воскъ означаетъ чистоту души, смиреніе и желаніе
получить отъ Господа Бога милость и прощеніе грѣховъ.
Вотъ началось праздничное богослуженіе. Слушай внима-
тельно, что поютъ и читаютъ. Въ пѣснопѣвіяхъ святыхъ
прославляется Божіе дѣмострительство о спасеніи рода
человѣческаго. Господь оказалъ людямъ милость, пославъ
Сына Своего единороднаго для спасенія ихъ. Такъ и ты
окажи милость ближнимъ своимъ, особенно въ праздни-
чный день. Въ храмахъ ты найдешь прикрѣпленныя кружки
для сбора пожертвованій на бѣдныхъ, на нужды разныхъ
благотворительныхъ обществъ и на украшеніе самаго
храма. Ущедри отъ трудовъ своихъ. Вложи въ кружки
лепты по своему состоянію. Господь Богъ видитъ твое
усердіе и цѣнитъ его болѣе, чѣмъ количество жертвы.
Святыи апостолъ Павелъ назначилъ праздничный день
по преимуществу для сбора пожертвованій на нужды цер-
ковныхъ общинъ. Вотъ что писалъ онъ къ коринѣянамъ:
„при сборѣ для святыхъ, т. е. христіанъ, поступайте такъ...
Въ первый день недѣли (воскресный) каждый изъ васъ
пусть отлагаетъ у себя и сберегаетъ, сколько позволить

ему состояніе (1 Коринѣ. XVI, 1—2). Апостоль имѣлъ въ виду пожертвованія на бѣдныхъ палестинскихъ христіанъ. Теперь же и нужды нѣтъ хранить пожертвованное у себя дома. Лучше опустить его въ церковныя кружки, и тамъ оно будетъ цѣлѣе.

Да, лучшаго дня, чѣмъ праздничный, для дѣлъ милосердія и не найдете. Святитель Іоаннъ Златоустый такъ рассуждалъ: „Въ этотъ день (воскресный) разрушена смерть, истреблено проклятiе, уничтоженъ грѣхъ, сокрушены врата адовы, связанъ діаволь, прекращена долговременная брань, совершилось примиреніе Бога съ человѣками, родъ человѣческой вошелъ въ прежнее или гораздо лучшее состояніе, и солнце увидѣло удивительное и чудное зрѣлище—человѣка, сдѣлавшагося безсмертнымъ. Обо всемъ этомъ то и тому подобномъ, желая напомнить намъ, Павелъ вывелъ на среду этотъ день, дѣлая его какъ бы ходатаемъ своимъ и говоря къ каждому: подумай, человѣкъ, сколь многія и великія блага получилъ ты въ этотъ день; отъ какихъ избавился золъ; чѣмъ ты былъ прежде и чѣмъ сталъ послѣ того? Если мы празднуемъ дни своего рожденія, а многія изъ нашихъ слугъ—и тѣ дни, когда они получаютъ свободу, проводятъ съ великимъ почтеніемъ, тѣмъ болѣе намъ должно уважать тотъ день, который по справедливости можно назвать днемъ рожденія человѣческой природы: ибо мы пропадали и нашлись, мертвы были и ожили, были врагами и примирились. Поэтому и надобно чтить этотъ день честью духовною: не пиршества устроить, не вино разливать, не упиваться и ликовать, но довольствоваться бѣдныхъ братіи нашихъ во всемъ. Не думайте, будто это слово ап. Павла сказано только къ коринѣянамъ; нѣтъ, сказано и каждому изъ насъ и ко всѣмъ, кто будетъ жить послѣ. Будемъ и мы дѣлать то же самое, что заповѣдалъ Павелъ“.

Утренняя, или всенощная, служить только приготовленіемъ и ступенью къ самому главному христіанскому богослуже-

нію литургіи. Вотъ снова раздается благовѣсть, который оповѣщаетъ о времени начала этой службы. Не полѣнись и не говори, что помолился за утреннимъ богослуженіемъ и довольно. Это было бы все равно, если ты, поднимаясь на высоту, прошелъ бы нѣсколько ступеней, а потомъ, убоявшись труда, возвратился бы назадъ, не достигнувъ цѣли. Извѣстно всѣмъ, что литургія начинается съ проскомидіи. Многіе изъ православныхъ не считаютъ нужнымъ приходить къ этому священнодѣйствию. Мы сами видали и отъ другихъ слышали, что и пришедшіе къ литургіи располагаются внѣ храма и ведутъ бесѣды о житейскихъ дѣлахъ, даже табакъ курятъ, пока не станутъ трезвонить къ началу второй части ея. Думается, что такъ поступаютъ богомольцы по невѣдѣнію важности проскомидіи. Жаль, что теперь въ подробностяхъ объяснять это священнодѣйствіе нѣтъ возможности; но мы напомнимъ только, что на проскомидіи воспоминаются рождество и, главнымъ образомъ, страданія Господа нашего Иисуса Христа, поминаются святыя прославленные, жившіе и умершіе въ вѣрѣ члены Церкви святой. Прекрасно поступишь ты, православный христіанинъ, если приобрѣтешь просфору и подашь ее съ своимъ поминаніемъ въ алтарь. Служащій священникъ со словами: „помяни, Господи, рабъ Твоихъ..... вынетъ тамъ изъ нея части и положитъ ихъ на дискось, близъ Агнца. А сей Агнецъ и вино въ чашѣ на литургіи вѣрныхъ будутъ дѣйствіемъ Духа Святаго преложены въ пречистыя Тѣло и Кровь Господа нашего Иисуса Христа. Священникъ станетъ просить Спаса нашего, чтобы Онъ Кровью Своею отмылъ грѣхи всѣхъ поминавшихся. А что говоритъ св. апостоль Іоаннъ? „Мы имѣемъ ходатая предъ Отцемъ Иисуса Христа, праведника. Онъ есть умилостивленіе за грѣхи наши“ (1 Іоан. 1—2). „Кровь Иисуса Христа, Сына Божія, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха“ (1, 7). Слышите, Кровь Господа Иисуса Христа отмываетъ грѣхи. Кого? всѣхъ, за которыхъ молились въ храмѣ, которыхъ здѣсь поминали; а священно-

дѣйствующій такъ именно и произносить: *отмый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣ Кровію Твоею честною, молитвами Святыхъ Твоихъ*. Слышите,—за поминавшихся здѣсь, т.-е. въ храмъ, во время проскомидіи молится священникъ. Постарайся, братъ о Господѣ, чтобы и ты и присные твои—были въ числѣ поминавшихся.

Со страхомъ и благоговѣніемъ простоялъ ты, молясь, за литургіей. Не думай, что этимъ и окончилась твоя обязанность святить праздничный день. Времени еще много. Сколько добраго во славу Божію можешь сдѣлать ты въ оставшееся время дня! Возвратясь изъ храма, до обѣда побесѣдуй съ родными о томъ, что слышалъ ты въ Божіемъ домѣ изъ апостольскаго и евангельскаго чтеній, и что пѣли и говорили въ поученіи. Если дѣти были съ тобою, а ихъ непременно нужно брать, спроси ихъ, что они поняли, дополни и разъясни имъ трудное для ихъ пониманія. Послѣ обѣда хорошо и душевспасительно посѣтить немощныхъ, больныхъ и слабыхъ, помочь имъ или трудомъ своимъ, или милостынею, если они нуждаются въ ней. Къ вечеру вспомни, что ты сдѣлалъ добраго, не возгордись этимъ, а Господа прославь, что Онъ сподобилъ тебя провести день мирно, свято и безгрѣшно; а если чѣмъ согрѣшилъ, проси у Господа прошенія.

Такъ всѣмъ намъ должно святить праздничные дни. Не подумайте, что въ будничные дни можно жить грѣховно. Такая мысль была бы печальнымъ заблужденіемъ. Святъ Господь Богъ нашъ. Онъ хочетъ, чтобы и мы жили свято на каждый день. Заниматься житейскими дѣлами въ будничные дни не значить вѣдь грѣшить. Самъ Господь Богъ повелѣлъ шесть дней въ недѣлю дѣлать дѣла свои и только седьмой заповѣдалъ посвящать на особое служеніе Ему. Кто не трудится шесть дней, лѣнится и тунеядствуетъ, тотъ тяжело согрѣшаетъ предъ Господомъ Богомъ, не исполняя Его святой воли.

Но, зная заповѣдь о праздничныхъ дняхъ, *еже святити ихъ*, не часто ли мы грѣшимъ нарушеніемъ ея? О, часто,

очень часто согрѣшаемъ мы не фарисейскимъ ничегоне-
дѣлавіемъ, а именно недѣлавіемъ того, что Господь Богъ
повелѣлъ дѣлать. Многіе дѣлятся ходить къ богослуже-
нію установленному. Приходилось слышать такія рѣчи:
шесть дней трудился, а въ седьмой можно де и отдохнуть,
т. е. полежать, лишнее поспать, съ гостями время прове-
сти, въ карты поиграть и лишнее испить отъ хмѣльныхъ
напитковъ. И нѣкоторые такъ именно и поступаютъ еже-
недѣльно. И что же выходитъ? Отъ храма Божіаго они
совершенно отвыкаютъ, церковныхъ службъ не любятъ,
ими тяготятся, постоять за ними боятся и слишкомъ
скоро утомляются. Лѣность такъ ярко выступаетъ, что уже
и скрыть то ея нельзя. А иные и въ праздникъ продол-
жаютъ работать свои житейскія дѣла, да еще съ такимъ
разчетомъ, чтобы утро поработать, а къ вечеру гулять
и пьянствовать. Вотъ это то и есть произвольное и пре-
беззаконное нарушеніе Божіей заповѣди. Понаблюдайте,
что дѣлается въ праздничные дни въ городахъ и торго-
выхъ селахъ! Съ утра ранняго вачинается торгъ. Съ со-
сѣднихъ мѣстъ привозятъ товары на продажу. Покупаютъ
ихъ, торгуются, вздорятъ и шумятъ съ бранными словами.
Хотя казенныя винныя лавки и заперты, а любители
хмельного зелья ухитряются добыть его. Пьяные люди
уже съ утра бродятъ по площади рынка, поютъ что-то не-
пристойное, кричатъ и многое другое грѣховное дозво-
ляютъ себѣ. Въ храмъ Божіемъ почти пусто, а на рынкѣ
тѣсно отъ людей. Въ храмъ Божіемъ поютъ священныя
пѣснопѣнія, а на улицахъ мірскія и часто непристойныя.
Въ домъ Божіемъ Господу Богу служатъ, а на улицѣ бѣса
тѣшатъ. О, беззаконіе грѣховное! У инославныхъ христіанъ
того нѣтъ. Они умѣютъ праздники почитать. А у насъ на
Руси давно уже такой грѣховный обычай повелся, что
торги и ярмарки устроятся въ праздничные дни на со-
блазнь слабымъ. Много писали и часто говорили о вели-
комъ значеніи праздничныхъ дней для общественной и
семейной жизни. Мы теперъ не станемъ повторять сказан-

наго. О, если бы православные христіане поняли, какъ преступно поступаютъ они, когда нарушаютъ великую заповѣдь Божию о праздничномъ днѣ! Или мы уже совсѣмъ потеряли Божій страхъ? Или же такъ надѣемся на милосердіе Господа, что безбоязненно нарушаемъ Его заповѣдь какъ бы уже по привычкѣ? Посмотри и понаблюдай! Когда встрѣтишь болѣе пьяныхъ на улицахъ, когда болѣе бываетъ дракъ, брани и грѣховнаго разгула? Конечно, въ праздничные дни, которые заповѣдано святить. У насъ же въ обычаѣ вошло оскорблять ихъ, и оскорблять сознательно, подъ тѣмъ предлогомъ, что на то будто и праздники установлены, чтобы въ нихъ пить и всякій грѣхъ чинить. О, велие неразуміе! О, грѣховное безуміе! Доколь же оно будетъ господствовать на Руси Святой? Пора, давно пора намъ одуматься. Старшіе возрастомъ начните святить праздники Божіи, да младшихъ вразумите, и будетъ добро намъ, чадамъ церкви Православной. Господь Богъ благословитъ насъ за это благами вѣчными и земными. Послушайте вотъ, что Онъ еще въ ветхомъ завѣтѣ обѣщаль исполняющимъ заповѣдь Его относительно праздничныхъ дней: *елицы сохранять суботы Моя и изберутъ, яже Азъ хочу, и сдержатъ зивѣтъ Мой, дамъ имъ въ дому Моемъ и въ оградѣ Моей мѣсто имени, лучшее отъ сыновъ и дочерей, имя вѣчно дамъ имъ, и не осудятъ... вяду я въ гору святую Мою и вознеслю я въ дому молитвы Моея (Исаи LVI, 4—7). Аще отвратиши ногу твою отъ субботъ, еже не творити хотѣній твоихъ (если ты удержишь ногу твою ради субботы отъ исполненія прихотей твоихъ) въ день святой и призовеши субботы слидостныя (будешь называть субботы отрадою), святы Богови твоему; не воздвигнешь ноги своя на дѣло, ниже возглаголеши словеси во гнѣвъ изъ устъ твоихъ (не будешь заниматься обычными своими дѣлами, угождать своей прихоти и пустословить) и будеши уповая на Господа (будешь имѣть радость въ Господѣ); и возведетъ тя на благоты земныя, и ульбнитъ тя... (LVIII, 13—14).* Слышите, какія блага обѣщаетъ Господь Богъ

хранящимъ свято праздники Его. Но Онъ еще въ ветхомъ завѣтѣ угрожалъ даже смертной казню тѣмъ, которые осмѣлились бы нарушить святость праздничнаго дня (Втор. XXXV, 2). Не оттого ли и слышатся у насъ жалобы на бѣдность, что мы или работаемъ въ праздникъ на себя, для удовлетворенія своихъ прихотей, или, что еще хуже, предаемся грѣховному разгулу. Господь Богъ благословляетъ почитающихъ праздники и лишаетъ благословенія оскорбителей ихъ. Помните это и чтите святыя праздники, а не оскорбляйте ихъ дурными дѣлами—грѣхами.

Василій, Епископъ Можайскій.

Почему для чуда нужна вѣра, когда, повидимому, должно быть наоборотъ—чудо должно вызывать вѣру?

Если бы къ намъ среди обычнаго разговора, такъ, между прочимъ, обратились съ вопросомъ: „какъ по вашему мнѣнію,—чудо вызываетъ въ человѣкѣ вѣру?“—то мы, предварительно немислившіе серьезно по этому вопросу, вѣроятно, отвѣтили бы: „да! Несомнѣнно, чудо вызываетъ вѣру“. И если бы мы не захотѣли тотчасъ же глубже вникнуть въ смыслъ вопроса, обратиться къ фактамъ чудотворенія, то истина высказаннаго положенія такъ и оставалась бы для насъ несомнѣнною.

Таковы сужденія обыденной жизни по вопросу о взаимоотношеніи между чудомъ, съ одной стороны, и религіозною вѣрою,—съ другой. Повидимому, чудо должно вызывать вѣру.

Къ такому же заключенію мы должны бы притти, и исходя изъ слѣдующаго текста священнаго: „руками же апостольскими быша знаменія и чудеса въ лютехъ многа... И паче прилагахуся вѣрующіи Господеви, множество мужей же и женъ“ (Дѣян. V, 12, 14). И злѣсь, умноженіе числа вѣрующихъ, возникновеніе въ нихъ вѣры религіозной, повидимому, поставляется въ причинную зависимость отъ фактовъ чудотворенія. Въ самомъ дѣлѣ, великія знаменія и чудеса многія сотворены были руками апостольскими. Вслѣдствіе этого, очевидно (такъ, повидимому, говоритъ контекстъ рѣчи), и присоединялось ко Христу множество мужей и женъ. Но, повторяемъ, эта связь ре-

лигіозной вѣры съ чудомъ есть связь только видимая, зависимость лишь кажущаяся. Въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Само по себѣ, взятое въ отдѣльности, чудо неспособно вызвать въ человѣкѣ вѣру. И не въ этомъ, какъ, быть можетъ, намъ хотѣлось бы и какъ мы уже привыкли думать,—совершенно не въ этомъ состоитъ первѣйшая и главная цѣль чудотворенія. Для возникновенія въ человѣкѣ вѣры религіозной нужны другіе факторы, иныя условія. Какъ на специальную по этому вопросу статью можно, вѣрнѣе—должно (должно,— въ виду важности предмета, тщательности его изслѣдованія и прочихъ достоинствъ статьи) указать на статью С. Глаголева—„Объ условіяхъ возникновенія религіозной вѣры“¹⁾. Приводящіе человѣка къ вѣрѣ факторы авторъ раздѣляетъ здѣсь на два рода: во-первыхъ, на факторы, дѣйствующіе съ необходимостію, во-вторыхъ, на факторы, дѣйствующіе свободно. Факторы перваго рода суть: 1) теоретическія и фактическія доказательства истинности религіозныхъ положеній; 2) психическая настроенность лица или лицъ, излагающихъ истинны вѣры, 3) психическая настроенность лица, учащагося истинѣмъ вѣры; 4) среда, въ которой находится убѣждаемое лицо. Факторы втораго рода: 1) свободная воля лица, слушающаго истинны вѣры и 2) Божественная благодать. Входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ факторовъ въ данномъ случаѣ представляется для насъ излишнимъ, до нѣкоторой степени пожалуй даже и неумѣстнымъ. Наша задача нѣсколько иная, и такой анализъ необходимыхъ для возникновенія религіозной вѣры условій лишь затемнилъ бы дѣло. Если же мы и упомянули о нихъ, то лишь постольку, поскольку это потребовалось для выясненія занимающаго насъ положенія.

Итакъ, чудо не вызываетъ въ человѣкѣ вѣру. Оно не есть, такъ сказать, изначальная ступень въ дѣлѣ ея раз-

¹⁾ Богословскій Вѣстникъ за 1892 годъ, ноябрь; и отдѣльная брошюра. Сергіевъ Посадъ, 1892 г.

витія. Чудо лишь укрѣпляетъ ее въ насъ, лишь способствуетъ дальнѣйшему усовершенствованію, дальнѣйшему росту духовному уже имѣющей въ нашемъ сердцѣ религиозной вѣры. И какъ это ни странно покажется намъ на первый взглядъ, какъ это ни будетъ, повидимому, стоять въ противорѣчii съ нашими обыденными сужденіями о взаимоотношеніи между вѣрою и чудомъ, но мы должны констатировать совершенно противоположное положеніе: не чудо вызываетъ въ насъ вѣру, но вѣра предваряетъ чудо. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся ли мы къ современнымъ фактамъ чудотворенія у мощей св. угодниковъ Божіихъ, чудотворныхъ иконъ и пр., припомнимъ-ли обильнѣйшую чудесами эпоху земной жизни Господа нашего Иисуса Христа, Этого величайшаго и безпримѣрнѣйшаго въ исторіи рода человѣческаго Чудотворца,—какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы увидимъ, что громадное значеніе при фактахъ чудотворенія имѣла и имѣетъ религиозная вѣра. Христосъ всюду и всегда требовалъ отъ приходящихъ и обращающихся къ Нему живой и пламенной вѣры въ Него, какъ Сына Божія, Спасителя міра, и удовлетворялъ ихъ просьбамъ о помощи, если замѣчалъ въ нихъ наличность этой горячей вѣры. „Вѣруета ли, яко могу сіе сотворити?“ (Матѣ. IX, 28)—вопросалъ Онъ однажды двухъ слѣпцовъ, желавшихъ получить отъ Него исцѣленіе. И когда тѣ не столько словами, сколько интонаціей воспослѣдовавшаго отъ нихъ отвѣта и всѣмъ, такъ сказать, существомъ своимъ засвидѣтельствовали искренность своей горячей вѣры въ Его всемогущество, то Онъ, прикоснувшись „очію ихъ, глагола: по вѣрѣ ваю буди вама“ (Матѣ. IX, 29; ср. Матѣ. IX, 2; „и видѣвъ Иисусъ вѣру ихъ, рече разслабленному: дерзай чадо“... и пр.). Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „аминь глаголю вамъ, ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ... и рече: иди, и якоже вѣровалъ еси, буди тебѣ“ (Матѣ. XIII, 10, 13); или: „дерзай, дщи, вѣра твоя спасе тя“ (Матѣ. IX, 22). Еще лучше видно это изъ факта исцѣленія Иисусомъ Хри-

стомъ дочери сиропиникіянки (или хананеянки,—Матѳ. XV, 21—28; Марк. VII, 24—30). Господь трижды отвергъ просьбу хананеянки. Онъ не обратилъ вниманія и на просьбы учениковъ, видимо, утомленныхъ ея неотвязчивыми воплями и молившихъ своего Учителя отпустить ее. Но когда и послѣ третьяго съ Его стороны отказа, какъ эхо, воспослѣдовалъ отъ нея (хананеянки) славный и бессмертный отвѣтъ: „Такъ, Господи, но и псы ѣдятъ крохи, которыя падаютъ со стола господъ ихъ!“—Христосъ не могъ устоять предъ такою сильною, удивительною и настойчивою вѣрою язычницы. Очевидно, и всѣ снѣга родныхъ ея горъ Ливанскихъ не могли затушить пламени любви, столь ярко горѣвшаго на алтарѣ ея сердца. „О, жено!—воскликнулъ тогда въ отвѣтъ ей Господь: о, жено, велія вѣра твоя! Ты не видѣла мертваго воскрешаемымъ, ни прокаженнаго очищаемымъ, ты не слушала пророковъ, не изучала закона; ты не видѣла моря раздѣляемымъ, не видѣла никакого другого знаменія совершаемымъ Мною, но даже была унижена и приведена въ смущеніе. Я отвергъ страданіе твое, и однако ты не отошла, а осталась. Получи же, наконецъ, и отъ Меня достойную и надлежащую похвалу: буди тебѣ, якоже хочещи“¹⁾).

Такова была награда со стороны Господа за пламенную вѣру хананеянки,—Онъ исцѣлилъ ея бѣснующуюся дочь. Вѣра, какъ видимъ изъ этого и множества подобныхъ этому фактовъ, расположила Его къ совершенію чуда. Наоборотъ, невѣріе,—какъ мы видимъ изъ того же Четвероевангелія,—удерживало Его отъ чудотворенія. Такъ Онъ многократно (Матѳ. XII, 38—40 и далѣе; Лук. XI, 29—30; ср. Іоан. II, 18—20; Матѳ. XVI, 1—4; Марк. VIII, 10—13; Іоан. VI, 30) отказывалъ въ чудесахъ фарисеямъ и саддукеямъ. А въ бытность свою въ Галилеѣ, по замѣчанію евангелиста, „не сотвори ту силъ многихъ за не-

¹⁾ Творенія св. отца нашего Іоанна Златоуста, арх. Конст. т. III, ч. 2 стр. 474.—СПБ. 1906 г.

вѣрство ихъ“, т. е. соотечественниковъ Своихъ (Матѳ. XIII, 58; ср. Марк. VI, 5—6: „и не можаше ту ни единыя силы сотворити, токмо мало недужныхъ, возложь руцѣ, исцѣли. И дивляшеся за невѣрствіе ихъ“; ср. Матѳ. XIII, 15; XVII, 20; Іоан. XII, 40).

Наконецъ, на тѣсное внутреннее взаимоотношеніе между вѣрою и чудомъ указываютъ и слѣдующіе отъзвы Іисуса Христа о силѣ вѣры. „Аще имате вѣру, говорилъ Онъ нѣкогда ученикамъ Своимъ, яко зерно горушно, речете горѣ сей: преиди отсюда тамо: и преидеть: и ничтоже невозможно будетъ вамъ“ (Матѳ. XVII, 20; ср. Матѳ. XXI, 21; Лук. XVII, 6). Или: „вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азь творю, и той сотворитъ и больша сихъ сотворитъ“ (Іоан. XIV, 12; ср. Марк. IX, 23 и пр.).

Послѣ всего вышесказаннаго, нетрудно видѣть, что между вѣрою и чудомъ существуетъ самое тѣсное внутреннее взаимоотношеніе. Вѣра есть необходимое, субъективно-психологическое условіе не только для воспріятія чудесъ, но и для совершенія ихъ. Невѣріе же, наоборотъ,—есть такая нравственная сила, которая не только препятствуетъ видѣть чудеса, но и самого чудотворца удерживаетъ отъ ихъ совершенія.

Но чѣмъ же, спросимъ мы теперь,—чѣмъ объясняется столь близкая, столь тѣсная внутренняя связь вѣры съ фактами чудотворенія? Почему для чуда требуется вѣра, хотя, повидимому, и должно быть наоборотъ,—повидимому, чудо должно вызывать вѣру? Вотъ вопросъ, на который такъ или иначе должны мы отвѣтить. Думается, и притомъ небезосновательно, что для правильнаго рѣшенія его нужно прежде всего подвергнуть анализу самое понятіе чуда.

Если мы обратимся къ Св. Писанію, то увидимъ, что для обозначенія чуда здѣсь употребляются слѣдующія наименованія. Иногда чудеса называются силами—„*dynameis*“ (Псал. 144, 4; ср. Матѳ. XIV, 2; Марк. V, 30); иногда—дивными дѣлами—„*τέρατα θαυμάσια*“ (Псал. 138, 14; ср.

Псал. 117, 23); иногда, наконецъ,—знаменіями— „σημεία“ (1 Кор. XIV, 22; 1 Кор. I, 22; Лук. XI, 30; II, 34; Матѳ. XII, 38 и пр.). Изъ этихъ различныхъ, иногда, впрочемъ, употребляемыхъ вмѣстѣ (Дѣян. II, 22; 2 Кор. XIV, 2; Евр. II, 3—4 и пр.), названій чуда видно, что оно можетъ быть разсматриваемо съ трехъ сторонъ: со стороны онтологической, психологической и телеологической. Какъ явленіе онтологическое, оно есть видимое обнаруженіе сверхъестественной силы божественнаго всемогущества въ фактахъ, доступныхъ для наблюденія. Какъ явленіе, производящее на насъ извѣстное психическое впечатлѣніе, оно есть явленіе поразительное, приводящее насъ въ изумленіе своею чрезвычайностію и необычайностію. Наконецъ, какъ явленіе телеологическое, имѣющее извѣстную цѣль, оно принадлежитъ къ нравственно-телеологическимъ феноменамъ, имѣющимъ нравственную цѣль—служить для людей знаменіемъ божественнаго могущества и утверждать ихъ вѣру въ Бога ¹⁾. Группируя все вышесказанное, можно дать слѣдующее опредѣленіе чуда. Чудо есть внѣшнее поразительное явленіе, имѣющее истинную причину свою внѣ естественныхъ силъ и законовъ природы—въ сверхъестественномъ дѣйствіи божественнаго всемогущества и, по своей цѣли, въ отношеніи къ людямъ способствующее достиженію ихъ религіозно-нравственныхъ интересовъ ²⁾.

Какъ видимъ изъ этого опредѣленія, чудо принадлежитъ къ области явленій сверхъестественныхъ. Сверхъестественное же, по самому существу своему, не можетъ быть постигнуто разумомъ, по крайней мѣрѣ,—во всей полнотѣ своей. Одной области холоднаго разсудка, одной философіи

¹⁾ Христіанская апологетика—Н. П. Рождественскаго, т. II, стр. 151. СПб. 1893 г.

²⁾ *ibid.* стр. 152; ср. „Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія“—І. Петропавловскаго, ч. I, стр. 339, М. 1897 г. „Чудо и наука“—С. Глаголева въ Б-вскомъ Вѣстн. 1893 г., іюнь, стр. 484; Прав. Обзор. 1879 г. переводъ изъ Тренча и пр.

скептической для этого недостаточно. Здѣсь требуется другой органъ познанія, и притомъ такой, который бы болѣе или менѣе соответствовалъ предмету познаваемому. А таковымъ органомъ можетъ быть только вѣра, живая, искренняя, сердечная вѣра въ живого, личнаго Бога, творящаго великая и дивная, славная же и ужасная. иже нѣсть числа (молитва).

Постараемся детальнѣе выяснитъ высказанное положеніе.

По своей психологической основѣ, вѣра есть прежде всего чувство, подобно тому, какъ надежда—чувство, и любовь — чувство. Но въ то же время она и не есть только чувство, какъ извѣстное состояніе человѣческаго сердца, вызванное болѣе или менѣе живымъ представленіемъ міра духовнаго, болѣе или менѣе живую мыслью о Богѣ. Вѣра есть чувство въ смыслѣ и значеніи органа познанія Бога и религіозныхъ предметовъ; она есть орудіе общенія человѣка съ міромъ духовнымъ, органъ воспріятія впечатлѣній изъ міра духовнаго. Св. апостоль Павелъ въ I посланіи къ Коринѣянамъ (XIII гл.), утверждая, что въ земной жизни человѣка дѣйствуютъ три духовно-нравственныя силы: вѣра, надежда и любовь,—свидѣтельствуемъ намъ, что въ будущую жизнь перейдетъ только любовь, а вѣра не будетъ имѣть мѣста въ потустороннемъ мірѣ, такъ какъ будетъ замѣнена созерцаніемъ. Но созерцаніе, очевидно, есть не иное что, какъ совершеннѣйшій способъ и орудіе познанія Бога и міра духовнаго подобно тому, какъ глаза и зрѣніе суть органъ и способъ познанія внѣшняго видимаго міра. Сопоставляя вѣру съ созерцаніемъ, какъ низшій и несовершенный способъ познанія Бога и міра духовнаго съ высшимъ и совершеннѣйшимъ, св. Апостоль Павелъ совершенно недвусмысленно даетъ намъ понять, что вѣра есть орудіе и органъ познанія Бога и міра духовнаго для человѣка въ этой земной жизни. органъ внутренняго взаимообщенія между Богомъ и человекомъ.

Для возможно большаго уясненія отношенія вѣры къ міру духовному сопоставимъ вѣру, какъ чувство религіозное, съ эстетическимъ чувствомъ человѣка. Эстетическое чувство для человѣка, обладающаго имъ, для художника, служить, такъ сказать, силою воспроизведенія прекраснаго въ собственныхъ его произведеніяхъ. Оно даетъ ему возможность воспроизводить въ видимыхъ, внѣшнихъ чувственныхъ образахъ и формахъ мысленные образы прекраснаго, идеи красоты. Такъ, напр., такой геніальный художникъ, какъ Рафаэль, при помощи эстетическаго чувства и руководимой имъ фантазіи, творилъ столь дивныя созданія искусства, что, разсматривая ихъ, поклонники искусства нерѣдко называютъ ихъ „чудомъ“ искусства. По аналогіи съ этимъ, и „вѣра, какъ чувство религіозное, достигая въ нѣкоторыхъ людяхъ такой высоты и совершенства, которыя соотвѣтствуютъ развитію эстетическаго чувства въ геніальномъ художникѣ, даетъ избраннику Божію такъ далеко проникать въ духовный міръ, быть въ столь близкомъ и тѣсномъ внутреннемъ общеніи съ Богомъ, что онъ удобно становится органомъ и орудіемъ творческой всемогущей силы Божіей въ дѣлѣ совершенія чудесъ, воплощаетъ, такъ сказать, духовные образы или идеи этого божественнаго всемогущества въ видимыхъ внѣшнихъ явленіяхъ, называемыхъ чудесами“¹⁾. Вотъ почему Христосъ и отзывался такъ высоко о силѣ вѣры. Вотъ почему Онъ и говорилъ нѣкогда ученикамъ Своимъ: „вѣруя въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворить, и больша сихъ сотворить“ (Іоан. XIV, 12).

Съ другой стороны, то же эстетическое чувство, или чувство прекраснаго, дѣлаетъ для человѣка возможнымъ постигать и понимать прекрасное въ области природы и искусства, открываетъ его духовному взору міръ прекраснаго. Человѣкъ, лишенный эстетическаго чувства, при

1) „Что такое чудо?“—Орфанитскаго, стр. 59 въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ за 1901 г., кн. I.

видѣ самой прекраснѣйшей картины природы, при видѣ самаго художественнаго предмета искусства, останется совершенно холоднымъ и безучастнымъ зрителемъ красоты природы и искусства. Онъ не только не пойметъ и не оцѣнитъ, но даже и не замѣтитъ этой красоты подобно слѣпцу, невидящему цвѣтовъ, и глухому, неслышающему звуковъ. А между тѣмъ человѣкъ, богато одаренный чувствомъ прекраснаго, при видѣ тѣхъ же красотъ природы и искусства, будетъ плѣненъ этими красотами и придетъ отъ нихъ въ неопиcуемый восторгъ. Въ моментъ эстетическаго наслажденія онъ какъ-бы сливается съ природою созерцаемаго предмета.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно человѣка, обладающаго пламенною живою вѣрою въ Бога. Для такого человѣка, хотя теоретическія основанія и остаются для него тѣ же самыя, что и для всѣхъ людей, для такого человѣка, повторяемъ, бытіе Бога и другія религіозныя истины абсолютно несомнѣнны. Своимъ духовнымъ окомъ онъ какъ бы видитъ Бога, непосредственно ощущаетъ Его сердцемъ своимъ. Бытіе Бога для него является такимъ же непосредственно очевиднымъ фактомъ, какъ и его собственное существованіе. А наряду съ несомнѣнностію бытія Бога для такого истинно и горячо вѣрующаго человѣка, несомнѣнна и наличность въ Немъ Его свойствъ и дѣйствій ¹⁾, наличность чудесъ. „Вѣруя въ Бога, говоритъ Фарраръ, мы вѣруемъ и въ божественный промысль о жизни людей. Вѣруя же въ божественный промысль, мы вѣруемъ и въ чудеса, принимаемъ и истину воскресенія Господа нашего Иисуса Христа“ и пр. ²⁾.

¹⁾ Ибо „вѣровать въ Бога значитъ имѣть живую увѣренность въ Его бытіе, свойствахъ и дѣйствіяхъ,“—Прост. Христ. Катихиз. митр. Филарета.

²⁾ „Жизнь Иисуса Хр.“—Ф. В. Фаррара, стр. 374. Перев. М. П. Евейскаго, СПб. 1904 г. Ср. „Чудеса не только возможны, но и необходимы“—И. Троицкаго, стр. 714—716 въ Хр. Читеніи за 1866 г., т. II; Апологія христіанства—Лютарда, стр. 123, 126 и пр., переводъ съ XI вѣмед. изд. А. П. Лопухина, СПб. 1892 г. См. также „Чудеса вѣвѣ-

Вотъ почему какая-либо малообразованная сельская старушка, носящая въ сердцѣ своемъ вѣрный залогъ простой, безыскусственной, но въ то же время самой искренней и живой вѣры въ Бога,—вотъ почему она въ каждомъ своемъ и окружающихъ ее лицъ поступкѣ, въ каждомъ, можно сказать, шагѣ своей жизни видитъ промыслительный перстъ Божій. Вотъ почему она въ каждомъ постигшемъ ее или близкихъ ей лицъ несчастіи видитъ поущеніе, наказаніе Божіе и первѣйшимъ долгомъ своимъ считаетъ обратиться въ такихъ случаяхъ съ горячею слезною мольбою къ промысляющему о насъ и всемогущему Творцу, а при избавленіи отъ него спѣшить воздать Ему пламенную, искреннюю благодарность. Она на все смотритъ сквозь призму своего горячо вѣрующаго сердца. Движимая надеждою на непосредственную помощь Вышняго, не обращая рѣшительно никакого вниманія на дальность пути, совершенно игнорируя всякаго рода трудности, презирая препятствія, она, иногда съ опасностію для своей жизни, пѣшкомъ, лишь съ палкою въ рукахъ да бѣлюю сумою за плечами—этими вѣчными спутниками каждаго богомольца, предпринимаетъ далекое паломничество ко всюду разсѣяннмъ по лицу святой нашей родины мощамъ дорогихъ ея сердцу молитвенниковъ и вѣчныхъ предстателей предъ престоломъ Всевышняго Чудотворца.

Съ другой стороны, въ виду именно этого самаго обстоятельства, люди, неимѣющіе въ сердцѣ своемъ живой вѣры въ Бога, никогда не могли допустить и возможности чудеса. „Всякое, по ихъ мнѣнію, истинно-философское мышленіе во всѣ времена отвергало чудеса“ ¹⁾. По-

рія“—Франка Баллярда, перев. съ англ. К. Н. Фамивскаго, СПб. 1910 г. Послѣдній въ своемъ сочиненіи старается,—и не безуспѣшно,—провести ту самоочевидную истину, что для вѣрующаго въ принятіи сверхъестественнаго представляется несравненно менѣе чудеснаго элемента, нежели для невѣрующаго въ отрицаніи онаго. См., напр., стр. 30 и далѣе.

¹⁾ Жизнь Иисуса—Штрауса.

слѣдствія невозможны. Они суть не болѣе, какъ изобрѣтенія древняго міра ¹⁾, устарѣвшій миѳъ ²⁾. Иисусъ есть теургъ. Его чудеса—навожденія обольщеннаго человѣка ³⁾ „Никакой явный голосъ съ неба, говоритъ кощунственный Гёте, не убѣдитъ меня, что женщина рождаеть безмужно, и что мертвый воскресаетъ. Я скорѣе считаю это богохульствомъ противъ великаго Бога и Его откровенія въ природѣ“. „Если бы, говоритъ Вольтеръ, на парижской площади передъ глазами 2000 человѣкъ и моими собственными совершилось чудо, то я скорѣе бы усомнился въ свидѣтельствѣ 4002 глазъ, чѣмъ призналъ бы это чудо истиннымъ“ ⁴⁾.

О чемъ иномъ говорятъ эти и подобныя имъ многочисленные отзывы о чудесахъ, какъ не о томъ, что у авторовъ ихъ нѣтъ даже и самой малой искры религіозной вѣры? О чемъ иномъ свидѣлствуютъ они, какъ не о полнѣйшемъ ихъ безвѣрїи, даже болѣе—объ ихъ абсолютномъ нежеланїи вѣрить? Вотъ почему все то, что можетъ оттолкнуть отъ Церкви немощнаго въ вѣрѣ, ими съ поразительною аккуратностью подбирается, подчеркивается и выставляется напоказъ, а такія высокія и безпримѣрныя событія, какъ Саровскія, Бѣлгородскія и пр., проходятъ для нихъ совершенно безслѣдно. У нихъ нѣтъ живой вѣры въ Бога. Нѣтъ вѣры въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія, Спасителя міра. Нѣтъ даже и самыхъ слабыхъ зачатковъ, даже и предрасположенія къ религіозной вѣрѣ. А потому для нихъ не существуетъ и ничего чудеснаго, ничего сверхъестественнаго. И что бы намъ ни говорили и они сами, и ихъ послѣдователи и почитатели о будто бы присущей имъ вѣрѣ въ Бога,—одно несомнѣнно: никакой вѣры въ личнаго Бога у нихъ нѣтъ и

1) Апологія христіанства.—Лютарда, стр. 123.

2) Жизнь Иисуса—Штрауса. „Излѣченія психическимъ вліяніемъ и чудесныя исцѣленія“—Свѣтлова, стр. 24.

3) Жизнь Иисуса—Ревана.

4) Цитир. статья Свѣтлова.

быть не можетъ. И это ясно до самоочевидности. Дѣло въ томъ, что вѣра и чудо—это два живые члена одного и того же организма, взаимно другъ друга поддерживающіе и укрѣпляющіе: если вы вѣруете, то легко и безъ колебанія признаете и чудо; и наоборотъ,—если вы увидите чудо или услышите о немъ, то вѣра ваша чрезъ это оживится и укрѣпится, и ваше вѣрующее сердце найдетъ въ этомъ источникъ духовной радости и утѣшенія. Но не думайте, что можно остаться вѣрующимъ, отвергнувъ чудо. Въ самомъ дѣлѣ, отвергнемъ мысленно на минуту чудо и посмотримъ потомъ, во что обратится тогда Евангеліе, въ какомъ видѣ предстанетъ предъ нами святѣйшее Лицо Самого Основателя христіанства, и останется-ли тогда отъ христіанства что-либо, во что мы могли бы вѣровать? Священная исторія до тѣхъ только поръ священна, пока мы признаемъ чудо, которое настолько тѣсно связано съ христіанствомъ, насколько душа съ тѣломъ, и лишитъ христіанство чуда значить исторгнуть изъ него душу.

Съ этой точки зрѣнія современные агностики, отвергающіе не только истинность и достовѣрность, но даже и возможность чудесъ, напоминаютъ собою тѣхъ самообольщенныхъ, современныхъ Иисусу Христу фарисеевъ, книжниковъ, саддукеевъ и иже съ ними, которые такъ нахально и грубо неоднократно обращались къ Иисусу Христу съ требованіемъ знаменія. „Учителю!—говорили они Ему,—хочемъ отъ Тебе знаменіе видѣти“ (Мѡ. XII, 38; ср. Мѡ. XVI, 1—4 и пр.). „Можетъ-ли быть, замѣчаетъ по этому поводу св. Іоаннъ Златоустый,—что-нибудь, не говорю, нечестивѣе, а безумнѣе этого? Послѣ столькихъ знаменій фарисеи говорятъ такъ, какъ будто бы ни одного изъ нихъ не бывало: хочемъ отъ Тебе знаменіе видѣти! Для чего же они такъ говорятъ? Для того, чтобы опять уловить Иисуса. Такъ какъ Онъ уже много разъ словами Своими заграждалъ имъ уста и обуздывалъ языкъ ихъ безстыдный, то вотъ они отъ слова обращаются къ дѣ-

ламъ... Когда слѣдовало бы преклонить голову, когда надлежало исполниться удивленіемъ, когда не оставалось ничего болѣе, какъ притти въ изумленіе и уступить, они и тогда не отстаютъ отъ своего лукавства. Своими исполненными ласкательства и притворства словами они надѣялись заманить Его въ свои сѣти. Только что предъ тѣмъ они поносили Его, а теперь льстятъ; только что называли бѣснующимся, а теперь величаютъ Учителемъ,—но и то, и другое говорятъ съ злымъ намѣреніемъ“¹⁾. И Иисусъ Христосъ, этотъ величайшій и всепрощающій Сердцевѣдецъ, Которому вѣдомы всѣ самые сокровенные тайники сердца нашего, видѣлъ насквозь пропитанную лицемеріемъ, ненавистію и презрѣніемъ къ Нему, полную мерзости и нечистоты духовной душу Своихъ собесѣдниковъ; видѣлъ, съ какими мыслями и цѣлями приступали къ Нему неспособные къ убѣжденію и черствые сердцемъ высокомерные Іудеи; видѣлъ и тотъ исходъ, какого можно было ожидать отъ исполненія ихъ просьбы, и потому, указавъ сильныя основанія, Онъ нѣсколько разъ повторилъ Свой отказъ удовлетворить ихъ наглое и плотское требованіе. Да и дѣйствительно, допустимъ, что Иисусъ Христосъ далъ знаменіе съ неба. Вѣроятно-ли, спросимъ мы теперь, возможно-ли допустить также и то, чтобы оно, данное Имъ знаменіе, произвело какое-либо дѣйствіе на потомковъ народа, который, какъ гласила его собственная исторія, „въ самомъ виду, на самыхъ склонахъ пылающей горы, сѣлъ, чтобы ѣсть и пить, и всталъ, чтобы играть?“ Могло-ли знаменіе имѣть какое-либо прочное и нравственное значеніе для потомковъ людей, обличаемыхъ ихъ собственными пророками за идолослуженіе Молоху, поклоненіе звѣздъ своего идола Ремфана, несмотря на огненный столбъ и на утоленіе жажды водою изъ разсѣченнаго камня? Іудеи видѣли знаменія и чудеса въ изобиліи и теперь видятъ величайшее знаменіе: безгрѣшную жизнь, и однако бунтовали и богохульствовали тѣмъ болѣе. Ни-

¹⁾ Творенія, т. VII, ч. I, стр. 450.

какого знаменія поэтому дано имъ не будетъ, это безцѣльно, ибо „аще кто и отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры“ (Лук. XVI, 31). Даже болѣе—если бы Самъ распятый и висящій на крестѣ Христосъ и Спаситель міра, удовлетворяя просьбу іудеевъ (Марк. XV, 31), сошелъ со креста, то, возможно, они и въ такомъ случаѣ не увѣровали бы въ Него. Причина этого—отсутствіе въ нихъ внутренняго духовнаго зрѣнія и слуха—вѣры; то, что они, видя, не видятъ и, слыша, не слышатъ (Марк. IV, 12; Іоан. XII, 40).

Въ заключеніе, въ качествѣ резюме изъ всего вышесказаннаго, приведемъ выдержку изъ нашего отечественнаго великаго психолога - писателя Ф. М. Достоевскаго. Вотъ какъ онъ понимаетъ психологическую основу религіозной вѣры. „Чудеса, говоритъ онъ въ своемъ грандіознѣйшемъ романѣ „Братья Карамазовы“,—чудеса реалиста никогда не смутягъ. Не чудеса склоняютъ реалиста къ вѣрѣ. Истинный реалистъ, если онъ невѣрующій, всегда найдетъ въ себѣ силу и способность не повѣрить и чуду, а если чудо станетъ предъ нимъ неотразимымъ фактомъ, то онъ скорѣе не повѣритъ своимъ чувствамъ, чѣмъ допустить фактъ. Если же и допустить его, то допустить, какъ фактъ естественный, но доселѣ лишь бывшій ему неизвѣстнымъ. Въ реалистѣ не вѣра отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры. Если реалистъ разъ повѣритъ, то онъ именно по реализму своему, долженъ непременно допустить и чудо. Апостоль Фома объявилъ, что не повѣритъ, прежде чѣмъ не увидитъ, а когда увидѣлъ, то сказалъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Чудо-ли заставило его увѣровать? Вѣроятнѣе всего, что нѣтъ, а увѣровалъ онъ лишь единственно потому, что желалъ увѣровать, и, быть можетъ, уже вѣровалъ вполне въ тайникѣ существа своего, даже еще тогда, когда произносилъ: „не повѣрю, пока не увижу“ ²⁾.

Д. Оазорскій.

²⁾ ч. I, стр. 30; изд. Маркса. СПб. 1895 г.

РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ
„О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“
ТОМЫ КЕМПІЙСКАГО *).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава шестая.

О приготовленіи къ причащенію; молитвенное прошеніе.

Если необходимо „приготовить себя прежде, нежели начнешь молиться“ ¹⁾, насколько еще болѣе необходимо приготовленіе къ божественной Евхаристіи! А потому апостоль говоритъ: „Да испытываетъ же себя человекъ и такимъ образомъ пусть ѣсть отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ“ ²⁾. Но, увы, Боже мой! чѣмъ болѣе испытываю себя, тѣмъ болѣе признаю себя недостойнымъ единенія съ Тобою въ святомъ таинствѣ причащенія, а между тѣмъ, „если не буду ѣсть плоти Твоей и пить крови Твоей, то не буду имѣть въ себѣ жизни“ ³⁾, такъ—что я двоюсь между желаніемъ сѣсть за божественную трапезу, къ которой призываешь Ты вѣрныхъ, и между страхомъ услышать грозныя слова: „Какъ ты во-

*) Окончаніе. См. № 11 „Душ. Чт.“

¹⁾ Ис. Сирах. XVIII, 23.

²⁾ 1 Кор. XI, 28—29.

³⁾ Іоан. VI, 53.

шелъ сюда не въ брачной одеждѣ? Связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте въ тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ“ 4). Что же мнѣ дѣлать?.. Вотъ какъ я поступлю: я предстану предъ Господомъ и Богомъ моимъ, каковъ я есмь, безъ брачной одежды, нагой, жалкій, и скажу Ему: Боже, будь милостивъ ко мнѣ и благоволи милосердно Самъ облечь меня въ чистую одежду, которая сдѣлаетъ меня достойнымъ быть принятымъ въ чертогъ пиршества. Если Ты не прійдешь ко мнѣ на помощь, если Ты не исполнишь недостающаго мнѣ, я навсегда буду удаленъ, божественный мой Учитель, отъ святой Твоей трапезы! Но Ты сжалишься надо мною, Ты прійдешь ко мнѣ, по Твоему неизреченному милосердію и благодати, и рука Твоя распрострется надо мною, чтобы покрыть наготу мою. Ей, Господи, „на Тебя я уповаю, да не постыжусь во вѣкъ“ 5).

Глава седьмая.

О испытаніи совѣсти своей и о намѣреніи къ исправленію.

Нѣтъ ничего по существу болѣе полезнаго и болѣе необходимаго для достойнаго участія въ трапезѣ Господней, какъ то, чтобы снизойти въ свою совѣсть и со спасительною строгостью изслѣдовать ея глубину. Созданные по образу Божію мы хранимъ въ себѣ, однако, какъ бы образъ царства мрака: въ насъ живетъ, растетъ и развивается безчисленное множество пороковъ, зачавшихся отъ преступной похоти, заразившей человѣческую жизнь въ ея источникъ. Кто основательно проникаетъ въ свое сердце, тотъ находитъ въ немъ зародыши всего дурнаго: отважную и рѣзкую или лукавую и замаскированную гордость;—страстные вождѣленія; необузданное желаніе знать ненужное;—ненависть, сопровождаемую несправедливостью, обидами и клеветою;—зависть, порождающую даже убій-

4) Мате. XXII, 12—13.

5) Псал. XXX, 1.

ства,—жадность, кричащую непрестанно: „давай, давай!“⁶⁾; жестокость души и, наконецъ, губительныя радости разсудка. Хотя всѣ эти сѣмена смерти не развиваются въ каждомъ человѣкѣ въ одинаковой степени, всѣ люди, однако, имѣютъ ихъ въ себѣ, и только лишь благодать Божія болѣе или менѣе ихъ разсѣиваетъ. Таковъ удѣлъ чадъ Адамовыхъ со времени первороднаго грѣха. Кто въ страхѣ не воззоветъ изъ глубины этой ужасной пропасти къ Богу, съ мольбой о помощи и о милосердіи? „Скрывающій свои преступленія будетъ оставленъ Имъ, а кто сознается въ нихъ, тотъ будетъ помилованъ“⁷⁾.—Изъ состраданія къ грѣшникамъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ установилъ таинство покаянія, которое вознаграждаетъ человѣка кровью агнца и облакаетъ его вновь первоначальною невинностью. Вотъ брачная одежда, необходимая для того, чтобы присутствовать за пиршествомъ Жениха.

Вы, носящіе съ прискорбіемъ тяжесть грѣховъ своихъ, не теряйте времени; прійдите съ покаяніемъ, съ вѣрою, съ надеждою и съ любовью сложить это подавляющее васъ ярмо у ногъ Того, Кто въ священномъ судилищѣ возсѣдаетъ, какъ Сынъ, одесную Бога; прійдите и смиритесь, прійдите и восплачьте. Рука Божія отретъ ваши слезы, и помилованные Господомъ, и умиротворенные, вы радостно воспоете пѣснь прощенія:

„Блаженъ, кому отпущены беззаконія, и чьи грѣхи покрыты! Блаженъ человѣкъ, которому Господь не вмѣнитъ грѣха, и въ чьемъ духѣ нѣтъ лукавства! Когда я молчалъ, обветшали кости мои отъ вседневнаго стенанія моего, ибо день и ночь тяготѣла надо мною рука Твоя; свѣжесть моя исчезла, какъ въ лѣтнюю засуху. Но я открылъ Тебѣ грѣхъ мой и не скрылъ беззаконія моего; я сказалъ: „исповѣдаю Господу преступленія мои“, и Ты снялъ съ меня вину грѣха моего. За то помолитесь Тебѣ каждый

⁶⁾ Притч. Солом. XXX, 15.

⁷⁾ Притч. Солом. XXVIII, 13.

праведникъ во время благопотребное, и тогда разлитіе многихъ водъ не достигнетъ его“⁸⁾).

Глава восьмая.

О приношеніи Христа въ жертву на Крестѣ и самоотверженіи.

Человѣкъ имѣлъ бы весьма слабое и весьма неполное понятіе о крестной жертвѣ Христовой, если бы видѣлъ въ ней только то, что явно для однихъ лишь вѣшнихъ чувствъ. Господь нашъ обрекъ, вѣдь, не только святое тѣло Свое на всѣ страданія и муки, какія можетъ вынести человѣческая природа, но еще принесъ въ жертву и святую Свою душу (тѣсно соединенную съ Божественнымъ Словомъ), т. е. всю волю Свою, всѣ Свои чувства и привязанности. Онъ подвергъ Себя даже предсмертной агоніи, сознательному ощущенію полного одиночества, вырвавшему изъ сердца Его послѣдній вопль: „Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставилъ“?!⁹⁾ Въ этомъ Своемъ состояніи Спаситель міра представляетъ все человѣчество, осужденное на смерть; и человѣкъ былъ въ Немъ дѣйствительно пораженъ смертью до самой сокровенной глубины своего существа. Тогда „все уже свершилось“¹⁰⁾; и кара, и искупленіе.—И вотъ, всякій разъ, когда священникъ приступаетъ къ Престолу и совершаетъ вновь на немъ (согласно установленію Господню) неизреченную сію безкровную жертву; всякій разъ, когда вѣрные становятся причастниками Ея, и священникъ, и мірянинъ должны, подобно Иисусу Христу приносить также и себя въ жертву; ихъ жертва, соединенная съ Господней, должна быть неограниченной, ибо и мы также со Иисусомъ и во Иисусѣ переносимъ страданія за себя, за своихъ братьевъ, за живыхъ, за умершихъ, за всю великую семью человѣчества.

⁸⁾ Псал. XXXI, 1—6.

⁹⁾ Матѣ. XXVII, 46.

¹⁰⁾ Іоан. XIX, 28.

Это побудило Св. Апостола Павла произнести изумительныя слова: „Я радуюсь въ страданіяхъ моихъ за васъ и восполняю недостатокъ въ плоти моей скорбей Христовыхъ за Тѣло Его, которое есть Церковь“ ¹¹⁾. Это, конечно, не значить, что страданія Спасителя не были вполнѣ достаточными для того, чтобы изгладить грѣхъ міра ¹²⁾ и дать удовлетвореніе правдѣ Божіей; но каждый изъ насъ долженъ, по мѣрѣ своихъ силъ, воспроизводить ихъ въ себѣ самомъ, и будучи порознь членами одного и того же тѣла Христова ¹³⁾, мы страждемъ вмѣстѣ съ Нимъ, такъ что наши страданія дѣлаются какъ бы частью Его страданій.—О, Иисусе, Боже Мой! я приношу съ Тобою всег себя на жертвенникъ. Рази меня и исторгни изъ меня все, что присуще осужденному человѣчеству: земныя вождельнія, беспорядочную любовь, самоволіе, обманчивыя мои чувства и плотскую грѣховность! И взирая на Крестъ Твой, я скажу: „Все совершилось“ ¹⁴⁾.

Глава девятая.

О томъ, что должны мы себя и все свое принести Богу и молиться за всѣхъ.

Очистившись таинствомъ покаянія и соединившись искренне съ Господомъ Иисусомъ—Жертвою умиловленія за спасеніе рода человѣческаго,—священникъ предлагаетъ въ жертву и себя, за людей и за самого себя, чтобы сила таинства, имѣющаго совершиться, распростерлась дѣйствіемъ своимъ и на него, и на его братій, и на всѣхъ тѣхъ, за кого Иисусъ Христосъ принесъ Себя въ жертву на Крестѣ. Какъ Спаситель „на коленіе ведеса“ ради человѣка, такъ и священникъ имѣетъ желаніе распяться за Спасителя, жить только для Его славы и умереть за

¹¹⁾ Кол. I, 24.

¹²⁾ Иоан. I, 29

¹³⁾ I Кор. XII, 27.

¹⁴⁾ Иоан. XIX, 28.

нее. Священникъ умоляетъ Бога сжечь въ огнѣ Его любви все, что остается въ немъ нечистаго и грѣховнаго. Онъ возлагаетъ нѣкимъ образомъ на жертвенникъ свои мысли, свои привязанности, свою волю, свои пожеланія,—все существо свое, чтобы облечься во Христѣ Иисусѣ новою жизнью,—такую жизнь въ Богѣ, которая побуждаетъ людей „жить уже не для себя, но для Умершаго за нихъ и Воскресшаго“¹⁵⁾. Самоуничтожившись такимъ образомъ въ присутствіи Господа и Владыки и какъ бы обагрившись уже кровью, вопіющей о помилованіи, священникъ молитвенно ходатайствуетъ предъ Богомъ за ближнихъ своихъ, за друзей, за благодѣтелей, даже за враговъ своихъ (за тѣхъ, кто ненавидитъ и преслѣдуетъ его), обнимая въ обильной любви своей весь искупленный Христомъ родъ человѣческой, всѣхъ чадъ Отца небеснаго, Который „повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми“¹⁶⁾. Какъ помазанникъ Божій, священникъ покрываетъ молитвою и любовью своей весь человѣческой родъ. Онъ видитъ его въ смертномъ вслѣдствіе грѣха состояніи и призываетъ его молитвами своими къ жизни, подобно Высшему Ходатаю, Который „во дни плоти Своей съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія Могушему спасти отъ смерти, и услышанъ былъ за Свое благоговѣніе“¹⁷⁾. Да, „Господь отдѣлилъ для Себя святого Своего“¹⁸⁾. Приносите же, священники Бога живаго, „приносите Ему жертву правды“¹⁹⁾!.. „Азь множествомъ милости Твоея вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, въ страсть Твоемъ... И да возвеселятся вси уповающіи на Тя, во вѣкъ возрадуются: и вселишися въ нихъ, и похвалятся о Тебѣ любящіи имя Твое“²⁰⁾.

¹⁵⁾ II Кор. V, 15.

¹⁶⁾ Матѣ. V, 45.

¹⁷⁾ Евр. V, 7.

¹⁸⁾ Псал. IV, 4.

¹⁹⁾ Тамъ же, ст. 6.

²⁰⁾ Псал. V, 8, 12.

Глава десятая.

О томъ, что не должно безъ важныхъ причинъ отлагать святое приобщеніе.

Что христіанъ приходится побуждать приближаться къ Св. Трапезѣ, питаться „хлѣбомъ животнымъ“, воспринимать въ себя „Начальника и Совершителя вѣры“ ²¹⁾; что христіане изыскиваютъ всевозможные предлоги, чтобы держаться въ сторонѣ отъ Господа; что они считаютъ тягостною обязанностью причащаться отъ цоры до времени (какъ предписываетъ имъ Церковь) тѣла и крови Христовыхъ, это—нѣчто столь поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ столь страшное, что о немъ стараешься и не думать, какъ бѣжалъ бы отъ видѣнія ада. Но есть между вѣрующими, влекомыми любовью къ священному пиршеству Жениха Небеснаго, такіе люди, которые, вслѣдствіе узкаго и ложнаго пониманія св. таинства причащенія или вслѣдствіе излишей до крайности робости совѣсти, не считаютъ себя никогда достаточно къ нему приготовленными и добровольно лишаютъ себя божественной Евхаристіи изъ самаго благоговѣнія, внушаемаго имъ святымъ этимъ таинствомъ. Безъ сомнѣнія, предъ причащеніемъ должно испытывать себя; безъ сомнѣнія, слѣдуетъ желать, чтобы вкушающіе хлѣбъ ангеловъ имѣли и всю чистоту небесныхъ этихъ духовъ. Но Тотъ, Кто знаетъ нашу нищету и пришелъ помочь ей, не требуетъ, чтобы человѣкъ для приближенія къ источнику благодати былъ совершеннымъ; Онъ желаетъ только, чтобы причащающіеся очистились покаяніемъ, чтобы они принесли къ подножію алтаря „сердце сокрушенное и смиренное“ ²²⁾, искреннее сожалѣніе о содѣянныхъ ими грѣхахъ, желаніе творить угодное Богу и горячую любовь. Между тѣмъ какъ Господь отталкиваетъ отъ Себя и проклиняетъ фарисеевъ, гордыхъ

²¹⁾ Евр. XII, 2.

²²⁾ Псал. L, 19.

исполнителейъ закона, Онъ допускаетъ къ Себѣ жену— грѣшницу, сострадаетъ ей, благословляетъ ея слезы, и „прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много“ ²³). Кажущаяся чуткость совѣсти, удаляющая надолго отъ св. причащенія, весьма часто скрываетъ въ себѣ большую и преступную гордость. вмѣсто того, чтобы полагаться на совѣты духовника, замѣстителя Божія, люди желаютъ быть сами своими руководителями и судьями: это—пагубная ошибка, конечнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ коей бываетъ или отчаяніе, или ужасное самообольщеніе. Не оставляйте, не оставляйте никогда пути повиновенія Церкви, ибо всѣ прочіе пути приводятъ къ гибели. Если вамъ запрещаютъ приступать къ Св. Трапезѣ, воздерживайтесь отъ причащенія и плачьте. Нѣтъ болѣе законнаго основанія для слезъ! Если же вамъ говорятъ: приступите къ Господу Іисусу и соединитесь съ Нимъ въ таинствѣ причащенія, то приблизьтесь съ веселіемъ. Никакое душевное расположеніе не можетъ сравниться съ всецѣлымъ пожертвованіемъ своею собственною волей и своимъ человѣческимъ умствованіемъ. Будьте всегда и во всемъ просты, какъ дѣти, такъ какъ простота сердца имѣетъ великую цѣну въ глазахъ Бога: Онъ благословляетъ простыхъ сердцемъ не только въ земной ихъ жизни, но уготовляетъ имъ и блаженную вѣчность.

Глава одиннадцатая.

О томъ, что Тѣло Христово и Святое Писаніе необходимы для вѣрующей души.

Что такое земля? Это—мѣсто изгнанія, это, по выраженію Св. Отцевъ Церкви, „долина слезъ“. Человѣкъ ищетъ на ней въ потьмахъ истину, т. е. то, что служить жизнью для его разсудка; онъ ищетъ на землѣ среди безчисленныхъ бѣдствій счастья, какого-то непредѣльнаго, неисто-

²³) Лук. VII. 47.

щимаго, вѣчнаго счастія, (въ этихъ поискахъ—жизнь для его сердца), но все, къ чему человѣкъ стремится, ускользаетъ отъ него. Разнообразіе мнѣній людскихъ, собственныя его сомнѣнія и заблужденія утомляютъ его истощающійся умъ, а то, что человѣкъ считалъ благомъ, превращается въ горечь для него, и онъ находитъ во всемъ въ концѣ концовъ пустоту и томленіе духа. Когда человѣкъ одинокъ, душа его болѣзненно тяготеетъ сама собою; онъ нуждается въ поддержкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, горе ему, если онъ положится на людей же! Они часто одѣваютъ на себя личину друзей, чтобы только обмануть его. Между тѣмъ какъ уста ихъ улыбаются, они ставятъ ему во мракѣ сѣти, и когда, благодаря хитрости, обманамъ и разнымъ низостямъ, опутаютъ его ими, эти ложные друзья оказываются неожиданно такими, какъ они есть, и набрасываются на него подобно гіенѣ, поглощающей свою добычу. Плачевною была бы жизнь, еслибы Богъ оставлялъ свое созданіе въ такой ужасной участи! Но Господь просвѣщаетъ человѣка Своимъ словомъ, Онъ поддерживаетъ его Своею благодатію, воодушевляетъ и утѣшаетъ его вѣрою въ загробную жизнь и надеждою обладать, послѣ земныхъ дней испытанія, безконечнымъ благомъ, къ которому человѣкъ стремится, то есть Самимъ Богомъ. Чудесныя дары сіи неизреченной любви, собранныя, сосредоточенныя въ божественной Евхаристіи, предлагаются въ ней человѣку, соотвѣтственно съ силою его желаній. Всякій разъ, какъ мы приступаемъ къ св. таинству причащенія, мы приобрѣтаемъ премудрость, мы, такъ сказать, вводимъ въ себя свѣтъ въ самой его сущности, Слово Бога, Виночника благодати, Совершителя вѣры, безсмертный залогъ нашего упованія. Тѣло, распятое для нашего спасенія, воплощается въ насъ самихъ; кровь, спасшая міръ, соединяется съ нашею кровью; душа Искупителя—съ нашею душою; Божество Его проникаетъ въ насъ и уничтожаетъ въ насъ все, испорченное грѣхомъ; вѣрный Другъ почиваетъ на лопѣ нашемъ и восклицаетъ: „Положи меня,

какъ печать, на сердце твое, ибо крѣпка, какъ смерть, любовь“ ²⁴⁾. И вотъ, охваченные любовью сей, „какъ весьма сильнымъ пламенемъ“ ²⁵⁾, мы видимъ только Возлюбленнаго своего, живемъ только Его жизнью, и тоска нашего земного странствованія блекнетъ въ небесныхъ радостяхъ.

Глава двѣнадцатая.

О томъ, что надобно съ великимъ прилежаніемъ готовиться къ приобщенію Христову.

Приготовляясь къ встрѣчѣ каждой новой Пасхи, обыкновенно очищаютъ храмъ и приводятъ его въ самое праздничное положеніе; такъ точно и для достойнаго принятія тѣла и крови Христовыхъ изъ души должна быть устранена всякая нечистота чрезъ таинство покаянія, и затѣмъ она должна облечься во всѣ добродѣтели, дѣлающія ее угодно Богу. Благодать Господню привлекаютъ къ себѣ глубокимъ смиреніемъ ²⁶⁾, полнымъ презрѣніемъ къ своимъ достоинствамъ, живою вѣрой, совершеннымъ преданіемъ себя въ волю Божию, стремленіемъ не къ земнымъ, а къ небеснымъ благамъ, и любовью, которая „долготерпѣть, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“ ²⁷⁾; любовью дѣйствительно божественною и, согласно ученію великаго Апостола, предпочтительно всему самому высокому. „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдъ звѣнящая или кимваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ-что могу и горы переставлять,

²⁴⁾ Пѣснь пѣсней VIII, 6.

²⁵⁾ Тамъ же.

²⁶⁾ I Петр. V, 5.

²⁷⁾ I Коринѣ. XIII, 4--7.

а не имѣю любви, то я—ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“²⁸⁾. Итакъ, стремящіеся къ пиршеству брачному христіане! подражайте примѣру мудрыхъ дѣвъ, которыя, взявши свѣтильники свои, вышли на встрѣчу жениху, захвативъ вмѣстѣ со свѣтильниками и масло въ сосудахъ своихъ²⁹⁾; ибо тѣ, коихъ свѣтильники безъ масла, услышатъ страшныя слова отъ Жениха: „Истинно говорю вамъ, не знаю васъ“³⁰⁾.

Глава тринадцатая.

О томъ, что душа благоговѣйная отъ всего сердца должна желать соединенія со Христомъ въ таинствѣ.

Я предаю себя Тебѣ, Боже, чтобы быть едино съ Тобою. Я хочу забыть себя въ Тебѣ, чтобы Ты во всемъ мною руководилъ, чтобы мнѣ сообразоваться съ Твоими вѣдомыми мнѣ и невѣдомыми, но всегда правыми путями. Я хочу быть всегда подъ Твоею всемошною державою; я вѣрю себя Твоей всемогущей премудрости и отеческой благодати, чтобы во время потребное Ты Самъ принялъ духъ мой. Я уповаю на Твою правду и на Твое милосердіе, чтобы сдѣлаться изъ грѣшника и нечестивца праведнымъ и святымъ. Я знаю, что заслуживаю самъ по себѣ осужденія, но чрезъ искупительную жертву Господа Иисуса и въ Немъ одномъ ищу я спасенія и полного съ Тобою навсегда единенія. Аминь.

Глава четырнадцатая.

О пламенномъ желаніи нѣкоторыхъ благоговѣйныхъ душъ къ приобщенію Тѣла Христова.

„Предъ праздникомъ Пасхи Иисусъ, зная, что пришелъ часъ Его перейти отъ міра сего къ Отцу, явилъ дѣломъ,

²⁸⁾ I Коринѣ. XIII, 1—3.

²⁹⁾ Матѣ. XXV, 1, 4.

³⁰⁾ Тамъ же 12.

что, возлюбивъ Своихъ сущихъ въ мірѣ, до конца возлюбилъ ихъ“⁸¹⁾. Въ это время установилъ Онъ божественную евхаристію какъ бы для того, чтобы продлить видимымъ образомъ Свое пребываніе среди возлюбленныхъ учениковъ (и среди всѣхъ, на кого распространится любовь Его до скопчанія вѣка) и чтобы исполнилось данное Имъ обѣтованіе: „Не оставлю васъ сиротами; приду къ вамъ“⁸²⁾. Правда, что божественное Его присутствіе сокрыто для внѣшнихъ нашихъ чувствъ, но вслѣдствіе сего оно не менѣе дѣйствительно, не менѣе истинно. Еслибы Господь нашъ Иисусъ Христосъ, предлагаемый намъ во св. дарахъ, не былъ-бы подъ видомъ хлѣба и вина, еслибы Онъ являлся намъ такимъ, какимъ Онъ есть, „прекраснѣе всѣхъ сыновъ человѣческихъ“⁸³⁾ въ полномъ свѣтѣ Своей славы, наше хрупкое человѣческое естество не могло бы вынести этого, и душа наша сокрушила бы смертную свою оболочку. Посему Спаситель благоизволилъ открываться подъ видомъ хлѣба и вина одному лишь зрѣнію вѣры, и ея достаточно для того, чтобы вѣрные воспламенялись несравненной любовью. Никакой языкъ не можетъ выразить того, что происходитъ втайнѣ между божественнымъ Женихомъ и увѣстившеюся Ему душею: какой миръ, какой восторгъ, какіе святыя порывы, какая радость обладанія, какая возвышенная и чистая любовь, какое сладостное спокойствіе восхищаютъ душу, объединяющуюся со Христомъ! Ахъ! „еслибы вы знали даръ Божій, то вы сами просили бы у Него, и Онъ далъ бы вамъ воду живую“⁸⁴⁾. Всѣ святыя „просили у Него“ и Онъ внялъ гласу ихъ, и утолилъ ихъ жажду изъ вѣчнаго источника. Просите также и вы, умоляйте: „И Духъ и невѣста говорятъ: приди! и слышавшіи да скажутъ: приди! Жажущіи пусть приходитъ и желающіи пусть беретъ

⁸¹⁾ Іоан. XIII, 1.

⁸²⁾ Тамъ же, XIV, 18.

⁸³⁾ Псал. XLIV, 3.

⁸⁴⁾ Іоан. IV, 10.

воду жизни даромъ. И Женихъ говоритъ: ей, гряди скоро! аминь. Ей, гряди, Господи Исусе“³⁵⁾).

Глава пятнадцатая.

О томъ, что даръ умиленія приобрѣтается смиреніемъ и самоотверженіемъ.

Хотя Бога должно любить для самого Бога, намъ дозволено, однако, искать и даровъ Его, но съ полнымъ подчиненіемъ себя святой Его волѣ. Самые цѣнные дары не всегда бывають тѣми, которые преисполняютъ душу свѣтомъ и радостью. Такія милости Божіи, если мы не бываемъ достаточно осмотрительны, могутъ возбудить въ насъ пустое самодовольство. Часто бываетъ болѣе безопаснымъ въ этой жизни ходить въ тѣни чистой вѣры, подвергаться испытаніямъ, страданіямъ, скорби и нести внутренній крестъ, какъ Господь нашъ, когда Онъ взывалъ: „Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставилъ“³⁶⁾? Въ послѣднемъ случаѣ всякая гордость сокрушается, человѣкъ видитъ только свои слабости и смиряется подъ разящею Его Десницей Божіей, разящею для его исправленія; и проявляемое человѣкомъ терпѣливое самоотверженіе, представляющее собою больше заслугъ и болѣе угодное Богу, нежели явная ревностность, умиляетъ небснаго Жениха и приближаетъ Его къ вѣрующей душѣ, которая, бывъ въ разлукѣ со своимъ Возлюбленнымъ, пребывала въ уныніи, „какъ одинокая птица на кровлѣ“³⁷⁾. Господь открывается ей въ таинствѣ Евхаристіи, утѣшаетъ ее, отираетъ ея слезы, обнимаетъ ее божественною Своею любовью, какъ было это съ Эммаусскими учениками, когда они говорили: „Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ и когда изъяснялъ намъ Писаніе“?³⁸⁾... Господи, я признаю себя не-

³⁵⁾ Откров. XXII, 17, 20.

³⁶⁾ Марк. XV 34.

³⁷⁾ Псал. CI, 8.

³⁸⁾ Лук. XXIV, 32.

достойнымъ вкушать такое сладостное блаженство, „ибо беззаконія мои я сознаю, и грѣхъ мой всегда предо мною“ ³⁹⁾. Чего заслуживаю я, какъ не строгаго наказанія? Но я дерзну, не взирая на это, обращаться съ мольбами къ Твоему безконечному милосердію; я приближусь смиренно къ источнику жизни, въ надеждѣ, что Ты оросишь нѣсколькими каплями изъ него изсохшую мою душу. „Услышь, Господи, молитву мою и внемли воплю моему, не будь безмолвенъ къ слезамъ моимъ... прежде нежели отоиду и не будетъ меня“ ⁴⁰⁾. Аминь.

Глава шестнадцатая.

О томъ, что должны мы открывать нужды свои Христу и просить отъ Него благодати.

Не стараніемъ возвыситься умственно насладимся мы плодами св. таинства причащенія, но пламенною любовью къ Господу Иисусу, открытіемъ Ему съ полнымъ довѣріемъ и простотою своего сердца, „какъ бы говорилъ кто съ другомъ своимъ“ ⁴¹⁾. Мы должны явить Ему все, въ чемъ мы нуждаемся. Мы покрыты язвами, и ихъ слѣдуетъ показать Ему, чтобы Онъ омылъ ихъ божественною Своею кровью. Мы слабы, и нужно просить Его оживить наши силы. Мы наги, мы голодаемъ, алчемъ, и намъ слѣдуетъ обратиться, какъ нищимъ, къ Его милосердію, ибо отъ Него исходятъ всякія милости. Вникните въ слова Его: „Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня если и умретъ, оживетъ. И всякій, живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ. Вѣришь ли сему?“ ⁴²⁾. Христіанинъ! я не говорю тебѣ больше ничего. Самъ Господь обращается къ тебѣ, въ лицѣ Марѣи, со Своею рѣчью. Отвѣчай Ему съ нею: „Такъ, Господи, я вѣрую, что Ты

³⁹⁾ Псал. L, 5.

⁴⁰⁾ Псал. XXXVIII, 13, 14.

⁴¹⁾ Исх. XXXIII, 2.

⁴²⁾ Іоан. XI, 25, 26.

Христось, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“ ⁴³); прибавь къ этому со св. Апостоломъ Павломъ: „чтобы спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый“ ⁴⁴). Итакъ, вѣруй, надѣйся, люби!..

О, Иисусе, Боже мой, возглаголи въ сердцѣ моемъ, чтобы я ощутилъ присутствіе Твое и услышалъ Тебя. Возглаголи, кратко время мое. Рази каменное мое сердце и даруй мнѣ слезы любви, чтобы я оросилъ ими землю, исполненный чувства благодарности къ Тебѣ и съ упованіемъ улучшить жизнь вѣчную. Аминь.

Глава семнадцатая.

О пламенной любви и о крѣпкомъ желаніи воспріять Христа.

Пусть будетъ мнѣ причащеніе Св. Твоихъ Таинъ, Господи, во оставленіе грѣховъ моихъ! Пусть Божественная Кровь Твоя очиститъ меня, пусть омоетъ она всю нечистоту, осквернившую брачное одѣяніе, въ которое облекъ Ты меня въ таинствѣ крещенія, чтобы мнѣ съ дерзновеніемъ возлечь за брачнымъ пиршествомъ Твоимъ! Исповѣдую, что я грѣшенъ, что душа моя—невѣрная невѣста, многократно нарушавшая обѣты свои; но Ты вновь призываешь меня къ союзу; „возвратись ко Мнѣ“ ⁴⁵), говоришь Ты душѣ моей, „облекшись въ прежнее свое одѣяніе, покажи Мнѣ залогъ Твоего со Мною единенія“. Какъ сдѣлать мнѣ это безъ Твоей помощи, Божественный мой Женихъ и Жертва непорочная! Облеки меня Самъ, какъ блуднаго и возвращающагося къ Тебѣ сына, въ одежду невинности и святости, въ какой долженъ предстать я предъ св. Твоей трапезой. За нею совершается исполненіе словъ Твоихъ: „Ядущій хлѣбъ сей жить будетъ во-вѣкъ“ ⁴⁶). Пусть восчувствую я, Спаситель и Боже мой, эту жизнь

⁴³) Тамъ же 27.

⁴⁴) I Тимое. 1, 15.

⁴⁵) Иереміа III, 1.

⁴⁶) Иоан. VI, 58.

вѣчную, живя Твоею жизнью, радостно шествуя за Тобою и соблюдая неукоснительно всѣ святые заповѣди Твои. Аминь.

Глава восемнадцатая и послѣдняя.

О томъ, что не должно человѣку любопытно изслѣдовать таинство, но да будетъ онъ смиренный подражатель Христу, приводя разумъ свой въ послушаніе святой вѣры.

Нечестивый желаетъ проникнуть въ тайны Божіи, и въ этомъ его гибель. Онъ ищетъ спасенія въ наукѣ, онъ ищетъ его въ себѣ самомъ, но его помраченный разумъ, его безсильная и опустившаяся природа говорятъ ему только о смерти. О, христіане! не забывайте никогда, что „праведный вѣрою живъ будетъ“⁴⁷⁾. Итакъ, живите вѣрою, для коей самымъ сильнымъ, но и самымъ отраднымъ испытаніемъ является св. таинство Евхаристіи, Тотъ, Кто — „Путь, и Истина, и Жизнь“⁴⁸⁾, сказалъ: „сіе есть Тѣло Мое... сія есть Кровь Моя“⁴⁹⁾. Вѣруете ли вы сему? Да, Господи, я вѣрую: „небо и земля (прейдутъ, но слова Твои не прейдутъ“⁵⁰⁾. Вѣрую и исповѣдую, что сіе есть самое пречистое Тѣло Твое и сія есть самая честная кровь Твоя. Разсудокъ мой смиряется предъ этою тайной и налагаетъ молчаніе на смущенныя мои внѣшнія чувства. „Богъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ (для него) Сына Своего Единороднаго“⁵¹⁾; и чтобы продлить навсегда этотъ великій даръ, Сынъ также отдаетъ Себя человѣку ежедневно за св. трапезою, отдаетъ Себя дѣйствительно и существенно. „Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее“⁵²⁾; увѣровали въ любовь Отца и Сына; и эта безконечная любовь объясняетъ все, освѣщаетъ все достолично. Что въ томъ, понимаетъ ли

⁴⁷⁾ Римл. 1, 17.

⁴⁸⁾ Іоан. XIV, 6.

⁴⁹⁾ Матѣ. XXVI, 26, 28.

⁵⁰⁾ Матѣ XXIV, 35.

⁵¹⁾ Іоан. III, 16.

⁵²⁾ I Іоан. IV, 16.

или нѣтъ ограниченный нашъ разумокъ „неизслѣдимыя пути Божіи“? ⁵³⁾ Счастье наше—это вѣра; счастье наше погрузиться съ закрытыми глазами въ неизслѣдимую пропасть любви Божіей. Пусть же гордый и спорливый разумокъ смолкнетъ! Пусть перестанетъ онъ дерзко противопоставлять свою немощь Божію Всемогуществу! На сомнѣнія нашего ума, на его любопытные вопросы у насъ есть одинъ отвѣтъ: „Такъ возлюбилъ Богъ міръ!“ и этого отвѣта достаточно, и никакой другой безъ этого не удовлетворитъ насъ. Онъ проникаетъ, какъ яркій свѣтъ, въ глубину сердца, способнаго услышать его, т. е. сердца вѣрующаго въ любовь, понимающаго и чувствующаго, что значитъ любить. Вы изумляетесь, что Богъ скрывается подъ видомъ земного и тлѣннаго хлѣба, что Спаситель людей дѣлается ихъ пищею? Вѣра ваша колеблется? Значитъ, въ васъ нѣтъ любви! А вы, души вѣрующія, вѣрныя Жениху своему, приступите къ жертвеннику съ радостью, съ твердымъ упованіемъ; прійдите къ Иисусу, идите на таинственное пиршество любви! Куда же и итти намъ, Господи? „Совѣтоваться ли съ плотью и кровью“ ⁵⁴⁾? обращаться ли къ своему разуму? Къ противникамъ и невѣрующимъ?—Къ тѣмъ, кто и теперь еще насъ спрашиваетъ: „Какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть плоть Свою“? ⁵⁵⁾ какъ можетъ пребывать Онъ на небѣ, если въ то же время отдается Онъ въ снѣдь на землѣ?! Нѣтъ, Господи, мы не обратимся къ этимъ совопросникамъ и не послѣдуемъ за оставляющими Тебя. Мы вмѣстѣ со св. Апостоломъ Петромъ скажемъ Тебѣ: „Господи! къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни: и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ Сынъ Бога живаго“ ⁵⁶⁾. Аминь. Аминь.

Протоіерей Александръ Смирнопуло.

Брюссель.

⁵³⁾ Римл. XI, 33.

⁵⁴⁾ Гал. I, 16.

⁵⁵⁾ Іоан. VI, 52.

⁵⁶⁾ Іоан. VI, 68—69.

Современная теософія и ея слабыя стороны.

(Окончаніе).

Божественность, на уровень которой рано или поздно станетъ каждое человѣческое существо, въ теософическомъ ученіи имѣетъ особый смыслъ естественной представимости. Чтобы лучше выяснитъ себѣ характеръ этой безусловной въ концѣ концовъ, ожидающей каждаго человѣка божественности, надо имѣть въ виду происхожденіе человѣка, его цѣль и соотвѣтственный имъ составъ человѣческаго существа.

Человѣкъ произошелъ вслѣдствіе инволюціи жизни Логоса, одушевляющаго, по ученію теософіи, каждую частицу матеріи. Логосъ какъ бы изъ самого себя выдохнулъ человѣка вмѣстѣ со всей вселенной,—поэтому человѣкъ заключаетъ въ себѣ активную силу, стремящуюся вернуться къ своему источнику. Этотъ обратный процессъ движенія человѣка къ Логосу составляетъ эволюцію человѣческаго совершенствованія и начало обожествленія. Конецъ инволюціи Логоса можно считать за начало эволюціи въ человѣкѣ. Конецъ инволюціи выражается въ проявленіи физической жизни человѣка, самой низшей ступени, на которую могъ спуститься Логосъ въ мірѣ человѣческихъ существъ. Прежде же этой жизни человѣкъ проходилъ жизнь астральную, сферу исключительно чувствъ, болѣе высшую, чѣмъ физическая жизнь. До астральной жизни онъ былъ въ ментальной жизни, сферѣ мыслей и высшихъ идей и причинъ. Ментальная сфера—сфера непо-

средственнаго соприкосновенія съ Логосомъ. Теософія знаетъ и другія высшія сферы до проявленія Логоса въ человѣкъ, но мы остановимся только на этихъ трехъ, такъ какъ и она сама главнѣйшимъ образомъ останавливается на нихъ (Ледбитеръ, 43).

Эти сферы суть формы временнаго проявленія Логоса въ человѣческомъ существѣ. Постояннымъ же и вѣчнымъ въ этомъ существѣ является Духъ, который едино съ Логосомъ. И какъ Логосъ не можетъ проявиться внѣ вселенной, такъ и Духъ человѣка внѣ этихъ сферъ не можетъ существовать. Онѣ служатъ ему матеріей выраженія и осуществленія его самоѣ разнообразной качественности, отъ самоѣ тонкой до самоѣ плотной, называемоѣ физическимъ тѣломъ человѣка.

При этомъ надо помнить, что матерія въ своей сущности одна и та же и, какъ проявленіе Логоса, вѣчна. (Ледбитеръ, 44 и Безантъ, 32). Въ самоѣ тончайшей своей сферѣ она соприкасается съ Духомъ человѣка и какъ бы совпадаетъ съ нимъ, теряясь въ безднѣ Логоса. Разность же воспріятія матеріи Духомъ человѣка въ формѣ ментальной, астральной и физической составляетъ только разнообразное условіе выраженія ея единого существа. Астральная матерія отличается отъ физической, какъ паръ отъ льда. Физическая матерія можетъ быть обращена въ астральную, а эта послѣдняя въ ментальную, если ее достаточнымъ образомъ дифференцировать и въ ней вызвать соотвѣтствующія по быстротѣ вибраціи (Ледбитеръ 44).

Такимъ образомъ, когда человѣкъ живетъ въ физическомъ тѣлѣ, то въ немъ уже заключена возможность другихъ, болѣе высшихъ тѣлъ—астрального и ментального, которыя не можетъ не чувствовать духъ человѣка, какъ свою родную, лучшую и свѣтлую стихію. При этомъ физическому тѣлу соотвѣтствуетъ физическій міръ и физическая жизнь, въ отношеніи которыхъ оно является проводникомъ, помогающимъ человѣку въ физическомъ

мірѣ и жизни пріобрѣтать всевозможные, полезные для своего усовершенствованія опыты. Равнымъ образомъ, астральному и ментальному тѣламъ соотвѣтствуютъ свои міры и жизни, въ сношеніяхъ съ которыми они являются для человѣка еще болѣе полезными проводниками. И такъ какъ высшее тѣло ментальное способно проникать въ низшіе его астральное и физическое тѣла, астральное въ свою очередь въ физическое тѣло,—и отнюдь не обратно,—то человѣкъ одновременно, находясь еще въ физическомъ тѣлѣ, можетъ развивать себя для жизни астральной и ментальной. Цѣль жизни человѣка въ мірѣ физическомъ и заключается въ извлеченіи изъ него лучшихъ и благопріятныхъ условій развитія въ астральной и ментальной сферахъ, хотя въ физической жизни масса и самыхъ неблагоприятныхъ для этого условій, задерживающихъ развитіе человѣка и оставляющихъ свой долгіи слѣды на жизни астральной.

И поэтому, хотя въ физическомъ тѣлѣ человѣкъ уже способенъ и живетъ сферами астральной и ментальной, такъ какъ онѣ всюду вокругъ него и его окружаютъ и проникаютъ, но разрушеніе физического тѣла, называемое обычно смертью, является благомъ для человѣка и первую степень обратнаго движенія человѣка къ Логосу, изъ котораго онъ вытекъ. Со смертью уже прекращается притокъ неблагоприятныхъ условій для развитія и совершенствованія. Но жизнь человѣка этой смертью не кончается. Напротивъ, начинается лучшая жизнь, и человѣкъ уже всецѣло вступаетъ въ сферу астральную, всецѣло живетъ своимъ астральнымъ тѣломъ чувствъ.

Потусторонняя жизнь въ астральномъ тѣлѣ можетъ быть продолжительной и нѣтъ. Если въ своей физической жизни человѣкъ жилъ большей частью дурными мыслями и желаніями, если имъ владѣли сильныя физическія страсти и пороки, то астральная жизнь должна быть продолжительной. Въ это время человѣку приходится выдержать борьбу и патискъ всѣхъ этихъ мыслей,

желаній, страстей, ибо онѣ являются живыми существами, окружающими его и производящими въ немъ истинный адъ, пока не изсякнетъ энергія, которую онѣ самъ имъ сообщилъ своимъ удовлетвореніемъ ихъ физической жизни. Въ астральной жизни имъ уже нѣтъ удовлетворенія, а потому онѣ остаются ненасыщенными и производятъ въ человѣкѣ невыразимыя страданія. Въ этихъ страданіяхъ человѣкъ мало по малу очищается отъ своихъ желаній и страстей злыхъ и пріобрѣтаетъ урокъ не давать возможности усиливаться имъ въ своей низшей природѣ. Человѣкъ становится способнымъ перейти въ другой высшій міръ—ментальный, и его астральная оболочка распадается. У духовно-развитого человѣка, который въ своей физической жизни укрѣплялся добрыми мыслями и желаніями, астральная оболочка распадается значительно быстрѣе, „и онѣ безпрепятственно направляется къ предѣлу, до котораго его можетъ допустить достигнутая имъ ступень эволюціи“ („Древняя мудрость“, 64).

Ментальный міръ есть родина истиннаго человѣка. Она есть высшій міръ мыслительной работы человѣка, высшая сфера сознанія, неисчерпаемая сокровищница Божественнаго Разума. Сюда приходитъ человѣкъ послѣ астральной жизни съ выработанными въ немъ высшими сверхличными мыслями и стремленіями, которыя составляютъ его ментальное тѣло, при посредствѣ котораго онѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ Божественнымъ Разумомъ непосредственно. Ментальная жизнь человѣка бываетъ и длительной и нѣтъ. Она бываетъ длительной, если человѣкъ въ физической жизни развивалъ въ себѣ усиленно и преимущественно добрыя мысли, желанія и чувства. Нѣтъ,—когда этихъ послѣднихъ въ физической жизни было сравнительно мало или совсѣмъ мало. Она является, такимъ образомъ, соотвѣтственной наградой высшаго сознанія за лучшую жизнь въ физическомъ тѣлѣ. Ею владѣетъ человѣкъ въ промежуткахъ между своими такъ называемыми перевоплощеніями на землѣ. Ментальное тѣло въ концѣ

концовъ исчезаетъ, но послѣдствіемъ его вибрацій и вращеній въ ментальной жизни во внутреннемъ человѣческомъ существѣ остается высшій опытъ лучшей жизни. Въ человѣкѣ создается зерно лучшихъ возможностей для развитія въ будущихъ жизняхъ на землѣ, хранилище всего добраго и лучшаго въ циклѣ вращеній человѣка отъ физической до ментальной жизни включительно,—это такъ называемое въ теософіи тѣло причинности.

Тѣло причинности, какъ внутреннее и интимнѣйшее существо человѣка, не уничтожается и не распадается. Послѣ нѣкотораго, неопредѣленнаго времени человѣкъ снова является на землю въ этомъ внутреннемъ тѣлѣ и облекается снова въ физическое тѣло для новой физической жизни. Благодаря этому, не новый человѣкъ является на землю, а одинъ и тотъ же, такъ какъ внутренняя основа его одна и та же. Тѣло причинности сохранило въ немъ его прежнее, уже прошедшее извѣстный циклъ эволюціи, Я.

Тѣло причинности составляетъ въ теософіи высшаго истиннаго человѣка, называемаго Мыслителемъ, Вѣчнымъ человѣкомъ, Духомъ человѣка, обладающимъ божественнымъ сознаніемъ. „Что такое Мыслитель?“ спрашиваетъ А. Безантъ и потомъ отвѣчаетъ. „Это божественное Я, ограниченное и индивидуализированное оболочкой (чрезвычайно прозрачной и нѣжной, необычайно тонкой „Свѣтозарной“), матеріалы для которой извлечены изъ высшихъ подраздѣленій ментальной сферы. Эта матерія, обволакивающая лучъ Божественнаго Я, живой лучъ Единого Свѣта и Единой жизни вселенной, отдѣляетъ этотъ лучъ отъ его Источника, заключаетъ его внутри тончайшей оболочки изъ своей субстанціи и такимъ образомъ дѣлаетъ его индивидуальностью“ (Древняя Мудрость, 93).

„Мыслитель подлежитъ медленному развитію. Человѣческая эволюція есть эволюція Мыслителя; онъ облекается въ тѣла, въ низшей ментальной, въ астральной и въ физической сферахъ; изнашиваетъ ихъ въ продолженіи зем-

ной, астральной и нижней ментальной жизни, сбрасывает ихъ послѣдовательно на каждой ступени жизненнаго цикла, когда переходить изъ одного міра въ другой, но все время сохраняетъ внутри себя плоды, которые онъ собралъ при помощи этихъ тѣлъ въ каждомъ изъ трехъ міровъ. Вначалѣ такой же бессознательный, какъ младенецъ въ своемъ земномъ тѣлѣ, онъ дремалъ изъ жизни въ жизнь, пока испытанія, воздѣйствовавшія на него извнѣ, не разбудили къ дѣятельности нѣкоторыя изъ его силъ скрытыхъ: постепенно онъ принималъ все болѣе и болѣе участія въ устроеніи своей жизни, пока, достигнувъ зрѣлаго возраста, не взялъ свою жизнь въ собственныя руки и не принялъ на себя все увеличивающуюся отвѣтственность за будущую свою судьбу“ (Ibid, 93—94).

Таково строеніе человѣческаго существа, при посредствѣ котораго человѣкъ развиваетъ свою божественность. При такомъ строеніи божественность человѣка носить характеръ дѣйствительной представимости его. Надо развить въ себѣ высшіе органы духовнаго зрѣнія, способность проникать въ чудесно-тонкіе составы человѣческаго существа, отвѣчать на астральные и ментальные міры соответствующими вибраціями, и божественность человѣчества является самоочевидной.

Но въ дѣйствительности самоочевиднымъ является лишь то, что въ разговорахъ съ теософіей о человѣческой божественности или обожествленности надо оставить исконное и общечеловѣческое пониманіе божественности, о которомъ еще древніе философы Платонъ и Сократъ учили, что оно невозможно для человѣка, если Самъ Богъ или Слово Божіе не научатъ людей тому. Съ теософіей въ данномъ случаѣ надобно говорить о всецѣлой матеріальности человѣческаго существа и вѣчномъ или безконечномъ развитіи его въ чудесно тонкихъ и безконечныхъ мірахъ. Самоочевиднымъ здѣсь является лишь то, что мы имѣемъ предъ собою крайне проблематическую теорію о безконечной эволюціи человѣка впереди и позади его, на основа-

ніи не менше проблематическаго ученія о чудесно-тончайшихъ матеріальныхъ строеніяхъ и перестроеніяхъ человѣческаго существа. Утонченная дисциплина наблюденій и интуиціи, при посредствѣ которой теософія стремится постигнуть крайне загадочную и чудесную матеріализацію Логоса въ человѣческой природѣ и матеріализованную индивидуальность человѣческаго существа, очень ясно подтверждаетъ стремленіе теософіи отвести взоры человѣчества отъ Неба и все вниманіе его сосредоточить на землѣ, гдѣ онъ самъ является центромъ проявленія Логоса. Божественность человѣческой природы здѣсь является легкой дымчатой драпировкой, которую легко сбросить, но при надобности легко и надѣть, если будетъ доказано безконечное эволюціонное развитіе человѣчества, или если оно будетъ приниматься за интересную гипотезу у лицъ, ищущихъ религіознаго вѣдѣнія вездѣ и всюду и не могущихъ отрѣшиться отъ общепринятаго ученія и понятія божества и божественности.

Теософія, впрочемъ, поступаетъ умно и хитро. Она не дѣлаетъ выводовъ изъ своего ученія о божественности человѣческой природы и стремится пропитать всю свою теорію ореоломъ славы божественной. Она много говоритъ о царствѣ Логоса и самораскрытіи его въ человѣческомъ существѣ. Но рядомъ съ этимъ она много говоритъ и о „первозданной, недифференцированной дѣвственной Матеріи“, объ ея вѣчныхъ корняхъ. Она всю сущность человѣческаго развитія полагаетъ въ чудно-тонкихъ элементахъ матеріи, изъ которыхъ якобы слагается божественная природа человѣческаго существа. И въ результатѣ получается впечатлѣніе, что дѣло не въ Логосѣ или Божественномъ Разумѣ, о радости сліянія съ которымъ учитъ теософія, а въ самомъ человѣкѣ, въ развитіи въ немъ потенциально скрытыхъ силъ могущества жизни природной и необычайной способности достигать знаній, приравнивающихъ его къ тому, что принято называть божествомъ. Но это впечатлѣніе заслоняется и затушевывается другимъ,

что теософія не разрываетъ съ божествомъ, а напротивъ слишкомъ близко и непосредственно придвигаетъ человѣка къ Богу, что она открываетъ въ человѣкѣ доселѣ никому неизвѣстныя линіи, которыя соединяютъ человѣка съ Логосомъ, что въ наукѣ давно уже существуютъ открытія, могущія подтвердить теософическое ученіе о человѣкѣ и что это ученіе самое истинное и нужное для религіозно-культурнаго человѣка, который найдетъ въ немъ истинное успокоеніе и утѣшеніе.

Теософическое ученіе о человѣкѣ можетъ привлечь къ себѣ и спиритовъ, и оккультистовъ, и матеріалистовъ и даже атеистовъ,—такъ какъ для каждой изъ этихъ группъ теософія можетъ разъяснить свое ученіе въ желательномъ для нихъ смыслѣ. И въ этомъ, кажется, единственный смыслъ теософическаго ученія о человѣкѣ, хотя въ дѣйствительности едва ли оно можетъ кого-либо изъ нихъ удовлетворять, такъ какъ оно полно туманностей и неясностей. Оно можетъ быть до нѣкоторой степени интереснымъ, какъ можетъ быть интересной философская сказка о потустороннемъ человѣкѣ, какъ новыя и своеобразныя, но совершенно безсильныя потуги найти всѣмъ и всѣхъ удовлетворяющій единственно истинный смыслъ человеческой жизни.

Кажется, ни одно изъ ученій теософіи не отличается такимъ самонключающимъ драматическимъ характеромъ, какъ ученіе о человѣкѣ.

Желая противопоставить себя матеріализму и происшедшему изъ него энергетизму, выдвигающимъ матерію, какъ основу всего и вѣчно живую творческую силу и энергію—съ одной стороны, съ другою—считая обычное и общепринятое религіозное ученіе о душѣ одностороннимъ и проблематическимъ (Ледбитеръ, 36—37), теософія выдвигаетъ свое ученіе о человѣкѣ единственно истиннымъ и представляющимъ всестороннее и дѣйствительное объясненіе человеческого существа и весь смыслъ бытія его въ мірѣ. Въ дѣйствительности теософія не только не составляетъ,

въ отношеніи матеріализма, энергетизма и современной теоріи естествознанія объ эволюціи матеріи, нѣчто противоположное и новое, напротивъ въ ученіи о составѣ чловѣческаго существа, какъ и вообще въ ученіи о матеріи, проявляющей въ себѣ Логосъ, она представляетъ ученіе, всѣми корнями углубившееся въ нихъ, изъ нихъ вышедшее и задавшееся цѣлью какъ бы ихъ одухотворить и сблизить ихъ съ началами спиритуализма. Съ другой стороны, избѣгая односторонности ученія спиритуализма и находя общую основу для матеріализма и спиритуализма во всѣхъ ихъ видахъ въ рождающейся отъ Логоса въ „недифференцированной и дѣвственной матеріи“, теософія не только не избѣгла односторонностей „проблематической души“, но сама впала въ большую крайность, такъ какъ свела совсѣмъ на нѣтъ ученіе о духовности чловѣческаго существа. Обличая крайнюю матеріализацію запада, осъвящая даже войну матеріализму, она выработала ученіе о крайне тонкихъ и чудесныхъ видахъ матеріи, въ которые и заключила жизнь души чловѣческой. Получилась палка о двухъ концахъ, изъ которыхъ одинъ приходится на долю самой же теософіи.

Однако теософія можетъ сказать, что у нея есть ученіе о Духѣ чловѣка, происходящемъ изъ Логоса, что она постоянно имѣетъ въ виду ученіе Ап. Павла о томъ, что „есть тѣло душевное и есть тѣло духовное“, что ея ученіе о чловѣкѣ находится въ соответствіи съ этими словами Апостола (Ледбитеръ, 39—40). Да, въ теософіи есть ученіе о Духѣ чловѣка, называемомъ Мыслителемъ. Но что это за Духъ чловѣка, весьма трудно представить и понять изъ ея словъ.

Этотъ Духъ или Мыслитель—„Божественное Я“, по ученію теософіи,—„ограниченное и индивидуализированное“ чрезвычайно тонкой, „Свѣтозарной“ оболочкой матеріи „изъ высшихъ подраздѣленій ментальной сферы“, которая отдѣляетъ его отъ Источника его. Сгранно, какъ матерія—оболочка можетъ отдѣлять отъ Источника божества Духъ

человѣка или Божественное Я, когда для него не должно быть пространственныхъ ограниченій, а со времени возникновенія его не должно быть и самыхъ предѣловъ времени. Еще болѣе странно, какъ матерія, хотя бы и самая тонкая, нѣжная и „Свѣтозарная“, можетъ составлять индивидуальность Духа человѣка, который къ тому же есть Божественное Я, если не разумѣть подъ нимъ одно изъ переживаній божества въ самомъ совершенномъ видѣ матеріи. Этотъ Духъ человѣка кажется всетаки какой-то туманной матеріей. Тѣмъ болѣе,—онъ подлежить и „медленному росту“, и вначалѣ чувствуетъ себя, какъ „безсознательный младенецъ“, и „только въ зрѣломъ возрастѣ“ приходитъ къ сознанію „отвѣтственности за свою будущую судьбу“ (Древняя Мудрость, 93—94). При этомъ надо всегда помнить, что теософія учитъ о „духъ-матеріи“, живой матеріи, и подъ духомъ она часто разумѣетъ жизнь матеріи, и не можетъ представить себѣ жизни внѣ матеріи, даже и для Логоса (Ibid. 33). Отсюда, внѣ матеріи нѣтъ жизни Духа человѣка, безъ матеріи онъ или ничто, или что-то безжизненное и безформенно-пассивное.

Можно было бы и не дѣлать этихъ выводовъ о теософическомъ Духѣ человѣка или Мыслителѣ, но они невольно и сами собой являются. Въ самомъ дѣлѣ подумайте только, что въ теософійи человѣческія мысли имѣютъ матеріальное выраженіе. „Чистая благородная мысль, говоритъ Д-ръ Штейнеръ, выражается въ красно-фіолетовомъ излученіи. Отчетливое повятіе логически мыслящаго человѣка является, какъ окрашенный въ желтый цвѣтъ образъ, съ совершенно опредѣленными контурами. Неясныя мысли неопредѣленно думающаго являются образомъ съ неопредѣленными очертаніями. Мысли же человѣка съ односторонними закоренѣлыми взглядами выражаются въ очертаніяхъ рѣзкихъ, но неподвижныхъ, тогда какъ мысли, легко поддающіяся постороннему вліянію, видимы въ подвижныхъ и измѣнчивыхъ очертаніяхъ и т. д.“ (Путь къ посвященію. Калуга. 1911 г. стр. 180—

181). Пусть это говорится объ астральномъ тѣлѣ, переходящемъ или измѣняющемся въ ментальномъ. Но вѣдь эти мысли въ концѣ концовъ составляютъ опытъ чело-вѣка въ тѣлѣ причинности, которое не измѣняется и составляетъ техническое названіе Мыслителя (Древняя мудрость, 94). И такимъ образомъ само собой подсказывается заключеніе, что мысли и идеи въ насъ суть топчайшія матеріальныя „вибраціи“,—теософія любитъ это выраженіе,—въ которыхъ нѣтъ Духа, и иначе онъ не живетъ.

Правда и то, что теософія въ своемъ ученіи о составѣ чело-вѣка ссылается на слова ап. Павла, что „есть тѣло душевное и есть тѣло духовное“ (1 Кор. 15, 44). Но между ученіемъ Ап. Павла о тѣлѣ душевномъ и духовномъ и ученіемъ теософіи о чело-вѣкѣ нѣтъ никакой связи, кромѣ можетъ быть случайной и внѣшней аналогіи. Да и эта послѣдняя нужна теософіи вовсе не для подтвержденія этого своего ученія словами Апостола, а лишь какъ плохо скрываемое и стороннее указаніе на то, „что составъ чело-вѣка гораздо болѣе сложенъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ“ (Ледбитеръ, 40). Вѣдь нельзя же теософамъ, хвалящимся своей согласованностью съ христіанствомъ, пройти мимо такого великаго и авторитетнаго его представителя, какъ Ап. Павелъ.

Но въ христіанствѣ православномъ, католическомъ и даже протестантскомъ „обыкновенно думаютъ“ о составѣ чело-вѣка именно такъ, какъ училъ Ап. Павелъ. А онъ, хотя и говорилъ „о раздѣленіи души и духа, составовъ и мозговъ“, но проникновеніе въ это непостижимое ни для какой науки внутреннее раздѣленіе ихъ предоставлялъ только Самому Богу (Евр. 4, 12—13). Если онъ говоритъ о тѣлѣ душевномъ и о тѣлѣ духовномъ, то разумѣетъ подъ этимъ не „различныхъ проводниковъ возрастающей плотности“, а всегда одинаго чело-вѣка, который, будучи единъ и неповторяемъ на землѣ, и при всеобщемъ воскресеніи останется однимъ и тѣмъ же, только по образу Христа Спасителя будетъ славнымъ, нетлѣннымъ, небеснымъ— и именно въ томъ же самомъ составѣ. Пречи-

стое и прославленное Тѣло Воскресшаго Христа Спасителя было однимъ и тѣмъ же, что оно было и до Его крестной смерти. Оно и послѣ воскресенія способно было предъ учениками ѣсть рыбу и медъ (Лук. 24, 41—43), хотя само по себѣ и не пуждалось въ этомъ. И это еще больше говоритъ о томъ, что человѣкъ въ будущей славной жизни будетъ именно въ своемъ единомъ всегда составѣ. Какъ это можетъ случиться,—это непостижимо и чудно, это дѣло Божіе, это дѣло вѣры. Апостолъ и не пытается даже объяснить этого. Онъ только указываетъ на образъ Воскресшаго Христа, да во вѣшной природѣ видитъ только слабый символъ великаго и славнаго будущаго небснаго состоянія человѣка.

Равнымъ образомъ, нѣтъ у Ап. Павла и мысли объ астральномъ и ментальномъ тѣлахъ и соотвѣтственныхъ имъ жизняхъ и мірахъ. Онъ говоритъ, что въ Адамѣ всѣ умираютъ, въ Христѣ всѣ оживутъ, и далѣе, выражаясь синонимически, поясняетъ: „сѣтается въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣтается въ уничиженіи, возстаетъ въ славу; сѣтается въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣтается тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное“ (1 Кор. 15, 43—44). Возстаетъ духовнымъ, очевидно, то же самое тѣло душевное. Такимъ образомъ, кромѣ смерти въ физическомъ тѣлѣ и мірѣ, у Ап. Павла нѣтъ смерти астральной и ментальной—значить, нѣтъ и тѣлъ астральныхъ и ментальныхъ въ астральныхъ и ментальныхъ, этихъ измѣнчивыхъ и переходящихъ, жизняхъ и мірахъ.

Конечно, теософія не считается съ выводами изъ ученія Ап. Павла, на которое она случайно дѣлаетъ ссылку въ своемъ ученіи объ астральныхъ и ментальныхъ тѣлахъ, съ соотвѣтствующими имъ жизнями и мірами потусторонними. Но и безъ этихъ выводовъ это ученіе объ астральномъ и ментальномъ чрезвычайно проблематично и является безнадежной гипотезой, даже при всѣхъ стремленіяхъ теософовъ всюду и особенно въ наукѣ найти въ пользу него хоть какія-нибудь аналогіи.

Если въ наукѣ иногда принято думать, что все разнообразіе въ физическомъ мірѣ есть различная форма единого начала и что энергіи матеріи могутъ видоизмѣняться и переходить одна въ другую при эквивалентномъ уравненіи ихъ, то это далеко еще не законченное ученіе, далеко не установившееся, не имѣющее безусловнаго значенія въ области все прогрессирующаго и прогрессирующаго человѣческаго званія, часто приводящаго къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Въ наукѣ существуетъ мнѣніе и о множественномъ началѣ вещей, и еще такъ недавно появилась книга У. Джемса въ русскомъ переводѣ: Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія. (Переводъ съ англійскаго Б. Осипова и О. Румера. Подъ редакціей прив.-доц. Г. Г. Шпетта. М. 1911 г.). И заключать на основаніи тѣхъ или другихъ научныхъ выводовъ о такомъ высокомъ и непостижимомъ предметѣ, какъ при переходѣ при смерти физическаго тѣла въ астральное, а послѣдняго при слѣдующей смерти въ ментальное, и при томъ съ обычной теософической увѣренностью на невозможность и недопустимость иного высшаго рѣшенія, по меньшей мѣрѣ рискованно. Вопросъ этотъ глубокаго религіознаго значенія, чтобы въ рѣшеніи его положиться на постоянно мѣняющіяся, часто другъ другу противоположныя, научныя заключенія. При томъ же между научными заключеніями, имѣющими несравненно больше истинности и вѣроятія, чѣмъ теософическія, и этими послѣдними нѣтъ никакой объединенной связи и послѣдовательности, кромѣ внѣшней аналогіи, которая есть только вспомогательный приѣмъ индиктивнаго мышленія, очень слабый и единственный для даннаго вопроса.

Если иногда думаютъ, что способности предчувствія, предвидѣніе будущаго, вѣщихъ видѣній въ бодрственномъ состояніи, двойничества, телепатіи, психометріи, вѣщихъ сновъ, ясновидѣній и сомнамбулизма и др. у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, — могутъ указывать на вѣроятія

теософических видѣній, желаній и чувствъ въ астральной формѣ и мыслей въ ментальной, то это положеніе, конечно, не можетъ имѣть научнаго доказательства. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ на основаніи этихъ весьма немногихъ и крайне исключительныхъ способностей очень рѣдкихъ лицъ говорить объ обязательныхъ и непремѣнныхъ астральныхъ и ментальныхъ сферахъ для всего человѣчества. При этомъ надо помнить, что дѣйствіе этихъ способностей мы можемъ наблюдать только въ физическомъ мірѣ и при извѣстныхъ физическихъ условіяхъ, а то, что представляютъ онѣ изъ себя внѣ физической жизни и какъ развиваются,—это совершенно непостижимо и представляетъ область самыхъ субъективныхъ и туманныхъ гаданій. Нельзя слѣдовательно говорить и о томъ, что такое внѣ физическаго тѣла и міра эти астральныя и ментальныя тѣла и ихъ сферы.

Названныя способности сами по себѣ представляютъ любопытный и въ высокой степени интересный фактъ психо-физиологической науки. И однакожь больше того, что даютъ онѣ для нашихъ психо-физиологическихъ наблюденій, а даютъ онѣ всетаки весьма немногое, изъ нихъ нельзя сдѣлать какихъ-нибудь обязательныхъ выводовъ о потусторонней и сверхъ-физиологической жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ сказать онѣ для созданія теории различной продолжительности астральной и ментальной сферъ, объ интенсивности переживанія послѣ физиологической смерти дурныхъ мыслей и желаній въ астральной сферѣ, о перестроеніи въ тотъ или другой промежутокъ этой послѣдней сферы въ ментальную, съ ея невыразимо-радостнымъ соприкосновеніемъ къ сферамъ Божественнаго Разума, о непремѣнномъ формированіи въ ментальной сферѣ тѣла причинности „Вѣчнаго Человѣка“?. рѣшительно ничего. А вѣдь онѣ единственный источникъ возможности проникновенія нѣкоторыхъ, очень исключительныхъ людей въ сферы потусторонняго міра. И этотъ источникъ еще далеко не объяснимъ, даже при

существованіи недавно открытой глубоко интересной теории обширной области подсознательнаго состоянія въ насъ, къ которому съ нѣкоторою вѣроятностью и можно отнести проявленіе выше названныхъ исключительныхъ способностей людей. Почему именно у нѣкоторыхъ людей и въ нѣкоторые случайные моменты раскрываются способности врываться въ эту подсознательную область, называемую въ наукѣ сублиминальнымъ сознаниемъ (I. Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. М. 1910 г. 220 ст.), опять таки остается необъясненнымъ.

И казалось бы людямъ, больше всего занятымъ изученіемъ и опредѣленіемъ тонкостей астральныхъ и ментальныхъ тѣлъ и ихъ сферъ, естественнѣе всего было и открыть эту замѣчательную область подсознательной жизни. Но витая своей необыкновенно гибкой фантазіей въ астральныхъ и ментальныхъ мірахъ, создавая причудливыя и красочныя мысле-образы и наполняя ими и физическую жизнь человѣка и потустороннюю, они просмотрѣли то, что имъ больше всего и существеннѣе всего надо знать и чувствовать. Въ этомъ были бы ихъ неоспоримыя заслуги и достоинство. Ясно, однако, что научными методами и изысканіями въ своемъ ученіи теософія не занимается, исключая только случайныхъ и внѣшнихъ аналогій, дающихъ имъ лицемѣрную возможность пристягнуть къ своему вселенскому синтезу тѣ или другія научныя системы.

Теософія, конечно, не приминула воспользоваться работами Джемса, чтобы отъ богатства подсознательнаго міра сдѣлать заключеніе къ возможности своего астральнаго и ментальнаго вѣдѣнія. „Если, говоритъ М. В. Лодыженскій, окружающій насъ физическій міръ богатъ своими проявленіями добра и зла, то не менѣе можетъ быть разнообразень въ этомъ отношеніи и другой міръ—міръ соприкасающійся съ физическимъ, намъ еще неизвѣстный“. (Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. 124 стр. ср. 255).

Однако самъ великій ученый и глубочайшій знатокъ религіознаго опыта весьма многихъ религіи воздержался отъ того, чтобы религіозныя и нравственныя совершенства людей измѣрять астральными и ментальными оболочками и сосредоточивать эти совершенства въ тѣлѣ причинности, хотя не можетъ быть никакого сомнѣнія, что онъ былъ знакомъ съ теософическимъ ученіемъ, сплошь пропитаннымъ индуизмомъ, о которомъ онъ часто говоритъ въ своемъ „Многообразіи Религіознаго Опыта“ и въ которомъ онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о теософическихъ потустороннихъ мірахъ. И надо сказать, что обосновывать на работахъ Джемса теорію объ астральномъ и ментальномъ въ теософіи, значить прибѣгать къ научной недобросовѣстности. Почтенный ученый былъ весьма остороженъ и, какъ бы далеко ни заходилъ въ своихъ выводахъ о сублиминальной душевной жизни, тѣмъ не менѣе всегда въ нихъ оговаривался. „Однако, говорилъ онъ, научная совѣсть побуждаетъ меня признаться, что существуютъ такія внезапныя измѣненія сознанія, для которыхъ чрезвычайно трудно найти соотвѣтствующій имъ процессъ подсознательнаго созрѣванія. Таковы нѣкоторые изъ приведенныхъ въ лекціи III случаи, иллюстрирующіе чувство „присутствія невидимаго“ (223—4). Этой осторожности, этому искреннему и глубоко добросовѣстному признанію великаго ученаго всей трудности *внезапнымъ измѣненіямъ сознанія „найти соотвѣтствующій процессъ подсознательнаго созрѣванія“*—надо учиться теософамъ, прежде чѣмъ излагать обширныя и туманныя сочиненія объ астральной и ментальной сферахъ.

Этому мудрому методу І. Джемса при изслѣдованіи разнообразныхъ религіозныхъ переживаній слѣдуетъ учиться теософіи и въ вопросѣ о перевоплощеніи, тѣсно связанномъ съ вопросомъ о составѣ человѣка, и главнымъ образомъ способствующемъ возвращенію человѣка на уровень Божественности. Эго ученіе теософіи особенно много грѣшитъ произвольностью, внѣшними натяжками и авало-

гіями. Но остановимся на немъ болѣе подробнымъ образомъ.

Сущность этого теософическаго ученія заключается въ томъ, что не смотря на развитіе человѣка въ физическомъ мірѣ и на его совершенствованія въ астральномъ и ментальномъ мірахъ, этого одного цикла духовнаго формировація его весьма недостаточно для уравненія его съ божествомъ, и Мыслитель,—человѣкъ въ тѣлѣ причинности,—долженъ снова и снова возвращаться на землю много-много разъ, съ опытами прежнихъ воплощеній, но и съ возможностью возвращенія къ порокамъ и страстямъ предыдущихъ существованій, хотя и въ болѣе ослабленномъ видѣ. Это возвращеніе будетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока совершенно не уничтожится возможность возвращенія къ порокамъ и страстямъ, „и совершенная справедливость проявится на всѣхъ степеняхъ видимаго и невидимаго бытія“ (Ледбитеръ, 103).

Теософія учитъ, „что наша настоящая жизнь не первая, что каждый изъ насъ имѣетъ позади себя длинный рядъ существованій и что только благодаря опыту этого прошлаго, мы могли подняться съ уровня первобытнаго человѣка на нашу современную ступень. Навѣрное въ теченіе этихъ прошлыхъ жизней мы поступали то дурно, то хорошо, и, благодаря закону непреложной справедливости, каждый изъ нашихъ поступковъ вызывалъ за собою опредѣленное количество и добра, и зла“ (Ледбитеръ, 57—58). Прошлая наша жизнь составляетъ огромную эволюцію позади. Настоящая и будущая наши жизни въ настоящемъ и будущихъ перевоплощеніяхъ составляютъ свѣтлую эволюцію впереди.

„При свѣтѣ ученія о перевоплощеніи, человѣкъ является достойнымъ, безсмертнымъ существомъ, развивающимся ради божественно великой цѣли... Освѣщаемый этимъ свѣтомъ, онъ можетъ смотрѣть впередъ безъ страха, на какой бы низкой ступени эволюціи онъ ни стоялъ сегодня, ибо онъ все же поднимается къ божественности, и дости-

женіе высшей ступени есть лишь вопросъ времени“... (Древняя Мудрость, 171).

Не будемъ говорить о томъ, что ученіе о перевоплощеніи заимствованіе изъ индійскихъ религій. Но теософія, по странной своей претензіи понимать религіи лучше ихъ представителей, приписываетъ это ученіе о перевоплощеніи всѣмъ религіямъ, даже магометанству. Она не стѣсняется находить слѣды его въ Евангеліи и приписать его христіанству (Вопросы теософіи. Необходимость перевоплощенія, А. Безантъ. Пер. Alba. 81—82), говоря, что если оно и было осуждено въ срединѣ VI вѣка соборомъ, то не цѣликомъ, но лишь въ той только будто бы формѣ, какъ его проповѣдывалъ Оригенъ (Ibid. 81). Впрочемъ, отлично сознавая, что христіанская религія не признаетъ перевоплощенія, теософія лицемѣрно заявляетъ, что эта религія „считаетъ вопросъ о перевоплощеніяхъ крайне второстепеннымъ“ (Кто мы. Я. Ардона. Книжка первая: пробуждающимся. СПб. 1912 г. 33 стр.).

Такой грандіозный произволь, такая крайне тенденціозная интерпретація христіанскаго вѣроученія по вопросу о перевоплощеніяхъ—ясно свидѣтельствуяютъ, что теософическое ученіе о перевоплощеніяхъ плохо скроено. Но оно не только плохо скроено, оно и плохо сшито, и едва ли гармонируетъ со всѣмъ содержаніемъ ученія теософіи о человѣкѣ.

Въ дѣйствительности, зачѣмъ нужны эти безконечныя перевоплощенія, когда, по ученію теософіи, и одинъ циклъ развитія и совершенствованія человѣка чрезъ астральныя и ментальныя сферы приводитъ человѣка къ слянію съ Божественнымъ Разумомъ. Если человѣкъ въ физическомъ тѣлѣ слишкомъ былъ неразвитымъ, дурнымъ и злымъ, то вся эта ограниченность и зло выгораютъ въ астральномъ мірѣ, гдѣ онъ за все это страдаетъ и терпитъ долгое время, не говоря уже о томъ, что страдаетъ и терпитъ за это и въ физическомъ мірѣ. Изъ міра астральнаго онъ переходитъ въ чистый и свѣтлый міръ ментальный, въ

область непосредственнаго прикосновенія съ божествомъ. Кажется, тутъ уже ничто не можетъ ему препятствовать соединенію съ божествомъ, путь къ которому для него былъ такъ великъ, многотруденъ, исполненъ скорбей и страданій. Ему больше не зачѣмъ возвращаться на землю, онъ все выстрадалъ и все искупилъ, въ чемъ былъ повиненъ. А если его снова и снова возвращаютъ на землю, съ возможностью этихъ скорбей и страданій, хотя и ослабленныхъ, съ утопическою надеждою появленія его на землѣ совершеннымъ и свѣтлымъ въ многомилліонный разъ, то едва ли въ этомъ можетъ выражаться „совершенная справедливость“; скорбе—бездушный и желѣзный механизмъ безконечнаго матеріальнаго движенія. Но главное,—къ чему при этихъ безконечныхъ перевоплощеніяхъ все очистительное значеніе астральныхъ и ментальныхъ сферъ? Мы не говоримъ уже о другихъ болѣе высшихъ сферахъ, о которыхъ теософія также учитъ. Зачѣмъ тогда и учитъ человѣка въ физической жизни различнымъ „путямъ къ посвященію“, „путямъ ученичества“, если только путемъ безконечныхъ перевоплощеній человѣкъ рано или поздно становится на уровень божественности? Зачѣмъ обманывать человѣка свѣтлой эволюціей впереди, когда впереди столько горя и страданій? Кажется, у теософій было бы больше справедливости, хотя далеко и не совершенной, если бы при всѣхъ этихъ перевоплощеніяхъ она отказалась отъ астральныхъ и ментальныхъ сферъ, или бы при этихъ сферахъ она отказалась бы отъ этихъ обидныхъ и скучныхъ перевоплощеній. При этомъ было бы меньше и противорѣчій и вопрошающихъ недоумѣній при согласованіи этой теософской „справедливости“ съ ученіемъ объ астральномъ и ментальномъ или съ ученіемъ о перевоплощеніяхъ.

Теософы сами сознаются, что „ни на одно изъ ихъ ученій не было такъ много рѣзкихъ нападеній, какъ на теорію о перевоплощеніи, хотя именно это ученіе и приносятъ людямъ такъ много утѣшенія“ (Ледбитеръ, 59). Не

удивительно, что нѣкоторые изъ нихъ или сочувствующіе имъ принуждены считать эту теорію вопросомъ второстепенной важности (Кто мы. Я. Ардона. 32).

Говорятъ, что именно это ученіе приноситъ людямъ много утѣшенія. Какого? Ужели того, что людямъ придется страдать въ безконечныхъ перевоплощеніяхъ? Странное утѣшеніе. Обѣщанія въ концѣ концовъ счастливаго и лучшаго въ одномъ изъ послѣ-безконечныхъ перевоплощеній? Когда страданія притупятся и не будутъ чувствоваться? Запоздалое и ненужное утѣшеніе!.. При томъ, чѣмъ его обезпечить, если нравственныя силы человѣка ослабѣютъ въ томительномъ ожиданіи, если тоска и отчаяніе обрекутъ его на новый и болѣе тяжелый кругъ безконечно-страдательныхъ перевоплощеній!?. Развѣ этого не можетъ случиться, если человѣкъ способенъ дѣлать ограниченіе своему совершенствованію (Ледбитеръ, 58).

И если отъ самого человѣка зависитъ степень совершенствованія въ перевоплощеніяхъ, то какъ это ученіе способно, по мнѣнію теософін, примирить любовь и могущество Божіе съ разрывающими сердце мученіями и страданіями земного міра? При чемъ тутъ Богъ, если эти мученія и страданія создаются людьми и если въ борьбѣ съ ними мы должны надѣяться на самихъ себя и не прибѣгать къ помощи Божіей (Ледбитеръ, 57—58 ср. К. Д. Кудрявцевъ, 42)?

„Все, говорятъ, въ мірѣ подвигается подъ защитой божественнаго порядка къ конечной благой цѣли“ (Ледбитеръ, 59), и теософическое ученіе о перевоплощеніяхъ „даетъ вамъ непоколебимое убѣжденіе, что Богъ одновременно и всемогущъ и полонъ любви“ (Ibid, 57), и при существующихъ мученіяхъ и страданіяхъ намъ не будетъ казаться, что Богъ не всемогущъ, не можетъ помѣшать страданіямъ, что Онъ не любитъ насъ и Ему нѣтъ дѣла до насъ.

Однако, если мы переживаемъ страданія и мученія въ милліонахъ воплощеній, какъ же не будетъ намъ казаться,

что Богъ насъ не любитъ, что Онъ оставилъ насъ, что Ему не только нѣтъ до насъ дѣла, но что Онъ наказываетъ насъ казнью Прометея. И если подь защитой Его совершается это безконечное теченіе воплощеній, то сколько воли и терпѣнія нужно, чтобы удержаться на высотѣ любви и отношеній къ Нему. Но Онъ, по словамъ Блаватской, — „Безмолвіе“ и никогда не откликнется на скорби благочестивыхъ душъ. Въ самихъ себѣ мы должны искать освобожденія (К. Д. Кудрявцевъ, 42). И тогда еще тяжелѣе. Эти безконечныя воплощенія—тяжелый и безысходный кошмаръ.

Итакъ, въ этой теоріи перевоплощеній, столько неустрашимыхъ противорѣчій, столько неразрѣшимыхъ недоумѣній и вопросовъ, самыхъ острыхъ и самыхъ больныхъ, что отъ нея благодѣтельности не остается и слѣда.

Отсюда глубокимъ утѣшеніемъ является не то, что перевоплощенія существуютъ, а то, что ихъ въ дѣйствительности совсѣмъ нѣтъ ¹⁾. По крайней мѣрѣ въ человѣческой душѣ не остается слѣда отъ предшествующихъ перевоплощеній. Въ памяти человѣческой не сохраняется воспоминаній объ опытахъ прошлаго, хранителемъ которыхъ, по утверженію теософій, служитъ тѣло причинности. Никто не знаетъ, что это за тѣло причинности и что именно въ немъ сохраняется. Если теософы говорятъ о нѣкоторыхъ, весьма-немногихъ лицахъ, сохраняющихъ „память прошлаго“ (Ледбитеръ, 60), то подь ними нужно разумѣть или однихъ теософовъ, или индійцевъ, принимающихъ теорію перевоплощеній. Но такой авторитетъ не можетъ служить доказательствомъ, такъ какъ является пристрастнымъ и тенденціознымъ. Доказывать же память прошлаго тѣмъ, что у большинства людей нашего времени сознаніе сосредоточено въ низшихъ проводникахъ, отъ которыхъ нельзя требовать воспоминанія о предыдущихъ пе-

¹⁾ „Въ настоящее время, говоритъ У. Джемсъ, мнѣ кажется, не хватаетъ конкретныхъ данныхъ, позволяющихъ установить „возвращеніе духовъ“ (Многообразіе Религіознаго опыта. 516 стр.)

ревоплощеніяхъ (Ibidem), значить допускать *restitutio principii*, такъ какъ существованіе высшихъ проводниковъ, въ которыхъ яко бы хранится память прошлаго, подвержено глубокому сомнѣнію, и о нихъ мы знаемъ только отъ тѣхъ же теософовъ, которые изображаютъ ихъ въ самыхъ фантастическихъ краскахъ.

Память прошлаго, говоритъ теософія, ребенокъ приноситъ съ собою при рожденіи, и, когда онъ разовьется, чтобы сосредоточить свое сознаніе въ духовномъ тѣлѣ, тогда вся исторія его истинно-обширной жизни раскроется предъ нимъ, какъ многочисленные листья единой книги (Ibid. 60—61). Но вѣдь это и значить, когда онъ сдѣлается теософомъ, тогда онъ и расскажетъ, что было въ его воплощеніяхъ или что осталось отъ нихъ. Еще не одинъ ученый, не заинтересованный въ теоріи воплощеній, не рассказалъ о томъ, что съ нимъ было, хотя бы въ одномъ изъ предшествующихъ воплощеній. Да и сами теософы, говоря о перевоплощеніяхъ, отдѣлываются общими фразами или ссылками на туманное и совсѣмъ неясное тѣло причинности, но о болѣе конкретныхъ представленіяхъ опытовъ прежняго и прошлаго совсѣмъ не говорятъ. Въ дѣйствительности о прошломъ они могутъ сказать только то, что было и есть въ переживаемой физической жизни. Самое большое, что они могутъ сказать по поводу того, что приносить съ собою при рожденіи ребенокъ—это наследственность рода. Но и эта послѣдняя ничего не говоритъ въ пользу теоріи перевоплощеній. Она коротка, подвержена различнымъ условностямъ и ограниченіямъ и нерѣдко, послѣ своего высокаго выраженія, оканчивается полнѣйшимъ вырожденіемъ и идиотизмомъ, гдѣ уже ни о какой памяти прошлаго не можетъ быть и рѣчи. Само собою понятно, что вырожденіе противорѣчитъ возрастающей силѣ совершенствующаго значенія перевоплощеній.

И напрасно теософія думаетъ, что „если отбросить перевоплощеніе, не останется разумной причины вѣрить въ прогрессъ будущаго“ (Древняя Мудрость, 171). Но куль-

турное человѣчество никогда и не вѣрило въ перевоплощеніе, и тѣмъ не менѣе оно преспокойно трудилось надъ прогрессомъ и всею силою своей мысли вѣрить въ его возрастающую силу и значеніе. Принимая отъ поколѣнія въ поколѣніе культурное наслѣдство и духовно-правственный опытъ вѣковъ, особенно со временъ христіанства, человѣчество постепенно и увѣренными шагами совершаетъ свою эволюцію, не нуждаясь въ безконечныхъ перевоплощеніяхъ.

Мы не окончили бы обзора главныхъ основоположеній теософіи, если бы не коснулись ученія о законѣ, управляющемъ воплощеніями и перевоплощеніями людей, называемомъ „кармой“.

„Карма—законъ причинъ и послѣдствій, нерушимая и непрерывно связанная цѣпь причинъ и послѣдствій, изъ которыхъ состоитъ всякая человѣческая дѣятельность“ (Древняя Мудрость, 171—2), законъ божественной справедливости, „возвращающій каждому человѣку результаты всѣхъ его дѣйствій“, подъ защитой котораго все въ мірѣ подвигается къ конечной благой цѣли (Ледбитеръ, 91 и 59).

На основаніи этого неизмѣннаго закона человѣкъ, совершающій дурной поступокъ и тѣмъ нарушающій правильное теченіе великаго эволюціоннаго потока своихъ перевоплощеній, испытываетъ послѣдствія сдѣланнаго нарушенія: могучій потокъ неизбѣжно возстановитъ свое теченіе на счетъ пытавшагося нарушить его. (Ibid. 101).

Такимъ образомъ, въ силу этого то закона, наблюдающаго за проявленіемъ „совершенной справедливости на всѣхъ ступеняхъ видимаго и невидимаго бытія“, положеніе человѣка, совершившаго тѣ или инья дурныя поступки и злодѣянія, чѣмъ бы они ни мотивировались, становится чрезвычайно тяжелымъ и невыносимымъ. Онъ обрекается на безконечное и скрупулезное очищеніе своей жизни милліонами цикловъ страданій и въ физическомъ и астральномъ тѣлахъ. Здѣсь случайностей не признается, такъ какъ все происходящее связано съ предыдущей причиной

или съ послѣдующимъ результатомъ; всѣ мысли и поступки—въ причинной связи съ прошлымъ и они необходимо повліяють на будущее. (Древняя Мудрость, 172). Здѣсь нѣтъ условностей и нечаянностей дѣйствія. Здѣсь нѣтъ вниманія, снисхожденія, милости, мягкости и сердечности судіи и его приговора. Здѣсь какъ будто нѣтъ и рѣчи о справедливости или несправедливости. Здѣсь страшное и глухое равнодушіе. Здѣсь однообразные и убійственные, беззвучные, безпомощные токи цѣпляющихся другъ за друга причинъ и послѣдствій. Это, воистину, какой-то ужасный и механическій законъ, убивающій живую человѣческую исторію.

Удивительно, почему теософія называетъ его закономъ именно божественной справедливости, когда въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ божественной любви, благодати и милосердія. Въ силу свойствъ своей бездушности онъ сплошное матеріально-энергетическое протяженіе. Безотрадно и жалко положеніе людей, ввѣряющихъ ему свои живыя чувства, свои идейныя убѣжденія, свои свѣтлые принципы и упованія!... Нѣтъ, законъ кармы, естественный и опредѣленный въ смыслѣ относительнаго и условнаго дѣйствія въ физическомъ и духовномъ мірѣ, внѣ предѣловъ божественной любви, и живой, а не академической справедливости и въ качествѣ самодовлѣющаго абсолютнаго принципа,—не можетъ служить живой и совершенной нормой человѣческаго развитія, гуманитарнымъ залогомъ прогресса и культуры.

Такимъ образомъ, и въ этомъ послѣднемъ пунктѣ своихъ основоположеній теософія уязвима и вызываетъ цѣлый рядъ грустныхъ недоумѣній. Въ общемъ же обзорѣ этихъ основоположеній какъ то невольно и само собой создается отрицательное отношеніе ко всей ея доктринѣ и глубокое недовѣріе ко всѣмъ ея претенціознымъ идеямъ.

Но въ особенности неприемлема теософія для христіанина, какъ бы она ни стремилась согласовать свою док-

трину съ христіанствомъ и какъ бы ни казались иногда ея намѣренія чистыми и возвышенными.

Христіанство непримиримо съ теософіей и не можетъ въ угоду ея фантастическихъ претензій смотрѣть на свои животворныя и глубочайшія истины, какъ на относительныя и условныя цѣнности. Оно не можетъ поставить теософію рядомъ съ собой, не можетъ оказать ей никакого преимущества. Иначе это было бы измѣной для него самому себѣ, отказомъ отъ всей своей исторіи, создавшей міровую культуру и заложившей въ міровую жизнь глубочайшія и вѣковѣчныя основы.

Нѣтъ, полнота, вселенскость и животворность въ Единомъ нашемъ Спасителѣ Иисусѣ Христѣ, живущемъ въ единой, святой, соборной и апостольской церкви и чрезъ нее только поддерживающемъ особое таинственное, благодатное общеніе съ Собой. Во Христѣ Спасителѣ весь смыслъ, весь духъ, вся сущность міровой жизни; ея все дыханіе, движеніе и направленіе, ея все содержаніе, начало, середина и конецъ.

Теософія не знаетъ Христа Спасителя и Богочеловѣка и не поклоняется Ему. Она чужда и не знаетъ животворнаго и благодатнаго общенія съ Нимъ. Она не признаетъ внутренней интимной, никогда не прерывающейся животворной связи съ Нимъ. Она не чувствуетъ святыхъ и вдохновенныхъ переживаній въ Немъ и съ Нимъ,—не чувствуетъ и не способна къ нимъ. Въ ней нѣтъ Христа Богочеловѣка и Искупителя, нѣтъ животворной жизни Его, и отъ этого она является мертвой гносеологической доктриной, не способной обновить и оживить челоуѣчество, дать ему силы и высшее разумѣніе истины, отраду и утѣшеніе жизни.

Нѣтъ истины выше и больше Христа Спасителя—Богочеловѣка! Нѣтъ религии выше христіанства! Нѣтъ теософіи выше вселенскаго православно христіанскаго ученія и разумѣнія!

МОЛИТВЕННОЕ ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО

Святителя Димитрія Ростовскаго за отечество наше
въ 1812 году.

Въ лѣтописяхъ Ростовскаго Спасо-Іаковлевскаго мона-
стыря приводится слѣдующій чрезвычайно любопыт-
ный случай изъ эпохи 1812 года.

Предъ гробницею святителя Димитрія, митрополита Ро-
стовскаго, стоялъ тогда (на послушаніи „гробоваго іеро-
монаха“) извѣстный своимъ выдающимся благочестіемъ
и подвижничествомъ старецъ іеромонахъ Амфилохій ¹⁾»
келью котораго, между прочимъ, посѣтилъ однажды даже
императоръ Александръ I, проведя въ бесѣдѣ съ нимъ
около часа.

Когда пришло въ Ростовъ потрясающее извѣстіе о за-
нятій Москвы Наполеономъ, благочестивый старецъ дол-
гое время умолялъ святителя Христова объ избавленіи
Россіи отъ лютыхъ враговъ и о томъ, чтобы Наполеонъ
не дошелъ до Ростова.

Усердная молитва благочестиваго старца была услышана
Въ одно время, когда при гробницѣ угодника Божія ни-
кого изъ постороннихъ не было, молившійся у гроба свя-
тителя старецъ Амфилохій вдругъ видитъ, что святитель
Димитрій нѣсколько привсталъ изъ гробницы и сказалъ
старцу слѣдующія знаменательныя и утѣшительныя слова:
„МОЛИТВА ТВОЯ УСЛЫШАНА, И ФРАНЦУЗЫ НЕ ДОЙ-

¹⁾ Сконч. 26 Мая 1824 года, 76 лѣтъ отъ роду, изъ коихъ 47 лѣтъ
былъ при гробѣ Святителя Димитрія.

ДУТЬ ДО РОСТОВА. ВОЗДАЙ БЛАГОДАРЕНІЕ ГОСПОДУ БОГУ И ПРЕЧИСТОЙ ЕГО МАТЕРИ, ПРЕСВЯТОЙ ДѢВѢ МАРІИ“. Сказавъ сіи слова, угодникъ Божій спокойно возлегъ на мѣсто своего упокоенія. Между тѣмъ, благочестивый іеромонахъ, воздавъ благодареніе Богу, Пресвятой Дѣвѣ Маріи и святителю Димитрію за оказанную милость усердною молитвою, пришелъ къ настоятелю монастыря и подробно разсказалъ все о бывшемъ ему дивномъ видѣніи.

Настоятель немедленно отправился въ храмъ, къ Угоднику Божію, и, вознеся ему свою молитву, приблизился къ святымъ мощамъ его, чтобы приложиться къ нимъ. Отходя отъ гробницы и осматривая пелены, которыми были покрыты святые мощи Угодника Божія, онъ усмотрѣлъ, что онѣ нѣсколько смяты и возложены не такъ, какъ прежде. Оправивъ ихъ и зная, что никто изъ людей не могъ и не смѣлъ прикасаться къ нимъ, хотя бы съ цѣлю приведенія ихъ въ другой порядокъ, настоятель монастыря и явившійся вслѣдъ за нимъ ризничій увѣровали во все то, что разсказалъ благочестивый старецъ о. Амфилохій о бывшемъ ему откровеніи святителя Димитрія.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого обстоятельства, по всей Россіи и въ Ростовѣ стало извѣстно, что французы оставили Москву и были преслѣдованы русскими войсками до границы земли русской и далѣе, за границу.

Но прежде этого, они дѣйствительно пытались продвигаться отдѣльными своими отрядами на сѣверъ по Ярославскому тракту и уже были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сергіевой Лавры. Какъ вдругъ невидимая сила поворотила ихъ и повлекла обратно къ Москвѣ.

Теперь очевидно, что эту непреодолимую силу противопоставили страшнымъ врагамъ Россіи два могучихъ духовныхъ богатыря нашей родины—РАДОНЕЖСКІЙ и РОСТОВСКІЙ Чудотворцы, не только остановивъ ихъ пагуб-

ное нашествіе къ Волгѣ, этой житницѣ Россіи, но и погнавъ ихъ за предѣлы Россіи.

Тотъ же старецъ іеромонахъ Амфилохій удостоился видѣть и другое дивное видѣніе—*еще до вступленія непріятеля въ Москву*. Видѣніе это онъ, будучи самъ искуснымъ живописцемъ, запечатлѣлъ въ особой написанной имъ картинѣ, находящейся въ ризницѣ монастыря. Картина изображаетъ Кремль Москвы, объятый страшнымъ пламенемъ. Надъ этимъ пламенемъ съ безпредѣльною скорбію на лицѣ стоитъ Пречистая Дѣва, Матерь Божія, устремивъ молитвенно-сокрушенный взоръ Свой къ небу и какъ бы сгарая Сама въ свирѣпыхъ порывахъ огня. Видъ Пречистой, впрочемъ, и побѣдоносно-торжественный: чувствуется — *совершилось* искупительное жертвоприношеніе, за непроницаемыми столбами всепожирющаго огня таятся возрожденіе новой жизни, съ искупленіемъ и очищеніемъ всѣхъ былыхъ ошибокъ старой; чувствуется новая могучая Россія, неуязвимая для видимыхъ враговъ, избранная дочь Божія благоволенія и силы, руководимая и покрываемая отъ разрушенія и гибели Пресвятой Матерью и Владычицею многострадальнаго Русскаго народа...

Е. I.

„Духъ Митрополита Платона“ *).

Расположенный къ набожности съ младенчества, Платонъ, по его словамъ „любилъ зѣло обряды церковные“ видя въ нихъ могучее средство для возбужденія вѣры, укрѣпленія ея въ печаляхъ и искушеніяхъ; „не было для него пріятнѣйшаго упражненія, какъ быть въ храмѣ и воспѣвать величіе Божіе“. Въ исполненіи установленныхъ обрядовъ онъ видѣлъ „засвидѣтельствованіе нашего передъ Богомъ покоренія и выраженія нашей къ Нему благодарности“. Къ наружнымъ знакамъ Богопочтенія онъ относилъ „веселость лица — знакъ внѣшній внутренняго къ Богу усердія отъ сердца радостнаго, чувствующаго благодѣянія Божія“. Признавая за наружнымъ Богопочтеніемъ значеніе средства для возбужденія вѣры, способа для возбужденія внутреннихъ сердечныхъ чувствъ, объединяющихъ людей въ единой вѣрѣ, Платонъ относилъ къ разряду суевѣрій грубыхъ, противныхъ „силѣ“, т. е. существу вѣры христіанской, то языческое пониманіе вѣры, которое связываетъ вѣру съ „наружностями“, ничего общаго съ нею неимѣющими. Несвойственный христіанству взглядъ нашихъ суевѣровъ, считавшихъ ту или другую форму одежды или ношенія волосъ за служеніе вѣры, за признакъ преданности и вѣрности церковному благочестію, съ особенною силою обличались Платономъ. „Кто можетъ сказать, что ношеніе платья и стриженіе волосъ надлежитъ до вѣры? То надлежитъ до вѣры, безъ чего вѣры нельзя быть, безъ чего нельзя имѣть усердія къ Богу,

* Окончаніе. См. № 11-й „Д. Чт.“.

смиренія и любви къ ближнему. Но какое бы платье ни носить, какъ бы волосы ни стричь, можно имѣть усердіе къ Богу, никого не обижать и свою должность исправлять безпорочно. *Благочестіе къ платью не пришито и внутренняя души добродѣтель на волосахъ не виситъ.* Не есть причиною худыхъ дѣлъ платье и борода: да такъ же нельзя сказать, чтобы и платье и борода были причиною добрыхъ дѣлъ. А еще безразсуднѣ думать и много сомнѣваться, что платье и борода надлежитъ до вѣры: ибо вѣра истинная состоитъ въ непорочной совѣсти, которую никакая наружность перемѣнить не можетъ. Человѣкъ какое бы платье ни носилъ и какъ бы волосы ни стригъ, да ежели будетъ имѣть вѣру правую и дѣла добрая неукоснительно спасется“¹⁾.

Въ обычной жизни и обхожденіи съ людьми Платонъ проявлялъ тѣ качества, которыя были природными свойствами его характера. Свобода въ движеніяхъ, соединенная съ приличіемъ, непринужденность въ походкѣ, свободная, откровенная рѣчь, растворенная остроуміемъ, съ улыбкою и иногда смѣхомъ, являли митрополита Платона какимъ онъ былъ всегда. Люди скрытные, дипломаты и обычные въ жизни лицемѣры, видомъ внѣшняго благочестія и любви неискренней прикрывавшіе свои честолюбивые личные виды, не понимали Платона, не только не чувствовали къ нему симпатіи, но склоннѣе были его осуждать. Такихъ находилъ Платонъ среди тѣхъ „кои имъ въ должности произведены, имъ были любимы,

¹⁾ Высказывая эти мысли противъ вашихъ „обрядовѣровъ“, которые обычай жизни, измѣняемые потребностями людей и времени, отождествляя съ неизмѣнною и вѣчною вѣрою, митр. Платонъ писалъ: „Благодать Божія, соединенная съ непорочною совѣстію, спасаетъ насъ, а не привязанность къ внѣшнимъ обычаямъ, *которыя по временамъ перемѣняются.* Вѣра истинная состоитъ въ непорочной совѣсти, которую никакая наружность перемѣнить не можетъ. Ежели кто въ семъ только поставляетъ свою вѣру, да по сему поступаетъ, тотъ и Богу угодеаъ и [между людьми истинный (христіанинъ) философъ“. Разсочин. м. Платона—Т. VI

коимъ онъ благодѣтельствовалъ и съ коими онъ иначе обходился, какъ съ своими друзьями“. Но люди съ чуткимъ нравственнымъ чувствомъ, способные къ постиженію духа Платона, видѣли въ немъ мужа богопросвѣщеннаго, искренняго и глубокаго ревнителя вѣры Христовой, горѣвшаго духомъ благодатной вѣры. Всею душею усвоивъ вѣру, какъ всегда присущее человѣку *сознаніе или ощущеніе особенной близости къ намъ Бога*, Платонъ всегда стремился ходить передъ Богомъ въ Его святомъ законѣ—законѣ любви и правды. Въ своей автобіографіи, отмѣчая особенности своего личнаго характера, (индивидуальнаго) Платонъ говоритъ, что „для него несноснѣе были тѣ, въ коихъ онъ примѣчалъ, что они сами собою надменны“. Но, чувствуя крайнее нерасположеніе къ такимъ людямъ и обходясь съ ними „холодно—презрительно“, онъ не простиралъ далеко своего нерасположенія къ нимъ и старался относиться къ нимъ съ христіанскою снисходительностью. Современникъ Платона, протоіерей Московскаго Архангельскаго собора, Петръ Алексѣевъ, человѣкъ весьма умный и ревновавшій о возвышеніи нравственнаго значенія блага духовенства, но въ высшей степени честолюбивый, часто причинялъ досаду митрополиту своимъ чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Какъ Платонъ относился къ стремленіямъ Алексѣева „унизить гордость митрополита“, характеризуетъ слѣдующій случай. Въ январѣ 1789 г. Алексѣевъ, именуя себя протопресвитеромъ, подалъ прошеніе къ митрополиту, въ которомъ объяснялъ, что „посылаемыми указами Московской Консисторіи приписано ему названіе протопопъ, которое сложное рѣченіе по предшествующей своей частицѣ *прото*—съ греческаго значитъ первый, а вторая часть *попъ* ему невразумительна. Ибо при производствѣ его въ Московскій Архангельскій соборъ настоятелемъ, священнодѣйствующій архіерей именовалъ его протопресвитеромъ; да и всѣ чины церковныя, начавъ отъ епископа до діакона, тѣми именами называются въ православной церкви, ка-

кими они произведены, напр. никто архіерея не осмѣлится назвать *архипопъ*, понеже *попъ* есть *реченіе варварское* въ грубья времена вошедшее, ничего приличнаго къ христіанскому пресвитерству въ себѣ не заключающее“. Митрополитъ Платонъ весьма чувствительно бывъ затронуть тѣмъ, что подчиненный даетъ власти церковной наставленіе не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ варварскаго реченія, призналъ прошеніе Алексѣева „дерзновеннымъ“, но далъ такой отвѣтъ: „это старинное обыкновение, однако я прикажу о томъ консисторіи“.

Христіанскою любовью митрополитъ Платонъ старался побѣждать въ себѣ естественное чувство нерасположенія къ тѣмъ, которые причиняли ему непріятности и, не помня зла, часто забывалъ объ обидахъ и огорченіяхъ. Товарищъ митрополита Платона по ученію, еп. Переяславскій Теофилактъ Горскій, относился къ своему прежнему сотоварищу недружелюбно, считая его своимъ врагомъ. Платонъ, зная это, относился къ Теофилакту съ полнымъ великодушіемъ. Когда Теофилакту по болѣзни пришлось жить въ Москвѣ, Платонъ помѣстилъ его въ Петровскомъ монастырѣ и нерѣдко самъ его навѣщалъ. Незадолго до своей кончины, Платонъ, описывая свой душевный характеръ, свидѣтельствовалъ, что онъ до конца своей жизни сохранилъ въ своей душѣ чувство непріязни ко всякаго рода лжи, въ особенности лжи и суевѣрія въ области вѣры. Въ вѣрѣ чистой, чуждой примѣси суевѣрій и суемудрыхъ мнѣній человѣческихъ, онъ полагалъ *зalogъ* свой, который Господь сохранить на день, когда откроются дѣла и помышленія людей (2, Тим. 1, 12). Сокровенное своей души, внутреннюю свою набожность Платонъ, „сколько возможно, скрывалъ, дабы она извѣстна была единому Богу“. Любовь, не мыслящая зла, чувство правды, не терпящее лжи и суевѣрія лежали въ основѣ духовныхъ стремленій митрополита Платона, приобрѣли ему уваженіе общее, даже и его враговъ, которые, не одобряя его дѣйствій, побѣждались свѣтомъ его души—добродушной и

правдивой! „Вся жизнь Платона, пишетъ его біографъ, во всѣхъ направленіяхъ проникнута была глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды и любви, не напрасно же именовали его *свѣтлою душою*“. Въ двухъ характерныхъ чертахъ духа митрополита Платона отразились характерныя свойства русскаго народнаго духа, живущаго въ простыхъ, открывающихъ себя Богу, сердцахъ искреннихъ и истинныхъ русскихъ людей. Историческое изученіе личности великаго русскаго мужа - святителя, душа котораго, по словамъ его біографа, была сродна, близка душѣ русскаго народа, привело современныхъ историковъ къ утверженію, что митрополитъ Платонъ былъ яркимъ выразителемъ *русскаго церковно-національнаго духа*. Одинъ изъ глубокихъ почитателей памяти Платона и воспитанникъ Виѣанской Платоновской школы писалъ: „Въ годъ Отечественнѣйшей войны, въ дни національнаго горя надъ развалинами сожженной и плѣненной столицы, русское общество понесло тяжелую утрату въ области своей церковной жизни; 11 ноября, въ два часа дня, скончался выдающійся носитель его національно-церковнаго духа— Платонъ митрополитъ Московскій. Знаменательнѣйшая національно-политическая юбилейная годовщина совпадаетъ, такимъ образомъ, съ чрезвычайною національно-церковною: память о славномъ подвигѣ русскаго національно-патріотическаго духа—съ памятью о знаменитомъ подвижникѣ русскаго національно-церковнаго духа. Двѣ памяти двухъ различныхъ порядковъ жизни, но одна не имѣетъ право заслонять собою другую... Еще надъ самымъ гробомъ незабвеннаго іерарха въ день погребенія (16 ноября) въ Троицкомъ Соборѣ Сергіевой Лавры эта истина была завѣщена русскому обществу устами одного изъ церковныхъ витій,—архимандрита Евгенія, впоследствии архіепископа Ярославскаго.

„Церковь и Отечество,—говорилъ онъ,—сообщая другъ другу внезапныя горести, сокрушаются сердцемъ, озирая развалины прекрасной столицы, и видя во гробѣ безпри-

мѣрнаго ея Іерарха; тамъ святыню поруганную, здѣсь блюстителя святыни бездыханнаго; тамъ храмы безмолвные, здѣсь истину безгласную; тамъ овцы распуганныя здѣсь пастыря неподвижнаго. Раздираясь двумя драгоценными потерями, они недоумѣють, кого прежде оплакивать: градъ ли толикими вѣками воздвигнутый, откуда почерпали милліоны семействъ благоденствіе; или генія, въ столѣтіяхъ рѣдкаго, милліоны душъ къ небесному граду руководившаго? По поводу этой характеристики Платона платоникомъ въ передовой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей было сказано: „Охарактеризовать въ краткихъ словахъ всѣ стороны его широкой дѣятельности невозможно, о нихъ уже написаны цѣлыя книги, и все же далеко не вся жизнь и дѣятельность митрополита Платона достаточно исчерпаны нашей исторической и богословской наукой“.

Но если мы попытаемся представить себѣ центральный пунктъ, который создаетъ значеніе митрополита Платона, то должны, намъ кажется, назвать прежде всего—высоко поднятыя имъ духовную самостоятельность и самосознаніе православія, возстановившія подорванную было связь новой эпохи русскаго православія съ древнѣйшей. Русская Церковь древнихъ временъ стояла на твердой почвѣ Священнаго Писанія и святоотеческаго ученія, но не могла развить свою богословскую науку въ уровень съ величіемъ вѣры Русскаго народа. Поэтому, когда явилась Петровская реформа, европейскія вѣроисповѣдныя точки зрѣнія начали давить на православіе, которое, за слабостью собственной научной почвы, не находило средствъ сопротивляться и начало колебаться между латинствомъ и протестантизмомъ. Это опасное состояніе еще усложнялось общимъ духомъ невѣрія второй половины XVIII в., соединеніемъ переносимаго къ намъ „вольтеріанства“ и мутныхъ волнъ масонскихъ ученій. Въ XVIII вѣкѣ у насъ въ іерархіи постоянно возникали обвиненія дѣятелей Церкви въ неправославіи, и самъ митрополитъ Платонъ

тонъ не избѣгъ такихъ нареканій. Но именно онъ-то и положилъ твердую основу для окончанія періода неясности и для утвержденія православія въ его чистотѣ и сознательности—ту основу, на которой скоро послѣ него было воздвигнуто гранитною скалою ученіе Филарета.

Единство и чистота истины православія, при разнообразіи ея пониманія, остаются далеко еще не выясненными въ современномъ сознаніи, и выясненіе личности великихъ носителей духа православнаго, горѣвшихъ огнемъ чистоты, простоты и единства вѣры Христовой, ярко могутъ освѣтить сущность и свойства истиннаго православія.

Пр. А. Бѣляевъ.

МЕСТЬ.

(Рождественскій разсказъ).

Сочельникъ.

На улицѣ предпраздничная суета.

Ярко освѣщенные магазины полны народа; пѣшеходы, нагруженные всевозможной величины кулками, спѣшили по всѣмъ направленіямъ, наталкиваясь другъ на друга, извинялись и бѣжали дальше; нарядныя дамы, на своихъ лошадахъ и въ автомобиляхъ, мелькали со всѣхъ сторонъ; кухарки и дворники съ сумками, полными всякой всячины, тщетно старались влѣзть въ конки, биткомъ набитыя. И всѣ эти люди суетились и спѣшили, не замѣчая холода. А морозъ все усиливался; стекла разукрасились прихотливыми узорами; снѣгъ, сильно укатанный, скрипѣлъ подъ ногами и полозьями саней; извозчики, притонывая и хлопая другъ о друга рукавицами, бѣгали возлѣ саней, а лошади, фыркая и жмурясь, дрожали и переминались на одномъ мѣстѣ. Небо на западѣ, при закатѣ солнца, окрасилось багровымъ цвѣтомъ, что предвѣщало сильный морозъ. Въ этомъ году, въ Харьковѣ, зима очень рано установилась; съ первыхъ чиселъ октября сталъ итти снѣгъ крупными хлопьями, заноса сугробами тротуары и мостовыя; шелъ этотъ снѣгъ почти весь октябрь, такъ что къ концу мѣсяца былъ отличный санный путь.

По одной изъ главныхъ улицъ города медленно шла дама; она не обращала никакого вниманія на окружавшее ее движеніе и въ задумчивости подвигалась впередъ.

Повернувшись въ переулочекъ и пройдя его почти до конца, она остановилась передъ маленькимъ домикомъ, на двери котораго было написано:—„женщина—докторъ Елизавета Андреевна Малиновская“—и позвонила.

Дверь почти тотчасъ-же отворилась, и молодая горничная, увидавъ пришедшую, воскликнула радостнымъ голосомъ:

„—Наконецъ-то, барышня, вы пришли! чай озябли: уже я два раза обѣдъ подогрѣвала; небось проголодались, съ утра не кушавши“.

„—Да, холодно. Подавай, Маша, обѣдать, сказала Елизавета Андреевна, раздѣвшись и входя въ столовую.

Малиновская была высокая, стройная, худощавая блондинка; въ ея золотистыхъ волосахъ виднѣлась ранняя сѣдина, а красивое серьезное лицо казалось блѣднымъ и увядшимъ, хотя ей было не болѣе 35-ти лѣтъ.

Пообѣдавъ, она встала, прошла въ свой кабинетъ и, опустившись въ кресло, задумалась. Грустно и тоскливо было ей встрѣчать одной праздникъ. Елизавета Андреевна, по обыкновенію, каждый годъ на Рождество и Пасху уѣзжала къ отцу и матери въ Мо—въ, но на этотъ разъ у нее былъ тяжелый больной, который и задержалъ ее, на праздники, въ Харьковѣ. Но была еще и другая причина ея грусти.

Десять лѣтъ тому назадъ молодая, жизнерадостная, счастливая, обрученная съ любимымъ человѣкомъ, она встрѣчала праздникъ въ кругу своей семьи.

Кончивъ медицинскій институтъ, Елизавета Андреевна, желая идти самостоятельной дорогой, пріѣхала въ Харьковъ и открыла у себя пріемъ больныхъ.

Случайно у знакомыхъ она встрѣтилась съ молодымъ помѣщикомъ Камневымъ, который съ перваго-же дня сталъ за ней ухаживать. Черезъ мѣсяць онъ сдѣлалъ предложеніе, и молодая дѣвушка, полюбившая Камнева, обручилась съ нимъ и уѣхала на праздники съ женихомъ въ Мо—въ къ родителямъ.

Счастью ихъ, казалось, не было границъ.

Елизавета Андреевна всѣмъ своимъ горячимъ сердцемъ привязалась къ Камневу, который платилъ ей тѣмъ-же.

Свадьба была назначена весной.

Послѣ Рождества Малиновская съ женихомъ вернулась въ Харьковъ.

На этотъ разъ съ ней пріѣхала мать, находившая неудобнымъ, чтобы дочь жила одна въ городѣ и принимала жениха.

Камневъ, жившій въ своемъ имѣніи, находившемся въ двухъ верстахъ отъ Харькова, на все время до свадьбы снялъ себѣ квартиру въ городѣ, чтобы быть все время съ невѣстой.

Каждый день Камневъ пріѣзжалъ къ Елизаветѣ Андреевнѣ обѣдать, а вечеромъ они ѣхали или въ театръ, или на вечеръ.

Предъ масляницей Харьковское дворянство давало ежегодный балъ въ собраніи.

Елизавета Андреевна, въ бѣломъ платьѣ, убранномъ блѣдно-розовыми розами и съ такой-же розой въ волосахъ, интересная, оживленная, съ женихомъ и матерью поѣхала на этотъ балъ.

Отдыхая отъ танцевъ, Малиновская сѣла въ уголокъ залы, чтобы поболтать съ Камневымъ.

Вдругъ она услышала вокругъ себя восторженный шепотъ и, повернувъ голову, увидала входившихъ пожилого господина съ дамой и съ ними молодую дѣвушку, поразительной красоты и привлекательности.

Прелестная, стройная брюнетка съ большими темными глазами, въ элегантномъ розовомъ туалетѣ, она отличалась отъ всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ какой-то особенной граціей и непринужденностью.

Посмотрѣвъ по сторонамъ, Малиновская замѣтила, что всѣ взгляды были устремлены на молодую дѣвушку.

Обернувшись къ жениху съ какимъ-то вопросомъ, Елизавета Андреевна вдругъ замолчала, и сердце ея сжалось

Камневъ, казалось, забылъ о своей невѣстѣ и, нагнувшись впередъ, не спускалъ блестящихъ глазъ съ красавицы.

— „Митя“,—окликнула его молодая дѣвушка.

Камневъ вздрогнулъ.

Въ эту минуту Елизавету Андреевну пригласили на вальсъ, и молодая дѣвушка пошла танцовать.

— „Вы не знаете, кто эта дѣвушка, которая только что пріѣхала?“,—спросила Малиновская своего кавалера.

— „Дочь недавно назначеннаго къ намъ изъ Петербурга прокурора Алябьева; неправда-ли, красавица?“—сказалъ молодой человѣкъ.

Когда Малиновская вернулась на свое мѣсто, Камнева не было, и обернувшись, она увидѣла его около Алябьевой.

На слѣдующій день Камневъ пріѣхалъ къ Малиновской только къ вечеру и былъ очень разсѣянъ.

Съ этого дня Камневъ сталъ рѣже пріѣзжать къ Елизаветѣ Андреевнѣ и оставался у неѣ недолго.

Молодая дѣвушка сильно страдала, замѣчая перемѣну въ женихѣ.

Она чувствовала, что онъ охладѣваетъ къ ней и смутно понимала причину.

Нѣсколько разъ она встрѣчала его на улицѣ съ Алябьевой, и онъ былъ такъ увлеченъ разговоромъ со своей спутницей, что не замѣчалъ проходившую мимо него Елизавету Андреевну.

Приближался день свадьбы.

Однажды днемъ къ Малиновской пришелъ Камневъ блѣдный и разстроенный.

Помолчавъ нѣкоторое время и какъ-бы собираясь съ духомъ, онъ сказалъ Елизаветѣ Андреевнѣ, что любитъ Алябьеву и просить вернуть ему слово.

Елизавета Андреевна сильно поблѣднѣла и тихо сказала — „Вы свободны“.

Но, когда мать вошла въ комнату, гдѣ оставалась молодая дѣвушка, то она нашла Елизавету Андреевну на коврѣ въ глубокомъ обморокѣ.

Придя въ себя, молодая дѣвушка сказала матери, что она больше не невѣста Камнева и просила никогда не произносить его имени.

Долго Малиновская не могла успокоиться, но мало-по-малу острота горя стала слабѣть, и она только съ грустью вспоминала дни мимолетнаго счастья.

Много помогли ей утѣшиться гордость и самолюбіе.

Она не желала никому показывать своего горя; а еще болѣе не желала, чтобы дошло до Камнева, что она страдаетъ изъ за него. Поэтому въ первое время она собиралась уѣхать изъ Харькова, чтобы не встрѣчаться съ нимъ, но потомъ рѣшила, что это было-бы похоже на бѣгство, и осталась.

Вскорѣ молодая дѣвушка стала попрежнему вездѣ бывать. Нѣсколько разъ ей пришлось встрѣтить Камнева съ Алябьевой, и каждый разъ, при взглядѣ на нихъ, у нее поднималось въ душѣ горькое и злое чувство.

Къ людямъ-же Малиновская стала относиться холоднѣе и недовѣрчивѣе прежняго.

И вотъ прошло десять лѣтъ.

Елизавета Андреевна имѣла хорошую практику и жила спокойно и въ довольствѣ. Но каждый годъ въ сочельникъ она тосковала, вспоминая сочельникъ десять лѣтъ тому назадъ. Если-бы, думала она съ горечью, не та женщина, которая отняла у нее любимаго человѣка, она была-бы теперь счастлива, жила-бы съ любимымъ мужемъ, окруженная, быть можетъ, семьей.

Пробило десять часовъ. Малиновская очнулась отъ думъ. Въ это самое время раздался громкій звонокъ.

Спустя минуту, вошла горничная и сказала Елизаветѣ Андреевнѣ, что ее просятъ скорѣе къ больному мальчику, и что лошади ждутъ у подъезда. Малиновская, ни слова не говоря, одѣлась и вышла изъ дома.

Лошади быстро понеслись, погоняемая кучеромъ, и скоро выѣхали за городъ.

Кругомъ разстилались поля, покрытыя снѣгомъ, луна

обливала все кругомъ голубоватымъ свѣтомъ, а прямо, на востокъ, горѣла и сверкала Внелеемская звѣзда; Малиновской казалось, что лучи отъ нее падали до земли и освѣщали ей путь. Но вотъ, проѣхавъ версты двѣ, лошади повернули въ сторону и, проѣхавъ тополевую аллею, остановились около подѣзда барскаго дома.

Едва Малиновская вступила на первыя ступеньки крыльца, какъ дверь распахнулась, и она вошла въ большую переднюю.

Въ то время, какъ о Малиновской побѣжали докладывать, она раздѣлась и вошла въ комнаты.

Только она переступила порогъ гостиной, какъ изъ противоположной двери вышелъ высокій, среднихъ лѣтъ, мужчина и, поклонившись, подошелъ къ ней; но въ ту же минуту онъ остановился и отступилъ отъ нея, а Елизавета Андреевна вскрикнула!

— „Вы“.

Передъ ней стоялъ Камневъ.

— „Такъ это я у него въ домѣ, его ребенка должна лѣчить“,—пронеслось у нее въ головѣ, и злорадное чувство шевельнулось у нее въ сердцѣ при видѣ блѣднаго, страдальческаго лица Камнева.

— „Гдѣ больной?“—спросила она холоднымъ тономъ.

Камневъ молча повернулся и пошелъ впереди.

Въ большой дѣтской, освѣщенной лампой, подъ зеленымъ абажуромъ, на постелькѣ, лежалъ мальчикъ лѣтъ шести, а около него, на колѣняхъ, прижавшись къ подушкамъ, стояла молодая женщина.

На лицѣ ея была такая мука и безпокойство, что тронуло бы камень, но сердце Елизаветы Андреевны заледенѣло, и она безъ жалости смотрѣла на нее.

Молодая женщина встала съ колѣнъ и бросилась къ Малиновской, но, узнавъ ее, остановилась.

Елизавета Андреевна молча подошла къ кроваткѣ ребенка.

Прелестное дитя, съ большими темными глазами, было похоже на мать и еще сильнѣе поэтому было любимо отцомъ.

Осмотрѣвъ внимательно малютку, Малиновская выпрямилась и облокотилась на кроватку.

Чувство мести властно сжимало ея сердце.

Судьба привела ее въ этотъ домъ и отдала въ ея руки его ребенка.

У мальчика нарывъ въ горлѣ, и черезъ нѣсколько часовъ будетъ уже поздно; нужно немедленно сдѣлать проколъ; если она уѣдетъ, не сдѣлавъ операциі... то... Елизавета Андреевна подняла голову.

Молодая женщина стояла блѣдная, какъ смерть.

Встрѣтивъ холодный взглядъ Малиновской, она упала передъ ней на колѣни и, рыдая, молила спасти ея сына Камневъ-же молча продолжалъ стоять.

Онъ не смѣлъ просить, но его глаза смотрѣли съ такой мольбой и отчаяніемъ, что видно было, какъ дороговъ былъ ему ребенокъ.

— „Мама, что мнѣ принесеть сегодня Христось“,— раздался въ эту минуту хриплый голосокъ ребенка.

Малиновская вздрогнула.

Боже мой! Какъ, сегодня, въ такую ночь, когда долженъ родиться Божественный Младенецъ, она хотѣла сдѣлать жертвой своей мести невинное дитя, которое, въ полубреду, произноситъ имя Того, Кто велѣлъ намъ за зло платить добромъ. Христось! Эта великая кротость, любовь и милосердіе.

Елизавета Андреевна быстро все приготовила, и черезъ пять минутъ все было кончено.

Изъ горла мальчика хлынулъ гной и кровь, а черезъ часъ онъ уже спалъ, а Малиновская уѣзжала домой, обѣщая пріѣхать угромъ.

Возвратившись домой, Елизавета Андреевна долго стояла у окна и смотрѣла на Рождественскую звѣзду, которая сверкала и сіяла, освѣщая ей путь въ ненавистный домъ, при возвращеніи изъ котораго на душѣ ея стало такъ отрадно и свѣтло.

В. Кузнецова.

Спиридов Степанов

Покровскій (княгининъ) женскій монастырь въ г. Кіевѣ.

Никогда не забуду свѣтлаго, отраднаго чувства, какое я испыталъ, попавъ первый разъ въ Покровскій женскій монастырь въ Кіевѣ.

Монастырь этотъ находится на одной изъ лучшихъ улицъ Кіева—Львовской и окруженъ зеленью садовъ. Отъ вокзала можно проѣхать сюда электрическимъ трамваемъ за 8 копѣекъ.

Пройдя шумную часть города, путникъ неожиданно встрѣчаетъ розовыя монастырскія ворота въ русскомъ стилѣ, ведущія въ монастырь. Одни изъ нихъ, украшенныя иконами, выходятъ прямо на Львовскую улицу, другія въ Діонисіевскій переулокъ, третьи монастырскія ворота по крутой дорогѣ ведутъ внизъ на глубочцу. Войдя въ главныя ворота, путникъ видитъ величественный бѣлый храмъ во имя Святителя Николая, одинъ изъ самыхъ большихъ соборовъ въ Кіевѣ. Соборъ выстроенъ въ древне-русскомъ стилѣ по эскизу Великаго князя Петра Николаевича и поражаетъ своею красотой и простотой, поднимаясь къ небу бѣлымъ, чистымъ и блестя золотомъ куполовъ.

Именно такой соборъ надо было выстроить славному заступнику Россіи Чудотворцу Николаю, имя котораго носить нашъ Государь. Великіе князья Петръ Николаевичъ

и Николай Николаевичъ много пожертвовали на этотъ соборъ, и ихъ усердіемъ онь богато украшенъ.

Входящаго во храмъ поражаетъ величественная простота, скромность и изящество этого храма. Громадный куполь высится вверхъ; сзади—высокіе своды, вверху надъ ними—хоры, какъ въ древнихъ монастыряхъ.

Красивый иконостасъ — русская живопись; отсутствіе излишней позолоты, рѣзбы и украшеній производитъ пріятное впечатлѣніе.

Правда соборъ еще не законченъ по недостатку средствъ: нѣтъ живописи, мало иконъ, но уже и теперь виденъ его свѣтлый и радостный обликъ.

Святня собора—чудотворная икона Божьей Матери, всѣхъ скорбящихъ Радости, прирешенная въ даръ великими князьями; кажется, это ихъ родовая икона; она въ богато украшенной драгоценными камнями ризѣ и рамѣ изъ чистаго золота. Передъ этой иконой постоянно служатъ молебны, и есть случаи исцѣленій.

Въ соборѣ хранятся части мощей: св. Василия Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и другихъ святыхъ восточной церкви и еще части мощей: святителя Николая, Александра Невскаго, Маріи Магдалины и другихъ святыхъ. Прекрасный монастырскій хоръ, звучащій въ вышинѣ на хорахъ, благолѣпная монастырская служба даютъ молящимся полное удовлетвореніе. Рѣдкій богомолецъ Кіева не заглянетъ сюда.

Соборъ этотъ былъ заложенъ въ присутствіи Государя Императора и освященъ въ Августъ 1911 года къ пріѣзду Государя и Государыни въ Кіевъ уже послѣ кончины основательницы монастыря Великой Княгини Александры Петровны, послѣдовавшей 13 апрѣля 1900 года.

Немногіе изъ богомольцевъ, вѣроятно, знаютъ о въ Бозѣ почившей „Матушкѣ Великой Княгинѣ“, какъ называютъ ее въ Кіевѣ,—поэтому въ рѣчи объ основанной ею обители, можетъ быть, нелишне сказать и о ней нѣсколько

словъ, тѣмъ болѣе, что жизнь великой Княгини и сама по себѣ достойна вниманія.

Въ наше время—время упадка вѣры и небреженія объ исполненіи церковныхъ уставовъ, нерѣдко говорятъ, что строгое и точное исполненіе этихъ уставовъ и вообще евангельскаго ученія теперь по условіямъ нашего времени невыполнимо. Для вразумленія такъ живущихъ и говорящихъ Господь и воздвигаетъ, можетъ быть, такихъ людей, которые могутъ служить нагляднымъ доказательствомъ истинности евангельскаго ученія и выполнимости уставовъ православной церкви; къ числу такихъ людей и принадлежитъ покойная Великая Княгиня Александра Петровна.

Знаменательно, что небесной покровительницей и учительницей Ея, въ Ея самоотверженномъ послѣдованіи за Христомъ, имя которой и носила она при жизни, была св. мученица царица Александра. Дивнымъ кажется намъ, что эта знатная и окруженная славой и богатствомъ женщина, познавъ тщету всей этой славы и богатства, увѣровала во Христа и не побоялась за открытое исповѣданіе вѣры въ него принять мученическую кончину. Но вотъ предъ нами—въ лицѣ Великой Княгини Александры Петровны мы видимъ живой примѣръ такого самоотверженнаго послѣдованія за Христомъ Спасителемъ, въ наше время, въ условіяхъ жизни нашего времени. Какъ древняя Царица Александра, Великая княгиня по самому рожденію и положенію своему щедро надѣлена была отъ Господа—всѣмъ, что считаютъ часто счастьемъ жизни и вмѣстѣ препятствіемъ къ точному исполненію евангельскаго ученія въ его наивысшихъ проявленіяхъ. Дочь принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, принцесса Александра стала женой Великаго князя Николая Николаевича и матерью семейства; окруженная богатствомъ и блескомъ придворной жизни и сана, блиставшая и внѣшней красотой и умомъ, она отъ отца своего унаслѣдована съ дѣтства поражавшую въ ней окружающихъ скромность, доброту и

общедоступную простоту обращенія. Наибольше цѣннымъ и вѣчнымъ памятникомъ этихъ духовныхъ качествъ ея изъ ея жизни въ Петербургѣ останется созданная ею въ Петербургѣ Покровская Община съ образцовой больницей и одной изъ лучшихъ въ городѣ гимназій. Цѣлая серія самыхъ разнообразныхъ благотворительныхъ учрежденій, обязанныхъ своимъ существованіемъ принцу П. Г. Ольденбургскому, связана и съ именемъ Великой Княгини Александры Петровны. И раньше, можно сказать, всегда отличавшая ее религіозность, съ годами, можетъ быть отъ постоянного общенія ея съ людскимъ горемъ, отчасти и подѣ влияніемъ физическихъ страданій собственной болѣзни, которою страдала почившая, еще усилилась и привела ее къ тому подвигу иночества и служенія ближнимъ въ качествѣ сестры милосердія, которымъ закончила она жизнь свою въ Кіевѣ. Однажды въ Петербургѣ Великая Княгиня выброшена была понесшими лошадьми изъ экипажа и вслѣдствіе испуга и ушиба серьезно заболѣла, такъ что лишилась возможности свободно владѣть ногами. Съ 1879 года она окончательно оставляетъ Петербургъ, признанный врачами вреднымъ для ея здоровья и сперва путешествуетъ по южнымъ водамъ, живетъ нѣкоторое время въ Неаполь и Корфу и наконецъ окончательно поселяется въ Кіевѣ, куда, кромѣ климатическихъ условій, влекли ее родныя святыни. Въ это время, въ одно изъ своихъ путешествій въ Почаевъ—на поклоненіе чудотворной Почаевской иконѣ Божіей Матери, Великая княгиня получила чудесное исцѣленіе отъ своей болѣзни, такъ что стала свободно владѣть ногами. Послѣ этого, благодарная Царицѣ Небесной, Великая Княгиня всю себя отдала на служеніе Богу и ближнимъ: сама испытывшая на себѣ всю тяжесть болѣзни и знавшая тяжелое положеніе больныхъ—бѣдныхъ и одинокихъ людей, она изъ многихъ подвиговъ избрала иночество, соединенное съ уходомъ за больными. Знакомая понемногу въ Кіевѣ съ нуждами города, она задумала и привела въ

исполненіе обширный планъ благотворительнаго служенія ближнимъ, основавъ Покровскую благотворительную Общину съ строгимъ монашескимъ уставомъ, которая и есть Покровскій княгининъ общежительный монастырь. Какъ только получено было Высочайшее соизволеніе и благословеніе св. Синода на устройство его въ такъ называемомъ Лукьяновскомъ предмѣстьѣ Кіева, на совершенно безплодной мѣстности (по преданію, задолго еще до основанія монастыря предуказанной для него схиеромонахомъ Кіево-печерской лавры Теофилактомъ. † 1855 г.), начались постройки монастырскихъ зданій и между ними храмъ во имя Покрова Пр. Богородицы. Храмъ этотъ небогатый, деревянный и очень простаго устройства; въ немъ находится чудотворная Почаевская икона Божіей Матери, чрезъ которую Великая Княгиня получила исцѣленье. Между прочимъ въ соборѣ устроены ходъ внизъ, гдѣ устроено подобіе пещеры и гроба Господня въ Іерусалимѣ. Въ этомъ соборѣ Великая Княгиня, поселившаяся въ одной изъ монастырскихъ келлій, ничѣмъ не отличавшейся по своей простой и строгой обстановкѣ отъ остальныхъ келлій, молилась съ сестрами монахинями, и никто до ея кончины не зналъ о ея тайномъ постриженіи.

Слѣдующимъ дѣломъ Великой Княгини было устройство больницы для бѣдныхъ, гдѣ, по ея мысли, все лѣченіе и помощь дается безплатно. Тутъ же скоро появились пріютъ для маленькихъ дѣвочекъ, школа, особня помѣщенія для слѣпыхъ и маленькія домики для монахинь. Словомъ, выросъ цѣлый городокъ.

Сама Великая Княгиня до самой своей кончины всецѣло отдалась уходу за тяжело больными, утѣшая страждущихъ и облегчая имъ страданія. Въ этой работѣ она и не щадила своихъ силъ, и не жалѣла своего слабого здоровья. Просиживая часто ночи у больныхъ и исполняя при тяжело больныхъ, которыхъ избѣгали даже другія, обязанности сидѣлки, Княгиня больная, слабая находила силы наблюдать за всѣмъ въ монастырѣ и больницѣ.

Отстранившись по смиренію отъ начальства надъ монастыремъ, Вел. Княгиня давала своей жизнью примѣръ сестрамъ: вставала раньше всѣхъ, мѣсила со всѣми хлѣбы, варила квась, словомъ, не гнушалась грубой и тяжелой работы, будучи сама нѣжно воспитанной,—давала примѣръ лѣнливымъ своимъ трудомъ и стараніемъ. Входя во все сама, живо интересуясь всѣмъ, Вел. Княгиня вдохновляла всѣхъ, всѣхъ мирила и соединяла. Созданный ея молитвами и трудами молодой монастырь за короткое время процвѣлъ и разросся до большихъ размѣровъ. Теперь въ немъ имѣется кромѣ обширной и прекрасно поставленной больницы, амбулаторіи, аптеки, новый большой корпусъ (недавно оконченный) для хирургическихъ больныхъ, и доброе дѣло, начатое Княгиней, не глохнетъ, а процвѣтаетъ. Больница при монастырѣ обслуживается лучшими докторами Кіева, при чемъ роль сидѣлокъ выполняютъ монахини монастыря, и считается лучшей и обширной въ Кіевѣ. Медицинская помощь и лѣкарство дается всѣмъ бѣднымъ бесплатно, а больныя женщины могутъ помѣщаться для излѣченія отъ разныхъ болѣзней въ самомъ монастырѣ, гдѣ пользуются прекрасными помѣщеніями и уходомъ сестеръ монахинь, пріученныхъ къ больничному дѣлу. Здѣсь можно найти больнымъ полное успокоеніе душѣ и тѣлу.

Такимъ образомъ, и по своей кончинѣ Вел. Княгиня не прекращаетъ, а еще умножаетъ свою чудную работу во славу Божью и помощь ближнимъ. Къ сожалѣнію, молодой монастырь много силъ и средствъ давая страждущимъ, не имѣетъ почти никакихъ запасныхъ средствъ.

Имѣя нѣкоторые капиталы, оставленные Княгиней, и небольшое пособіе Государ. Казначейства, монастырь влагаетъ гораздо больше средствъ и силъ на больницу, чѣмъ получаетъ, и лѣчитъ не только кіевлянъ, но и много пришлыхъ богомольцевъ. Не обладая пока большими вкладами, подобно стариннымъ монастырямъ, Покровский монастырь въ настоящее время имѣетъ долги. Но Господь

дать, доброе дѣло не заглохнетъ, а добрые люди отзовутся своей помощью и вниманіемъ. Своею полезною дѣятельностію Покровскій монастырь, подобно нѣкоторымъ другимъ, такого же типа и характера, лучше всякихъ словъ обличаетъ хулителей монастырей за ихъ будто-бы бесполезность въ наше время.

Память о свѣтлой жизни Вел. Княгини Александры Петровны, о ея самоотверженной, праведной работѣ, посвященной успокоенію и облегченію страждущихъ, до сихъ поръ жива въ монастырѣ. Изъ разспросовъ немногихъ монахинь, принятыхъ въ монастырь еще Вел. Княгиней, я уяснилъ себѣ, какой любовью, смиреніемъ и незлобіемъ отличалась покойная великая основательница, служа примѣромъ для всѣхъ. Скромно закончивъ свою жизнь, потрудившись послѣ тяжкой болѣзни еще много лѣтъ на пользу монастыря, Вел. Княгиня также скромно нашла себѣ успокоеніе не подъ пышнымъ мавзолеемъ, а подъ простымъ бѣлымъ крестомъ. Лишь послѣ ея кончины узнали, что Великая Княгиня уже давно приняла полный тайный постригъ подъ именемъ Анастасіи, что тоже можетъ свидѣтельствовать о ея смиреніи.

Около собора Покрова Пресвятой Богородицы съ правой стороны близъ алтаря возвышается небольшой холмикъ земли; надъ нимъ высится простой бѣлый крестъ, да теплится неугасимая лампада; кругомъ разбитъ хорошенькій цвѣтничекъ и фруктовый садъ. Здѣсь среди монастыря покоится великая основательница его, невидимо присматриваетъ за нимъ и молится за него у престола Всевышняго. Могила Вел. Княгини благоговѣнно охраняется и почитается богомольцами, которые служатъ надъ ней панихиды. Налѣво, близъ собора, видна небольшая церковь въ жиломъ корпусѣ; въ немъ находится небольшая келлія Вел. Княгини. Въ этой келліи въ скромной монастырской обстановкѣ жила Вел. Княгиня и слушала обѣдню у окна, прорѣзаннаго въ церковь, не желая своимъ присутствіемъ

смущать молящихся. Миръ ея свѣтлому духу! Царство Ея небесное!

Возвращаясь къ описанію монастыря, можно еще добавить, что при монастырѣ имѣется гостиница для прѣзжихъ и страннопримная, а теперь строится новая большая гостиница. Мѣстность очень живописная, масса зелени,—многіе ходятъ сюда погулять и подышать хорошимъ воздухомъ.

Мірянинъ.

Духовно-нравственное значеніе событій 1812 г.

по разуму православной Церкви

(къ 25-му декабря).

Наша Православная Русская Церковь торжественное богослужебно молитвенное празднество Рождества Христова заключаетъ *благодарственнымъ молебствіемъ* Господу Богу объ избавленіи Церкви и Державы Россійской отъ нашествія французовъ и съ ними двадцати языкъ, въ 1812 мѣ году. Умилительна и глубокопоучительна мысль о такомъ именно церковно-богослужебномъ памятованіи этого „славнаго посѣщенія“ Божія; еще умилительнѣе и поучительнѣе самое содержаніе этого церковно-богослужебнаго памятованія!

Совершаемое по особому чину *благодарственное молебствіе* Господу Богу объ избавленіи Церкви и Державы Россійской отъ нашествія французовъ и съ ними двадцати языкъ въ 1812 году, начинается пѣніемъ пророческихъ словъ Исаи: „съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь; яко съ нами Богъ“ и пр. Въ соотвѣтствіи съ такимъ началомъ и все дальнѣйшее послѣдованіе молебнаго пѣнія проникнуто мыслию, что въ десницѣ Вышняго судьбы вселенной: *яже Богъ святой совъща, кто разоритъ; и руку Его высокую кто отвратитъ* (слова изъ 14, 27 Исаи, читаемая въ пареміи молебна), что Тотъ, „*Иже во ясляхъ вилеемскихъ, яко Агнецъ возлежъ, сопротивныхъ крѣпость, яко левъ сокрушаетъ и втрныя овцы*“ Своя на путь правды спасенія и мира наставляетъ и упасаетъ (слова изъ отпуска

молебнаго) и что наконецъ только вѣра и вѣрность есть надежная защита Царствъ и народовъ. *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ*, поется въ одной изъ стихиръ молебна; „се бо Агнецъ вилеемскъ, льва и змія нами поправъ, міру миръ дарова“ „Ты реклъ еси во умъ Твоемъ, поучительно слышимъ мы въ пареміи слова пр. Исаи о гордыни, до небесъ вознесшейся и до ада низверженной, *на небо възду и выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду на горъ висоцъ, на горахъ высокихъ, яже къ стверу. Нынѣ же во адъ скидеши. Видѣвшии тя удивятся и рекутъ: сей чело-вѣкъ раздражаяя землю, потрясаяя цари, положивый вселенную всю пуну и грады ея разсыпа,—будетъ въ попраіе* (Ис. 15 гл.).“ Слѣдующее затѣмъ чтеніе Апостола на патріарховъ, Царей и пророковъ народа Божія, *иже вѣрою побѣдиша Царствія, быша крѣпцы во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полки чуждыхъ, внушаетъ намъ терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на начальника вѣры Исуса* (Евр. 11, 33—34; 12, 1—2), а евангельское чтеніе, вслѣдъ за апостоломъ слѣдующее, благовѣствуетъ: *услышати имате брани, зрите, не ужасайтесь: подобаетъ бо всѣмъ симъ быти. Восстанетъ бо языкъ на языкъ, и царство на царство. Избранныхъ же ради прекратятся дніе оны* (Мѣ. 24, 6, 7. 21—22). Особенно высокаго назиданія для насъ исполнена читаемая въ концѣ молебствія колѣнопреклонная молитва, представляющая собою какъ бы объясненіе всѣхъ этихъ Богооткровенныхъ вѣщаній въ ихъ приложеніи къ благодарственно памятуемому нами событію 1812 года. „Ты глаголаъ еси древне сыномъ Израилевымъ, слышимъ мы въ ней, яко аще не послушаютъ гласа Твоего, наведеши на нихъ языкъ безстуденъ лицемъ, иже сокрушитъ ихъ въ градѣхъ ихъ (Второз. 28, 15. 50. 52). И мы видѣхомъ, яко приде глаголъ страшный сей на ня и на отцы наши. Обаче прещенія Твоего не убоявшися, оставихомъ путь правды Твоея и отеческая преданія ни во что же вѣтннвши, прогнѣвахомъ Тя о чуждыхъ. Ихъ же ради, якоже древле сыновъ Израилевыхъ, тако и насъ объятъ лютое

обстояніе и о ихъ же равновѣсомъ наставленіихъ, сихъ враговъ имѣяхомъ буиихъ и зѣвронравныхъ (2 Мак. 4, 15—16). Дажь намъ, Господи, память сего славнаго Твоего посѣщенія твердо и непрестанну имѣти въ себѣ, да въ Тебѣ утвержденни сыновнимъ страхомъ и Твоею крѣпостію ограждени, выну славословимъ Имя Твое.“

Таковы, по разуму Православной Церкви, смыслъ и значеніе страшныхъ и славныхъ событій 1812 года, и если вдумываться въ этотъ смыслъ и уяснять себѣ это значеніе всегда благопотребно и душеспасительно, какъ и заповѣдуетъ это Св. Церковь, установившая ежегодное извѣка въ вѣкъ повтореніе этихъ глубокопоучительныхъ вѣщаній и наставленій ея при богослужебно-молитвенномъ воспоминаніи о томъ славномъ посѣщеніи Его въ день Христова Рождества; то въ текущемъ юбилейномъ году и именно въ настоящее Рождество Христово, которымъ мы, такъ сказать, заключаемъ торжественное празднованіе столѣтняго юбилея 1812 года, благочестивое размышленіе о смыслѣ и значеніи событій этого года, согласное съ ученіемъ и наставленіемъ о семъ Св. Церкви въ установленномъ ею благодарственномъ молебствіи, можетъ быть признано особенно благовременнымъ...

Сладостно вспоминать намъ объ этомъ дивномъ явленіи милости Божіей къ нашей дорогой родинѣ! Утѣшительно восхищаться доблестью, нравственной мощью и величіемъ той чудной эпохи! Какіе увлекательные образы оживаютъ предъ нами въ этомъ отдаленіи вѣка,—чудныя русскія души въ смиренной простотѣ истиннаго величія, пылкія сердца, сгорающія въ жертвѣ безкорыстной любви къ ближнимъ и къ родинѣ, безконечно дорогія незабываемыя родныя лица героевъ въ ихъ ореолѣ несказанной духовной красоты! Почти нѣтъ надобности въ томъ, чтобы художественный геній въ своемъ вдохновеніи воскрешалъ предъ нами эти прекрасныя тѣни далекаго прошлаго,—самый простодушный рассказъ уже живо и ярко рисуетъ

намъ эти образы, и священная память, 12-го года сама по себѣ навѣки запечатлѣлась въ каждой русской душѣ, какъ неизбежно хранится въ ней память о Мининныхъ и Пожарскихъ, Гермогенахъ и Палицыныхъ,—герояхъ и подвижникахъ другого 12-го года, той смутной эпохи, счастливую развязку которой для Москвы и Россіи мы также праздновали въ текущемъ-же году.

Вникнемъ же повнимательнѣе въ смыслъ этихъ незабвенныхъ событій минувшаго вѣка и въ разумъ св. церкви постараемся уяснить себѣ тѣ цѣнные нравственные уроки, которыми такъ богато это страшное и славное прошлое.

Что спасло Русь въ эту тяжелую годину, за что и для чего была явлена нашей родинѣ дивная помощь Господа воинствъ? Великая милость Божія была воздаяніемъ русскому народу за его смиренную вѣру, за нелицемѣрную преданность Богу отцовъ, за крѣпкую любовь къ родинѣ и Царю, за нравственное единодушіе и самоотверженность въ защитѣ народныхъ идеаловъ.—Не простую борьбу за свои жилища и поселенія, за экономическія блага и политическую мощь государства вела тогда русская земля, но придавала этой войнѣ болѣе широкаѣ смыслъ и болѣе глубокое знаменованіе. Взору вѣры, которая есть „вещей обличеніе невидимыхъ“, въ самыхъ бѣдствіяхъ войны открывалось особенное посѣщеніе Божественнаго Промысла, въ этихъ столь-же естественно-историческихъ, сколько и чрезвычайныхъ событіяхъ,—проявленіе живой и личной воли Всевышняго, влекущаго народы къ исполненію Своихъ цѣлей,—и потому-то и надежду на спасеніе Русь полагала не въ силѣ оружія и ополченій, а искала помощи Господней, стремилась вооружиться броней правды и щитомъ молитвы, и борьбу съ политическимъ противникомъ возвышала посему до степени священной религіозной брани за наслѣдіе Божіе, за святое призваніе Руси. Въ безпощадномъ столкновеніи двухъ народовъ проявилась борьба глубоко различныхъ духовныхъ силъ и рѣзко про-

тивоположныхъ другъ другу моральныхъ стихій, настроеній, упованій, идеаловъ.—Грозное нашествіе Наполеона и двадцати языковъ было воплощеніемъ человѣческаго могущества и господства, мірской славы и силы, торжествомъ лукавой дерзости и безпредѣльной гордости. И отмѣченный печатью рока вождь и его армія были подлиннымъ порожденіемъ республиканскихъ и революціонныхъ бурь и во всемъ отразили духовныя настроенія конца 18-го вѣка. Губительная философія безбожныхъ отрицателей уже давно поколебала всѣ нравственные устои общества и подготовила такой взрывъ буйныхъ народныхъ возстаній и гражданскихъ междоусобій, въ которыхъ погибли всѣ дорогія народныя святыни, лучшіе завѣты, обычаи, учрежденія. Въмѣсто обѣщаннаго золотого вѣка и рая—подъ знаменемъ равенства, свободы и братства—воцарился самый беспощадный эгоизмъ, самое жестокое преобладаніе сильныхъ надъ слабыми, самое дикое проявленіе взаимнаго неистовства и ненависти.—Какая же власть утверждается въ этомъ хаосѣ безначалія? Дерзновенная тиранія жестокаго самовластителя,—и горделивые искатели свободы покорно отдали свою кровь и свою жизнь въ его руки, разрушители троновъ на своихъ выяхъ утвердили несокрушимое господство непризваннаго деспота, и попиратели алтарей нашли себѣ новое божество въ грубой силѣ, поклонились чарующему демону зла, убійства, разоренія. Изъ этихъ-то безумцевъ и вербовались великія арміи, съ огнемъ и мечемъ прошедшія культурныя страны, чтобы и тамъ попить—въ угоду своему кумиру—свободу и благоденствіе народовъ. Что же могли внушить имъ эти не прекращающіяся войны, какъ не новые уроки беспощадной злобы, новую страсть къ добычамъ и обогащенію, еще большую жажду насилій и опустошеній?

И болѣе всѣхъ былъ воплощеніемъ этого зла самъ вдохновитель этихъ браней—похититель короны римскихъ кесарей, разбойникъ „внѣ закона“, всесвѣтныи убійца—Наполеонъ. Свои блестящія дарованія—острый, смѣлый умъ,

стальную силу воли, неутомимую тревогу стремленій— онъ употребилъ не на служеніе Творцу, а для своей личной славы. Вознесенный на высоту, онъ хотѣлъ спорить съ Самимъ Богомъ въ своей власти надъ міромъ и въ сатанинской гордости создалъ какъ-бы особый наполеоновскій культъ самообоготворенія. Онъ мечталъ основать всемірную монархію, въ которой было-бы воплощено полное господство человѣческаго разума и торжество человѣкобожеской культуры. Доходя до предѣловъ нравственной безотвѣтственности и безстрашія, онъ не признавалъ для себя ничего святого, по совѣсти разрѣшалъ себѣ кровь и обманъ, упразднялъ цѣну человѣческой жизни и съ хладнокровнымъ расчетомъ попиралъ Божіи и человѣческіе законы.—И вотъ почему русскій народъ почувствовалъ въ немъ приближеніе какой-то особенной стихіи и съ удивленіемъ и ужасомъ усмотрѣлъ въ немъ черты грядущаго антихриста: такъ поразила его сила безбожія и зла и съ такою мукою переживалъ онъ эту скорбь отъ гибели своихъ святынь,—скорбь, которая—казалось—и возможна только въ послѣднія времена. Когда-же врагъ безжалостно сталъ опустошать дорогую родину, когда свой разящій мечъ занесъ надъ Москвою—сердцемъ Россіи, и здѣсь, какъ ранѣе и въ другихъ городахъ, сталъ глумиться надъ святыми храмами, съ какимъ-то сладострастіемъ осквернять святыя мощи и иконы,—тогда русскій народъ не могъ не возстать всею своею массою противъ мятежнаго сына гордыни, и во имя Божіе—съ крестомъ въ сердцѣ—объединился для низверженія рокового губителя.—На вызовъ Наполеона Русь отвѣтила народной войной, едва-ли не единственной въ ея лѣтописяхъ, единодушнымъ нравственнымъ сопротивленіемъ, источникомъ котораго было религіозное воодушевленіе. Потрясенная ударами бѣдствій, Русь увидѣла въ нихъ наказаніе Божіе за свои пороки и страсти, которые—подъ вліяніемъ иноземныхъ вѣяній—все глубже и глубже укоренялись въ образованныхъ сословіяхъ, она оплакала покаянными

слезами свои горькія увлеченія и обратилась съ теплой молитвой о помощи къ своему Богу-Покровителю. Все упованіе она возложила на милость Божію—и эта твердая вѣра закалила русскій народъ непреоборимымъ мужествомъ, безропотнымъ терпѣніемъ и героизмомъ. Подвигъ воина русскіе люди принимали, какъ бремя святого долга, пламенѣли желаніемъ защитить Божіе достояніе, и накануне роковыхъ часовъ смерти, когда въ одномъ лагерѣ раздавалось безпечное ликованіе своевольныхъ и безвѣрныхъ безумцевъ, въ русскомъ станѣ возглашались священныя молитвы и пѣснопѣнія и колѣнопреклоненные ряды склонялись предъ ликомъ Заступницы христіанской.—И Богъ не посрамилъ этого упованія сердець: этимъ нравственнымъ мужествомъ русскихъ людей были сокрушены гордые замыслы враговъ и остріе несмѣтнаго оружія. Но смиренный русскій народъ и здѣсь не хотѣлъ присвоивать какую-либо славу для себя: „не намъ, не намъ, а имени Твоему“—вотъ что было священнымъ знаменемъ всего его мученическаго подвига борьбы,—онъ хотѣлъ видѣть въ своихъ побѣдахъ лишь проявленіе Божьяго величія и силы, которое необходимо для вразумленія непокорныхъ и безбожныхъ. „Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покарайтесь, яко съ нами Богъ“—непреложно исповѣдывали русскіе люди.

Вмѣстѣ съ религіознымъ одушевленіемъ русскій народъ проявилъ въ этой тяжелой борьбѣ съ Божьимъ противникомъ еще и великую нравственную силу—это горячую любовь къ отечеству, велицебѣрную преданность Царю своему и глубокое самоотверженіе.—Трудно описать тотъ нравственный подъемъ, то трогательное единоклюбіе, тотъ патріотическій энтузіазмъ, которые навѣки сдѣлали славною и драгоцѣнною для насъ эпоху 12-го года. Всѣ классы общества слились въ одномъ святомъ стремленіи—отстоять свободу, честь, достоинство родины, защитить народныя святыни и права. Ложныя ученія космополитизма и сословный эгоизмъ не успѣли еще произвести опустошенія

въ тогдашнемъ обществѣ—и всѣ сословія—дворяне, духовенство, купечество, простое крестьянство, еще не знавшее счастья гражданской свободы, но все-же умѣвшее по достоинству цѣнить всѣ блага общественной независимости и моральнаго порядка,—всѣ спѣшили принести свою жертву, не щадили ни трудовъ, ни имѣнія, ни жизни. Не мало въ частности потрудились и проявило геройскаго мужества и русское духовенство.—Такъ сладко было всѣмъ умереть за святую православную Русь, „положить душу свою за други своя“—и эта самоотверженная любовь къ ближнимъ даже до смерти восторгомъ и радостью наполняла души борцовъ, осмысливала и освящала ихъ подвигъ бранный. Такая любовь къ отечеству и соотечественникамъ разительно превосходила патріотизмъ воиновъ Наполеона. Въ нихъ слишкомъ сильно дѣйствовалъ инстинктъ и утилитарный расчетъ завоевателей, привычныхъ захватчиковъ добычи, слишкомъ явно говорила жажда міроваго влательства, не оправданнаго, однако, никакими моральными побужденіями и цѣлями, и самая мечта ихъ о прекрасной и гордой Франціи могла пробуждать въ нихъ лишь своекорыстную и земную любовь къ родинѣ, неспособную внушать истиннаго патріотическаго воодушевленія. Столь-же мало возвышенна была и преданность Наполеону его вѣрныхъ солдатъ. Очень часто это чувство было отзвукомъ неотразимаго магическаго впечатлѣнія страха, который невольно внушалъ всѣмъ Наполеонъ, это была рабская покорность и пристрастіе преторьянцевъ къ своему повелителю, мучительная страсть слѣпой привязанности къ демоническому оболъстителю, не имѣвшая ничего общаго съ свободнымъ и свѣтлымъ влеченіемъ русскихъ сердецъ къ своему Благословенному царю. Въ эти минуты опасности русскіе люди въ особенности ясно показали, какъ много чуткой нѣжности кроется въ нихъ по отношенію къ своимъ Богоданнымъ Помазанникамъ. Въ скорби слились души царя и народа. По отеческой любви къ сво-

ему народу царь не захотѣлъ оставить его и обѣщался быть вѣрнымъ въ защитѣ родины до конца и до смерти: и народъ безъ колебаній и смущеній откликнулся на зовъ царя всецѣлою готовностью пожертвовать всѣмъ для него и для родины. Русскій народъ глубоко оцѣнилъ и вѣрную любовь царя, и его тяжелую нравственную муку, вмѣстѣ съ нимъ оплакалъ свой общій грѣхъ и ввѣрилъ ему свои сердца и судьбу, какъ посланному отъ Бога руководителю. Въ царѣ онъ видѣлъ свою лучшую нравственную опору, живой символъ внутренняго единенія и Божьяго покровительства,—вмѣстѣ съ нимъ онъ слился въ одномъ единомыслномъ порывѣ—защитить славу Господню отъ поруганій безвѣрныхъ, отстоять незыблемость православнаго строя и быта русской народной жизни. Не своекорыстное націоналистическое стремленіе одушевляло при этомъ русскихъ людей, не для себя и своей славы искали они побѣды, а смотрѣли на себя, какъ на орудіе въ рукахъ Божіихъ для возвеличенія Его Всевышняго Промысла, для вразумленія непокорныхъ языковъ. Чуждый поисковъ и жажды мірового владычества для себя, русскій народъ и здѣсь оставался вѣрнымъ своему призванію—быть носителемъ и защитникомъ правды Христовой, быть хранителемъ Царства Божія на землѣ,—заботился и здѣсь не столько о пребывающемъ градѣ, сколько искалъ небеснаго Іерусалима, града царства небеснаго, колыбелью котораго и хотѣлъ видѣть свою святую Русь. И эта святая мечта такъ окрыляла его духъ, одушевляла его такимъ самоотверженіемъ и съ такою силою влекла его на священную брань за родину и Божіе достоинство, что гордый властитель міра долженъ былъ преклониться предъ его духовной мощью.—Такъ вѣра и упованіе на силу Божію и единомыслная преданность царя и народа своимъ святынямъ и истинному народному призванію доставили русскимъ эту всемірно-историческую нравственную побѣду надъ дерзкими замыслами сыновъ противленія, надъ губительнымъ духомъ невѣрія и мір-

ского превозношенія, надъ безумными вожделѣніями устроиться безъ Бога и правды Божіей. Горделивымъ строителямъ Вавилонской башни мірскаго могущества смиренный русскій народъ далъ цѣлый рядъ великихъ нравственныхъ уроковъ. Любители безначалія и своеволя теперь наглядно убѣждались, какъ высока у русскаго крѣпостнаго народа нравственная дисциплина и послушаніе долгу и религіознымъ велѣніямъ совѣсти, которыми только и обеспечивается дѣйствительная свобода. Искатели равенства и братства теперь видѣли примѣръ такого единодушія сердець и такой общности чувствъ, которыя равняли всѣхъ въ одномъ самоотверженномъ порывѣ. Что, наконецъ, могло быть выше того великаго братства русскихъ людей, которые любовью, крѣпкою, какъ смерть, были связаны предъ лицомъ смертной опасности,—что драгоцѣннѣе этого общаго желанія—„положить душу свою за други своя“? Напряженіе этой святой любви было столь велико, что—не смотря на всѣ ужасы войны—и ожесточенный противникъ испыталъ на себѣ дивныя проявленія русской сердечности, русской жалостливости и любви ко всѣмъ несчастнымъ, страдающимъ, кто бы онъ ни былъ. Эти-то великія свойства русскаго народнаго духа и стяжали ему нравственную побѣду въ духовной борьбѣ, и за это-то Русь и была увѣнчана славой, была спасена, какъ вѣрная хранительница Божіей правды.

Какъ-же воспользовалась Русь этою Божественной милостью и этими плодами своей нравственной побѣды надъ могучимъ противникомъ?—Со смиреніемъ и преданностью волѣ Божіей Русь приняла эту побѣду и поспѣшила упрочить ее для славы имени-же Божія, поспѣшила и для другихъ народовъ приобрѣсти тѣ блага, наслѣдницей которыхъ явилась сама. Религіозно мистическій порывъ породилъ въ взволнованныхъ народахъ стремленіе къ особенному единенію и братолюбію,—и Россія съ особенной ревностью стала во главѣ этого Священнаго Союза, взяла на себя миссію вернуть миръ потрясенной Европѣ, возстановить

свободу народовъ, разрушенные троны и алтари, оградить святыни вѣры, правды, законовъ, христіанскаго быта. Нравственный подъемъ и одушевленіе столь-же благотворно отразились и во внутренней жизни Россіи. Русское общество воспрянуло духовно, живѣе въ немъ стали религіозныя, мистическія исканія, ожило національное самосознаніе, ярче разгорѣлось стремленіе къ осуществленію исконныхъ народныхъ идеаловъ, которое и смѣнило прежнюю слѣпую приверженность и подражаніе всему иностранному. Могучее національное движеніе коснулось всѣхъ сторонъ быта и жизни,—религіи, науки, общественности,—и въ частности дало толчокъ къ возрожденію русскаго искусства, въ особенности поэзіи и литературы. Въ эту именно эпоху русское художественное творчество по преимуществу стало самобытнымъ, народнымъ,—впитало въ себя глубокой серьезный идеализмъ, правдолюбіе, устремилось къ исканію нравственнаго смысла жизни. Подъ влияніемъ его громче заговорила и общественная совѣсть, возвысила свой правдивый голосъ русская публицистика и сатира, измѣнились и идеалы русскаго воспитанія. Подъ ударами бѣдствій, въ горнилѣ испытаній пробудилась, окрѣпла и загорѣлась яркимъ свѣтомъ русская народная душа.—Но въ дальнѣйшей своей исторіи Русь, однако, къ великому сожалѣнію, недостаточно полно воспользовалась плодами своей побѣды и не проявила необходимой устойчивости въ защитѣ національно-религіозныхъ своихъ завѣтовъ. Какъ поздно появилось напр. и развилось въ 19 в. то славянофильское движеніе, которое всего ближе отвѣчало народному одушевленію и религіозно-нравственному настроенію эпохи отечественной войны. И съ какимъ трудомъ эти національные идеалы и упованія должны были снова пробивать себѣ путь къ русскимъ умамъ и сердцамъ! Такъ быстро утрачивалъ русскій народъ лучшія свои сокровища въ новой погонѣ за блескомъ иноземной образованности, въ своемъ нравственномъ усыпленіи, въ

самодовольно-лицемѣрномъ призрачномъ храненіи своихъ святыхъ и въ гибельномъ блужданіи по распутіямъ. Нужны были новые громы Божьихъ посѣщеній, новая жертва въ лицѣ многострадальнаго Севастополя, чтобы Россія,— „полна въ судахъ неправды черной и игомъ рабства клеимена“ (Хомяковъ),—вновь обратилась на путь служенія Божьей правдѣ и любви. А тамъ снова послѣдовали губительныя увлеченія мірской мудростью, порождавшія ярня насмѣшки и глубоко-отрицательное отношеніе къ религіозно-общественнымъ идеаламъ и завѣтамъ предковъ,—слѣдовала эпоха, привившая намъ новыя ученія экономическаго матеріализма, социализма и космополитизма. Господь снова потрясалъ сердце и совѣсть Россіи— и новыми испытаніями освободительныхъ войнъ, и печальнымъ событіемъ 1-го Марта, но не надолго отрезвлялась Русь и въ забвеніи Бога вновь отдавалась въ рабство своекорыстнымъ исканіямъ безпечнаго благополучія, мірскихъ благъ, внѣшнимъ приманкамъ суетной цивилизаціи, національной гордыни. Нравственный развалъ не заставилъ себя долго ждать и, когда закоснѣвшая въ неправдѣ Россія столкнулась теперь уже не съ Западомъ, а съ Востокомъ, то и идолопоклонническому народу,—сильному, однако, своимъ патріотизмомъ и вѣрностью традиціямъ,—не могла противопоставить никакой духовной силы и оружія, не смѣла уже сказать, что съ нами, русскими, попрежнему Богъ, вразумляющій непокорныхъ,— и была постыждена за свое отступленіе отъ Бога и завѣтовъ своихъ предковъ. А въ послѣдовавшихъ затѣмъ внутреннихъ потрясеніяхъ еще болѣе полно отразился этотъ крахъ всей нашей народной и общественной жизни, паденіе всѣхъ исконныхъ идеаловъ. И снова, какъ прежде, русскій народъ не уберегъ въ этой бурѣ даже сердца своей родины—царствующаго града Москвы, и вновь допустилъ проліяніе крови вѣрныхъ сыновъ своихъ на ея стогнахъ.—Такъ теряли и теряемъ мы духовное наслѣдіе

нашихъ отцовъ, ихъ патріотическіе завѣты.—И вотъ посмотрите кругомъ себя: гдѣ у русскихъ людей крѣпкая вѣра и сердечная преданность Богу, гдѣ стремленіе къ жизни для Царствія Христова и религіозныя упованія? Не поклонились-ли мы кумирамъ, не усомнились-ли даже въ томъ, что святѣнныя православія есть основа нашего государственнаго бытія, не забыли-ли мы своего великаго призванія—быть свѣтомъ для языковъ, быть носителемъ истины Христовой въ этомъ мірѣ? Гдѣ это служеніе Христовой правдѣ въ нашей лично и общественной жизни, самоотверженные подвиги во имя любви къ братьямъ своимъ? Не ослѣплена-ли наша общественная совѣсть лукавствомъ и лицемеріемъ современныхъ ученій, не омрачена-ли наша жизнь партійными раздорами, классовой враждой и взаимной ненавистью, порождаемой неугасимой алчностью въ поискахъ земнаго благополучія? Въ этомъ вихрѣ страстей и буйномъ разгулѣ своеволія и пороковъ можно-ли искать почтенія къ святѣннѣ, уваженія къ закону и отеческимъ преданіямъ, любви къ родинѣ и церкви? Не осмѣяли-ли мы эти лучшія добродѣтели своихъ предковъ и не отдались-ли въ плѣнъ этому модному социализму съ его равнодушіемъ къ патріотизму, съ его уничиженіемъ всякой власти, презрѣніемъ всякаго долга совѣсти и всякой моральной силы.—Да, не Ниневитяне только и царица Савская возставутъ на судъ съ родомъ нашимъ-прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, а проснутся и возстанутъ изъ гробовъ своихъ на судъ съ нами, съ Россіей 1912 г., эти извѣстные и безвѣстные герои отечественной войны, самоотверженные полководцы и болѣющие душой о паствѣ своей епископы, какъ напр. м. Платовъ, молитвами котораго было отвращено нашествіе на Лавру и Виеанію,—встанутъ мужественные священники Мурзакевичи и Гратинскіе, дьячки Крастелевы, пономари Смирягины, инокини Сарры, старостихи Василисы,—встанутъ и спросятъ, какъ мы сохранили священное достояніе, преданное намъ, куда расто-

чили сокровища отцовъ своихъ, и горькими слезами стыда за насъ оплачуть наше всенародное отступленіе!—А духовный нашъ врагъ по-прежнему приближается къ намъ и усиливается и грозитъ гибелью Руси святой, вновь возгорается священная брань съ духомъ антихристіанства и снова зовутся сыны потрясенной Россіи на защиту своихъ святынь...

Николая Николіна.

Завѣты предковъ.

Ужасный день! Орудій гуль
И ружей трескъ, и дымъ пожаровъ...
Казалось, будто отъ ударовъ
Подземныхъ движется земля.
Туманъ окутывалъ поля,
И леденящій вѣтеръ дулъ,
Глуша проклятья и мольбы....
О, беспощадный день борьбы!
Прекрасный день! Вы умирали,
Лицо улыбкой озаря,
За вѣру, родину, Царя!
Европу удивили всю
Великодушіемъ къ врагу,
Добромъ за зло вы воздавали!
Съ тѣхъ поръ всѣ помнить будутъ въ вѣкъ,
Что значитъ—*русскій* человѣкъ!
Прошло сто лѣтъ; чтуть дѣдовъ внуки—
Мы не забудемъ никогда
Про тѣ великія слова,
Которыми средь адской муки
Молились дѣды, чуть шепча:
За вѣру, родину, Царя!
Девизомъ жизни ихъ возьмемъ,
Ни передъ кѣмъ не отступая,
Свой путь впередъ лишь направляя,
Какъ стягъ ихъ смѣло понесемъ
И примемъ смерть мы говоря:
„За вѣру, родину, Царя!..“

Г. А.

Е Л К А.

На краю большого лѣса
Недалеко отъ ручья
Разрасталась на свободѣ
Сройныхъ елочекъ семья.
Елки радостно встрѣчали
Первый вешній вѣтерокъ
И спокойно засыпали,
Когда первый шелъ снѣжокъ.

Но въ одну глухую зиму
Горе вторглось въ ту семью:
Одна елочка неволью
Погеряла жизнь свою.

Эту елочку срубили,
Въ большой домъ ее внесли,
Приубрали, нарядили,
Огоньки на ней зажгли.

Огоньки горять на елкѣ
Среди иглистыхъ вѣтвей,
Загораются въ отвѣтъ имъ
Огоньки въ глазахъ дѣтей.

Огоньки... Они красивы
И на елкѣ, и въ глазахъ,
Но еще они красивѣй,
Коль горять въ людскихъ сердцахъ.

Ихъ глубокое сіяніе
Освѣщаетъ жизни путь—
Путь тяжелый,—гдѣ страданье
Тяжело волнуешь грудь.

Огоньки тѣ—это думы
Это свѣтлыя мечты—
О добрѣ, о вѣчномъ счастьи,
О твореньяхъ красоты.

Борисъ Свѣшниковъ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Жизноописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія въ 18 и 19 вѣнахъ оъ портретами въ ежемѣсячныхъ книгахъ. Изданіе Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря. Москва. 1908—1910 гг.

Книги, заглавіе которыхъ выписано нами, начатыя изданіемъ съ 1908, вышли всѣ уже въ 1910 году и заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія любителей духовнаго, нравственно-назидательнаго чтенія и самаго широкаго распространенія въ церковно-приходскихъ бібліотекахъ, благочестивыхъ семьяхъ и въ школахъ и по содержанію своему и по характеру изложенія; поэтому мы и считаемъ долгомъ сказать о нихъ доброе, хотя и позднее, слово.

Нельзя конечно отрицать справедливости мысли о великомъ нравственно-воспитательномъ значеніи четьи-минейныхъ сказаній о житіи и подвигахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ и о томъ, какъ всегда любили и любятъ это чтеніе православные русскіе люди; сравнительно подробно мысли эти раскрыты были въ Душеполезномъ Чтеніи за текущей годъ въ бібліографическихъ замѣткахъ о „Житіяхъ святыхъ на русскомъ языкѣ, изданныхъ Московскою Синодальною типографіей, о книгахъ Преосвящ. еп. Василія: „святые учителя вѣры и благочестія“ и о „Московскомъ Патерикѣ“, поднесенномъ Московскимъ дворянствомъ Государю Наслѣднику. Но, съ другой стороны, нельзя не считаться и съ тѣмъ, что говорятъ иногда противъ этихъ и вообще подобнаго рода сказаній о житіяхъ прославленныхъ Церковію святыхъ угодниковъ, особенно

тѣхъ, которые жили въ первые вѣка христіанства и въ далекихъ отъ насъ—Греціи, Палестинѣ, Египтѣ и т. п. Хотя и эти всѣ святые Божіи челоуѣки были подобострастны намъ и не безъ собственныхъ трудовъ и подвиговъ и не сразу поднялись на ту высоту добродѣтелей, на какой предстоятъ они предъ нашимъ сознаніемъ, какъ прославленные уже Богомъ,—но уже самая отдаленность ихъ отъ насъ въ земномъ житіи ихъ по времени и мѣсту, и то, что въ большей части сказаній объ этомъ житіи ихъ не такъ подробно и живо, какъ бы хотѣлось, говорится, а то и совсѣмъ умалчивается объ ихъ повседневной, такъ сказать, жизни, объ ихъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ и т. под., можетъ объяснять и даже, пожалуй, извинять собою то, почему житія эти выставлены иногда неудобоподражаемыми для насъ, хотя и достойными всякаго почитанія. Вотъ прежде всего почему указанная нами въ заглавіи „Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія въ 18 и 19 вѣкахъ“ и заслуживаютъ глубокаго вниманія всѣхъ любителей повѣствовательнаго нравственно-назидательнаго чтенія. Правда, среди многочисленнаго сонма изображенныхъ здѣсь отечественныхъ подвижниковъ благочестія слишкомъ сравнительно немного уже причтенныхъ Церковію къ лику святыхъ (таковы Свв. Тихонъ Задонскій, Θεодосій Черниговскій, Іоасафъ Бѣлгородскій, преп. Серафимъ Саровскій); но это, конечно, нисколько не говоритъ противъ нравственно-назидательнаго значенія изображенныхъ въ книгѣ трудовъ и подвиговъ всѣхъ остальныхъ. Многіе, очень многіе изъ нихъ не только по кончинѣ, а и при жизни своей были запечатлѣны явными знаменіями богоугодности ихъ жизни—дарами чудесъ, прозорливости и др. Правда, видѣвшіе эти знаменія или слыхавшіе о нихъ, а потому и почитающіе ихъ, по уставу церковному, свое молитвенное почитаніе ихъ выражаютъ служеніемъ „панихидъ“, но Церковь не воспредаетъ въ частномъ—личномъ обращеніи къ нимъ просить ихъ молитвеннаго заступничества

предъ Богомъ, и почитатели такіе просятъ и... получаютъ по вѣрѣ своей... Важнѣе можетъ быть этого въ данномъ случаѣ то, что эти „подвижники благочестія“—наши „отечественные“ и жили они почти всѣ на нашей, такъ сказать, памяти, среди насъ... То правда, конечно, что большинство изъ описанныхъ въ разсматриваемыхъ книгахъ подвижниковъ подвизались въ удаленіи отъ міра,—въ иноческихъ обителяхъ, проводя время въ постѣ и молитвѣ, а иные, и живя въ міру, несли необычные, даже—можно сказать—исключительные подвиги, напр. юродства; но и это не говоритъ нисколько противъ жизненной значимости для насъ такихъ примѣровъ; потому что „и Самъ Спаситель, какъ совершенно справедливо говоритъ еп. Теофанъ въ своемъ предисловіи къ „Достопамятнымъ сказаніямъ о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцовъ“, не ко всѣмъ подвигамъ обязывалъ всѣхъ Своихъ послѣдователей; *могий вмѣстити да вмѣститъ*, говорилъ Овъ о дѣвственномъ состояніи. Апостоль учить: *кійже во званіи, во немже призванъ бысть, во томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7, 20). Слѣдовательно, по Апостолу, никто не принуждается, ради послѣдованія Іисусу Христу, непременно оставить свое званіе“... Но „хотя пути человѣческой жизни различны, и внѣшній образъ человѣческой дѣятельности также многообразенъ, но какъ путь ко спасенію одинъ для всѣхъ—показанный Іисусомъ Христомъ, такъ и главныя христіанскія обязанности для всѣхъ однѣ, въ какомъ бы кто состояніи ни находился“. Можетъ быть, для нѣкоторыхъ полезно при этомъ припомнить и то, что говоритъ тотъ же ап. Павелъ о различіи путей нравственной жизни въ посланіи къ Римлянамъ: ядый не ядущаго да не укоряетъ, и не ядый ядущаго да не осуждаетъ. Овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день, овъ же судить на всякъ день. Ядый Господеви ястъ и благодаритъ Бога, и не ядый Господеви не ястъ и благодаритъ Бога. Никто же бо насъ себѣ живетъ, и никто же себѣ умираетъ (Рим. 14, 3—7). Главное же по вопросу о назидательномъ для насъ

значеніи всѣхъ такого рода подвиговъ изображенныхъ въ книгѣ подвижниковъ—то, что нынѣ такъ многіе любятъ говорить, что въ наше время такихъ неудобоподражаемыхъ для насъ подвиговъ уже нѣтъ въ христіанскомъ обществѣ, а иные дерзаютъ даже осуждать напр. юродивыхъ, обзывая ихъ душевно-больными; вотъ для такихъ-то невѣровъ и хульниковъ разсматриваемыя книги и являются живыми обличителями; указывая на описанныя въ нихъ такіе яко бы неудобоподражаемые подвиги, можно сказать имъ: прииди и виждь... Наконецъ и то нужно сказать, что среди изображенныхъ въ книгахъ подвижниковъ не мало и такихъ, которые жили не только въ наше время и въ нашемъ отечествѣ, а и въ собственномъ смыслѣ среди насъ; по внѣшности вели такой же, какъ и мы, обычный образъ жизни, занимали обычное общественное положеніе, дѣлали обычныя житейскія дѣла и при всемъ томъ „на землѣ жили для неба“: дѣлая дѣла временной жизни, уготовляли и уготовили себя для вѣчности.

II, дивное дѣло! 18-й и 19-й вѣка въ обычномъ нашемъ представленіи выставляются по сравненію съ предшествовавшими вѣками—съ старой, допетровской Русью—временемъ особеннаго упадка вѣры и благочестія въ русскомъ народѣ; но вотъ, окидывая общимъ взглядомъ описанное въ книгахъ, невольно изумляешься, какъ великъ и многообразенъ соборъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вв., явленныхъ міру (а сколько неявленныхъ!), изъ которыхъ многіе высокою своихъ подвиговъ такъ напоминаютъ собою святыхъ и блаженныхъ отцевъ древней Церкви; и не такъ ужъ безотраднымъ кажется въ духовномъ отношеніи наше время! А можетъ быть, эти звѣзды оттого такъ ярко и свѣтятся, что окружающая ихъ ночь темна?... Всѣхъ лицъ, жизнеописаніе которыхъ предложено въ книгахъ, болѣе пяти сотъ; между ними есть и изъ царскаго рода (напр. Царь-Миротворецъ Александръ III, Великая Княгиня Александра Іосифовна, мо-

нахия Досиѣя—кн. Тараканова и изъ княжескаго (гр. Н. Б. Долгорукая, кн. Ширинскій-Шахматовъ и др.); изъ высшаго дворянства, изъ военнаго, купеческаго и мѣщанскаго званій, изъ образованныхъ и ученыхъ, и особенно много изъ духовнаго сословія и изъ крестьянъ... Самымъ распространеннымъ подвигомъ, какимъ подвизались эти лица, было иночество: Обители—Оптинская Глинская, Валаамская, Соловецкая, Саровская, Кіевопечерская и Троице-Сергіева Лавра съ ихъ скитами дали намъ за эти два вѣка много великихъ подвижниковъ, что въ виду ихъ однихъ огульное обвиненіе нашихъ монастырей въ ихъ современной духовной мертвенности должно быть безусловно отвергнуто, какъ клевета; ибо кому не извѣстны имена Паисія Величковскаго, Оптинскихъ старцевъ: Макарія, Амвросія, Варнавы изъ Черниговскаго скита при Троицкой Лаврѣ, Іоны Кіевскаго? А сколько святителей Божіихъ возсіяло за это время въ русской землѣ? Филаретъ (Московскій, Кіевскій и Черниговскій), Инокентій Московскій, Херсовскій, Пензенскій), Ѳеосфанъ, затворникъ Вышенскій, Антоній и Іосифъ Воронежскій, Филофей Кіевскій, Гавріилъ Петербургскій, Іосифъ Сивантъ, Игнатій Брянчаниновъ и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ уже причислены къ лику святыхъ: Тихонъ Задонскій, Іоасафъ Бѣлгородскій, а иные видимо пріуготовляются де-свицею Божіей къ этому прославленію, каковы: Питиримъ Тамбовскій, Софроній Тобольскій, Георгій Астраханскій и др. Сколько пастырей церкви, едва вѣдомыхъ міру при жизни и еще больше чуть не всѣмъ извѣстныхъ и всѣми чтимыхъ! О. Матѣей Константиновскій, о. Іоаннъ Наумовичъ, о. Алексій Колоколовъ, о. Александръ В. Горскій и особенно о. Іоаннъ Кронштадтскій. Немало такихъ достопамятныхъ дѣятелей вѣры и церкви было въ это время и на другихъ—свѣтскихъ попріщахъ жизни; достаточно вспомнить А. С. Норова, С. А. Рачинскаго, Н. И. Ильминскаго и др. А эти загадочные люди, какъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, Вѣра Молчальница и др.! Меньше явлено было Богомъ лицъ

женскаго пола; но это объясняется не тѣмъ, что подвижницъ было меньше, чѣмъ подвижниковъ, но тѣмъ, что онѣ и въ самыхъ подвигахъ своихъ, какъ и во всемъ—сокровеннѣе, чѣмъ лица мужескаго пола. Достоинно вниманія, что среди подвиговъ, которыми подвизались эти избранники Божіи, послѣ поста, молитвы, терпѣнія болѣзней часто встрѣчается юродство во Христвъ: на страницахъ разсматриваемыхъ книгъ юродивыхъ изъ всякаго званія и состоянія занесено больше ста... Какъ много все эти живые примѣры даютъ намъ достойнаго почитанія и подражанія, и утѣшительнаго...

Но довольно о содержаніи разсматриваемыхъ книгъ и его значеніи; скажемъ нѣсколько словъ о самыхъ книгахъ, которые въ общей сложности заключаютъ въ себѣ около 7000 страницъ или свыше 400 печатныхъ листовъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣло и не въ листахъ, а въ томъ, что на этихъ 400 листахъ помѣщено почти столько же статей біографическаго содержанія, изъ которыхъ одни всего лишь въ двѣ—три, а другіе—въ 100, въ 200 страницъ.

Конечно, между лицами, жизнеописанія которыхъ предлагаются въ этихъ книгахъ, есть не мало такихъ, особенно изъ занимавшихъ видное общественное положеніе и хорошо извѣстныхъ по своей такой или иной, или научно-богословской, или церковно-общественной дѣятельности, относительно которыхъ существуютъ всѣмъ хорошо извѣстныя печатныя произведенія, и краткія и пространныя, и общедоступныя и научныя. Произведенія такого рода существуютъ или отдѣльными книгами, или въ видѣ статей въ періодическихъ изданіяхъ; такихъ статей не мало разсѣяно въ разныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ. Изъ другихъ періодическихъ изданій, помѣщавшихъ на своихъ страницахъ сказанія о благочестивыхъ русскихъ людяхъ послѣдняго времени, нужно отмѣтить „Троицкіе Листки“, „Русскій Паломникъ“ и особенно „Странникъ“ за прежніе годы и всегда нашъ журналъ „Душеполезное Чтеніе“.

Много свѣдѣній объ отечественныхъ подвижникахъ благочестія 18 и 19 вѣковъ, особенно такихъ, которые хотя принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ неканонизованныхъ святыхъ, т. е. не причисленныхъ къ лику святыхъ, но мѣстно—особенно на мѣстахъ ихъ жизни или кончины—чтимыхъ, находится въ многотомномъ „Мѣсяцесловѣ“ высокопреосвященнаго Димитрія, архіепископа Тверского, въ книгѣ Поселянина: „Русскіе подвижники 18 и 19 вѣковъ“ и др. под. Но все это не умаляетъ значенія и цѣнности труда составителя разсматриваемыхъ нами жизнеописаній, потому что всѣ эти отмѣченные нами источники ихъ, въ силу самой разсѣянности и разбросанности своей, мало доступны, а иногда—когда они стали библиографическою рѣдкостію—и совсѣмъ недоступны для общаго пользованія ими. Великая заслуга составителя и издателей разсматриваемыхъ книгъ въ томъ прежде всего и состоитъ, что они самымъ собраніемъ ихъ воедино сдѣлали содержаніе ихъ общедоступнымъ. Другая—еще большая заслуга ихъ, или, точнѣе, его, т. е. составителя книгъ, въ томъ, что всѣ эти собраные историческіе матеріалы, по большей части, если не сказать всегда, нужно было обработать и привести къ единству. И безъ особыхъ разъясненій, думаемъ, понятно, какъ великъ трудъ редактированія этихъ матеріаловъ,—выборки болѣе подходящаго жизнеописанія того или иного лица, если жизнеописаній его нѣскольکو, сокращенія, измышленія въ изложеніи и даже слововыраженія и т. под. Еще больше, можетъ быть, труда должно было быть положено на обработку рукописныхъ матеріаловъ, послужившихъ источниками разсматриваемыхъ книгъ, п. ч. то несомнѣнно, что для многихъ жизнеописаній печатныхъ источниковъ или совсѣмъ не было, или было недостаточно, какъ о томъ можно заключать потому, что въ нѣкоторыхъ жизнеописаніяхъ заключаются свѣдѣнія, какихъ въ извѣстныхъ печатныхъ источникахъ ихъ нѣтъ. И только усердіе и трудолюбіе оптинскихъ иноковъ и живое общеніе ихъ и съ другими

иноческими обителями и съ отдѣльными лицами-читателями памятей угодниковъ Божіихъ, часто находящимися на какой-либо далекой окраинѣ Россіи, могли сдѣлать то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи въ настоящемъ дѣлѣ...

Нѣтъ конечно сомнѣнія въ томъ, что въ дѣлѣ этомъ можно указать не мало недочетовъ; къ числу таковыхъ можно отнести, конечно, все же неполноту собранія жизнеописаній и ихъ такъ сказать неравномѣрность, о чемъ можно заключать по тому одному, что первыя книжки втрое и вчетверо меньше послѣднихъ по числу страницъ. Въ янв. кн. 245 стр., въ фев.—330, въ мартѣ—402, въ апр. 332, въ маѣ—371, въ іюнѣ—428, въ іюлѣ—388, въ авг.—704, въ сент.—620, въ окт.—818, въ ноябрѣ 742, а въ дек.—107½, и это при одинаковомъ почти количествѣ жизнеописаній во всѣхъ ихъ (отъ 40—до 60); также неравномѣрны: есть жизнеописанія въ двѣ-три страницы, а есть въ 100, 200 и больше страницъ. Конечно, все это недочеты и недочеты крупные, но въ объясненіе, а отчасти и въ извиненіе ихъ нужно сказать, что настоящій трудъ можно назвать первымъ въ такомъ родѣ. Существеннымъ отличіемъ его отъ другихъ подобнаго же рода нужно назвать то, что въ немъ собраны жизнеописанія подвижниковъ благочестія только 18 и 19 вѣковъ, и расположены эти жизнеописанія, по подобію Четвѣртой Миней, по мѣсяцамъ и числамъ, на которые падаютъ дни кончины воспоминаемыхъ подвижниковъ. Задавшись такою задачею, составитель началъ свое дѣло въ скромныхъ размѣрахъ, можетъ быть и нерасполагая достаточнымъ матеріаломъ, а можетъ быть и не осмѣливаясь по понятнымъ причинамъ ставить дѣло широко. Съ теченіемъ времени, когда трудъ его видимо нашель сочувствіе въ читателяхъ и сталъ имѣть успѣхъ, и матеріала стало собираться больше, и взглядъ на дѣло самъ собою сталъ расширяться. Нѣтъ сомнѣнія, что и составитель, и издатели не могли не замѣчать являвшейся вслѣдствіе этого несообразной съ существомъ дѣла неравномѣрности частей; но вѣрно кажется и то, что они

имѣли и имѣютъ въ виду исправить этотъ недостатокъ. Вотъ какое заявленіе отъ обителѣ (т. е. издателя книгъ книгъ) читаемъ мы на послѣдней страницѣ послѣдней книжки: „Всѣ житія, какія не вошли въ это первое изданіе, впредь, пока Господь не приведетъ сдѣлать второе изданіе, будутъ собираться и по накопленіи матеріала будутъ напечатаны особымъ дополнительнымъ томомъ, а нѣкоторые помѣщаются въ издаваемомъ нами журналѣ: „Душеполезный Собесѣдникъ“ адресъ котораго: Москва, Никольская ул., Аѳонская часовня св. Цѣлителя Пантелеимона. Желających и просимъ по сему адресу присылать матеріалы, которые немедленно и будутъ передаваемы о. автору этого сочиненія для обработки. Просимъ прилагать портреты, виды, вообще все, что найдетъ кто полезнымъ сообщить объ извѣстномъ подвижникѣ или подвижницѣ“. Изъ этого заявленія ясно можно усматривать, что отмѣченный недочетъ въ извѣстной степени будетъ исправленъ... Что же касается того, что и въ послѣднихъ книжкахъ, какъ и въ первыхъ, наряду съ жизнеописаніями въ двѣ—три страницы есть жизнеописанія въ 100, 200 и болѣе страницъ, это несомнѣнно объясняется или тѣмъ, что объ однихъ подвижникахъ нѣтъ пока извѣстныхъ и точно провѣренныхъ свѣдѣній, а объ другихъ есть, или одни подвижники и по самой, такъ сказать, жизни своей не такъ содержательны, какъ другіе. Отмѣченная максимальная разность касается преимущественно или тѣхъ лицъ, которыя занимали видное общественное положеніе и отличались широкою дѣятельностію и потому и въ печатныхъ трудахъ о нихъ обслѣдованы подробно, или о лицахъ, особенно близкихъ составителю и издателямъ, т. е. близкихъ и дорогихъ для Оптинской пустыни, каковы Оптинскіе старцы: о. Амвросій, Макарій, Левъ и др. и особенно Паисій Величковскій. Жизнеописаніе послѣдняго представляетъ собою цѣлую монографію, въ которой не только описывается жизнь его, а сообщаются подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ

его и его учениковъ по переводу святоотеческой письменности.

Къ сказанному можно прибавить развѣ еще то, что книги снабжены рисунками — по большей части портретами подвижниковъ (всѣ почти рисунки, числомъ больше 150, отпечатаны на особыхъ листахъ и чисто) и напечатаны крупнымъ и отчетливымъ шрифтомъ, на плотной бумагѣ и очень исправно въ корректурномъ отношеніи. Цѣна книгъ: январской—80 коп., февральской—1 р., мартовской—1 р. 25 к., апрѣльской—1 р. 10 коп., майской—1 р. 20 к., юньской—1 р. 40 к., юльской—1 р. 90 к., августовской—2 р. 20 к., сентябрьской—2 р., октябрьской—2 р. 60 к., ноябрьской—2 р. 30 и декабрьской—3 р. 30.

Прот. І. Соловьевъ.

Вышла и поступила въ продажу книга:

„СВЯТЫЙ ДИМИТРІЙ, МИТРОПОЛИТЬ РОСТОВСКІЙ“.

Соч. В. Нечаева (Еписк. Виссаріона) Изд. II. Ц. 60 к. съ пер.

Съ требованіями обращаться въ редакцію журнала.

„Душеполезное Чтеніе“

ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА
В И С С А Р І О Н А):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Иисуса Навина, Судей, Царствъ, Іова, Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзоръ употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія). Ц. 1 р., съ перес. 1 руб. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

СОДЕРЖАНІЕ III ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1912 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

	<i>Стран.</i>
1. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І.	1—6
	165—170. 319—324 446.—474
2. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. Василія Епископа Можайскаго.	475—487
3. ИСТОРИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ О СМОЛЕНСКОЙ ИКОНѢ БОЖІЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ, ШЕСТВОВАВШЕЙ ВЪ РЯДАХЪ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ НАШУ ВОЙНУ 1812 г. Протоіерея П. Левашева.	29—39
4. СТАРЕЦЪ ѲЕДОРЪ КУЗЬМИЧЪ. А. С.	40—57
5. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ „О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ѲОМЫ КЕМПІЙСКАГО. Книга 3-я. О внутреннемъ утѣшеніи и кв. 4-я. Прот. Александра Смирнопуло, Настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Брюссель. 58—65	210—218 365—374. 502—518
6. СОВРЕМЕННОЕ БОГОБОРСТВО И ЦѢЛНТЕЛЬНАЯ СИЛА ХРИСТІАНСТВА. Протоіерея Сергія Четверикова. 66—87	185—209
7. РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Д-ра. В. К. Недзвецкаго.	88—104
8. О СМЫСЛѢ И ЦѢННОСТИ ЖИЗНИНОКНИГЪ ЕККЛЕЗІАСТЪ. Григорія Боряткевича.	105—128
9. НА АЛТАРЬ ЛЮБВИ. Разказъ. Н. Попова-Пермскаго.	129—145
10. ВОСПОМИНАНІЯ О СТАРЦАХЪ. Монастырскаго служки.	146—158
11. ВЕЛИКОЕ ОСКУДѢНІЕ. (Стихотвореніе). Иерод. Евфимія.	159—160
12. ВЪНОКЪ НА ДОРОГУЮ МОГИЛУ. (Стихотвореніе). Автора: „Молитва Сурофиникиянки“, „Двѣ трапезы“, „Божіе посѣщеніе“ и проч.	161—161
13. СОНЪ И СМЕРТЬ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго.	162—162
14. ИЗЪ ПИСЕМЪ ОПТИНСКАГО СТАРЦА О ІЕРОСХИМОНАХА АМВРОСІЯ.	163—164
15. ИВАНЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ КОРЕЙША. (По поводу сужденій о немъ доктора Н. Н. Баженова). Алексѣя Розанова.	219—242
16. СВЯТЫЕ ДНИ ВЪ Г. БЪЛГОРОДѢ. (Впечатлѣнія очевидца при открытіи мощей святителя Іоасафа). Сергія Голощапова. 243—269	375—386
17. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОСОФІЯ И ЕЯ СЛАБЫЯ СТОРОНЫ. Р. 270—287	402—418. 519—543
18. ДУХЪ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Къ столѣтію со дня его кончины, 11 Ноября 1912 г. Прот. А. Бѣллева. 288—296 419—426. 547—553	547—553
19. ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ. І. Е.	297—306
20. У ГРОБА ПРЕПОДОБНАГО СЕРГІЯ. (Стихотвореніе). І. Е. 307—307	307—307
21. НА СЛОВА АП. ПАВЛА ВЪ РИМЛ. 1, 20. (Стихотвореніе). Алексѣя Кастальскаго.	308—308

22. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ НАСЛѢДНИКУ
ЦЕСАРЕВИЧУ АЛЕКСИО НИКОЛАЕВИЧУ. (Стихотвореніе).
Анатолія Александрова. 309—309
23. ПРИВѢТЪ БАЛКАНСКИМЪ БРАТЬЯМЪ. (Стихотвореніе).
Анатолія Александрова. 310—310
24. БИБЛЮГРАФІЯ. Прот. **І. Соловьева.** 311—316
25. СВ. ЮАННЪ ЗЛАТОУСТЬ — СТРАДАЛЕЦЪ И ДРУГЪ
СТРАЖДУЩИХЪ. (Съ рисунками). **Трифона, Епископа**
Дмитровскаго. 341—364
26. СМОЛЕНСКАЯ ИКОНА БОЖІЕЙ МАТЕРИ ОДИГИТРИИ ВЪ
ЮБИЛЕЙНЫЕ ДНИ НАСТОЯЩАГО ГОДА. С. А. П. 387—393
27. МЫСЛИ НАПОЛЕОНА НА О. СВ. ЕЛЕНЫ ОБЪ ИСУСЪ
ХРИСТЪ. (Къ юбилею Отечественной войны). **Законоучителя**
Одесской 2-й м. гимназіи Свящ. Ал. Введенскаго. 394—401
28. ДѢЛО И ДОЛЯ ПРОПОВѢДНИКА ПО ЖИЗНИ МОСКОВСКА-
ГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Свящ. **Н. Орлова.** 427—440
29. ВѢРНЫЙ ПУТЬ. (Разсказъ). **В. Кузнецовой.** 441—447
30. ПОСЛЬ ПОСВѢЩЕНІЯ ПРИЮТА ВО ИМЯ ЦАРИЦЫ НЕБЕС-
НОЙ. **Н. П.** 448—449
31. РКО MEMORIA. (Стихотвореніе). **В. К. Недзвецкаго.** 450—450
32. ТЕРПѢНІЕ. (Ак. 1, 4). Стихотвореніе. Его же. 451—451
33. БИБЛЮГРАФІЯ. Свящ. **А. П.** 452—456
34. ЧЕЛОВѢЧЕСТВО ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ и Его значеніе въ
нашей духовной жизни. Свящ. **І. Артоболовскаго.** 459—463
35. ПОЧЕМУ ДЛЯ ЧУДА НУЖНА ВѢРА, КОГДА, ПОВИДИМО-
МУ, ДОЛЖНО БЫТЬ НАОБОРОТЪ—ЧУДО ДОЛЖНО ВЫ-
ЗЫВАТЬ ВѢРУ? **Д. Фаворскаго.** 487—501
36. МОЛИТВЕННОЕ ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО СЯТИТЕЛЯ ДИМИТ-
РІЯ РОСТОВСКАГО ЗА ОТЕЧЕСТВО НАШЕ ВЪ 1812 г. **Е. І.** 544—546
37. МЕСТЬ. (Рождественскій разсказъ). **В. Кузнецовой.** 554—560
38. ПОКРОВСКІЙ (КНЯГИНИНЪ) ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ
Г. КІЕВѢ. (Съ рисункомъ **Міряннина.** 561—568
39. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ СОБЫТІЙ 1812 г.
ПО РАЗУМУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (къ 25 декабря). **Н.** 569—582
40. ЗАВѢТЫ ПРЕДКОВЪ. (Стихотвореніе). **Г. А.** 583—583
41. ЕЛКА. (Стихотвореніе). **Бориса Свѣшнкова.** 584—584
42. ЦѢНИ СВОЕ. (Стихотвореніе). **В. К. Недзвецкаго.** 585—585
43. БИБЛЮГРАФІЯ. Прот. **І. Соловьева.** 586—595

ОБЪ ИЗДАНИИ

ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“

въ 1913 году.

(Пятьдесятъ четвертый годъ изданія).

Основанный 53 года тому назадъ въ Бозѣ почившимъ Преосвященнѣйшимъ **Виссаріономъ**, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ, въ соучастіи съ Высокопреосвященнымъ **Амвросіемъ**, Архіепископомъ Харьковскимъ, журналъ „**Душеполезное Чтеніе**“ поставилъ своею задачею—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и помятаго духовнаго чтенія“. Такъ определена была эта задача приснопамятнымъ святителемъ **Филаретомъ**, Митрополитомъ Московскимъ, въ его донесеніи св. Синоду объ изданіи журнала.

Для достиженія этой цѣли въ составъ журнала съ самаго начала его существованія входили: 1) Труды, относящіяся къ изученію свящ. Писанія. 2) Статьи въручительнаго и нравоучительнаго содержанія съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и уставомъ православной церкви. 3) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и др. авторитетныхъ памятниковъ. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи, относящіяся къ православному богослуженію. 6) Общепонятное и духовно поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 7) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ. 8) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ и 9) разныя извѣстія и замѣтки.

По кончилъ Митрополита **Филарета** (1867 г.) къ этимъ отдѣламъ присоединился новый, посвященный имѣющимъ руководственное значеніе для пастырей и мірянъ резолюціямъ, мнѣніямъ, донесеніямъ и письмамъ этого богомудраго Святителя. Когда же на мѣсто Преосвященнаго **Виссаріона** редакторомъ журнала сталъ протоіерей **Д. Ѳ. Касицынъ**, много лѣтъ предъ тѣмъ бывший профессоромъ Моск. Дух. Академіи по кафедрѣ исторіи западныхъ исповѣданій, въ „**Душеполезномъ Чтеніи**“ стали помѣщаться свѣдѣнія объ этихъ исповѣданіяхъ съ разборомъ ихъ ученія и обрядовъ, и особенное вниманіе обращено было на ознакомленіе читателей съ письмами въ Бозѣ почившихъ въ эти годы оптинскаго „старца“ іеросхимонаха о. **Амвросія** и преосвященнаго **Феофана** Вышинскаго затворника, при жизни своей напечатывшаго въ „**Душеполезномъ Чтеніи**“ почти всѣ свои **толкованія посланій Св. Ап. Павла**. Редакція вполнѣ справедливо полагала, что „жизнь, письма и статьи“ этихъ свѣтильниковъ русской Церкви послѣдняго времени „представляютъ вполнѣ авторитетное и самое удобопонятное чтеніе для всѣхъ званій и состояній во всей православной Россіи, чтеніе не праздное и тщетное, а ствѣчающее на самыя насущныя и жизненные вопросы и на всевозможные случаи“. Журналъ „никогда не слѣдуя рабски духу времени“ и подвергая „критикѣ“—разбору и опроверженію разныя отрицательныя ученія съ православно-церковной точки зрѣнія,—всегда оставался неизмѣнно вѣрнымъ своей основной задачѣ и вполнѣ сохранилъ свой духовный обликъ, которымъ отличается онъ отъ многихъ другихъ духовныхъ журналовъ.

Смѣемъ думать, что въ этой именно неизмѣнной вѣрности журнала своей первоначальной задачѣ, въ строго-православной церковности его направленія и въ его общепонятности заключается причина того сочувствія къ нему читателей, благодаря которому журналъ, имѣя главными своими подписчиками духовенство и многихъ изъ свѣтскихъ образованныхъ русскихъ людей церковнаго направленія, хорошо извѣстенъ и за границей,—даже въ далекой отъ насъ Америкѣ, Китаѣ и Японіи.

Въ наступающемъ 1913-мъ году „Душеполезное Чтеніе“ съ Божіей помощью будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался онъ съ начала его существованія въ теченіе пятидесяти трехъ лѣтъ. Служить духовнымъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и потребностямъ времени, отзываясь на нихъ общедоступнымъ словомъ въ строго-православномъ духѣ и направленіи и въ характерѣ веденія дѣла слѣдуя заветамъ и руководственнымъ указаніямъ и примѣру основателей журнала и его старѣйшихъ редакторовъ—таковы задачи, которыя ставитъ себѣ редакція и въ будущемъ въ подборъ статей, долженствующихъ входить въ указанный выше составъ журнала.

Нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответствующими рисунками.

Идя навстрѣчу духовной любознательности читателей, въ концѣ каждой книжки журнала будемъ помѣщать библиографію и указаніе вновь выходящихъ книгъ и статей религіозно-нравственнаго содержанія.

ВЪ ВИДѢ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ БУДУТЪ ДАНЫ:

1) Доселѣ хранившійся въ рукописи капитальный трудъ извѣстнаго канониста православной церкви, **Высокопреосвященнаго Алексія, Архіепископа Литовскаго:**

О православной церкви и ея управленіи.

Насущный современный интересъ этого вопроса и имя автора, бывшаго Профессора Московск. Дух. Академіи, въ 70-хъ годахъ прошл. столѣтія принимавшаго большое участіе въ духовно-судебной реформѣ, достаточны, думаемъ, говорить о высокой цѣнности этого приложенія.

2) Продолженіе даннаго въ 1912-мъ году сочиненія Аббата Гетте:

„Исторія іезуитскаго ордена“.

3) Сочиненіе извѣстнаго ученаго антидарвиниста, доктора зоологіи, **А. А. Тихомирова** подъ заглавіемъ

„Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ“.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 г. за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежем. дух. жур. „Душеполезное Чтеніе“—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна за годовое изданіе журнала со всѣми его приложеніями 3 р. 50 к. безъ пересылки, 4 р. съ пересылкой. За границу—5 рублей.

Адресъ: *Москва*, редакція „Душеполезное Чтеніе“ при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ профессоръ Богословія въ Императорскомъ Лицѣѣ въ память Цесаревича Николая, Протоіерей *Іоаннъ Соловьевъ*.

Издательница *Ольга Касицына*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на ежемѣсячный иллюстрированный литературно-научный журналъ

Свѣточъ и Дневникъ Писателя

(VII-й годъ изданія),

по программѣ, обычной для ежемѣсячниковъ, съ особымъ отдѣломъ „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и отдѣльнымъ, по новой программѣ, Журналомъ для дѣтей—„Маленькій Свѣточъ“ подъ редакціей А. В. Круглова, при непосредственномъ раздѣленій съ нимъ трудовъ по редакціи А. Н. Кругловой-Догановичъ, при ближайшемъ участіи д-ра меиц. В. К. Недзвецкаго и инженеръ-технолога М. В. Лысковскаго и при сотрудничествѣ извѣстныхъ писателей и ученыхъ. Идя навстрѣчу желаніямъ подписчиковъ, мы расширяемъ отдѣлы научно-исторической и „На помощь Семьѣ и Школѣ“ и прибавляемъ выпускъ „Маленькаго Свѣточа“— 6 вмѣсто 5.

Такимъ образомъ, не увеличивая подписной цѣны, мы вносимъ въ наше дѣло улучшенія какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Всѣ подписчики за 4 руб. получаютъ:

12 №№ иллюстрированнаго журнала Свѣточъ и Дневникъ Писателя и бесплатныя приложенія: 6 №№ иллюстр. дѣтскаго журнала „Маленькій Свѣточъ“, которые составятъ за годъ цѣнный томикъ разнообразнаго и полезнаго чтенія, по праву могущій занять мѣсто въ семейно-школьной библіотекѣ.

8 элегій въ прозѣ, подъ общимъ названіемъ „Лирическіе Аккорды“, изданныя изящно, на хорошей бумагѣ.

1 книгу „Трехсотлѣтіе Царствованія Дома Романовыхъ“. Эта книга будетъ составлена съ тѣмъ же строгимъ подборомъ, какъ и Двѣнадцатый Годъ,—премія къ журналу за текущій 1912 г., и будетъ снабжена многими иллюстраціями.

1 книгу „Молитвенникъ Земли Русской“ иллюстрированное чтеніе объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Его жизнь и значеніе для Русской Церкви и народа).

Подписная цѣна на 1913 г. со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ Москвѣ 3 р. 60 к. въ годъ. Съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой по Имперіи 4 руб.

Можно подписываться въ разсрочку, внося при подпискѣ 2 р. 50 к. и къ 1-му марта 1 руб. 50 к. Полугодовая подписка не принимается.

За границу только на годъ и безъ разсрочки 6 р. 50 к.

Книжнымъ магазинамъ при годовой полной подпискѣ комис. скидка 20 к. съ экземпляра.

Адресъ Редакціи и конторы: Москва, Тверская, уг. Брюсова-скаго пер., д. гр. Олсуфьевой.

Вступая въ 7-й годъ существованія, „Свѣточъ и Дневникъ Писателя“ остается вѣренъ своей задачѣ: укрѣплять сознание гражданскаго долга, отстаивать начала здоровой свободной жизни, покоящейся на завѣтахъ вѣчной правды и красоты. Давая читателямъ интересное, разнообразное и полезное чтеніе, журналъ нашелъ сочувствіе какъ въ кругахъ широкой публики, такъ и среди выдающихся общественныхъ дѣятелей. Онъ привлекъ и вниманіе молодежи, желающей трудиться на благо народа, выполняя свой гражданскій долгъ передъ родиной. Улучшая нашъ журналъ съ вѣшной стороны и въ смыслѣ содержанія.—мы съ 1912 года обратили вниманіе, не сокращая старыхъ отдѣловъ, на отображеніе, перомъ и карандашомъ, русской и иностранной текущей жизни. Такимъ образомъ въ 1913 году „Свѣточъ и Дневникъ Писателя“ будетъ имѣть слѣд. отдѣлы:

I. Литературно-научный. (Стихи, романы, повѣсти, рассказы и проч. Статьи по вопросамъ религіи, науки, искусства, литературы и политики, этнографическіе, историческіе очерки и рассказы.) II. Критика и библіографія. (Критическія статьи о писателяхъ и выдающихся произведеніяхъ литературы. Книжное обозрѣніе (разборъ книгъ). Журнальное обозрѣніе (разборъ журналовъ свѣтскихъ и духовныхъ). На поляхъ книгъ, газетъ и журналовъ.) III. Изъ разныхъ краевъ. (Письма изъ Петербурга и разныхъ мѣстъ Россіи, а также и изъ-за границы—нашихъ корреспондентовъ. Московскія письма. Что пишутъ другимъ.) IV. По весямъ и градамъ. (Обозр. русск. жизни. Отклики.) V. Зарубежные наброски. (Обозрѣніе заграничной жизни преимущественно общественно-бытового характера, но со включеніемъ и фактовъ политической жизни.) VI. На помощь семьѣ и школь. (Въ области школьнаго и семейнаго воспитанія.—Полезные совѣты изъ области медицины, гигиены и житейскаго обихода.—Списокъ полезныхъ книгъ.) VII. Театръ и искусство. VIII. Обо всемъ. (Интересное въ жизни и печати—дома и на чужбинѣ: отображеніе жизни перомъ и карандашомъ.) IX. Искры. (Сатира и юморъ.—Беллетристика, стихи, фельетоны.—Каррикатуры.) X. Со стороны. (Полемика и голоса изъ публпки.) XI. Научныя замѣтки. (Научн. новости, біографіи ученыхъ дѣятелей и пр.) XII. Дневникъ писателя. (Бесѣды по текущимъ вопросамъ и вообще по вопросамъ жизни, этики, литературы и политики.) XIII. Смѣсь. XIV. Ноты. XV. Красныя слова. (Изреченія выдающихся дѣятелей.) XVI. Почтовый ящикъ. XVII. Безплатныя приложенія. XVIII. Объявленія.

Журналъ выходитъ въ 20-хъ числахъ кажд. мѣсяца, при чемъ №№ за май—іюнь и іюль—августъ слитными книжками.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ журналѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ. Число иллюстрацій постоянно увеличивается.

Редакторъ-издатель *А. В. Кругловъ*.

Открыта подписка на двухнедѣльный журналъ

ВѢРА И ЖИЗНЬ.

(2-й годъ изданія).

Журналъ издается при Братствѣ св. Михаила кн. Черниговскаго, выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 10 печатныхъ листовъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: а) богословско-философскаго (научно-популярныя статьи по вопросамъ православно-христіанскаго богословія и философіи), б) пастырско-миссіонерскаго (статьи по разнымъ сторонамъ и вопросамъ пастырской практики, литургикѣ, гомилетикѣ и т. п.), в) церковно-историческаго (статьи по церковной исторіи, археологіи и т. п.), г) литературно-педагогическаго (статьи по литературѣ, педагогикѣ, художественныя произведенія: повѣсти, рассказы, путешествія и т. п.), д) церковно-общественнаго (обзоръ главнѣйшихъ событій церковной жизни въ Россіи и заграничій и хроника мѣстной епархіальной жизни) и е) официальной части.

Подписная цѣна: на годъ съ пересылкою 6 р. 50 к., на полгода 3 р. 50 к., отдѣльный номеръ 50 к.

Адресъ: Черниговъ, Духовная Семинарія, Редакція журнала „Вѣра и Жизнь“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ на первый и единственный монашескій иллюстрированный двухнедѣльный журналъ

Четвертый
годъ
изданія.

„Русскій Инокъ“

Издается
трудами
иноковъ.

„Русскій инокъ“, согласно указа Св. Синода, отъ 12 марта 1912 года, № 5, обязательно выписывается во всѣ мужскія и женскія обители Имперіи.

„Русскій Инокъ“ издается подъ высшимъ руководствомъ и при непосредственномъ участіи Члена Св. Синода, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія Архіепископа Волынскаго.

Программа „Русскаго Инока“: Творенія св. Отець. Писанія позднѣйшихъ подвижниковъ и учителей иночества. Выписки изъ разныхъ душеполезныхъ книгъ. Уставы и Правила для иночествую-

цахъ. Монастырскій Старецъ. Уставщикъ. Училище благочестія. Исторія Царства Божія на землѣ. Монашеская лава (стихотворенія). Иноческіе опыты. Иноческое поученіе. Жизнеописанія подвижниковъ и подвижницъ благочестія. По святымъ обителямъ (описанія, извѣстія и замѣтки). Отзывы о книгахъ. Монастырское рукодѣлье. Отвѣты на вопросы подписчиковъ. Распоряженія Церковной Власти по монастырямъ. Стѣнная бібліотека. На благословеніе.

ЗА ТРИ РУБЛЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 выпуска журнала—свыше 1500 стран. текста и 200 рисунковъ—снимковъ, видовъ обителей, ихъ святынъ, портретовъ подвижниковъ и проч. 24 иллюстрированныхъ листа „на благословеніе богомольцамъ“ до 150 стран. текста, до 30 листовъ „стѣнной бібліотеки“, изящно изданныхъ, съ художественно-исполненными виньетками, заставками и проч.

КРОМЪ СЕГО ВСѢМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ БУДЕТЪ БЕЗПЛАТНО РАЗОСЛАНЪ

Иноческій стѣнной календарь

въ 365 листовъ большого формата, что составитъ сборникъ разный журналу за полугодіе. Сверхъ всего, въ видѣ особыхъ бесплатныхъ приложений, намѣченъ цѣлый рядъ книжекъ справочниковъ, для употребленія въ церкви и келліи,—необходимо для священноиноковъ и клиросныхъ братій.

Подписная годовая плата на „Русскій Инокъ“ со всѣми къ нему приложениями съ начала года—три рубля, а съ 1 февраля и дальше—три р. 50 коп. за границу—пять р. 50 к.

ИНОЧЕСКІЙ СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ въ отдѣльной продажѣ 75 коп. съ пересылкой, безъ пересылки 50 коп.

Адресъ издательства: Почаевъ на Волыни, Редакціи „Русскаго Инока“.

Подписной годъ начинается съ 15 Ноября 1912 года.

Одобренный Св. Синодомъ и Минист. Народн. Просв. Рекомендованъ Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1913 г.

на ежемѣсячный музыкальный журналъ

„Музыка и Пѣніе“

Девятнадцатый годъ изданія.

Подписчикъ получаетъ въ годъ: I. Около 200 стр. текста. II. Болѣе 600 стр. нотъ содерж. болѣе 400 пьесъ. Музыкальная часть состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Церковное, школьн. и хоров. пѣніе. 2) Романсы на 1 и 2 гол. съ аккомп. фортеп. 3) Фор-

теціан. соч. и нов. танцы. 4) Пьесы для скрипки и др. инструм. домашняго оркестра. Изъ иностранной музыки въ журналъ помѣщается только все выдающееся.

Кромѣ 12 номеровъ журнала, въ 1913 году, подписчикъ получаетъ:

ДВѢ ПРЕМІИ.

Полную оперу для фортеціано въ 2 руки *Жоржа Бизе*. „*Искатели Жемчуга*“. Или одну изъ оперъ для форт. съ подвед. русск. текста *Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила*. *Фаустъ, Кармень, Аида, Гугеноты, Травиата и Тангейзеръ* или *Оперет.*—*Птички пѣвчія, Прекрасная Елена, Красное Солнышко и Корневильскіе Колокола*. Или поставленную съ большимъ успѣхомъ на сценѣ Императорскаго Маріинскаго театра въ апрѣлѣ с. г., и включенную въ репертуаръ 1913 г. полную оперу, для пѣнія, муз. Г. А. Казаченко.

„ПАНЬ СОТНИКЪ“.

(Оригинальное изданіе, стоющее въ отдѣльной продажѣ 6 руб.) или полную оперу для пѣнія „*Паяцы*“ *Р. Леонкавалло*, или *Сборникъ романсовъ П. И. Чайковскаго (двадцать романсовъ)*. Опера или оперетка по желанію можетъ быть замѣнена одною изъ слѣд. дух. пр. *Сборникъ великопостныхъ пѣснопѣний разныхъ авторовъ подъ редакціей М. Гольтисона*. 2) *Сборникъ дух. муз сочиненій разныхъ авторовъ: Ламакина, Старорусскаго, Строккина, Коченовскаго, и др.* 3) *Всенощное Бдѣніе Арх. Теофана*, 4) *Литургія А. Веделя*, 5) *Всенощное Бдѣніе А. Веделя* или *Сборникъ дух.-муз. соч. старыхъ и новыхъ авторовъ, въ который входятъ знаменитыя соч. Веделя, Дегтярева, Сарти и др.* Въ этомъ году въ №№ журнала будетъ печат. *Истор. Хрест.*, вып. XI.

Вторая премія: Г.г. подписчики, при доплатѣ одного рубля, могутъ получать еще одну оперу. Нежелаемый отдѣлъ можно замѣнить по выбору однимъ изъ альбомовъ музык. пьесъ. Пробный номеръ высыл. за 60 к. марками. Подроб. объясненія и списокъ альб. и доб. премій высылается бесплатно.

Подписная цѣна 4 руб. въ годъ, съ дост. и перес. по всей Россіи—5 руб., за-границу—6 руб. Допуск. разсрочка по 1 руб.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журн. „*Музыка и Пѣніе*“, С.-Петербургъ, Казанская, 36, при собственномъ нотномъ магазинѣ.

Условіе о помѣщеніи объявленій высылается бесплатно.

Редакторъ *М. Гольтисонъ*.

Издательница *В. Иванова*.

ПОДПИСКА въ 1913 году на газету

„РУССКІЙ СТЯГЪ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМОЙ.

Выходитъ разъ и въ случаѣ надобности два раза въ недѣлю.

Изданіе имѣетъ разбирать явленія жизни политической, церковной, литературной, общественной,—съ точекъ зрѣнія Самодержавія, Православія, Народности,—на основаніи данныхъ, проверенныхъ наукой. На „Русскомъ Стягѣ“ значатся три основы Русской Государственности:—Самодержавіе, Православіе и Народность—могучія силы, создавшія и укрѣпившія Россію и одинаково признаваемые какъ ея друзьями, такъ и недругами. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ пересылкой на 12 мѣс.—3 руб., на 6 мѣс.—1 руб. 50 к., на 3 мѣс. 75 к., на 2 мѣс. 50 к., на 1 мѣс. 25 к. За границу вдвое дороже.

Вышедшіе съ февраля 1906 г. №№ высылаются, по требованію, по уменьшенной цѣнѣ.

Контора газеты: Москва, Арбатъ, д. № 29, при типографіи „Русская Печатня“.

Редакторъ-Издатель Я. М. Сарандинаки.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1913 годъ съ доставкой и пересылкой

ВЪ РОССІИ:

на 12 мѣс.	12 р. — к.		на 6 мѣс. .	6 р. 50 к.
„ 11 „ .	11 „ 20 „		„ 5 „ . .	6 „ — „
„ 10 „ .	10 „ 40 „		„ 4 „ . .	4 „ 80 „
„ 9 „ .	9 „ 50 „		„ 3 „ . .	3 „ 60 „
„ 8 „ .	8 „ 50 „		„ 2 „ . .	2 „ 40 „
„ 7 „ .	7 „ 50 „		„ 1 „ . .	1 „ 20 „

ЗА ГРАНИЦУ:

на 12 мѣс.	20 р. — к.		на 6 мѣс. .	11 р. 50 к.
„ 11 „ .	19 „ — „		„ 5 „ . .	10 „ — „
„ 10 „ .	17 „ 50 „		„ 4 „ . .	8 „ — „
„ 9 „ .	16 „ — „		„ 3 „ . .	6 „ — „
„ 8 „ .	14 „ 50 „		„ 2 „ . .	4 „ — „
„ 7 „ .	13 „ — „		„ 1 „	2 „ — „

Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При подпискѣ слѣдуетъ точно указывать, съ какого мѣсяца высылать газету.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ воскресеній и двенадесятихъ праздниковъ.

Для годовыхъ подписчиковъ *допускается разсрочка платежа*: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ казначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 4 руб. къ 1 мая и 3 р. къ 1 сентября. Невнесшимъ въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса.

При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги.

Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ Привислянскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платять за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 коп.

За переѣзду адреса взимается каждый разъ 40 коп.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи (Москва, Петровка, домъ № 25), въ Петербургѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—*Agence Havas, Place de la Bourse.*

Розничная продажа №№ Московскихъ Вѣдомостей въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ.

Плата за объявленія: передъ текстомъ 40 коп., послѣ текста—20 коп. со строки петита или за мѣсто, занимаемое ею въ одну колонну, за каждый разъ.

Стоимость отдѣльныхъ №№ *Московскихъ Вѣдомостей* 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. Тихомировъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ. = 28-й г. изданія.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВ. ЖУРНАЛЪ. — Одобренъ всеми вѣдомствами.

52 ЛѢТЪ ЖУРНАЛА **2000** ст. текста изв. **800** иллюстрацій, стра-
въ изящныхъ цѣтвыхъ духовныхъ и жажданныхъ душою
ОБЛОЖКАХЪ, до свѣтскихъ писа- нрав. жизнь прош-
телей, свыше лаго и настоящаго.

Журналъ ставитъ свою задачу: а) быть другомъ, утѣшителемъ, спутникомъ каждаго христианина въ его трудной жизни (а землѣ и б) служить великому дѣлу защиты Христова ученія отъ нападокъ на него современнаго невѣрія.

10 КНИГЪ = ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ =
больш. формата четкаго шрифта. **ПЛАТОНА, МИТР. МОСКОВСКАГО**

Митр. Платонъ, знаменитый церковный вѣстия («Русскій Златоустъ»), былъ носителемъ русскаго національно-патриотическаго духа, и умеръ 11 ноября 1812 г. Такимъ образомъ, знаменательная годовщина 100-лѣтія Отечественной войны совпадаетъ съ памятью о знаменитомъ святителѣ-патріотѣ. Всѣ сочиненія митрополита Платона проникнуты, именно, такимъ національно-патриотическимъ духомъ. Особенно интересны проповѣди митр. Платона, проникнутыя глубокимъ чувствомъ реальности о Славѣ Божіей и духомъ пламенной борьбы съ релігиозными заблужденіями того времени, которое во многомъ напоминаетъ и наше время.

2 КНИГИ = ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНІЙ =
больш. формата четкаго шрифта. **СВ. КИРИЛЛА ІЕРУСАЛИМСКАГО**

одного изъ замѣчательныхъ отцовъ христіанской церкви, который по справедливости можетъ быть названъ *первымъ истолкователемъ* христіанскаго вѣроученія. Въ своихъ твореніяхъ св. Кирилль раскрываетъ сущность христіанскаго ученія, опровергаетъ различныя заблужденія и истолковываетъ обряды и смыслъ Св. Таинствъ.

6 КНИГЪ Сочиненія известнаго современнаго церковнаго писателя-публициста
настолянаго **Е. ПОСЕЛЯНИНА**
— изданія — **ИДЕАЛЫ ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ**
Въ этомъ сочиненіи, возумя православному христіанину совершенствоваться и приближаться къ Богу,—авторъ совѣщаетъ глубокую релігиозную и христіанскую настроенность съ большимъ художественнымъ талантомъ.

16 КНИЖЕКЪ = ПОДЪ ОВЩИМЪ НАЗВАНІЕМЪ: =
наиздат. и вѣро- **ДУХОВНАЯ НИВА**
учит. бібліотеки.

1. Православное ученіе о спасеніи. *Сергія, Архiep. Финляндскаго.* 2—4. Вѣра, надежда, любовь. *Бесѣды Анатола, Архiep. Мошлевскаго.* 5—6. Смыслъ Человѣчскій среди сыновъ людскихъ. *Евангелскія характеристики. Б. Карпентера, Еп. Рипонскаго.* 7—8. Живыя души. *Проф. Моск. дух. акад. М. М. Гартвеа.* 9—10. Христіанство и современ. *социализмъ. Опыт опроверженія антихрист. ученій. Проф. прот. Н. С. Стеллецкаго.* 11. Релігія и наука. *Опроверженіе научнаго невѣрія. Проф. прот. П. Я. Святлова.* 12—13. Вопросы духа и жизни. *Цѣль и смыслъ человѣчскіи жизни. Свѣц. Е. В. Ландышева.* 14—16. Когда наступилъ мракъ... *Идеино-релігиозное повѣствованіе. Торна. Переводъ съ англійск.*

И
ко дню празднованія 300-лѣтняго юбилея Дома Романовыхъ
будетъ разосланъ ВЕЗПЛАТНО всѣмъ г.г. подписчикамъ:

АЛЬБОМЪ рисунковъ профессора историческаго живо- **В. П. Верещагина,**
писи Императорской Академіи художествъ **И. В. Баженова**
съ характеристикой царствованія всѣхъ представителей Дома Романовыхъ и съ большимъ **Михаила Феодоровича Романова,** о его дѣятельности и значеніи Дома Романовыхъ для Россіи. **АЛЬБОМЪ** Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ рекомендовать и допустить для бібліотекъ средн. уч. зав., а также для выдачи учащимся въ награду и для бібліотекъ дух. семинарій и епарх. женскихъ училищъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. **6** РУБ.
безъ дост. въ СІВ. 5 РУБ. Съ дост. и перес. по Россіи
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальныя.

Главная контора и редація: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.
Редакторъ: Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. С.

Смѣемъ думать, что въ этой именно неизмѣнной вѣрности журнала своей первоначальной задачѣ, въ строго-православной церковности его направленія и въ его общепонятности заключается причина того сочувствія къ нему читателей, благодаря которому журналъ, имѣя главными своими подписчиками духовенство и многихъ изъ свѣтскихъ образованныхъ русскихъ людей церковнаго направленія, хорошо извѣстенъ и за границей,—даже въ далекой отъ насъ Америкѣ, Китаѣ и Японіи.

Въ наступающемъ 1913-мъ году „Душеполезное Чтеніе“ съ Божіей помощью будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался онъ съ начала его существованія въ теченіе пятидесяти трехъ лѣтъ. Служить духовнымъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и потребностямъ времени, отзываясь на нихъ общедоступнымъ словомъ въ строго-православномъ духѣ и направленіи и въ характерѣ веденія дѣла слѣдуя за вѣтамъ и руководственнымъ указаніямъ и примѣру основателей журнала и его старѣйшихъ редакторовъ—таковы задачи, которыя ставитъ себѣ редакція и въ будущемъ въ подборѣ статей, долженствующихъ входить въ указанный выше составъ журнала.

Нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соотвѣтствующими рисунками.

Идя навстрѣчу духовной любознательности читателей, въ концѣ каждой книжки журнала будемъ помѣщать библиографію и указаніе вновь выходящихъ книгъ и статей религіозно-нравственнаго содержанія.

ВЪ ВИДѢ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ БУДУТЪ ДАНЫ:

1) Доселѣ хранившійся въ рукописи капитальный трудъ извѣстнаго канониста православной церкви. **Высокопреосвященнаго Алексія, Архіепископа Литовскаго:**

О православной церкви и ея управленіи.

Насущный современный интересъ этого вопроса и имя автора, бывшаго Профессора Московск. Дух. Академіи, въ 70-хъ годахъ прошл. столѣтія принимавшаго большое участіе въ духовно-судебной реформѣ, достаточно, думаемъ, говорятъ о высокой цѣнности этого приложенія.

2) Продолженіе даннаго въ 1912-мъ году сочиненія Аббата Гетте:

„Исторія іезуитскаго ордена“.

3) Сочиненіе извѣстнаго ученаго антидарвиниста, доктора зоологіи, **А. А. Тихомірова** подъ заглавіемъ

„Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ“.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 г. за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежем. дух. жур. „Душеполезное Чтеніе“—одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна за годовое изданіе журнала со всѣми его приложеніями 3 р. 50 к. безъ пересылки, 4 р. съ пересылкой. За границу—5 рублей.

Адресъ: *Москва*, редакція „Душеполезное Чтеніе“ при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ профессоръ Богословія въ Императорскомъ Лицеѣ въ память Цесаревича Николая, Протоіерей *Іоаннъ Соловьевъ*.

Издательница *Ольга Касицына*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

„ПОКЛОНЕНІЕ ПАСТЫРЕЙ“ (Рисунокъ)	
I. ЧЕЛОВѢЧЕСТВО ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ и Его значеніе въ нашей духовной жизни. Свящ. І. Артоболовскаго	459—463
II. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инокъ). А. І.	464—474
III. ЖИЗНЬ ПРЕСВЯТЫЯ И ПРЕБЛАГОСЛОВЕННЫЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРИИ. Душеспасительныя бесѣды. Василія, Епископа Можайскаго	475—487
IV. ПОЧЕМУ ДЛЯ ЧУДА НУЖНА ВѢРА, КОГДА, ПОВИДИМОМУ, ДОЛЖНО БЫТЬ НАОБОРОТЪ—ЧУДО ДОЛЖНО ВЫЗЫВАТЬ ВѢРУ? Д. Фаворскаго	487—501
V. РАЗМЫШЛЕНІЯ НАДЪ КНИГОЮ: „О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ“ ѲОМЫ КЕМПІЙСКАГО . Книга четвертая. Прот. Александра Смирнопуло, Настоятеля церкви при Императорской Миссіи въ Брюссель	502—518
VI. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОСОФІЯ И ЕЯ СЛАБЫЯ СТОРОНЫ. Р.	519—543
VII. МОЛИТВЕННОЕ ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО СЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКАГО ЗА ОТЕЧЕСТВО НАШЕ ВЪ 1912 г. Е. І.	544—546
VIII. ДУХЪ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Къ столѣтію со дня его кончины, 11 Ноября 1912 г. Прот. А. Бѣляева	547—553
IX. МЕСТЬ. (Рождественскій разсказъ). В. Кузнецовой	554—560
X. ПОКРОВСКІЙ (КНЯГИНИНЪ) ЖЕНСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ Г. КІЕВѢ. (Съ рисункомъ). Міряннина	561—568
XI. ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ СОБЫТІЙ 1812 Г. ПО РАЗУМУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (къ 25 декабря). Н. П. Николаина	569—582
XII. ЗАВѢТЫ ПРЕДКОВЪ. (Стихотвореніе). Г. А.	583—583
XIII. ЕЛКА. (Стихотвореніе). Бориса Свѣшникава	584—584
XIV. ЦѢНИ СВОЕ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго	585—585
XV. ВИБЛЮГРАФІЯ. Прот. І. Соловьева	586—595
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

При этомъ №-ѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается второе бесплатное приложение: „МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА“ (іюль—декабрь).

Отъ Московскаго Духовно - Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Декабря 4 дня 1912 г.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Соловьевъ*.